

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в декабре 2002 г.

№ 3 (40). Т. 1 • 2012

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 3 (40). Т. 1 • 2012 • ИЮНЬ. Выходит не менее четырех раз в год.

Решением президиума ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6 научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26579 от 20 декабря 2006 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Аветисян И.А., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Андронов В.П., д-р психол. наук, проф. (МордГУ им. Н.П. Огарева)
Аншелес В.Р., д-р техн. наук, проф. (СПБИБиП)
Васильцова В.М., д-р экон. наук, проф. (СПбГГУ)
Володина Н.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Гарбер Э.А., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (ЧГУ)
Грудева Е.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Грызлов В.С., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ЧГУ)
Денисова О.А., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
Доманский Ю.В., д-р филол. наук (ТьГУ)
Дороговцев А.П., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Егоров А.Н., д-р ист. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Ершов Е.В., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Игонин В.И., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Ильин В.А., д-р экон. наук, проф. (ВНКЦ ЦЭМИ РАН)
Кабаков З.К., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Калягин Ю.А., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Камкин А.В., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Карпов С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Коровушкин В.П., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Кузьминов А.Л., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Лаврова С.Ю., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Любов В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Маралов В.Г., д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ, зам. гл. редактора (ЧГУ)
Меркер Э.Э., д-р техн. наук, проф. (НИТУ «МИССИС»)
Милошевич З., д-р соц. наук (Институт международной политики и экономики, Белград)
Морозов А.Н., д-р экон. наук, проф. (ОАО «Системные технологии», Москва)
Осипов Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ВГТУ)
Петелин Б.В., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Плашенко В.В., д-р воен. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Рыбаков А.А., д-р искусствоведения, проф. (ЧГУ)
Сабуров Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Селин М.В., д-р экон. наук, проф. (ВГМХА)
Сергиевский Э.Д., д-р техн. наук, проф. (МЭИ)
Синицын Н.Н., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Ситаров В.А., д-р пед. наук, проф. (МГУ)
Славов В.И., д-р техн. наук (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского)
Солодянкина О.Ю., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Стенин В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Телин Н.В., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Цаплин А.И., д-р техн. наук, проф. (ПГТУ)
Цейтлин С.Н., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Черкасова М.А., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Чернов А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Черняк М.А., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Чиршева Г.Н., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Юдин Р.А., д-р техн. наук, проф., засл. изобретатель РФ (ЧГУ)
Яковлева Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР: Н.Г. МИХОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

Адрес редакции: 162600 г. Череповец, Советский пр., д. 8, к. 302, тел. 8 (8202) 51-72-40

© ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2012

ISSN 1994-0637

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Иванов К.В.</i> Алгоритмизация процесса создания КСЗИ согласно действующим нормативным и методическим документам	5
<i>Осипов С.Ю., Потанов Н.В., Осипов Ю.Р., Скоробогатова А.Ю.</i> Автоматическая корректировка тепловых режимов термообработки покрытий гуммированных объектов	10
<i>Шестаков Н.И., Антонова Ю.В., Лукин С.В., Комков А.А.</i> Математическое моделирование теплообмена при плазменной наплавке металла на поверхность роликов	14
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Молодов О.Б.</i> О запрете колокольного звона в Архангельской области в 1950 – 1980-е гг.	18
<i>Соколов Ю.А.</i> Слухи в деревне Европейского севера России в октябре 1917 – 1922 гг.: пропагандистские коннотации	21
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Воронцова Т.В., Сорокина И.В.</i> Применение инноваций в строительстве на основе совершенствования системы ценообразования	25
<i>Жаркая Г.Ф.</i> Рынок доступного жилья в Российской Федерации: состояние и направления регулирования	30
<i>Зайцев Ю.С.</i> Диверсификация деятельности предприятий ТЭК	31
<i>Летавин М.И.</i> К балансовому методу описания деятельности экономического субъекта	35
<i>Магзупова З.М.</i> К вопросу оценки производственных рисков на металлургических предприятиях	37
<i>Мальцева Е.С.</i> Региональный рынок труда и проблема маятниковой трудовой миграции	41
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Ананьина М.А.</i> Лингвистическая экспликация содержательного контраста и его стилистический потенциал в художественном тексте	45
<i>Ветров Ф.А.</i> Моногород VS инноград: полюса кризисного дискурса (по материалам журнала «Эксперт»)	47
<i>Григорьева Е.Ф.</i> Время в творчестве С.Т. Аксакова (к проблеме восприятия «Семейной хроники»)	51
<i>Ерохина Е.Г.</i> Функционирование имени собственного в историческом нарративе (на материале «Истории» Н.М. Карамзина и «Истории» М.М. Щербатова)	55
<i>Ершова Е.О.</i> Лексикографические работы Ф. Гелтергофа и Э. Вейсмана в распространении русского языка за пределами России	58
<i>Жиндеева Е.А.</i> Парадигматические отношения в современной литературе Мордовии	62
<i>Ивашиова Е.С.</i> Использование прецедентных антропонимов в медиа-текстах: гендерный аспект	65
<i>Калёнова Н.А.</i> Философские грани эпистолярной коммуникации: к лингвокогнитивному изучению частного письма	69
<i>Кулешиова Т.А.</i> Фразеологизмы английского языка, характеризующие профессии, склонности и привычки мужчин	73
<i>Мальшиева Е.В.</i> Функционально-семантическое представление кинестетического фрейма квеситивов	75
<i>Низовцева М.Б.</i> Гастрономия как сегмент предметного мира «Повестей Белкина» А.С. Пушкина	77
<i>Пермякова О.С.</i> Фитонимы среднего Поволжья во флористическом фрагменте языковой картины мира (на материале русского, марийского, английского и французского языков)	81
<i>Сидоренко К.П.</i> Полидискурсивность и интертекст («Волк на псарне» И.А. Крылова)	84
<i>Спиридонова И.А., Абрамова О.Г.</i> Метафора «Пожар сердца» в поэме В. Маяковского «Облако в штанах»	88
<i>Щипицина Л.Ю.</i> Гибридность как характерное свойство компьютерно-опосредованной коммуникации	91
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Аркадьева Т.Г., Федотова Н.С., Шарри Т.Г.</i> Роль метода проектов в социокультурной адаптации иностранных студентов	96
<i>Белецкая Е.А., Яковлева Л.В.</i> Воздействие народной художественной культуры на самосознание личности	101
<i>Иванова Л.Р.</i> Нравственные ценности подрастающего поколения и Мустай Карим	106
<i>Касторнова В.А.</i> Единое информационное образовательное пространство и его компоненты	109
<i>Макеева И.А.</i> Педагогические аспекты музейной деятельности: историко-теоретический анализ	113
<i>Подымова Л.С., Дьякова Л.А.</i> Воспитатель дошкольных образовательных учреждений в «Зеркале инноваций»	117
<i>Талых Т.Н.</i> Управление формированием нравственно-профессиональных ориентаций у будущих учителей	121
<i>Титяева Г.В.</i> Сетевое сообщество как средство совершенствования профессиональной компетентности будущих переводчиков	125
<i>Ушакова Ю.В., Рудакова И.А.</i> Технология e-learning как дидактическое средство развития иноязычной коммуникативной компетенции слушателей чешского языка	128
<i>Харисова Л.Ф.</i> Формирование патриотического сознания в школьной системе образования	132
<i>Шалкина А.Н.</i> Педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, в условиях центра ПМСС	135
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
<i>Жемойтель Я.Л.</i> К.М. Чорленис и русская иконопись	139
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Канаева Н.А.</i> Роль ценностных ориентаций в развитии профидентичности	142
<i>Маралов В.Г., Мальшиева Е.Ю., Нифонтова О.В., Перченко Е.Л., Табунов И.А.</i> Психологические особенности взаимосвязи сензитивности к угрозам и потребностей в безопасности у старших школьников и студентов	145
Сведения об авторах	151
Информация для авторов	156

CONTENTS

TECHNOLOGY	
<i>Ivanov K.V.</i> Algorithmization of the process of creating ISIS according to operating standard and methodical documents	5
<i>Osipov S.Y., Potapov N.V., Osipov Y.R., Skorobogatova A.Y.</i> Automatic correction of thermal modes of heat treatment of rubberized objects coats	10
<i>Shestakov N.I., Antonova Y.V., Lukin S.V., Komkov A.A.</i> Mathematical simulation of heat exchange in plasma surfacing of the metal on the surface of the rollers	14
HISTORY	
<i>Molodov O.B.</i> Peal prohibition in Arkhangelsk region in 1950 th –1980 th	18
<i>Sokolov Y.A.</i> Rumors in the village of the European north of Russia in October 1917 th – 1922 nd : propaganda connotation	21
ECONOMICS	
<i>Vorontsova T.V., Sorokina I.V.</i> Application of innovation in building on the basis of improvement of the system of pricing	25
<i>Zharkaya G.F.</i> Affordable housing market in the Russian Federation: conditions and direction of regulation	30
<i>Zaitsev Y.S.</i> Diversification of the enterprise activity at the Fuel&Energy Complex	31
<i>Letavin M.I.</i> Balance method of describing the activity of the economic subject	35
<i>Magrupova Z.M.</i> To the question of assessment of production risks at the metallurgical enterprises	37
<i>Maltseva E.S.</i> Regional labor market and the problem of labor migration	41
PHILOLOGY	
<i>Ananyina M.A.</i> Linguistic means of expression of content contrast and its stylistic potential in a literary text	45
<i>Vetrov F.A.</i> Monocity VS innograd: poles of crisis discourse (on the material of journal “Expert”)	47
<i>Grigorieva E.F.</i> Time in S.T. Aksakov’s creative works (concerning the perception of “The family chronicle”)	51
<i>Erokhina E.G.</i> Functioning of a proper noun in a historic narrative (based on the material of “History” by N. M. Karamzin and “History” by M.M. Scherbatov)	55
<i>Ershova E.O.</i> Lexicographical works of F. Hölterhof and E. Weissmann in widespreading of the Russian language outside Russia	58
<i>Zhindeeva E.A.</i> Paradigmatic relations in modern literature of Mordovia	62
<i>Ivashova E.S.</i> The use of precedent anthroponyms in media texts: gender aspect	65
<i>Kalyonova N.A.</i> Philosophical aspects of epistolary communication: to the cognitive study of private letters	69
<i>Kuleshova T.A.</i> English phraseological units characterizing men’s occupations, inclinations and habits	73
<i>Malysheva E.V.</i> Functional and semantic representation of kinesthetic frame of kvestive	75
<i>Nizovtseva M.B.</i> Gastronomy as the segment of the object world of «Belkin’s stories» by A.S. Pushkin	77
<i>Permyakova O.S.</i> Phytonyms of the central Volga region in the floristic fragment of the linguistic picture of the world (on the material of Russian, Mari, English and French)	81
<i>Sidorenko K.P.</i> Polydiscursiveness and intertext («The wolf in the kennels» by I.A. Krylov)	84
<i>Spiridonova I.A., Abramova O.G.</i> The metaphor “Heart’s on fire” in V. Mayakosvky’s poem “A cloud in trousers”	88
<i>Schipitsina L.Y.</i> Hybridity as a characteristic of the computer-mediated communication	91
PEDAGOGY	
<i>Arkadieva T.G., Fedotova N.S., Sharri T.G.</i> The role of the method of projects in social and cultural adaptation of foreign students	96
<i>Beletskaya E.A., Yakovleva L.V.</i> Influence of folk art culture on self-consciousness of a person	101
<i>Ivanova L.R.</i> Moral values of young generation and Mustay Karim	106
<i>Kastornova V.A.</i> Common educational i-space (informational space) and its constituent parts	109
<i>Makeeva I.A.</i> Pedagogical aspects of museum activity: the historical-theoretical analysis	113
<i>Podymova L.S., Dyakova L.A.</i> The teacher of pre-school educational institutions in «The mirror of innovations»	117
<i>Talykh T.N.</i> Management of formation of moral and professional orientations of future teachers	121
<i>Tityaeva G.V.</i> Online community as means of improving professional competence of future interpreters	125
<i>Ushakova Y.V., Rudakova I.A.</i> Technology of e-learning as a didactic means of development of foreign communicative competence of the students studying the Czech language	128
<i>Kharisova L.F.</i> Formation of patriotic consciousness in school educational system	132
<i>Shalkina A.N.</i> Educational support of families with children with limited possibilities of health in the center of PMSS	135
ART	
<i>Zhemoitel Y.L. M.K.</i> Chiurlionis and Russian icon painting	139
PSYCHOLOGY	
<i>Kanaeva N.A.</i> The role of value orientations in development of professional identity	142
<i>Maralov V.G., Malysheva E.Y., Nifontova O.V., Perchenko E.L., Tabunov I.A.</i> Psychological characteristics of relationship of sensitivity to threats and need for safety of senior pupil and students	145
Information about the authors	151
For the authors’ attention	156

УДК 004.056.5

К.В. Иванов

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент А.Н. Зуев

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ КСЗИ СОГЛАСНО ДЕЙСТВУЮЩИМ НОРМАТИВНЫМ И МЕТОДИЧЕСКИМ ДОКУМЕНТАМ

В статье рассматриваются вопросы структурирования и алгоритмизации процесса создания комплексной системы защиты информации (КСЗИ). На основе проведенного анализа действующих методических и нормативных документов Российской Федерации построен полный алгоритм процесса разработки и реализации КСЗИ с четко сформированными причинно-следственными связями. Создание системы защиты информации по представленному алгоритму позволяет достичь необходимого уровня безопасности с минимальными ресурсозатратами в условиях отсутствия персонала высокой квалификации.

Информационная безопасность, комплексная система защиты информации, защита персональных данных, защита информации, информационные технологии.

The article considers the question of structuring and algorithmic process of creating the integrated system of information security (ISIS). Based on the analysis of the existing methodical and normative documents of the Russian Federation, the author constructed a complete algorithm of the process of development and implementation of the ISIS with well-formed causal relations. Creating a system of information security on the presented algorithm allows to reach the required level of security with minimal resource consumption in the absence of highly qualified personnel.

Information security, integrated system of information security, personal data protection, information security, information technology.

Усиление законодательного регулирования сферы защиты информации и, в частности, персональных данных, выявило ряд проблем при построении комплексных систем в действующих организациях, отвечающих нормативным документам РФ, отраслевым стандартам по безопасности информации и требованиям бизнеса. С одной стороны, проблема заключается в том, что комплексная система защиты информации (КСЗИ) как объект проектирования представляет собой сложную систему, включающую в себя составляющие: организационную (административную), инженерно-техническую (физическую), программно-аппаратную, контролируемую.

С другой стороны, как показывает опыт, в большинстве организаций отсутствуют специалисты с должным уровнем квалификации, способные уверенно ориентироваться в действующем нормативном поле. Ситуация усугубляется тем, что процесс создания КСЗИ является сложной и нетривиальной задачей, которая описывается целым рядом методических и нормативных документов, как отечественного, так международного уровня. Причем используемые в них подходы имеют общие черты, но различную структуру.

Одни решения указанной проблемы [6] не учитывают основные тенденции настоящего времени, которые заставляют специалистов данной сферы работать в рамках следующих противоречий:

1. Ярko выраженная направленность на перечень обязательных мероприятий, утвержденных различными государственными структурами, но при этом

постоянно меняющееся нормативное поле, которое варьирует требования к бизнесу.

2. Жесткая позиция регуляторов области защиты информации в РФ, но при этом рекомендательная направленность международных конвенций, в соответствие к которым приводится нормативная документация РФ в настоящий момент.

3. Исключительная рекомендательность государственных стандартов и увеличивающаяся роль международной стандартизации сферы ИБ в рамках процесса глобализации информационного пространства.

4. Необходимость нормативного обоснования каждого элемента КСЗИ и противоречивость действующего законодательства, которая способствует неоднозначности трактовки рекомендаций и требований нормативного поля.

Другие подходы [7] с научной точки зрения описывают процесс создания КСЗИ, но, как показывает опыт, при выполнении работ по защите информации обоснованно опираться на такого рода источники невозможно из-за завуалированности в них связей с нормативной документацией.

Следовательно, целесообразно построение унифицированного алгоритма создания КСЗИ, позволяющего разрабатывать частные системы защиты информации в действующих организациях с учетом особенностей и противоречий, указанных ранее.

В основу анализа были взяты основные, регулирующие данную сферу на настоящий момент, нормативные и методические документы, освещающие требования законодательства, рекомендации госу-

дарственных стандартов РФ и международных стандартов. Результаты показали, что весь процесс создания КСЗИ условно можно разбить на 5 этапов, включающих 18 шагов, которые представлены на рис. 1.

Этап 1

Первый шаг представленного алгоритма является наименее формализованным, но чрезвычайно важным, так как именно при инициировании работ выявляется стратегический замысел, оговариваются цели и выявляются существующие ресурсы организации, которые определяют дальнейший выбор по глубине проработки модели угроз, по приемлемым уровням остаточных рисков, по сложности и составу КСЗИ. На данном шаге [2], [3] осуществляется выбор целей и ресурсов, т.е. обозначение приоритетов руководства, описание коммерческих намерений, вы-

явление требований законодательства (регламентов, потребителей и других заинтересованных сторон). При этом немаловажно учитывать то, что инициатива должна исходить от руководства организации [5]. Если любые, даже самые благие, начинания будут находить противодействие со стороны организации, то процесс создания КСЗИ сильно замедлится либо вообще будет невозможен.

Шаг второй [3] позволяет сформировать модель угроз верхнего уровня [4], которая, в свою очередь, направлена на снижение затрат ресурсов в рамках процесса построения детализированной модели угроз. Наиболее объективные результаты можно получить только путем привлечения к данному процессу внутренних и сторонних (внешних) аудиторов. Последовательность аудита [3] представлена на рис. 2.

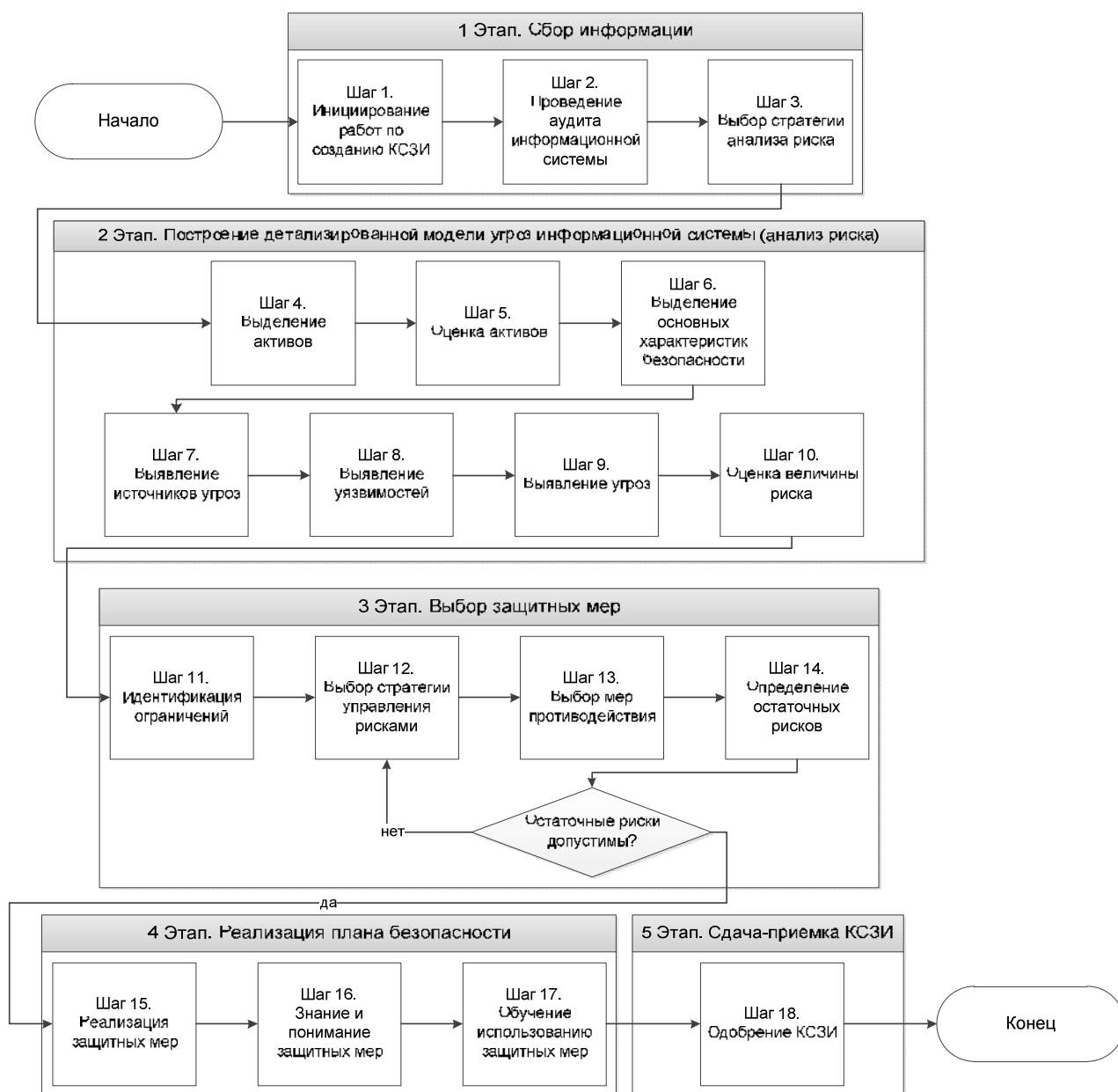

Рис. 1. Алгоритм создания КСЗИ

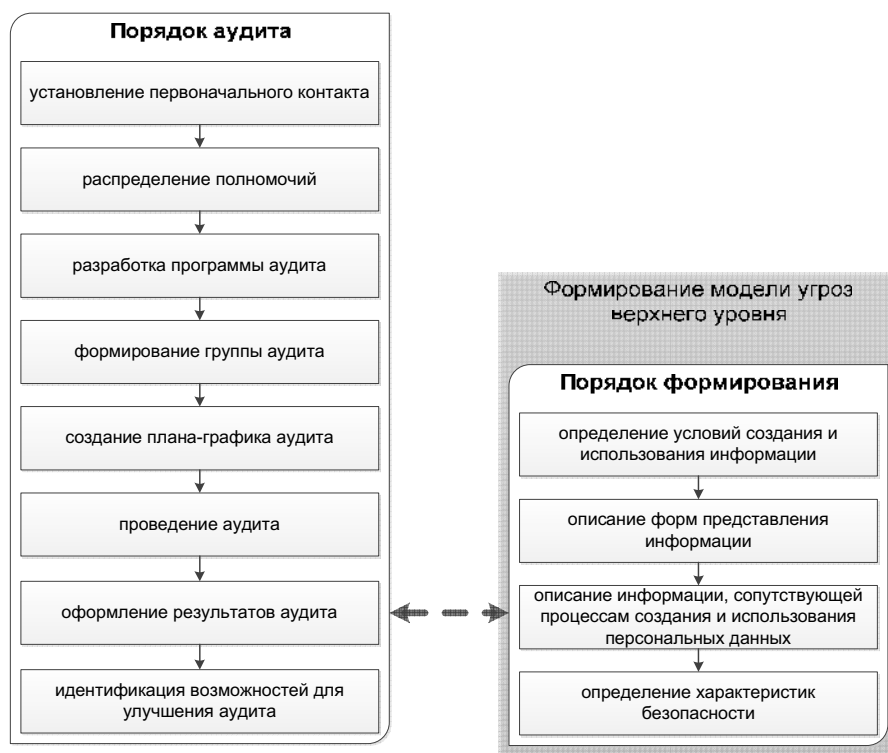

Рис. 2. Процесс проведения внутренней проверки

В рамках данного процесса анализируются различные источники аудита [3], такие как: опросы работников, результаты наблюдения за деятельностью, документы, информационные системы и т.д. При этом учитывается компетентность группы по аудиту, необходимая для достижения поставленных целей, для которой определяющим фактором [3] является опыт аудиторов и области знаний, в которых они являются специалистами.

При выборе стратегии анализа риска (шаг 3) необходимо обратить внимание на то, что она повлияет не только на оптимизацию затрат ресурсов на проектирование и оценку полноты КСЗИ, но и приведет процесс идентификации и оценки угроз в соответствие с целями и ожиданиями руководства организации.

Этап 2

Выделение активов позволяет установить границы рассмотрения модели угроз [4], причем организация может обладать следующими активами [1], [4], [13]:

- материальными (вычислительные средства, средства связи, здания и т.д.);
- информационными (документы, базы данных, персональные данные и т.д.);
- программным обеспечением (прикладные программы, системное программное обеспечение);
- способность производить продукт или предоставлять услугу;
- люди (персонал организации, клиенты организации, субподрядчики и т.д.);
- нематериальные ресурсы (престиж фирмы, репутация);

- продукция организации;
- фонды (финансы);
- средства защиты информации (документы о средствах безопасности, программно-аппаратные средства ИБ, инженерно-технические средства ИБ).

Ценность актива определяется его важностью для деловой деятельности организации, при этом уровень оценки деловой деятельности может исходить из соображений обеспечения безопасности [4]. В общем случае [4], [9], [12] ценность актива определяют: его уровень значимости, стоимость, категория и возможные последствия его потери для организации.

Для определения направленности процесса анализа и управления рисками необходимо выделение характеристик безопасности выделенных активов. На данном шаге специалисту важно найти баланс, так как при необоснованном игнорировании важных характеристик КСЗИ будет уязвимой, а при избыточном перечне реализация КСЗИ будет излишне сложной и затратной. Также важно учитывать сферу деятельности организации, так как из-за специфики некоторых отраслей определяющую роль в них играют именно второстепенные характеристики безопасности информации.

На следующем шаге проводится выделение источников угроз как совокупности условий и факторов, создающих опасность выделенным активам по отмеченным характеристикам безопасности. Источники могут иметь различную природу [1], [2], [4], [11] и их порядок описания можно представить следующей схемой (рис. 3).

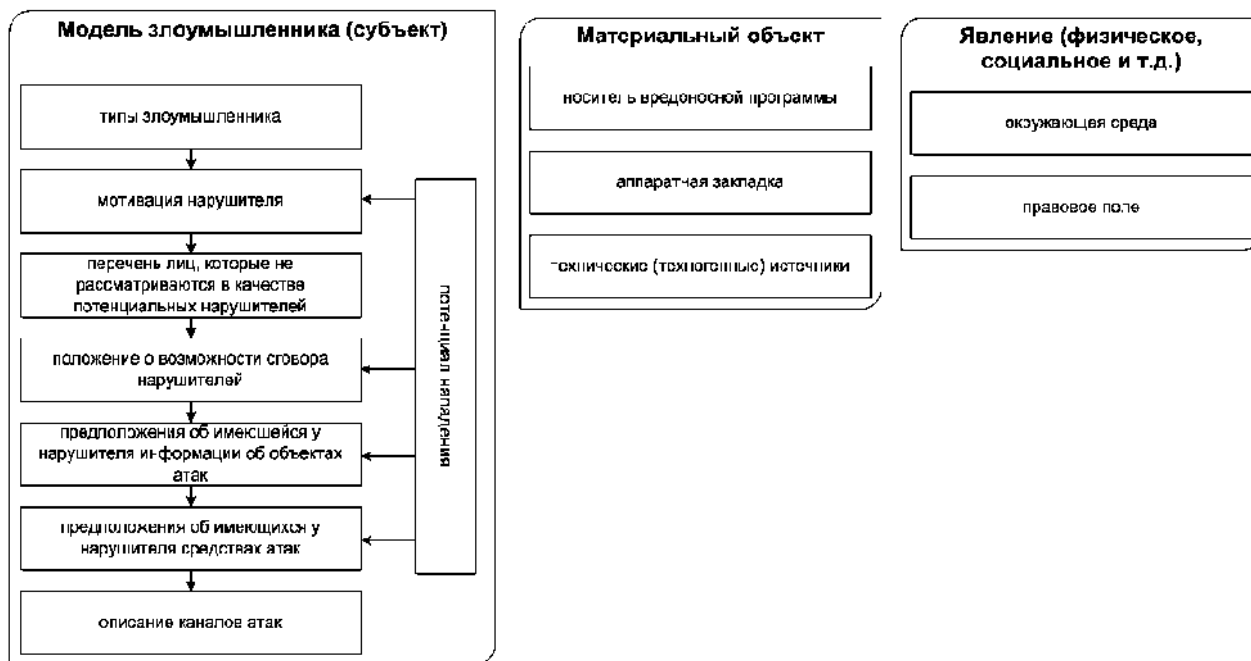

Рис. 3. Источники угроз информации

В условиях отсутствия защитных мер реализация угрозы возможна только для выделенного актива, по отношению к обозначенному источнику угроз есть определенная уязвимость [4]. В процессе идентификации уязвимостей производится оценка вероятного уровня слабости, т.е. легкости реализации угрозы. При этом принято выделять определенные зоны уязвимостей [4], либо общие уязвимые места [5].

Выявление угроз является наиболее сложным шагом. Наличие огромного количества способов и видов классификаций угроз [1], [4], [8] еще более осложняет ситуацию.

После выявления рисков необходимо проведение их оценки (шаг 10). Метод оценки должен быть повторяемым и прослеживаемым [4], причем особо отмечается необходимость его научной обоснованности и соответствия сложности и природе исследуемой системы. Данный процесс [4], [5], [8] можно отобразить следующим образом (рис. 4).

После выявления наиболее опасных и наиболее вероятных рисков (перечня актуальных угроз) построение детализированной модели угроз заканчивается, а специалист переходит к выбору защитных мер.

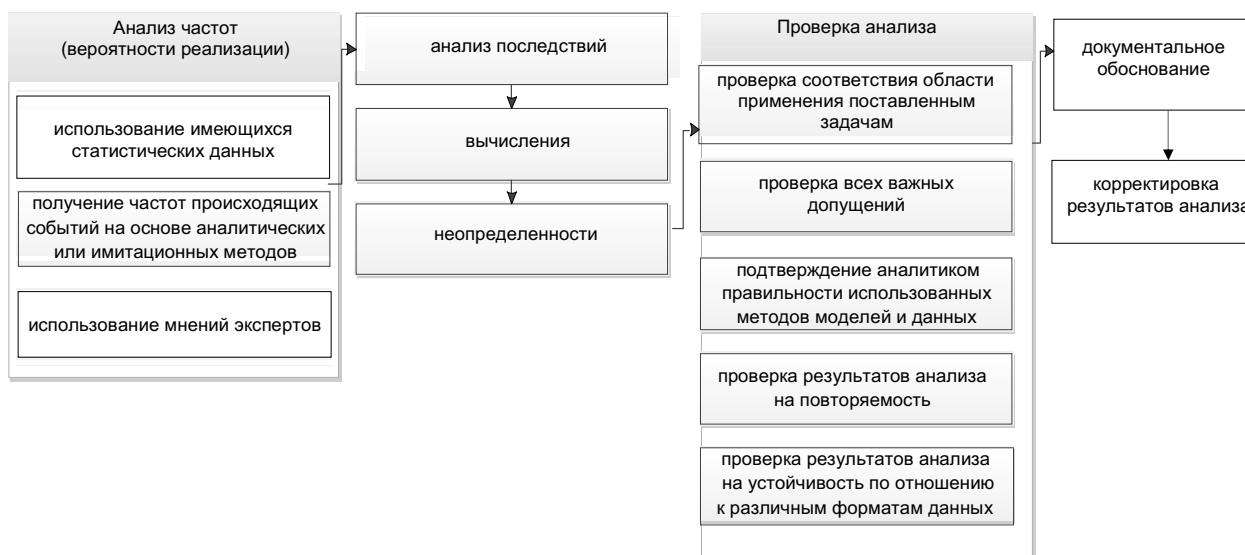

Рис. 4. Процесс оценки величины риска

Этап 3

Ограничения, накладываемые на проектируемую КСЗИ, должны быть точно обозначены еще до проведения выбора стратегии управления рисками [4]. Выделяют виды ограничений: организационные, коммерческие, финансовые, по окружающей среде, по персоналу, временные, правовые, технические, социальные и т.д. Их определение, степень значимости проводится специалистом совместно с руководством организации, после чего выбирается непосредственно сама стратегия. Она может относиться к следующим видам [4]: избежание риска, принятие мер (снижение риска), распределение риска, принятие риска.

Каждый отдельный подход может применяться как к отдельному риску (угрозе), так и к выделенному активу или целой информационной системе. Процесс выбора стратегии может повторяться до тех пор, пока уровень остаточных рисков (шаг 14) не достигнет приемлемого уровня.

На следующем шаге проводится процесс выбора мер противодействия, который является крайне трудоемким и сложным и имеет сильные зависимости не только от реализованного дерева угроз, но и от стратегий, выбранных на шаге 3 и шаге 12. В общем случае [4], [10] возможные меры подразделяются на: организационные, технические (программно-аппаратные), инженерные (физические), по требованиям доверия к безопасности, по функциональным требованиям. По отношению к ним может применяться как простой (выбор защитных мер согласно типу информационной системы), так и усовершенствованный или комбинированный подходы.

Далее определяются действия и мероприятия по мониторингу, которые следует предпринимать для осуществления менеджмента остаточных рисков, и обозначается ответственность за все действия. Остаточные риски оцениваются как приемлемые или неприемлемые [4].

Этап 4

Реализация разработанного на предыдущих этапах плана безопасности (шаг 15) начинается с развертывания защитных мер [4]. На данном шаге создается новое техническое задание, оговаривающее все подробности процесса тестирования и внедрения средств защиты информации.

Чрезвычайно важен шаг 16 для получения максимальной отдачи от созданной КСЗИ. Сюда следует включить тренинги, семинары, агитационные материалы, которые должны не навязывать систему безопасности, а дать понять персоналу, насколько это важно для успешного функционирования организации.

Обучение использованию защитных мер необходимо проводить как в групповом, так и в индивидуальном порядке [4]. При этом важно учитывать факторы: профессиональный язык пользователей, их квалификацию, уровень полномочий, загруженность.

Этап 5

На завершающем этапе процесса построения КСЗИ проводится оценка соответствия системы безопасности предъявляемым требованиям [4] на

законодательном, нормативном, документарном (внутренние документы организации), техническом и отраслевом уровнях. Сюда относится и аттестация рабочих мест в рамках тех информационных систем, для которых данная операция является обязательной.

При проектировании системы защиты информации специалист постоянно находится перед выбором, когда решения принимаются в крайне противоречивых условиях. Становление нормативного поля требует своевременной реакции на происходящие изменения, поэтому специалист должен обозначить границы, в рамках которых возможны колебания обязательных требований. Для каждой разворачиваемой системы необходимо предусмотреть возможность ее масштабирования и модернизации.

Разработанный унифицированный алгоритм позволяет обоснованно решить указанные проблемы. Структура алгоритма обеспечивает его применение для различного рода организаций, в том числе и в условиях отсутствия высококвалифицированного персонала по защите информации.

Разработка частного процесса создания КСЗИ, уникального для каждой организации, на основе представленного алгоритма позволяет достичь необходимого уровня безопасности с минимальными ресурсозатратами с учетом противоречий действующей нормативной документации, сохраняя такие основные положения, как:

- научность и нормативная обоснованность процесса;
- повторяемость процесса;
- получение результатов работы процесса в необходимой форме;
- гибкость процесса по отношению к сложности природы поставленной задачи;
- контролируемость и прослеживаемость процесса на всех этапах его жизненного цикла;
- типизация процесса;
- открытые возможности для оптимизации.

Данные показатели являются чрезвычайно важными для поддержания эффективности КСЗИ на необходимом уровне и открывают перспективы для дальнейшего повышения безопасности информационного пространства организации.

Литература

1. Базовая модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных (утверждена директором ФСТЭК от 15.02.2008).
2. ГОСТ Р 51901.1-2002 Менеджмент риска. Анализ риска технологических систем.
3. ГОСТ Р ИСО 19011-2003 Руководящие указания по аудиту систем менеджмента качества и/или систем экологического менеджмента. Национальный стандарт РФ.
4. ГОСТ Р ИСО/МЭК 13335 Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности (ч. 1, 3 – 5).
5. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17799-2005 Информационная технология. Практические правила управления информационной безопасностью.
6. Гришина, Н.В. Организация комплексной системы защиты информации / Н.В. Гришина. – М., 2007.

7. *Домарев, В.В.* Безопасность информационных технологий. Методология создания систем защиты / В.В. Домарев. – Киев, 2002.

8. Методика определения актуальных угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных (утверждена директором ФСТЭК от 15.02.2008).

9. Приказ 13.02.2008 №55/86/20 «Об утверждении Порядка проведения классификации информационных систем персональных данных».

10. Приказ директора ФСТЭК от 05.02.2010 №58 «Об утверждении положения о методах и способах защиты информации в информационных системах персональных данных».

11. РД ИСО/МЭК 15408-2002-1 Безопасность информационных технологий. Критерии оценки безопасности информационных технологий. – Ч. 1 – 3.

12. РД ФСТЭК от 30.03.1992 Автоматизированные системы. Защита от несанкционированного доступа к информации. Классификация автоматизированных систем и требования по защите информации.

13. Федеральный закон РФ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

14. Федеральный закон РФ от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

УДК 66.021.4:678.074

С.Ю. Осипов, Н.В. Потанов, Ю.Р. Осипов, А.Ю. Скоробогатова

АВТОМАТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТИРОВКА ТЕПЛОВЫХ РЕЖИМОВ ТЕРМООБРАБОТКИ ПОКРЫТИЙ ГУММИРОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье приведен анализ методов построения устройств управления тепловым процессом при вулканизации изделий. Описывается адаптивная дискретная система автоматического управления тепловым процессом при вулканизации гуммировочных покрытий.

Термообработка, вулканизация, гуммировочное покрытие, оптимизация.

The article contains the analysis of methods of constructing control devices of the heat process when vulcanizing items. An adaptive discrete system of automatic control of heat process when vulcanizing rubberized coats is described in the article.

Heat treatment, vulcanization, rubberized coat, optimization.

Вулканизация гуммировочных покрытий является одним из наиболее сложных тепловых процессов, протекающим при изменяющихся во времени (нестационарных) тепловых потоках и теплообмене между теплоносителем и нагреваемым изделием. Температура в процессе вулканизации меняется и зависит от толщины и геометрии гуммированного изделия, что связано с низкой температуропроводностью резин. Кроме того, при вулканизации изменяются параметры изделия и характеристики теплообмена. Одним из основных направлений повышения эффективности теплового процесса вулканизации гуммировочных покрытий является его оптимизация и автоматическая корректировка режимов термообработки, осуществляемая с учетом фактически реализуемых температурных условий. На практике возможности оптимизации и интенсификации процесса вулканизации ограничиваются нестабильностью параметров теплоносителей на оборудовании, что приводит к необходимости удлинения режимов, ориентированных на нижние уровни колебаний температур теплоносителей. Существенно стабилизировать эти температуры не представляется возможным из-за наличия большого числа технологических и конструктивных факторов, влияющих на характер теплового процесса. Дальнейшее повышение качества и сокращение цикла вулканизации возможно лишь при организации автоматического управления режимами термо-

обработки гуммированных изделий на базе математического моделирования процесса по его контролируемым параметрам, обеспечивающим заданный тепловой режим и желаемый характер технологического процесса. Это позволит повысить среднюю производительность работы оборудования при одновременном улучшении однородности и качества гуммировочных покрытий. В настоящее время актуальны исследования, направленные на оптимизацию и повышение эффективности процесса тепловой вулканизации путем автоматической корректировки тепловых режимов на базе математического моделирования процесса теплообмена [3], [4].

Приведем обзор методов и устройств для оптимизации и прогнозирования режимов работы объектов с распределенными параметрами (ОРП). Основной особенностью объектов с распределенными параметрами является то, что они имеют пространственную протяженность и их состояние характеризуется одной или несколькими величинами, зависящими не только от времени, но и от точки области физического пространства, в которой формируются свойства ОРП. При управлении такими ОРП возникает задача создания оптимальных управляющих систем [1]. Оптимизация тепловых режимов работы вулканизационного оборудования заключается в том, что необходимо выбрать такие уровни температур теплоносителей и их изменение во времени, при которых, не превышая в

слоях изделия предельно допустимых температур, при заданной продолжительности процесса можно получить минимальное различие в формируемых свойствах изделия по толщине.

Нестационарные условия теплообмена, возникающие при вулканизации гуммировочных покрытий, зависят от целого ряда факторов, в том числе от нестационарного распределения поля температур в вулканизуемом изделии, скорость прогрева которого ограничена его тепловыми свойствами, обусловленными составом, конфигурацией и размерами изделия. Кроме того, неодинаковы по контуру изделия и переменны во времени параметры теплоносителей (температура, давление). Однако при вулканизации необходимо обеспечить в минимально короткие сроки такое распределение и изменение температур во времени, при котором для заданной конструкции гуммированного изделия, применяемых материалов и рецептур резин, получается наилучшее сочетание комплекса основных свойств готового изделия.

Задача оптимизации и интенсификации технологических режимов при производстве гуммированных изделий должна решаться за счет автоматизации управления процессом тепловой вулканизации. Управление должно осуществляться путем регулирования технологических параметров, определения по этим параметрам при помощи средств вычислительной техники комплекса свойств, фактически сформированных в контролируемом изделии, и проведения процесса регулирования в соответствии с заданными оптимальными уровнями свойств.

Как известно, процесс изменения температурных полей в вулканизуемом изделии описывается уравнением нестационарной теплопроводности типа Фурье, а оценка степени вулканизации интегральным нелинейным уравнением Аррениусовского типа. Следовательно, данный процесс как объект управления принадлежит к ОРП, описываемым нелинейными дифференциальными уравнениями в частных производных параболического типа. Так как аналитического решения таких уравнений для многослойных объектов сложной формы не существует, задачу оптимального управления процессом вулканизации и прогнозирования тепловых режимов необходимо решать на базе математического моделирования по фактически измеренным параметрам теплоносителей на оборудовании.

В связи с этим рассмотрим градиентный метод оптимального управления ОРП, а также методы и устройства адаптивного управления ОРП на базе алгоритмов условного прогнозирования процесса. На основании анализа устройств для корректировки режимов и управления тепловым процессом при вулканизации изделий выявлено, что существенным моментом, влияющим на корректность работы всей системы управления, является выбор контрольного показателя физико-механических свойств резиновой смеси, по которому осуществляется управление режимом вулканизации [1], [5].

Для этого была определена кинетика неизотермической вулканизации эбонитов 1752 и 1814 и резиновой смеси 2566 по показателям прочности при рас-

слаивании слоев покрытий, прочности связи с металлом при отрыве, сопротивлению сдвигу обкладок, а также по содержанию свободной серы. По всем показателям кинетику определяли через 5 °С в интервале температур от 140 до 155 °С. Полученные данные были обработаны статистическими методами. Величины показателей выражены в относительных единицах

$$\theta_s = \frac{S - S_a}{S_\infty - S_a},$$

где S – текущее, S_a – минимальное, S_x – максимальное значение показателя. Процесс вулканизации гуммировочных покрытий лимитировался кинетикой вулканизации резиновой смеси в наименее прогреваемой зоне – между стальной подложкой и слоем полимера. Температурные поля во внутренних слоях изделия находились экспериментально. Для этого в изделие между слоями при сборке были вмонтированы термопары.

На рис. 1 (а, б, в) изображен характер формирования показателей прочности при расслаивании, отрыве, сопротивления сдвигу (кривые 1 – 3) и содержание свободной серы (кривая 5) в неизотермических условиях для резиновых смесей 1752, 1814 и 2566. Здесь же приведены данные расчета эквивалентного времени (кривая 4). Для удобства сравнения кинетических кривых показатель эквивалентного времени выражен также, как и остальные, – в относительных единицах. Экстремумы кинетических кривых неизотермической вулканизации по каждому показателю достигаются в разные моменты времени. Однако в последнюю очередь своего максимального значения достигал показатель сопротивления сдвигу. Эта закономерность наблюдалась для всех резиновых смесей. Для эбонитов 1752 и 1814 продолжительность индукционного периода процесса вулканизации больше, чем для резины 2566, а скорость роста кинетики вулканизации меньше.

Из проведенных исследований ясно, что показатели степени вулканизации, в том числе и эквивалентное время, формируются различным образом. При этом справедливо следующее правило выбора кинетических кривых для контроля степени вулканизации резин при автоматической корректировке тепловых режимов: для участка изделия, на котором имеется опасность перевулканизации, из комплекса свойств выбираются наиболее быстро достигающие оптимальных значений и недолгительно сохраняющиеся в оптимуме, а для участка изделия, нагревающегося медленно, который может оказаться недовулканизованным, – наименее быстро достигающие оптимума вулканизации [2], [3], [4].

В связи с этим можно сделать вывод о том, что для рассмотренных объектов на основе анализа кинетики неизотермической вулканизации для наименее прогреваемых участков лимитирующим продолжительность процесса свойством является показатель сопротивления сдвигу. По этому показателю должно быть уточнено эталонное значение эквивалентного времени при осуществлении автоматической коррек-

тировки режимов вулканизации гуммировочных покрытий. Кроме того, из приведенных данных следует, что точность работы системы автоматической корректировки процесса должна возрастать при вулканизации марок резин, у которых продолжительность индукционного периода меньше, а скорость роста кинетики вулканизации больше.

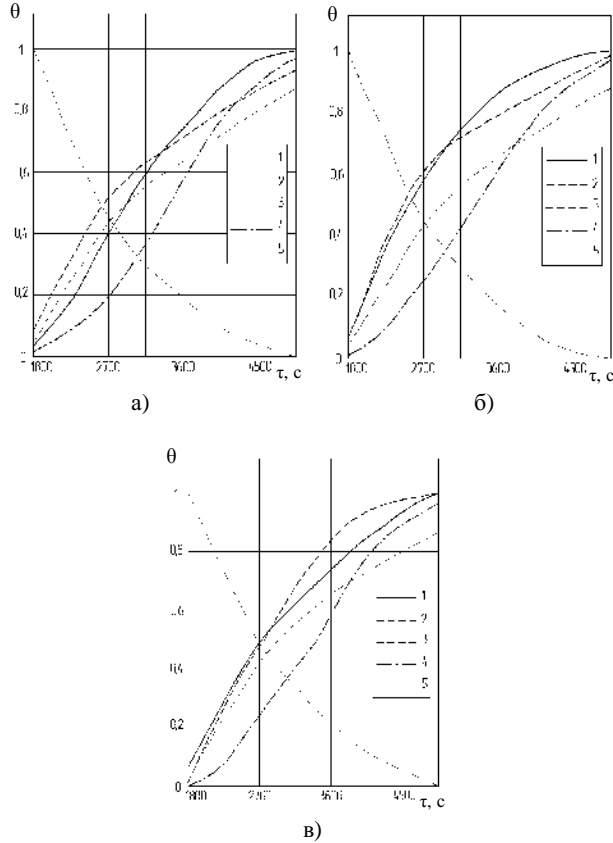

Рис. 1. Кинетика неизотермической вулканизации эбонитов 1814 (а), 1752 (б) и резины 2566 (в) по различным относительным показателям: 1 – прочности связи при расслаивании, 2 – прочности связи с металлом при отрыве, 3 – сопротивлению сдвигу, 4 – эквивалентному времени, 5 – содержание серы

Автоматическая корректировка наиболее выгодна при вулканизации гуммированных изделий в условиях индивидуального способа производства в отдельных вулканизационных котлах, прессах, где время процесса может изменяться в зависимости от результатов сравнения вычисленных и эталонных показателей процесса. Автоматическое управление параметрами регуляторов характерно для поточных линий, где время процесса фиксировано. Сравнительная оценка известных методов и устройств управления режимами работы нестационарных ОРП, а также методов и устройств для оптимизации, контроля параметров, корректировки режимов и управлении процессом вулканизации изделий показывает, что задачу синтеза адаптивных дискретных устройств управления режимами работы ОРП целесообразно решать на основе методов динамической оптимизации, условного прогнозирования и математического моделирования процессов в реальном и ускоренном масштабах времени [2].

На основе теории линейных непрерывных систем выполним синтез адаптивной дискретной системы автоматического управления. Оптимизация параметров осуществлена на основе критерия максимальной степени устойчивости. Тепловой процесс вулканизации для одномерного случая описывается уравнением теплопроводности типа Фурье

$$c\rho \frac{\partial T}{\partial \tau} = \frac{\partial}{\partial x} \left(\lambda \frac{\partial T}{\partial x} \right), \quad (1)$$

где c – удельная теплоемкость, ρ – удельная плотность, λ – коэффициент теплопроводности, T – текущая температура изделия, τ – текущее время, x' – координата.

Задачу синтеза системы управления рассмотрим на примере нагреваемого гуммированного изделия в виде бесконечной пластины толщиной l . Такой объект имеет передаточную функцию

$$W(s) = \frac{K_0(x')}{1 + \sqrt{sT}}, \quad (2)$$

то есть описывается полуинерционным звеном или звеном с иррациональной передаточной функцией ($K_0(x')$ – коэффициент усиления объекта, s – оператор Лапласа).

Перепишем уравнение (1) в безразмерном виде

$$\frac{\partial \theta}{\partial F_0} = \frac{\partial^2 \theta}{\partial x^2}, \quad (3)$$

где F_0 – безразмерное время (критерий Фурье), x – безразмерная толщина. При этом начальные и граничные условия имеют вид:

$$\theta(x, 0) = -v, \quad (4)$$

$$\frac{\partial \theta(1, F_0)}{\partial x} = Bi[\varphi_1(F_0) - \theta(1, F_0)], \quad (5)$$

$$\frac{\partial \theta(0, F_0)}{\partial x} = Bi[\varphi(F_0) - \theta(0, F_0)], \quad (6)$$

то есть, если обе границы пластины $x = 0$ и $x = l$ соединены с некоторыми источниками тепла (Bi – критерий Био, $\theta(x, F_0)$ – безразмерная температура, v – критерий начального условия, $\varphi(F_0)$ – безразмерная температура границы (управление)), то имеют место граничные условия

$$\theta(+0, F_0) = \varphi_0(F_0), \theta(1-0, F_0) = \varphi_1(F_0), \quad (7)$$

В пространстве изображений решение при $\varphi_0(s) = \frac{1}{s}$ имеет вид:

$$\theta(x, s) = \left[s(1 + x\sqrt{s}) \right]^{-1}, \quad (8)$$

то есть, при $x = \sqrt{F_0}$ совпадает с уравнением (2),

принятым для анализа динамики объекта с распределенными параметрами. Такое упрощение лишь приближенно может отражать динамику объектов, описываемых уравнениями типа Фурье, поэтому рассмотрим случай, когда длина пластины конечна, а заданное распределение температуры в системе поддерживается, например, ПИ-регулятором.

Аналогично адаптивному алгоритму для управления нестационарными объектами с сосредоточенными параметрами и с переменными динамическими и статическими характеристиками, основанному на оценке некоторых характеристик импульсной передаточной функции объекта, в результате идентификации были найдены кусочно-постоянные коэффициенты ПИ-регулятора $K_{П.ад.}(x, F_0), K_{И.ад.}(x, F_0)$. Если регулировать температуру в объекте при постоянных его параметрах из условия равенства температуры $\theta_n(F_0)$ в наименее прогреваемой точке объекта заданной температуре в этой точке $\theta_n(F_0) = \theta_s(F_0)$, то необходимо производить подстройку параметров регулятора, так как при изменении граничных условий ($\varphi(F_0) = \text{var}$) наименее прогреваемой точке соответствует иная координата X из контролируемой зоны объекта.

Для исследования характеристик теплового процесса вулканизации гуммированных изделий и определения аппроксимирующей передаточной функции объекта рассмотрен объект с передаточной функцией $W_{01}(s)$, состоящей из последовательно соединенных полунинерционного звена с передаточной функцией (2) и аperiodического звена с передаточной функцией

$$W_{01}(s) = \frac{K_0(x)e^{-x\sqrt{s}}}{b_0(x)s + 1} \quad (9)$$

и объект с передаточной функцией $W_{02}(s)$, состоящей из последовательно соединенных звеньев с чистым запаздыванием и аperiodического звена с той же передаточной функцией

$$W_{02}(s) = \frac{K_0(x)e^{-\tau^*(x,s)s}}{b_0(x)s + 1} \quad (10)$$

Условие равенства передаточных функций $W_{01}(s) = W_{02}(s)$ выполняется, если

$$\tau^*(x, s) = x / \sqrt{s} \quad (11)$$

Оригинал выражения (11) определяется формулой:

$$\tau^*(x, F_0) = x / \sqrt{\pi F_0} \quad (12)$$

Таким образом, величина чистого запаздывания в выражении (12) является переменной функцией времени F_0 и пространственной координаты x гуммированного изделия.

Для определения величины эквивалентного запаздывания $\tau^*(x)$ рассмотрим соответствующее переда-

точной функции (10) уравнение объекта

$$\sum_{i=1}^n b_i(x)\theta^{(i-1)}(x, F_0) + \theta^{(n)}(x, F_0) = K_0(x)\varphi_0 [F_0 - \tau^*(x, F_0)] \quad (13)$$

Из этого уравнения следует, что величина запаздывания определяется неравенством

$$F_0 \geq \tau^*(x, F_0) = x / \sqrt{\pi F_0} \quad (14)$$

В общем случае для гуммированных объектов, не имеющих аналитических решений уравнений вида (1), распределение температур по профилю изделия и кинетику процесса необходимо определять методом математического моделирования. В связи с этим исследовано влияние колебаний параметров граничных условий на время регулирования по координате узловой точки математической модели, лимитирующей продолжительность процесса. Методика исследования заключается в следующем:

1. Определяются кривые неизотермических температурных условий и кинетики процесса для различных тепловых режимов нагрева.
2. Для каждого режима определяется координата узловой точки математической модели, лимитирующей продолжительность процесса вулканизации гуммировочного покрытия.
3. Для каждого режима определяются возможные колебания показателя качества (степени вулканизации $S(\tau)$ изделия).
4. Определяются колебания времени вулканизации по показателю качества, лимитирующему продолжительность процесса.

Для объекта с передаточной функцией (10) и уравнением (13) синтезированы И-, ПИ- и ПИД-законы управления, а также определены параметры регуляторов, обеспечивающие максимальную степень устойчивости. Для каждого закона управления определен период дискретизации цифровой системы управления по заданной точности регулирования процесса вулканизации гуммированных изделий:

$$T_{кв}(x) \leq 0,05e / J(x) \text{ – для И-закона регулирования;} \quad (15)$$

$$T_{кв}(x) \leq 0,1 \left(\frac{e}{2}\right)^2 / J(x) \text{ – для ПИ-закона регулирования;} \quad (16)$$

$$T_{кв}(x) \leq 0,3 \left(\frac{e}{3}\right)^3 / J(x) \text{ – для ПИД-закона регулирования;} \quad (17)$$

где $J(x)$ – корень характеристического полинома. Выражения (15) – (17) лимитируют время выполнения программ в цифровых регуляторах и обеспечивают выбор $T_{кв}$, в течение которого переходные процессы, возникающие при прогнозировании будущего поведения системы, затухают.

Литература

1. Осипов, Ю.Р. Автоматизация процессов гуммирования / Ю.Р. Осипов, А.Н. Швецов. – Вологда, 1997.
 2. Осипов, Ю.Р. Автоматизация технологических процессов гуммировочных производств / Ю.Р. Осипов, С.Ю. Загребин. – М., 2004.
 3. Осипов, Ю.Р. К вопросу о расчете температурного поля гуммированных изделий / Ю.Р. Осипов, А.Н. Швецов, А.А. Аваев. – М., 1981.

4. Осипов, Ю.Р. Моделирование и оптимизация процесса вулканизации в АСУ ТП горячего крепления эластомерных покрытий / Ю.Р. Осипов, В.Г. Сулоев, П.В. Бутенин // Перспективы и опыт внедрения статистических методов в АСУ ТП: Материалы III Всесоюзной конференции. – Тула, 1987. – С. 119 – 120.
 5. Осипов, Ю.Р. Режимы вулканизации и прогнозирование свойств гуммировочных покрытий / Ю.Р. Осипов. – Вологда, 1992.

УДК 669.1

Н.И. Шестаков, Ю.В. Антонова, С.В. Лукин, А.А. Комков

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕПЛООБМЕНА ПРИ ПЛАЗМЕННОЙ НАПЛАВКЕ МЕТАЛЛА НА ПОВЕРХНОСТЬ РОЛИКОВ

На основе математического моделирования исследовано температурное поле ролика при плазменной наплавке материала на его поверхность.

Ролик, плазма, температура.

Based on mathematical simulation the temperature field of a roller in plasma surfacing of the material on its surface is studied in the paper.

Roller, plasma, temperature.

Технология плазменной наплавки находит все более широкое применение для восстановления изношенных деталей, а также при изготовлении новых. Свойства наплавленного слоя и основного металла зависят от глубины проплавления материала основы и физико-химических процессов, протекающих непосредственно в плакирующем металле. В процессе плазменной наплавки элементы основного металла переходят в наплаиваемый слой и, наоборот, при этом формируются новые фазы, отсутствующие в исходном материале.

В настоящей статье рассматривается процесс плазменной наплавки металла на цилиндрическую поверхность детали с отверстием (рис. 1). Ролик состоит из следующих основных элементов: бочки 1 (рабочей части ролика), шейки (цапфы) 2 и 3 и тrefы 4 (если ролик приводной). В ролике с внутренним охлаждением выполнено отверстие 5.

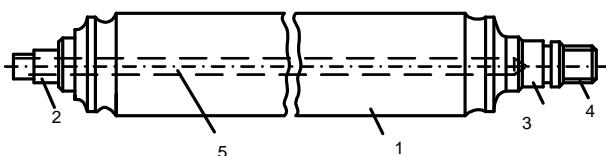

Рис. 1. Схема ролика

Ролик вращается с угловой скоростью ω . Плазмотрон совершает возвратно-поступательное движение в направлении оси ролика с частотой β . Столб

плазмы имеет диаметр 2γ . Торцевые поверхности детали контактируют с окружающим воздухом, и здесь осуществляется конвективно-радиационный теплообмен. Поскольку скорость вращения детали небольшая, то вынужденной конвекцией можно пренебречь. На внутренней поверхности ролика ввиду его низкой температуры влиянием лучистого теплообмена можно пренебречь. На внешней цилиндрической поверхности детали, за исключением пятна плазмы, имеет место конвективно-радиационный теплообмен. В области плазменного пятна могут быть заданы граничные условия второго рода (плотность теплового потока).

В лабораторной системе координат (неподвижной относительно вращающейся детали) теплообмен в основном и наплавленном слое опишется уравнением

$$c_i(T)\rho_i(T)\frac{\partial T}{\partial \tau} = \text{div}[\lambda_i(T)\text{grad}T],$$

$$i = 1, 2, \tau \geq 0 \tag{1}$$

где c – удельная массовая теплоемкость, ρ – плотность, λ – коэффициент теплопроводности; T – температура, τ – время. Здесь индекс 1 относится к основному металлу, а 2 – к наплавленному слою. Уравнение (1) записано для двух зон:

$$\left. \begin{matrix} R_0 < r_1' < R_1 \\ R_1 < r_2' < R_2 \end{matrix} \right\} 0 \leq \varphi' \leq 2\pi; \quad 0 \leq z' \leq 2L, \tag{2}$$

где r_1', φ', z' – текущие координаты, $2L$ – длина детали.

Поскольку $(R_2 - R_1) \ll R_1$, изменением размеров детали в процессе наплавки в первом приближении можно пренебречь. В этом случае радиус детали в процессе наплавки не меняется и остается равным R_2 . Однако свойства слоя 2 в момент соприкосновения столба плазмы с цилиндрической поверхностью детали меняются скачкообразно (основной металл превращается в наплавленный). Введенное допущение вносит небольшую погрешность в результат расчета, но существенно упрощает математическую модель и уменьшает машинное время на ее реализацию.

Условия однозначности включают в себя начальные, граничные, геометрические и физические условия протекания процесса теплообмена. Начальные условия представлены в виде:

$$T_i(r', \varphi', z', 0) = T_n, \quad i = 1, 2, \quad (3)$$

где T_n – температура загрузки детали в установку.

Граничные условия:

$$-\lambda_i(T_i) \frac{\partial T_i(r', \varphi', 0, \tau)}{\partial z'} + \alpha_a(T_i)[T_i(r', \varphi', 0, \tau) - T_0] + \sigma_a^* \left[\left(\frac{T_i(r', \varphi', 0, \tau)}{100} \right)^4 - \left(\frac{T_0}{100} \right)^4 \right] = 0, \quad i = 1, 2; \quad (4)$$

$$\lambda_i(T_i) \frac{\partial T_i(r', \varphi', 2L, \tau)}{\partial z'} + \alpha_b(T_i)[T_i(r', \varphi', 2L, \tau) - T_0] + \sigma_b^* \left[\left(\frac{T_i(r', \varphi', 2L, \tau)}{100} \right)^4 - \left(\frac{T_0}{100} \right)^4 \right] = 0, \quad i = 1, 2; \quad (5)$$

$$\lambda_i(T_i) \frac{\partial T_i(R_2, \varphi', z', \tau)}{\partial r} + \alpha_d(T_i)[T_i(R_2, \varphi', z', \tau) - T_0] + \sigma_d^* \left[\left(\frac{T_i(R_2, \varphi', z', \tau)}{100} \right)^4 - \left(\frac{T_0}{100} \right)^4 \right] = 0, \quad i = 1, 2; (z', \varphi') \in d; \quad (6)$$

$$-\lambda_i(T_i) \frac{\partial T_i(R_0, \varphi', z', \tau)}{\partial r} + \alpha_e(T_i)[T_i(R_0, \varphi', z', \tau) - T_3(\tau)] = 0, \quad (z', \varphi') \in e, \quad (7)$$

где α – коэффициент теплоотдачи; T_0 – температура окружающего воздуха; σ – приведенный коэффициент излучения; q_n – плотность теплового потока в пятне плазмы; v – поверхность торцев, d – наружная цилиндрическая поверхность, за исключением плазменного пятна, e – внутренняя цилиндрическая поверхность, f – поверхность плазменного пятна.

В процессе наплавки внутренний канал загерметизирован, поэтому температура T_3 в нем будет повышаться в соответствии с уравнением:

$$c_3 \rho_3 V_3 \frac{dT_3(\tau)}{d\tau} = \iint_e \alpha_e(T_i)[T_i(R_0, \varphi', z', \tau) - T_3(\tau)] ds, \quad (8)$$

где V_3 – объем воздуха в канале, $V_3 = \pi R_0^2 2L$.

Теплоотдача на торцевых поверхностях описывается уравнением подобия [3]:

$$Nu = 0,503 [Ra \psi(Pr)]^{0,25}, \quad (9)$$

где Nu – число Нуссельта, Ra – критерий Релея, Pr – критерий Прандтля.

Безразмерные комплексы, входящие в (9), определяются из соотношений:

$$Nu = \alpha x / \lambda_3; \quad Ra = Gr Pr = g \beta \Delta T \frac{x^3}{\nu_3 a_3}; \quad Pr = \nu_3 / a_3, \quad (10)$$

где x – расстояние от нижней кромки до рассматриваемой точки, λ_3 – коэффициент теплопроводности воздуха, g – ускорение свободного падения, β – температурный коэффициент объемного расширения, ΔT – разность между температурой поверхности и температурой окружающей среды для поверхности (а): $\Delta T = [T_i(r', \varphi', 0, \tau) - T_0]$, для поверхности (б): $\Delta T = [T_i(r', \varphi', L, \tau) - T_0]$; ν_3 – кинематический коэффициент вязкости; a_3 – коэффициент температуропроводности воздуха.

Функция $\psi(Pr)$ имеет вид:

$$\psi(Pr) = \left[1 + \left(\frac{0,492}{Pr} \right)^{9/16} \right]^{-16/9}.$$

Пренебрегая влиянием ограждающих конструкций, приведенный коэффициент излучения можно определить из соотношения:

$$\sigma_a = \sigma_b = \sigma_d = \epsilon_i C_0, \quad (11)$$

где ϵ_i – степень черноты поверхности; C_0 – коэффициент излучения абсолютно черного тела.

Теплоотдача на внешней цилиндрической поверхности опишется известным уравнением подобия:

$$Nu = A Gr^{0,25}, \quad (12)$$

где $Nu = 2\alpha_d R_2 / \lambda_3$ – число Нуссельта, A – коэффициент,

– при $0,7 \cdot 10^3 < Gr < 0,7 \cdot 10^8$, $A = 0,46$;

– при $0,7 \cdot 10^8 < Gr < 0,7 \cdot 10^9$, $A = 0,695$;

Разность температур, входящая в критерий Грасгофа (10), определится из выражения:

$$\Delta T = [T_i(R_2, \varphi', z', \tau) - T_0].$$

При $Gr \geq 0,7 \cdot 10^9$ уравнение (11) представит в виде:

$$Nu = 0,133 Gr^{0,33}.$$

Для определения коэффициента теплоотдачи на внутренней поверхности воспользуемся уравнением [1]:

$$Nu_e = \left\{ \left[1 + \left(\frac{Ra_0}{4472} \right)^2 \frac{2R_0}{L} \right]^{-8} + \left[\frac{Ra_e (2R_0/L) f(Pr)}{57\Phi} \right]^{-2} \right\}^{-3/8} + \frac{Ra_e f(Pr)}{8000}^{1/3}, \quad (13)$$

где $Nu_e = \alpha_e R_0 / \lambda_3$ – число Нуссельта, $Ra_e = g\beta\Delta T \frac{(2R_0)^2}{\nu_3 a_3}$ – критерий Релея.

Функция $f(Pr)$ найдется из соотношения [2], [3]:

$$f(Pr) = \left[1 + \left(\frac{0,5}{Pr} \right)^{9/16} \right]^{-16/9}. \quad (14)$$

Функцию Φ можно найти из выражения [1], [2]:

$$\Phi \left(Ra_e, \frac{L}{2R_0} \right) = \left\{ 1 + \frac{0,231}{\left[Ra_e (L/2R_0)^4 \right]^{1/4}} \right\}^2. \quad (15)$$

Для расчета по (13) – (15) можно принять $Pr = 0,7$.

Плотность теплового потока в пятне плазмы определится из соотношения, найденного Г.А. Поздеевым:

$$q_n = 23,4 j^{1,22} G_{пл}^{0,16} G_{тр}^{-0,06} h^{-0,07}, \quad (16)$$

где j – величина электрического тока дуги, $G_{пл}$ – расход плазмообразующего газа, h – дистанция наплавки (расстояние от среза сопла до поверхности детали), $G_{тр}$ – расход транспортирующего газа.

Закон движения центра плазменного пятна:

$$\left. \begin{aligned} z'_c &= \frac{L}{2} + \left(\frac{L}{2} - \gamma \right) \sin\beta\tau; \\ \varphi'_c &= \omega\tau, \tau > 0 \end{aligned} \right\}, \quad (17)$$

где z'_c, φ'_c – координаты центра пятна.

Уравнения (1) – (17) представляют собой математическую модель теплообмена при плазменной наплавке металла на поверхность ролика.

При ударе нагретой частицы о поверхность детали происходит ее деформация, растекание, охлаждение и кристаллизация. Степень деформации частицы и условия контакта с поверхностью детали зависят от теп-

ловой и кинетической энергии частицы, свойств материала, состояния поверхности.

Основными режимами плазменной наплавки являются: напряжение и мощность сжатой дуги, величина электрического тока, расход порошка и плазмообразующего газа, частота и амплитуда колебания плазмотрона, дистанция наплавки.

Вследствие быстротечности протекаемых процессов динамику изменения температуры наплавляемого слоя методами непосредственных замеров исследовать практически невозможно. Для этой цели применили разработанную математическую модель, которая адаптирована по результатам натурных замеров.

Из анализа полученных результатов следует, что температурные кривые имеют два характерных максимума, причем один из них соответствует участку начала наплавки, а второй (абсолютный максимум) расположен в зоне плазменного пятна. Перепад температур по толщине наплавляемого слоя достигает 1000° и более, однако по мере разогрева подложечной поверхности детали этот перепад несколько снижается.

Выполненное исследование температурных полей в основном металле и наплавленном слое, ультразвуковая дефектоскопия наплавленного слоя и его рентгенофазовый анализ позволили выявить следующие недостатки существующей технологии плазменной наплавки металла на поверхность роликов:

1. Наплавляемый слой ложится на относительно холодную подложечную поверхность основного металла, следствием чего являются высокие температурные градиенты, а значит, и термические напряжения в этом слое.

2. Подложечная поверхность основного металла при соприкосновении с плакирующим слоем не разогревается до температуры солидуса, что является одной из причин их несплавления. Плакирующий слой удерживается на детали в значительной мере вследствие явления адгезии.

3. Сплавлению основного и плакирующего слоев препятствует также тонкая окисная пленка, которая успевает сформироваться на подложечной поверхности уже непосредственно в процессе наплавки.

Указанные факторы и являются причиной значительной порченности наплавленного слоя трещинами.

С учетом изложенного предложено:

1. Непосредственно перед нанесением плакирующего слоя подложечную поверхность разогревать потоком плазмы без подачи наплавляемого материала.

2. Для предупреждения образования окисной пленки на подложечной поверхности в процессе ее предварительного разогрева обрабатываемый ролик закрыть металлическим кожухом, а в зазоре между роликом и кожухом создать газовую защитную атмосферу.

3. После завершения процесса наплавки ролик

подвергнуть термостатированию для выравнивания температурных полей по объему и снижения термических напряжений.

Литература

1. *Churchill, S.W.* A General Expression for the correlation of Rates of Transfer and Other Phenomena / S.W. Churchill, R. Vssagi // *AIChE J.* – 1972. – V. 18. – P. 1121 – 1128.

2. *Churchill, S.W.* Eine Allgemeine Korrelationsgleichung für den Wärme- und Stoffübergang bei freier Konvektion / S.W. Churchill H.J. Thelen // *Chem. Eng. Tech.* – 1975. – V. 47. – P. 453.

3. *Churchill, S.W.* Comprehensive Correlation Equation for Heat and Component Transfer by Free Convection / S.W. Churchill, R.U. Churchill // *AIChE J.* – 1975. – V. 21. – P. 604 – 606.

УДК 271.2

О.Б. Молодов

О ЗАПРЕТЕ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950 – 1980-Е ГГ.

Статья посвящена одному из ярких эпизодов антирелигиозной кампании на Европейском Севере СССР, когда властями был запрещен колокольный звон в православных храмах на территории Архангельской епархии. Она основана на материалах государственных архивов Архангельской и Вологодской областей.

Государственно-церковные отношения, Русская православная церковь, антирелигиозная политика, колокольный звон, епархия, архиерей.

The article is devoted to the bright episode of anti-religious campaign in the European North of the USSR when the authorities banned the ringing of the bells in Orthodox churches on the territory of Arkhangelsk eparchy. It is based on the materials of the state archives of Arkhangelsk and Vologda regions.

State-church relations, Russian Orthodox Church, anti-religious policy, peal, diocese, bishop.

С осени 1943 г. начался новый этап истории государственно-церковных отношений в СССР, ознаменовавшийся небывалым подъемом религиозной активности православных верующих. В течение второй половины 1940-х гг. в стране были зарегистрированы тысячи религиозных организаций, которым на условиях аренды власти предоставили сохранившиеся храмы и молитвенные дома. Однако партийно-государственный аппарат строго дозировал открытие приходов в каждом регионе, а чиновники на местах устанавливали различные ограничения для культурной деятельности. Действовавшее тогда постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» содержало множество запретительных мер в данной сфере, перечень которых иногда произвольно расширялся местными чиновниками.

«Камнем преткновения» в отношениях власти и православных приходов Архангельского Севера стала в 1950 – 1980-е гг. проблема колокольного звона. Известно, что в период массового закрытия храмов большинство колоколов оказалось утрачено. В отчете о работе двух из трех благочиний Архангельской епархии за 1951 г. указывалось, что колокола сохранились только в одном из действующих сельских храмов – Николаевском молитвенном доме с. Ширша [1, л. 2]. При этом местные власти всячески препятствовали приобретению колоколов другими православными общинами. Например, в начале 1950-х гг. верующие с. Юхнево Ровдинского района ходатайствовали о покупке колокола из закрытой Благовещенской церкви, но по совету уполномоченного Совета по делам русской православной церкви (СДРПЦ) И.А. Окольниковичева местные власти передали его местной пожарной команде [2, л. 28, 30].

Сходные события происходили в 1952 г. в Вельском районе. Как свидетельствуют документы, коло-

кол закрытой Петропавловской церкви просто «валялся в канаве». Архангельский уполномоченный не решился самостоятельно решить вопрос о его передаче общине верующих и обратился с запросом в центральный аппарат СДРПЦ. Из Совета вскоре направили предписание за подписью И. Иванова, где запрещалось передавать колокол действующему приходу [2, л. 32]. В свою очередь, уполномоченный в письме председателю Вельского райисполкома рекомендовал передать его пожарной дружине для использования в качестве сигнала оповещения или тайно вывезти и сдать в металлолом [2, л. 31]. Дальнейшая судьба этого колокола в архивных документах не отражена.

В 1955 г. зафиксирована первая попытка административного решения проблемы колокольного звона «главой» Вельского района, который запретил его совершать в Успенской церкви г. Вельска. Председатель райисполкома мотивировал свое решение отсутствием у православной общины разрешения на звон, который «нарушает отдых, затрагивает и раздражает неверующих» [4, л. 36]. Данный факт администрирования показал некомпетентность чиновника в сфере законодательства о религиозных культурах. После жалобы епископа Архангельского и Холмогорского Феодосия (Ковернинского) уполномоченный А.И. Окольниковичев разъяснил «предрику» незаконность его действий и обязал отменить запрет, поскольку в данном случае специального разрешения местных властей не требуется [3, л. 85].

В конце 1950-х гг. началась антирелигиозная кампания, связанная с именем нового руководителя страны Н.С. Хрущева. Одним из направлений борьбы, прежде всего, с русской православной церковью, стали повсеместные ограничения колокольного звона, производившегося в действующих православных храмах. В большинстве епархий РПЦ звон колоколов

полностью не запрещался, поскольку в советском законодательстве о культах он прямо не указывался в качестве инструмента религиозной пропаганды. В соседней Вологодской епархии решениями исполкома областного Совета депутатов трудящихся звон колоколов в некоторых городских храмах ограничили. В частности, в 1962 г. приняты подобные акты по Казанской церкви г. Устюжны (решение от 11 января № 33) и по Богородской церкви (кафедральному собору) г. Вологды (решение от 13 июня № 389) [16, л. 104]. Лазаревская церковь г. Вологды, находящаяся на окраине города, вдалеке от учреждений образования и здравоохранения, видимо, таким ограничениям, не подвергалась.

Несколько иначе проблему колокольного звона разрешили в Архангельской области. Как представляется, по инициативе уполномоченного Совета по делам РПЦ П.Я. Сазонова местными районными комитетами КПСС с 1960 г. стали проводиться собрания трудовых коллективов населенных пунктов, где действовали православные приходы и сохранились колокола: городах Архангельске, Вельске и Котласе. В фонде уполномоченного Совета по делам религий (СДР) Государственного архива Архангельской области имеются материалы, позволяющие увидеть существовавший тогда механизм реализации запрета колокольного звона.

В частности, это протоколы собраний рабочих и служащих комбината «Вельсклес» и типографии Оргтрансстроя, датированные соответственно 16 и 22 августа 1960 г. [5, л. 72 – 74]. Их направил на имя уполномоченного СДРПЦ Вельский райком КПСС. Позднее, в конце 1960 г., тому же адресату выслали еще 18 листов протоколов собраний о прекращении колокольного звона Вельской Успенской церкви [6].

Судя по протоколам, собрания рабочих и служащих проходили массовые – до 100 и более участников, активно обсуждавших единственный поставленный вопрос. Формулировка повестки дня собрания ясно показывает, что речь изначально шла не об ограничении, а о запрете звона колоколов единственного городского храма. Основной акцент все выступающие делали на том, что колокола мешают всем предприятиям и учреждениям, находящимся поблизости. Важно учесть, что масштабы этого райцентра невелики, поэтому колокольный звон могли слышать все горожане.

Выступавшие активисты-антирелигиозники высказывали следующие аргументы: колокольный звон мешает «работе предприятий города», «спокойному отдыху населения», «больным в больнице», а «учащимся в школе нисколько не дает сосредоточиться» [5, л. 73 – 74]. Звучали и довольно странные основания для его запрета. Оказывается, звон колоколов «нарушает ритмичность нервной системы, возбуждающе действует на состояние здоровья» и «лишний раз отвлекает от дела» [6, л. 7, 11]. «Близь церкви не очень приятно в наше время жить в колокольном звоне», – жаловался один из выступающих. Необходимость звона ставилась под сомнение и потому, что он обычно призывает верующих на богослужение, а «богомольцы и без звона знают, когда нужно им ид-

ти в церковь» [5, л. 74]. В заключении каждый выступавший предлагал его запретить, при этом некоторые отмечали, что «нужно прекратить хотя бы колокольный звон, если нельзя запретить церковь» [6, с. 17]. Что касается Успенского храма г. Вельска, то он имел стабильный доход и по причине малочисленности действующих приходов посещался верующими нескольких соседних районов Архангельской и Вологодской областей. Поэтому для закрытия церкви и снятия с регистрации православных общин вельского и других городских приходов «как затухающих» законных оснований не находилось.

Постановляющая часть протокола содержала единодушное решение о возбуждении ходатайства райисполкома перед облисполкомом о прекращении колокольного звона в определенной церкви. Как отмечалось выше, для этого требовалось официальное письменное решение областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся. По неизвестной причине специального решения Архангельского облисполкома принято не было. Однако ранней весной 1961 г. вопрос разрешился совсем иным способом.

Управляющий епархией в изучаемый период был фигурой во многом зависимой от регионального уполномоченного Совета по делам РПЦ. Положение усугублялось тем, что архиепископ Архангельский и Холмогорский Никандр (Викторов) в 1961 г. имел крайне слабое состояние здоровья и вряд ли смог противостоять давлению уполномоченного СДРПЦ. Вскоре владыку Никандра перевели на другую кафедру, а летом того же года он скончался в Ростове-на-Дону. В Архангельске от имени епископа управлял Епархиальный совет из двух благочинных протоиереев А. Рогозинского и Е. Моргаевского. На адрес Епархиального управления, а не на имя управляющего, и поступила «просьба» уполномоченного П.Я. Сазонова от 2 марта 1961 г. № 12 о прекращении колокольного звона во всех церквях (рис. 1) [7, л. 9].

Ссылаясь на некое постановление Совета Министров СССР о прекращении в городах и населенных пунктах шума, П.Я. Сазонов просил дать указание всем настоятелям о запрете колокольного звона. Важно отметить, что нами выявлено только одно подходящее по содержанию постановление Совмина СССР от 27 декабря 1960 г. «О мерах по ограничению шума в промышленности», которое непосредственно не связано с проблемой колокольного звона. Постановление Совета Министров «О мерах по снижению шума на предприятиях, в городах и других населенных пунктах» датируется только 1973 годом.

На основании данной просьбы-приказа Епархиальным управлением за подписью владыки Никандра 6 марта 1961 г. был подготовлен циркуляр за № 198, направленный во все приходы. Таким образом, получалось, что колокольный звон запретил сам правящий архиерей, а докладывали настоятели о его выполнении уполномоченному СДРПЦ. Рапортовали священники о соблюдении запрета по-военному: «Настоящим докладываю, что при вверенной нам церкви колокольный звон прекращен с 12 марта сего

года. Священник Замятин» [7, л. 15] или «Во вверенной мне церкви колоколов нет. Священник Ребрий» [7, л. 17].

Видимо, данная ситуация не являлась типичной, поскольку прибывший на Архангельскую кафедру епископ Никон (Фомичев), отличавшийся особой активностью, в 1967 г. направил жалобу в Совет по делам религий (с 1965 г. объединивший функции Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов). В ней он сообщал, что колокольный звон запретили по указанию уполномоченного СДРПЦ П.Я. Сазонова. Новый уполномоченный СДР М.А. Питьев в переписке с Советом в феврале 1967 г. отмечает, что обвинения владыки Никона являются необоснованными и не соответствуют действительности, поскольку колокольный звон «приостановлен на основании распоряжения Архангельского епархиального управления, ...подписанного правящим в то время ...архиепископом Никандром» [8, л. 3]. Буквально через месяц М.А. Питьев все-таки обнаружил указание Епархиального управления, в котором сделана ссылка на вышеупомянутое распоряжение прежнего уполномоченного П.Я. Сазонова, о чем доложил в Совет по делам религий [8, л. 5].

В августе 1967 г. М.А. Питьев поясняет Совету, что указанный запрет действует с некоторыми оговорками. Например, религиозным объединениям

Ильинского кафедрального собора г. Архангельска, Успенской церкви г. Вельска, Пятницкой церкви г. Каргополя разрешается производить звон маленькими колоколами внутри церковного здания. Основная причина прекращения колокольного звона из уст уполномоченного звучит как и ранее: «Церкви находятся в близости домов проживающего населения, которое на своих собраниях обращалось с просьбой ограничить колокольный звон» [8, л. 20 – 21].

Перезвон внутри храмов также не давал покоя местным антирелигиозникам. В 1976 г. верующие Богоявленской Туровецкой церкви Котласского района обратились с жалобой в Совет по делам религий на секретаря райисполкома Ч., возглавлявшего комиссию по контролю за соблюдением законодательства о культах. Одним из примеров его нетерпимого отношения к религии и церкви является случай, когда он выгнал из храма женщину, совершавшую колокольный звон, чем испортил праздничное настроение [10, л. 36].

Документы архивов свидетельствуют, что наиболее активные представители духовенства иногда нарушали установленный запрет. Священник Стефановской церкви г. Котласа Д.В. Дергач в 1971 г. «демонстративно организовал колокольный звон» на Пасху, а на заседании административной комиссии райисполкома заявил: «Звонил и звонить буду!» [9, л. 11]. Видимо, указанной комиссией он был подвергнут штрафу. О повторных нарушениях в последующие годы информации не имеется.

Только в 1987 г. появились первые признаки потепления отношения к религии и Церкви. Так, новый председатель СДР К.М. Харчев в своей статье «Утверждая свободу совести» от 27 января отметил факт запрета колокольного звона в Архангельской области. Вскоре заместитель председателя облисполкома Е.Д. Дивакова сообщила в Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР о том, что «в четырех церквях колокольные звоны ведутся», а в семи колокола повешены. В Котласском горисполкоме и Соломбальском райисполкоме г. Архангельска «изучают возможность разрешения колокольных звонов с ограничением». Причина прежняя – Стефановская церковь г. Котласа и церковь Мартина Исповедника в Соломбале расположены рядом со школами и детскими садами. Вельские верующие, как отмечалось в документе, по данному вопросу пока не обращались [12, л. 8].

Со своей стороны, епископ Архангельский и Мурманский Пантелеимон (Долганов) в циркуляре от 25 июня 1987 г. предписывал настоятелям «изыскать возможности для приобретения колоколов и совершать колокольный звон при совершении каждого Богослужения» [11, л. 23].

В дальнейшем вопрос о разрешении колокольного звона стал решаться положительно. В апреле 1988 г. Соломбальский

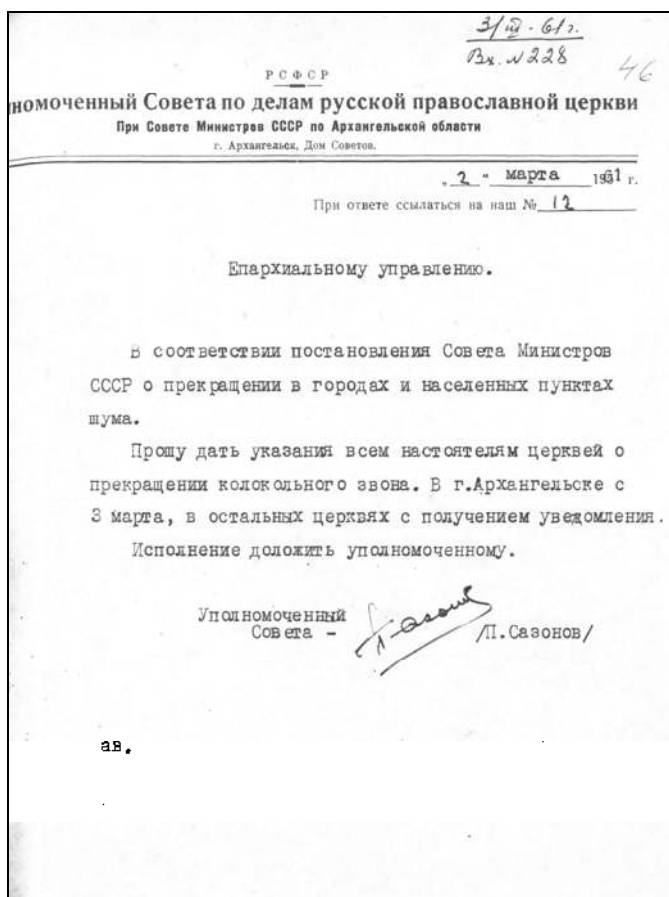

Рис. 1. Распоряжение о прекращении колокольного звона, поступившее в Епархиальное управление

райисполком дал согласие на возобновление звона в период проведения богослужений по воскресеньям и в дни основных православных праздников [14, л. 22]. Однако о полном снятии прежних ограничений речь еще не вели. Решением Котласского горисполкома от 13 октября 1989 г. в Свято-Стефановском храме разрешили производить колокольный звон в рабочие и воскресные дни в 8 часов 20 минут и в 16 часов 50 минут. В период летних школьных каникул – утром в 8 часов 50 минут [15, л. 24].

Последний архангельский уполномоченный СПДР М.Ф. Ксенофонов в конце 1988 г. доложил Совету, что в церквях, где повешены колокола, разрешены колокольные звоны (в гг. Архангельске, Вельске, Котласе, Онеге, Красноборском районе) [13, л. 3].

Описанные события, связанные с запретом колокольного звона в храмах Архангельской епархии, отчасти подтверждают тезис о существовании своеобразных региональных моделей государственно-церковных отношений. Несмотря на единство государственной конфессиональной политики, в республиках и областях СССР складывались специфические формы взаимоотношений государства в лице уполномоченных СДРПЦ (СДР), руководства епархии и отдельных общин верующих. В рамках региона эти отношения были связаны с личностями конкретных уполномоченных и епископов, которые, не-

смотря на противоположность решаемых ими задач, в ряде случаев достигали взаимопонимания. В период «последней атаки» на РПЦ на границе 1950 – 1960 гг. именно в Архангельской епархии сложились предпосылки для «силового» решения проблемы колокольного звона.

Источники

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 57.
2. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 64.
3. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 74.
4. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 75.
5. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 97.
6. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 98.
7. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 100.
8. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 129.
9. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 164.
10. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 194.
11. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 240.
12. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 241.
13. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 242.
14. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 243.
15. ГААО. – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 247.
16. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 1300. – Оп. 22. – Д. 101.
17. ГАВО. – Ф. 1300. – Оп. 22. – Д. 255.

УДК 94(47).084.3

Ю.А. Соколов

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.А. Саблин

СЛУХИ В ДЕРЕВНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ОКТЯБРЕ 1917 – 1922 ГГ.: ПРОПАГАНДИСТСКИЕ КОННОТАЦИИ

В статье рассматривается феномен слухов, распространявшихся в деревнях Европейского Севера России в годы Гражданской войны. Слухи являлись важным фактором политической жизни тех лет, были формой интерпретации большевистской пропаганды и политики советской власти.

Гражданская война, Европейский север России, крестьянство, пропаганда, слухи.

The article considers the phenomenon of rumors, circulated in the villages of The European North of Russia during the Civil War. Rumors used to be an important factor of the Russian political life of those years and the form of interpretation of the Bolshevik propaganda and the policy of the Soviet power.

Civil War, European North of Russia, peasantry, propaganda, rumors.

Слухи являются одной из форм коммуникации в жизни любого общества. Психологический словарь дает следующую трактовку данного понятия: слухи – это специфический вид межличностной коммуникации, процесс и форма распространения более или менее достоверных сведений о социально значимом предмете по каналам межличностной коммуникации в обширной диффузной аудитории [21]. Мы сочли возможным использовать в данном исследовании классификацию слухов, выделяемую в научной ли-

тературе на основании того, каким эмоциональным потребностям людей они удовлетворяют. Согласно данному критерию, выделяют три вида слухов: слух-«мечта», слух-«пугало» и слух-«разделитель». Слух-«мечта» отражает надежды и стремления людей, в среде которых он циркулирует. Слух-«пугало» выражает распространенные в обществе страхи и тревоги. Слух-«разделитель» основывается на распространенных в обществе негативных предрассудках относительно других социальных групп, что влечет

за собой резко негативное к ним отношение (вплоть до агрессии) [14].

Лишь в последние два десятилетия отечественные исследователи начали обращаться к анализу значения слухов в истории России. Это можно связать с появлением интереса в академической среде к изучению «голосов» простых граждан. Ученые ставят вопрос о необходимости изучения фактора слухов в новейшей истории как формы адаптации социума к новым жизненным реалиям во время социальных взрывов [6]. Отмечается, что слухи являлись неотъемлемой частью культуры аграрных обществ, представляли собой «народную версию истории страны» и отражали реальную ситуацию в обществе, преломленную через психологию низов [15].

Вера в слухи и толки – неотъемлемая черта крестьянского мировоззрения. В атмосфере информационного вакуума, результатов экономических инициатив советской власти, а также близости дислокации сил иностранных интервентов северная деревня охотно верила слухам, которые распространялись маргиналами, «странниками» и беженцами, и сама конструировала их. В годы Гражданской войны расширение потока миграций внутри страны усиливало влияние слухов на настроения современников. К примеру, в 1921 г. в Введенской волости Тотемского уезда «ходили» толки о том, что весь лес Архангельской и Вологодской губерний был продан англичанам. Данный слух-«пугало» распространялся «костромскими мужичками», проезжавшими по волости [1, л. 63 об.].

Феномен слухов уже в первые годы советской власти был серьезно политизирован, и толки расценивались властью как явный аргумент, демонстрировавший «заблуждения» «темной» деревни и результаты «происков» классовых врагов [22]. Отметим использование в публицистике тех лет безликого и одновременно негативного образа «проходимца» – человека, распространяющего слухи, что должно было настраивать общество на мысль о преступности намерений «чужака» и провокационной сущности распространяемой им информации. Таким образом, слухи выступали в отчетах агитаторов и в публицистике тех лет в нескольких ипостасях: в виде провокации «темных» личностей и «кулаков», а также в форме заблуждений «непросвещенных».

Подчеркнем, что в первые годы советской власти влияние разного рода толков на настроения современников могло приобретать порой весьма значительные масштабы, в связи с чем массировавшиеся в обществе слухи властям неоднократно приходилось опровергать через средства массовой информации [16]. Однако стоит отметить, что проанализированные нами примеры официальной пропаганды тех лет нередко использовали те же формы и логику создания очередного слуха, что, на наш взгляд, объединяло официальную агитацию с народным мифотворчеством, формулировавшим и распространявшим толки [13]. Основное содержание данной пропаганды в 1918 – 1919 гг. в губерниях Европейского Севера сводилось к распространению сведений о намерениях противника восстановить царскую власть и пре-

вратить Русский Север в «иноземную вотчину» [17]. Как отмечают некоторые исследователи, подобная агитация находила отклик среди широких слоев населения [7]. Таким образом, можно говорить о том, что в средствах массовой информации власти с явным пафосом в своих воззваниях постоянно нагнетали обстановку, чем и оправдывали ужесточение репрессивных мер в регионе, используя при этом политические мифы и слухи-«пугало».

Отметим, что понятие «антисоветская агитация» и «распространение слухов» в каждом конкретном случае их интерпретации коммунистами, отмечавших в ходе своей агитаторской, журналистской или партийной работы курсирование определенных слухов на местах, обычно имели достаточно субъективный характер. Зачастую партработники в качестве причин распространения слухов в регионе называли «темноту» и «малодушие» крестьянства [3, л. 264, 270]. Так, проанализируем сводку о политической работе по Вологодской губернии, составленной в 1921 г. В данном документе читаем: «Крестьяне с ликованием относятся к вопросу (о) передаче в аренду мелких предприятий бывшим владельцам, или вообще зажиточному элементу, характеризуя это положение перед остальными крестьянами тем, что настанет время возврата всех преимуществ зажиточного элемента» [3, л. 82 об.]. Перед нами пример слуха-«мечты», в котором воплотились надежды и чаяния северного крестьянства, уставшего от чрезвычайных налогов и повинностей, а также абсолютно алогичной, с точки зрения деревни, политики большевиков в отношении беднячества.

Несмотря на то, что слухи не отражали конкретной идеологии, были несистемным явлением и передавались непублично, тем не менее, порой они становились важной силой, способной объединить или дезорганизовать сельские общества, доверившиеся пущенным толкам. Обратимся к отчету отдела управления Никольского (Северо-Двинская губерния) уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов за сентябрь 1918 г. В селах Вознесенье-Вохма и Кичменгском городке произошел крестьянский волнения, причинами которых Советом были признаны военная мобилизация и слухи. Среди курсировавших в округе слухов была весть о том, что Вознесенский Совет получил определенное количество «предметов мануфактуры», которые были разделены исключительно между членами Совета [21, с. 352]. Подобные толки мы можем классифицировать в качестве ряда слухов-«разделителей». Подчеркнем, что слухи, «ходившие» в уезде, были обозначены в документе именно как «провокационные», что подразумевало их интерпретацию Никольским Советом как пущенных с целью дезорганизовать советскую власть в районе, и, следовательно, с точки зрения составителей отчета, являвшихся формой пропаганды.

Типичной приметой тех лет являлись сообщения агитаторов о «кулаках», пускавших слухи среди бедноты. К примеру, в отчетном листе агитатора И.Н. Ершова, работавшего в Турундаевской волости Вологодского уезда, встречаем пример подобных тол-

ков, распространявшихся крестьянами: «Большевики скоро задушат и вам (беднячеству – Ю.С.) попадет вместе с ними» [2, л. 142]. На наш взгляд, данные предположения можно интерпретировать в качестве слуха-«разделителя». Появление подобных слухов было органически связано с политикой государства по отношению к беднякам как опоре советской власти. Данные толки отражали резкое негодование северного крестьянства по поводу большевистской политики по «разжиганию» Гражданской войны в деревне. Подобного рода «новости» воспроизводили ощущение нестабильности, потери традиционных нравственных и этических ориентиров сельским социумом.

Интересный пример распространения слуха-«ожидания» мы обнаруживаем в закрытом письме Череповецкого губкома о политических настроениях в губернии, направленном в ЦК РКП(б) (апрель 1922 г.). В документе читаем: «Появившиеся – Ю.С.) слухи о Генуе смешивались со слухами о международной социалистической конференции. (Крестьяне – Ю.С.) стали говорить, что России предложено легализовать (так в тексте – Ю.С.) все партии, отметить смертную казнь, созвать Учредительное собрание и т.п. А когда дошли сведения о том, что предложение о разоружении (было) отвергнут(о), с ужасом нашептывали, что война неизбежна, что снова объявлена мобилизация двух возрастов» [20, л. 64 – 64 об.]. Данные суждения череповецких крестьян отражают усталость деревни, чувство обреченности и явной, с точки зрения крестьян, бессмысленности войны. Безусловно, подобные настроения были вызваны как эсхатологическими представлениями русской деревни относительно причин Первой Мировой и Гражданской войн, так и являлись отголосками массовой пропаганды за созыв Учредительного собрания еще в 1917 г.

Слухи стали катализатором, выявившим наличие мощнейшего информационного голода в обществе в годы Гражданской войны. Так, «пустив» слух о полной реквизиции хлеба в пользу городов и о скором приближении интервентов в 1918 г., «кулаки» Бельтяевской волости организовали вновь избранный Совет, арестовав при этом членов волостной партячейки [22]. В 1922 г. поддавшись «ходившим» в Устюжском уезде слухам о снижении продналога и о сокрытии данной реформы, губисполком, местные коммунисты «инициировали» организацию съезда Советов в уезде [20]. Неполнота или отсутствие информации, а также низкий уровень образования не только у крестьян, но и у новой элиты – советских и партийных работников – могли обращать слухи в реальные политические последствия.

Важно подчеркнуть, что большая доля слухов, распространявшихся в северной деревне, была связана как с религиозной традицией, так и суевериями, бытовавшими в крестьянской среде. Подобные толки о власти «безбожников» коммунистов, о скором приближении царства антихриста вызывали в деревне панические настроения [9]. К примеру, осенью 1920 г. в Тотемском уезде Вологодской губернии среди крестьян распространился слух о том, что

«приезжий коммунист клеймит детей» [8].

Подводя итог вышесказанному, мы можем говорить о том, что феномен слухов являлся крайне важной частью общественно-политической жизни северной деревни в период 1917 – 1922 гг. В слухах и толках крестьянство черпало надежды на будущее, с их помощью пытались по-своему трактовать внутреннюю и внешнюю политику большевистского правительства, выстраивать наиболее удобную для себя систему координат в хаосе Гражданской войны. Отметим, что советские и партийные органы спекулятивно использовали феномен слухов как одну из идеологем, которой они обосновывали деятельность «контрреволюции» в «тылу» фронтов Гражданской войны. Между тем, слухи являлись силой, способной объединить сельский социум для отстаивания его насущных потребностей, были формой понимания и интерпретации деревней политики советской чрезвычайщины, а также как организованные формы пропаганды влияли на настроения современников.

Источники и литература

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). – Ф. 259. – Оп. 1. – Д. 453.
2. ВОАНПИ. – Ф. 1853. – Оп. 2. – Д. 56.
3. ВОАНПИ. – Ф. 1853. – Оп. 3. – Д. 73.
4. ВОАНПИ. – Ф. 1853. – Оп. 5. – Д. 1.
5. ВОАНПИ. – Ф. 1853. – Оп. 5. – Д. 122.
6. *Гайлит, О.А.* Вести, пророчества, чудеса: К вопросу о религиозных сюжетах в слухах 1920 – 1930-х гг. / О.А. Гайлит // Вестник церковной истории. – 2006. – № 4. – С. 142 – 149.
7. *Голдин, В.И.* Русский Север в историческом пространстве Российской Гражданской войны / В.И. Голдин, П.С. Журавлев, Ф.Х. Соколова. – Архангельск, 2005.
8. Губернская женская беспартийная конференция (Продолжение утреннего заседания 28 сентября) // Красный Север. – 1920. – 16 октября.
9. Исповедь – контрреволюционная агитация // Известия. – 1919. – 19 апреля.
10. *Колоницкий, Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914 – 1917) / Б.И. Колоницкий // Вестник истории, литературы, искусства. – М., 2005. – С. 362 – 363.
11. *Кринко, Е.* Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе: слухи военного времени (1941 – 1945) / Е. Кринко // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С. 494 – 508.
12. *Кукушкин, В.Л.* Образ власти и государственной политики в массовом сознании крестьянства Европейского Севера России в 1918 – 1920-х гг. / В.Л. Кукушкин // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления: межрегиональная научная конференция. 5-6 марта 2008. – Вологда, 2008. – Т. 2. – С. 40 – 45.
13. *Ларин, Ю.* Что будет, если они победят / Ю. Ларин // Известия. – 1918. – 10 сентября.
14. *Латынов, В.В.* Слухи: социальные функции и условия появления / В.В. Латынов // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 12.
15. *Линн, В.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / В. Линн. – М., 2010. – С. 61 – 67.

16. Не верьте ложным слухам // Известия Вологодского губернского исполнительного комитета. – 1918. – 9 августа.

17. Планы союзников // Известия. – 1918. – 11 августа.

18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 33. – Д. 44.

19. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 33. – Д. 123.

20. *Саблин, В.А.* Крестьянство Европейского Севера в гражданской войне. Характер политических настроений / В.А. Саблин // Гражданская война в России и на Русском Севере: Проблемы истории и историографии. – Архангельск, 1999. – С. 351 – 352.

21. Социальная психология. Словарь / под ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопеди-

ческий словарь. – М., 2006. – URL: <http://slovari.yandex.ru/слухи/Социальная%20психология/Слухи/>

22. *Чудодеева, Л.Н.* Борьба коммунистической партии за массы трудящегося крестьянства в период развертывания социалистической революции в деревне (по материалам Вологодской губернии) / Л.Н. Чудодеева // Ученые записки Московского педагогического университета. Вопросы истории КПСС. — 1959. – Т. 135. – Вып. 5. – Ч. 1. – С. 116 – 117.

23. *Яров, С.В.* Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918 – 1919 гг.: политическое мышление и массовый протест / С.В. Яров. – СПб., 1999. – С. 8 – 9.

УДК 69.003.12 (470.12)

Т.В. Воронцова, И.В. Сорокина

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрено состояние строительного комплекса Вологодской области в период рыночных преобразований, выявлены причины, сдерживающие применение инноваций. Разработан индивидуальный сметный норматив на инновационный вид работ.

Инновации, строительный комплекс, ценообразование, сметные нормативы.

The article considers the state of the construction complex of Vologda region in the period of market reforms; the reasons hindering the application of innovation were identified. The individual estimate standard of innovative work has been developed.

Innovations, construction complex, pricing, estimate standards.

Строительная отрасль традиционно занимает одну из ведущих позиций и призвана осуществлять на современной технической основе воспроизводство основных фондов, решение социальных проблем, реконструкцию, модернизацию, техническое перевооружение производства материальных благ. Как отрасль материального производства, строительство имеет ряд отличительных особенностей. Специфика данной сферы объясняется характером конечной продукции, специфическими условиями труда, рядом особенностей применяемой техники, технологии, организации производства, управления и материально-технического обеспечения. Это касается своеобразия формирования и функционирования региональных и местных строительных рынков, характера и видов конкуренции, формирования цен на продукцию, жестко привязанную к месту ее создания [3].

Период рыночных преобразований ухудшил экономическое положение подавляющей части отечест-

венных строительных организаций и, как следствие, произошло беспрецедентное падение объемов строительно-монтажных работ и в стране в целом, и в Вологодской области вплоть до 2000 г. С начала 2000-х гг. наметился рост этого показателя. В Вологодской области значительный рост объемов строительно-монтажных работ (СМР) имел место с 2004 по 2007 гг. С началом кризиса произошла смена вектора строительства. В настоящее время объемных показателей уровня 1990 г. достичь так и не удалось (рис. 1).

Снижение объемов подрядных работ создало ситуацию постепенного недоиспользования мощностей строительных организаций, обновления техники и технологии производства. Вместе с сокращением объемов СМР еще в большей степени уменьшилась конечная продукция – ввод в действие объектов жилищного и социально-культурного назначения. За анализируемый период времени ввод объектов в эксплуатацию по Вологодской области уменьшился более, чем в 4 раза.

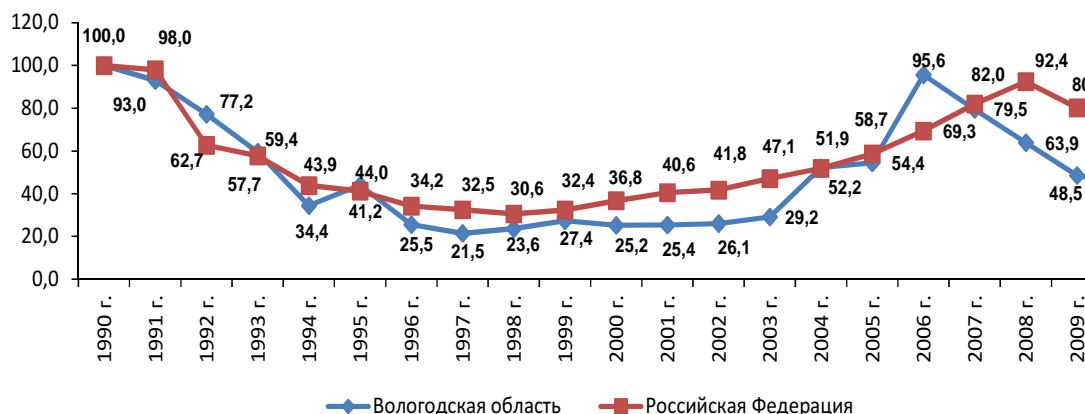

Рис. 1. Динамика объемов строительно-монтажных работ, % к 1990 г.

Период рыночных трансформаций сказался и на обеспеченности строительных организаций одним из важнейших факторов производства – основными производственными фондами, состояние которых по-прежнему остается острой проблемой в строительстве. Динамика этого показателя свидетельствует о том, что организации не смогли в полной мере использовать благоприятную ситуацию, сложившуюся после кризиса 1998 г. В результате продолжается увеличиваться степень износа основных фондов и удельный вес полностью изношенных основных фондов. Обновление строительных фондов происходит медленными темпами. В наиболее благоприятный для строительной отрасли период с 2005 – 2008 гг. коэффициент обновления вырос до 23,3 % против 15,6 % в 2005 г. В условиях экономического кризиса, повлекшего неплатежеспособность заказчиков, строительные организации вынуждены больше направлять средств на удовлетворение текущих потребностей, в связи с этим коэффициент обновления снизился до 6,4 %.

Объективная необходимость ускоренного обновления и реструктуризации основных фондов строительной отрасли продиктована необходимостью:

- повышения конкурентоспособности подавляющей части строительных организаций области, их способ-

ностью участия в подрядных торгах в других регионах;

- внедрением инновационных технологий строительства, обеспечивающих высокое качество сооружаемых объектов и сокращение сроков строительства. Это требует оснащения организаций специализированной техникой и инструментом, техническими инновациями в средствах механизации производства и труда.

С учетом того, что большие объемы работ в строительстве выполняются на условиях субподряда, можно сделать вывод о малой степени концентрации капитала в строительной сфере. Этот фактор затрудняет проведение модернизации используемого оборудования, замедляет внедрение новых строительных технологий и материалов, сдерживает повышение производительности труда и качества возводимых объектов. В решении отмеченной проблемы первостепенную роль занимает повышение качества управления строительным комплексом региона.

Основными индикаторами эффективности строительной деятельности являются себестоимость строительного-монтажных работ и прибыль строительных организаций, приходящиеся на 1 р. объема подрядных строительного-монтажных работ. За последние годы наблюдается высокая затратность подрядных работ (рис. 2).

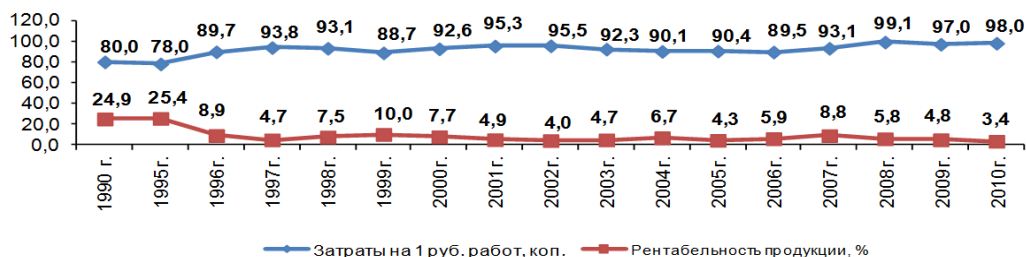

Рис. 2. Изменение затрат на 1 р. подрядных СМР и рентабельности строительных организаций Вологодской области

За 1991 – 2010 гг. произошли изменения и в структуре себестоимости подрядных строительного-монтажных работ (рис. 3).

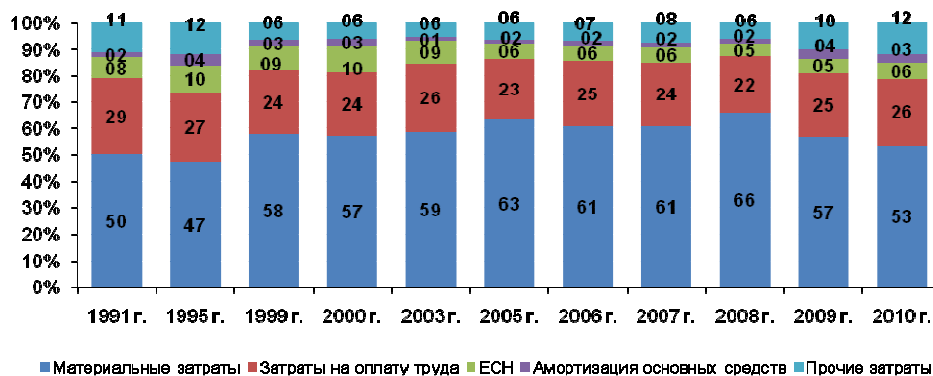

Рис. 3. Структура себестоимости строительного-монтажных работ Вологодской области, %

В течение 1991 – 1996 гг. прослеживается тенденция: уменьшение доли затрат на основные материалы в себестоимости строительно-монтажных работ с 50,0 до 47,0 %, что можно объяснить директивными плановыми заданиями по снижению себестоимости работ (до 1992 г.); снижение удельного веса нового строительства, уменьшение возведения общественных зданий, на которых используются дорогостоящие отделочные материалы; увеличение доли накладных расходов, использование накопленных производственных запасов, учитываемых в себестоимости по более низким ценам и др.

Рост затрат на материалы в себестоимости строительно-монтажных работ с 2000 г. объясняется увеличением строительства жилых домов с улучшенной планировкой и «евроотделкой», превышением роста цен на строительные материалы над ростом цен на строительно-монтажные работы, увеличением расходов на транспортировку строительных материалов и конструкций, снижением величины амортизационных отчислений вследствие старения парка машин и механизмов и др. На снижение доли материальных затрат в 2009 – 2010 гг. оказали влияние последствия финансового кризиса 2008 г.

За исследуемый период цены на строительные материалы, изделия и конструкции выросли в среднем по области на 114,4 %. Рост цен на стройматериалы обусловлен увеличением затрат на производство строительных материалов и конструкций, связанных с высокой степенью изношенности основных фондов предприятий промышленности строительных материалов, применением устаревших энергоемких технологий. На рынке строительных материалов происходит и монопольное повышение цен на цемент, металлопрокат, нерудные материалы. Если растет в цене металл и цемент, то автоматически растет и себестоимость железобетона. Поскольку это производство с невысокой рентабельностью, то производители вынуждены поднимать цены на железобетон [1].

На рост себестоимости строительно-монтажных работ в строительстве оказывают влияние и такие факторы, как:

- низкий уровень организации строительного процесса. Потери от брака и простоев составляют до 12 – 15 %;

- ошибки в проектировании, низкое качество проектно-сметной документации. Много изменений в проекты вносятся в ходе строительства, что увеличивает сметную стоимость в среднем на 4 – 8 %;

- приписки в сметах, завышение объемов выполненных работ;

- несовершенство конкурсных процедур;

- несовершенство нормативно-правовой и методической базы ценообразования в строительстве. В строительной отрасли действует большое число взаимопротиворечащих инструкций, МДС, указаний и ведомственных писем различных органов исполнительной власти.

Вышперечисленные факторы стали препятствием для наращивания объемов строительно-монтажных работ и внедрения инновационных технологий.

Вопросы ценообразования являются одними из ключевых в отрасли, поскольку на основе сметной стоимости строительства объекта определяется экономическая эффективность капитальных вложений, которая зависит от снижения фактических затрат на строительство, степени освоения производственных мощностей, сокращения сроков строительства на основе внедрения инноваций. На снижение себестоимости СМР влияет:

1. Внедрение в строительное производство новых систем домостроения, основанных на применении эффективных несущих и ограждающих конструкций – несъемная опалубка, многослойные сэндвич-панели, эффективный кирпич и блоки и т.д..

2. Переход на расчеты в строительстве по твердым (фиксированным) ценам, определенным по результатам подрядных конкурсов. Контракты с твердой договорной ценой будут стимулировать подрядчика к выбору наиболее дешевых источников снабжения материально-техническими ресурсами, снижая себестоимость подрядных работ.

3. Активизация работы антимонопольных органов по выявлению случаев монопольного завышения цен, случаев сговора производителей стройматериалов. Осуществлять мониторинг и согласование сделок по слиянию предприятий стройиндустрии или покупке контрольных пакетов акций предприятий.

4. Продолжение работы над совершенствованием сметно-нормативной базы ценообразования в строительстве, дополнением ее нормативами по новым, современным технологиям строительного производства. С начала 90-х гг. прошлого столетия в строительном комплексе России идет пересмотр архитектурно-планировочных и конструктивно-технологических решений зданий и сооружений. Указанный процесс во многом связан с появлением на строительном рынке большого количества новых строительных материалов, изделий, конструкций и оборудования, производимой импортной техники, уникальной технологии производства работ. Увеличивается доля строительства домов по индивидуальным проектам с преобладанием, как монолитных конструкций, так и комбинированных. В результате этих изменений в строительстве перед сметчиками проектных институтов, подрядных организаций и заказчиками возникает проблема оценки новых работ и технологий. С 01 января 2011 г. введена в действие сметно-нормативная база 2001 г. в редакции 2009 г. Новая редакция была создана с целью исправления неточностей, допущенных при разработке базы в начале 2000-х гг. Однако введение новой базы недостаточно отразило инновационные процессы в строительной отрасли. В настоящее время сметчики располагают набором нормативов, основанных на старых технологиях. С одной стороны, требования заказчиков по повышению конструктивной надежности, по технологическим решениям и уровню отделки объектов растут, т.е. новые технологии и технику нужно закладывать в проект. С другой стороны, определить стоимость данных работ невозможно. Особую остроту эта проблема приобретает на объектах бюджетного финансирования, где возникают повышенные требования к проекту.

В исследовании сметно-нормативных баз проведен анализ расчета сметной стоимости прямых затрат и трудоемкости работ, на примере устройства плиточных модульных и реечных подвесных потолков на металлическом каркасе (табл. 1). Результаты расчетов показали, что использование элементных сметных норм на новые технологии в строительстве, разработанные Межрегиональным центром по ценообразованию (МЦЦС) позволяют сэкономить из расчета на 1 м² себестоимость устройства подвесных потолков на 8,6 р. в базисных ценах по сравнению с применением нормативов по действующим сборникам ГЭСН 2001, а в текущих ценах экономия увеличится в 5 раз и составит 46 р., или на 6,7 %. Трудоемкость работ сократилась более, чем в четыре раза.

Авторами разработана индивидуальная элементная сметная норма с применением расчетно-исследовательского метода технического нормирования на установку поливинилхлоридных плитусов креплением на саморезы. Данная норма рассчитана для строительной организации ООО «Вектор Строй» г. Вологды. Необходимость разработки нормы вызвана тем, что организация стала выполнять много работ по устройству плитусов поливинилхлоридных, а расценка по данной работе в сметно-нормативной базе 2001 г. отсутствует.

Объектом представителем послужили административные здания Департамента образования Вологодской области, гостиница «Атриум», в которых проводились работы по капитальному ремонту внутренних помещений. В ходе исследования были выполнены замеры объемов работ, хронометраж рабо-

чего времени, определены расход строительных материалов и перечень потребного инвентаря и приспособлений. Разработана технологическая карта производства работ, составлены калькуляция производственных затрат, сводные ведомости нормативных показателей расхода материалов и затрат труда. На основе сводок затрат ресурсов разработана индивидуальная элементная норма и территориальная единичная расценка (табл. 2).

Таблица 1

Сравнение сметных цен и трудоемкости работ по устройству подвесного потолка

Виды нормативов	Ед. изм.	Сметные прямые затраты, р.		Затраты труда рабочих, чел.-час
		в базисных ценах 2000 г.	в текущих ценах на 1 кв. 2010 г.	
С использованием ЭСН84 (сметно-нормативная база 1984 г.)	м ²	165,2	887,1	4,96
С использованием ГЭСН2001 (сметно-нормативная база 2001 г.)	м ²	127,8	686,3	4,19
С использованием ЭСН2003 по новым технологиям в строительстве	м ²	119,2	640,3	1,03

Таблица 2

Территориальная единичная расценка на устройство плитусов поливинилхлоридных на винтах самонарезающихся СМ 1-35

1. Исходные данные:

1.1. Индивидуальная элементная сметная норма на устройство плитусов поливинилхлоридных.

Раздел 03. На винтах самонарезающихся СМ 1-35

Таблица 11-01-040-03. Устройство плитусов поливинилхлоридных на винтах самонарезающихся СМ 1-35

Состав работ: 01. Выгрузка пачек плитусов с транспортного средства. 02. Переноска плитусов до 100 м. 03. Выемка плитусов из упаковки. 04. Подготовка поверхности мест установки плитусов. 05. Нарезка плитусов по размеру. 06. Проверка плитусов по месту установки с разметкой отверстий электродрелью. 07. Установка дюбелей в отверстия. 08. Вкручивание саморезов в дюбели шурупвертами. 09. Установка заглушек на саморезы. 10. Заделка стыков плитусов углом внешним, внутренним, соединяющим профили. 11. Установка наконечников торцевых (левых, правых).

Измеритель: 100 м плитуса

№ п/п	Код ОКП	Наименование элементов	Ед. изм.	11-01-040-03
				На винтах самонарезающихся СМ 1-35
отрасл.		затрат		
1.	-	Затраты труда рабочих-строителей	чел.-ч	6,655
3.	Машины:			
3.1.	330201	Электродрель	маш.-ч	1,327
3.2.	134041	Шурупверт	маш.-ч	2,01
3.3.	400001	Автомобили бортовые, грузоподъемностью до 5 т	маш.-ч	0,03
4.	Материалы:			
4.1.	101-1753	Плитусы для полов из пластика	м	101
4.2.	101-2201	Дюбели распорные полиэтиленовые 6x30 мм	10 шт.	26,3
4.3.	101-1735	Винты самонарезающихся СМ 1-35	т	0,007
4.4.	Стройцена ВО	Заглушки на саморезы	шт.	263
4.5.	Стройцена ВО	Угол внешний, внутренний, соединяющий профиль	шт.	56,01
4.6.	Стройцена ВО	Наконечник торцевой (левый, правый)	шт.	15

Итоговая запись в таблицу Сборника ТЕР 81-11-01-040 «Устройство плитусов поливинилхлоридных на винтах самонарезающихся СМ 1-35», подлежащего изданию:

№ п/п	Код ОКП Код отрас.	Наименование и характеристика работ и конструкций (оборудования)	Ед. изм.	Прямые затраты, р.	в том числе (р.):			Затраты труда рабочих, чел.-ч	
					оплата труда рабочих	эксплуатация машин			
						всего	в т.ч. оплата труда		материальные ресурсы
Таблица 11-01-040 Устройство плитусов поливинилхлоридных									
11-01-040-...		на винтах самонарезающихся СМ 1-35	100м	1067,26	63,02	8,27	-	995,97	6,655

Итоговая запись в таблицу Сборника ТЕР 81-11-01-040 «Устройство плитусов поливинилхлоридных на винтах самонарезающихся СМ 1-35», подлежащего изданию (открытая расценка):

№ п/п	Код ОКП Код отрас.	Наименование и характеристика работ и конструкций (оборудования)	Ед. изм.	Прямые затраты, р.	в том числе (р.):			Затраты труда рабочих, чел.-ч	
					оплата труда рабочих	эксплуатация машин			
						всего	в т.ч. оплата труда		расход материалов
Таблица 11-01-040 Устройство плитусов поливинилхлоридных									
11-01-040-...		на винтах самонарезающихся СМ 1-35	100м	623,87	63,02	8,27	-	552,58	6,655
		плитус поливинил-хлоридный	м					101	

В настоящее время разработанная индивидуальная сметная норма и единичная расценка на установку поливинилхлоридных плитусов креплением на саморезы включена в сборник Государственных элементных сметных норм на строительные и специальные строительные работы, утвержденный приказом Министерства регионального развития РФ от 23.11.2010 г. № 509, а также в изменения, которые вносятся в сборники федеральных и территориальных единичных расценок.

Подводя итоги, можно сказать, что эффективность деятельности строительного комплекса и его конкурентоспособность напрямую зависит от внедрения инноваций, которые способствуют снижению себестоимости и повышению качества готовой строительной продукции. Стимулом к внедрению инноваций в строительстве являются социальные нужды, а движущими силами внедрения инноваций – научные разработки и совершенствование сметно-нормативной базы. Однако в современных условиях медленное ее обновление затрудняет определение материало- и трудозатрат на инновационные виды

работ для подрядчика и обоснование их для заказчика.

Разработанный авторами индивидуальный сметный норматив позволит обоснованно оценить стоимость СМР и сэкономить время проектных работ, тем самым способствуя внедрению инновационных технологий в строительство.

Литература

1. *Горячкин, П.* Без снижения себестоимости строительства доступного жилья в России не будет / П. Горячкин // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. – 2005. – № 6. – С. 1 – 6.
2. Статистический ежегодник Вологодской области. 1995 – 2001 гг. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Вологда, 2002.
3. *Степанова, И.С.* Экономика строительства / И.С. Степанова. – М., 2008.
4. Строительная деятельность // Вологодский областной комитет государственной статистики. – Вологда, 2010.

**РЫНОК ДОСТУПНОГО ЖИЛЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

В статье рассмотрена структура рынка жилья, определение доступного жилья, проблемы, инструменты, мероприятия и механизм по формированию рынка доступного жилья, Федеральная целевая программа «Жилище».

Рынок жилья, доступное жилье, механизм формирования рынка доступного жилья.

The article considers the structure of the housing market, the definition of affordable housing, the problems, tools and activities, the mechanism of formation of an affordable housing market, the Federal target program "Housing".

Housing market, affordable housing, mechanism of formation of an affordable housing market.

Рынок жилья в настоящее время достаточно своеобразен. В первую очередь, это связано со сложившейся спорной проблемой спроса и предложения на рынке жилой недвижимости. Основными клиентами рынка жилой недвижимости могут стать только граждане, имеющие доходы выше среднего. Стоимость 1 м² ранжируется в пределах от 20 000 до 100 000 р. по субъектам Российской Федерации. Такая большая разница в стоимости жилья зависит от общей площади приобретаемого жилья, его класса (эконом, бизнес, элит), качества строительства, субъекта (самая дорогая стоимость 1 м² в Москве и Санкт-Петербурге, самая низкая стоимость 1 м² – Карачаево-Черкесская Республика), наличия инфраструктуры.

Общий термин «Доступное жилье» определяется как жилое помещение, пригодное для проживания, отвечающее требованиям и стандартам, прописанными нормативными актами Российской Федерации, стоимостью ниже, чем стоимость, установленная на рынке жилой недвижимости на аналогичное жилое помещение в пределах одного субъекта (региона, области республики, края) или муниципалитета (города, района, села).

С 2000 г. в Российской Федерации выросли темпы индивидуального жилищного строительства. В 2010 г. индивидуальными застройщиками было введено жилых домов общей площадью 25,2 млн м², что составило 88,4 % к уровню 2009 г. Строительство частного индивидуального жилья в течение ряда лет является основополагающим в развитии жилищного строительства в целом.

В 2010 г. почти 60 % от общего ввода жилых домов построено индивидуальными застройщиками в следующих субъектах Российской Федерации: в Белгородской, Калужской, Ленинградской, Липецкой, Нижегородской, Тамбовской, Ульяновской областях, в Республиках Алтай, Башкортостан, Бурятия, Марий Эл, Тыва, Удмуртской Республике, Чувашской Республике. В 2010 г. тенденции роста сохранились; это связано с тем, что финансирование строительства осуществляется гражданами самостоятельно.

Рост индивидуального строительства показал основные проблемы каждого региона в отдельности. В

Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-кавказском, Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах основная проблема возникла с обеспечением коммунальной инфраструктуры земельных участков, определенных под такое строительство. Требуется модернизация изношенных сетей электростанций, водоснабжающих станций, систем канализаций и т.д.

В Уральском и Сибирском Федеральных округах возникла ситуация с узакониванием занимаемых участков, в связи с путаницей при формировании статуса федеральных, республиканских, областных участков земли выявлялись случаи наличия на федеральных и республиканских землях целых поселков и районов, не зарегистрированных в органах местного самоуправления.

Правительством Российской Федерации были поставлены следующие задачи, достижение которых приравнено и прописано в Федеральной целевой программе «Жилище» на 2011 – 2015 гг. и имеет острую социальную направленность:

1. Формирование рынка доступного жилья эконом-класса, отвечающего требованиям энергоэффективности и экологичности за счет внедрения инновационных методов строительства жилых домов, обеспечение земельных участков, предоставленных под жилое строительство коммунальными сетями и инфраструктурой, развитие промышленных производств (лесоперерабатывающий комплекс, строительный комплекс и т.д.) в регионах. Это позволяет уменьшить стоимость жилищного строительства и увеличить объемы вводимого жилья.

2. Комплексное решение проблем функционирования и развития жилищной сферы, обеспечивающей доступность жилья для граждан, безопасные и комфортные условия проживания в нем. Данный комплекс мероприятий включает в себя жилищную реформу, проводимую с 2006 г. Изменение структуры жилищного фонда в стране по формам собственности позволило сформировать новый тип собственников жилья – частный жилищный фонд, сформированный за счет приватизации муниципального жилого фонда.

3. Стимулирование платежеспособного спроса на

жилье осуществляется при помощи ипотечного кредитования населения. Жилищная ипотека, предоставляемая гражданам, на данный момент уже не является неким тяжелым финансовым грузом. Государственная поддержка осуществляется в виде субсидий на приобретение жилья. Размер субсидии составляет 30 % от стоимости ипотечного кредита. Правом пользования данной субсидией обладает лишь определенная группа населения – это молодые семьи (два родителя и ребенок, либо один родитель и ребенок). Также имеется возможность погашения ипотечного кредита за счет материнского капитала.

Кроме этого для населения были предприняты меры по снижению процентных ставок по жилищным кредитам. В 2011 г. зафиксирован самый низкий процент по жилищному кредитованию – 9 % годовых (ОАО «Сбербанк РФ»).

4. Эффективное выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан. В федеральной целевой программе «Жилище» данные категории подразделены по следующим принципам:

- молодые семьи;
- молодые специалисты на селе и молодые ученые;
- семьи военнослужащих;
- семьи граждан, принимавших участие в ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф, пострадавших в результате этих аварий, и приравненных к ним лиц;
- семьи граждан, выезжающих из районов крайнего Севера и приравненных к ним местностей;
- граждане, признанные в установленном законодательством порядке вынужденными переселенцами;
- семьи граждан, проживающие в ветхом и аварийном жилье.

УДК 334.758

Выполнение данных обязательств правительство выполняет совместно с Министерством обороны РФ, Министерством регионального развития РФ, Министерством социального развития РФ, Министерством образования и науки РФ.

5. Повышение качества и энергоэффективности жилищного фонда. Данное мероприятие было обеспечено новой нормативной базой, которое позволило предприятиям жилищной сферы (ЖЭК, управляющие компании и т.д.) действовать в направлении улучшения и экономии потребляемой энергии (установка тепло- и водосчетчиков и т.д.).

Предпринятые меры по формированию рынка доступного жилья преобразовались в отлаженный механизм, позволяющий гражданам, обратившись в соответствующие структуры, получить помощь для приобретения собственного жилья или получения жилья социального найма. Эффективность данного механизма подтверждается тем, что правительство Российской Федерации внедряются новые подпрограммы федеральной целевой программы «Жилище», направленные на выполнение уже установленных задач, позволяющие выявить новые ресурсы и источники финансирования.

Литература

1. Жилищный кодекс Российской Федерации. 2011 г. – М., 2011.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050. Федеральная целевая программа «Жилище» на 2011 – 2015 гг.
3. Постановление Правительства Республики Бурятия от 25 апреля 2011 г. № 185. Республиканская целевая программа «Жилище» Республики Бурятия на 2011 – 2015 гг.».
4. Правительство Республики Бурятия официальный сайт. – URL: <http://www.egov-buryatia.ru/>

Ю.С. Зайцев

Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор С.В. Федосеев

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ТЭК

В статье рассматривается роль диверсификации в деятельности предприятий. Подробно анализируются уровни стратегии для диверсифицированного предприятия ТЭКа.

Диверсификация, структура, мотив, объединение, стратегия.

The article considers the role of diversification in the enterprise activity. More attention is given to the levels of strategy for diversified companies of the fuel & energy complex.

Diversification, structure, motive, merger, strategy.

Можно выделить три основные этапы формирования и развития диверсификационных систем. Первый – формирование слабо связанных систем (конгломератов). Этот этап имел место во время приватизации (1990 – 1995 гг.). Второй – период реструктуризации конгломератов (1995 – 2000 гг.). В это время

происходил процесс трансформации конгломератов в более эффективные диверсифицированные системы, например, в концерны. Третий этап – трансформация части крупных концернов в транснациональные корпорации (2000 – 2010 гг.)

Проблема эффективного управления диверсифи-

цированной системой, имеющая ярко выраженные системные связи, которые проявляются в синергических эффектах, является весьма сложной.

Внешняя экономическая среда для предприятий ТЭКа характеризуется множеством факторов позитивного и негативного характера. Особенности российского экономического окружения показаны в табл. 1.

Таблица 1

Особенности российского экономического «окружения»

Фактор	Характер проявления
Динамика макропоказателей	1.1. Носят нестационарный, часто колебательный характер. 1.2. Значительный спад производства, резкое сокращение производственных инвестиций. 1.3. Заметно отличающиеся от стационарной экономики соотношения значений макропоказателей
Фискальная система	2.1. Нерациональная структура государственных расходов, значительный размер затрат по обслуживанию долга. 2.2. Сложная нестабильная налоговая система. 2.3. Высокий уровень неплатежей и суррогатов используемых «денег»
Риски	3.1. Сложная структура рисков. 3.2. Высокие и переменные риски всех видов: политические, экономические, криминальные и др. 3.3. Плохая прогнозируемость рисков
Рынки	4.1. Неустановившиеся, в особенности фондовый рынок. 4.2. Существенные различия между «справедливой стоимостью» ценных бумаг, недвижимости и т.д. и их рыночной стоимостью
Инфляция	5.1. Достаточно высокая. 5.2. Переменная во времени
	5.3. Неоднородна по различным ресурсам и продуктам. 5.4. Существенно различается по национальной и иностранной валюте
Кредитно-денежная система	6.1. Фактически, многовалютная (рубль, доллар, суррогаты). 6.2. Неустойчивая. 6.3. Резко сниженное отношение M2 в ВВП. 6.4. Нестабильность процентных ставок центрального и коммерческих банков. 6.5. Высокий уровень стоимости капитала. 6.6. Изменяющийся темп падения ценности денег (норм дисконта)

Даже в странах с развитой рыночной экономикой не существует единой модели корпоративного управления, что в значительной степени объясняется непрерывным возрастанием сложности разработки стратегии в диверсифицированных системах в условиях ускорения темпов протекания экономических процессов, порождаемых НТП и усложнением структуры и форм конкуренции.

Следует отметить, что диверсификация деятельности предприятия – форма реализации корпоративной стратегии. Главной коммерческой целью диверсификации является увеличение прибыли за счет использования рыночных шансов и установления конкурентных преимуществ, но реальные пути получения конкурентных преимуществ, а, следовательно, и побудительные мотивы диверсификации различны (рис. 1).

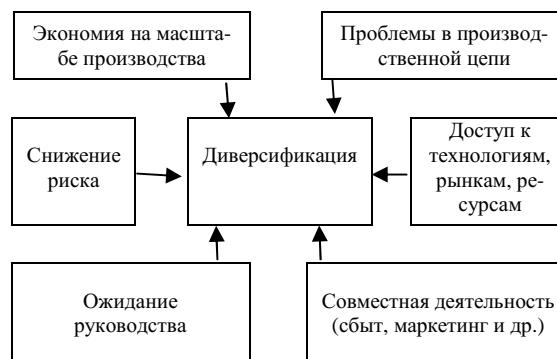

Рис. 1. Мотивы диверсификации

Значительную экономию дает многоцелевое совместное использование производственных мощностей предприятия. Издержки снижаются благодаря концентрации сбытовой сети (товары и услуги продаются через единую сеть, не обязательно собственную). Другой существенный резерв экономии – внутриреформенный трансферт информации, знаний, технического и управленческого опыта от одних производств к другим. К этому добавляется эффект, достигаемый благодаря многосторонней подготовке работников и разнообразию получаемой информации.

Считается, что диверсификация должна привести к лучшему использованию материальных и нематериальных ресурсов предприятия, в том числе и за счет синергизма. Она, с одной стороны, уменьшает риск за счет устранения зависимости предприятия от какого-либо одного товара или рынка, но с другой – увеличивает его, так как появляется риск, присущий именно диверсификации.

Разделяют связанную и несвязанную (конгломератную) диверсификацию, которую иногда называют латеральной (лат. *Lateralis* – боковой) диверсификацией. В свою очередь, связанная диверсификация может быть вертикальной и горизонтальной (рис. 2). Основным критерием определения типа диверсификации является принцип слияния.

Вертикальная интеграция, или связанная вертикальная диверсификация, – это процесс приобретения или включения в состав предприятия новых производств, входящих в технологическую цепочку выпуска старого продукта на ступенях до или после производственного процесса.

Горизонтальная интеграция, или связанная горизонтальная диверсификация, – это объединение предприятий, работающих и конкурирующих в одной области деятельности.

Несвязанная диверсификация или просто дивер-

сификация – это охват таких направлений деятельности, которые не имеют прямой непосредственной связи с основной деятельностью предприятия.

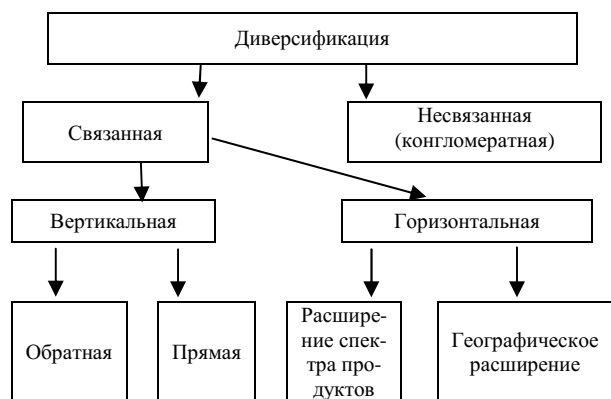

Рис. 2. Виды диверсификации

В основе интеграции и диверсификации часто лежит принцип объединения собственности, ресурсов, сфер деятельности. Конкретные формы хозяйственных объединений разнообразны и зависят от национальной специфики экономических и юридических институтов. Но при всем многообразии форм объединений главными в них являются два связующих элемента: отношение собственности и производственной или контрактная кооперация. Воспользовавшись широко распространенным в западном менеджменте способом построения матриц возможных вариантов, построим матрицу основных форм объединений предприятий (рис. 3).

Производственная кооперация	Есть	Альянсы и стратегические союзы	Концерны
	Нет	Самостоятельные предприятия	Корпорации
		Нет	Есть
		Совместная собственность	

Рис. 3. Основные формы объединений

Вертикальный комплекс – это хозяйственное объединение, основанное на участии головной компании в производственных связях (поставщик – потребитель) и в капитале входящих в него предприятий (филиалов). Реальный характер вертикального объединения, называется концерном, определяется национальной спецификой. Концерны не однотипны и различаются главным образом степенью самостоятельности входящих в них предприятий.

Другая форма объединения возникает при несвязанной диверсификации в рамках единого юридического лица – это корпорация, диверсифицированная фирма или конгломерат.

Следовательно, изменения конъюнктуры рынка приводит к постоянному изменению и перераспределению ролей основных участников рынка. В борьбе за рынок и потребителей крупные корпорации идут

на слияния и поглощения, заключают временные стратегические альянсы, помогающие использовать благоприятную ситуацию и/или ослабить конкуренцию. Включились в данный процесс и крупные российские предприятия, прежде всего, нефтяные компании и коммерческие банки.

Анализ опыта стратегического планирования позволяет определить основные методические особенности и методологические принципы формирования стратегии развития предприятия. Помимо общих требований, предъявляемых к такого рода исследованиям, стратегия должна реализовываться на практике повышение устойчивости и рыночной стоимости компании, получение стратегических преимуществ для эффективной конкуренции и развития, концентрацию усилий в областях вероятного успеха, балансировку рисков и стратегической альтернативы. При разработке стратегии необходимо обеспечить методологическое единство способов и моделей ее обоснования, системность и многовариантность прогнозов, учет межотраслевого и многосубъектного характера производственно-коммерческих связей, альтернативность и вероятностный характер получаемых вариантов.

В соответствии с изложенными принципами формирование стратегии развития предприятия рассматривается как обоснование рациональных вариантов его производственно-коммерческой и инновационной деятельности, обеспечивающих в случае реализации устойчивое положение и конкурентные преимущества предприятия на рынке при реализации производственных, научно-технических, социальных и экологических программ.

Процесс разработки стратегии развития предприятия можно представить в виде следующей последовательности этапов:

1. Анализ окружающей среды:
  - внешняя среда,
  - внутренние возможности.
2. Определение целей предприятия.
3. Формулирование стратегии и выбор альтернатив:
  - определение базовой стратегии,
  - выбор стратегических альтернатив.
4. Формулирование функциональных стратегий:
  - стратегия маркетинга,
  - финансовая стратегия,
  - стратегия НИОКР,
  - стратегия производства,
  - социальная стратегия,
  - организационная стратегия,
  - экологическая стратегия.

Этот процесс интерактивный, то есть предполагает пересмотр или расширение решений предыдущего этапа при получении неудовлетворительного результата на последующем этапе, либо при изменении исходной информации.

Результатом деятельности по изложенной выше схеме разработки стратегии предприятия является документ, называемый *Стратегический план развития предприятия* и имеющий следующие основные разделы:

- I. Цели предприятия.
- II. Текущие и долгосрочные задачи.
- III. Базовая стратегия предприятия и основные стратегические альтернативы.
- IV. Функциональные стратегии.
- V. Наиболее значимые проекты.
- VI. Планирование неожиданностей (формирование резервных стратегий).

В процессе подготовки стратегии предприятия можно выделить несколько уровней ее разработки, так называемую пирамиду разработки стратегии. Каждый уровень характеризуется охватом интересов, исполнителями и качеством разработки.

В зависимости от степени диверсифицированности деятельности компании выделяют две пирамиды разработки стратегии:

- для узкопрофильного предприятия,
- для диверсифицированного предприятия.

В диверсифицированном предприятии стратегии разрабатываются на четырех различных организационных уровнях:

1. Корпоративная стратегия – стратегия предприятия и сфер его деятельности в целом.
2. Деловая стратегия – для каждого отдельного вида деятельности предприятия.
3. Функциональная стратегия – для каждого функционального направления определенной сферы деятельности. Каждая сфера деятельности имеет производственную стратегию, стратегию маркетинга, финансов и т.д.
4. Операционная стратегия – более узкая стратегия для основных структурных единиц: производственных предприятий, торговых региональных представительств и отделов (внутри функциональных направлений).

На одноотраслевом предприятии существует только три уровня (отсутствует корпоративный курс). Это продолжается до тех пор, пока во внимание не принимаются попытки диверсифицировать свою деятельность в другие сферы. В табл. 2. рассмотрены уровни разработки стратегии, как они формулируются в классической теории стратегического управления, и какие мероприятия на каждом уровне соответствуют стратегическому управлению предприятием.

Стратегия является общим планом управления предприятия. Она распространяется на все предприятие, охватывая все направления деятельности. Состоит из действий, предпринимаемых для утверждения своих позиций в различных отраслях промышленности, и подходов, используемых для управления делами компании.

Разработка стратегии для диверсифицированного предприятия предусматривает четыре вида действий:

1. Действия по достижению диверсификации. Первая проблема диверсификации – это проблема определения сферы деятельности, в частности, в каких отраслях промышленности будет действовать компания и каким образом – путем открытия новой компании или приобретения существующей. Этот аспект стратегии определяет, будет ли диверсифика-

ция ограничиваться несколькими отраслями промышленности или распространится на многие.

Таблица 2

Уровни разработки стратегии

Уровни стратегии	Мероприятия, характерные для каждого уровня стратегии
Корпоративная стратегия	– создание и управление хозяйственным портфелем структурных подразделений корпорации (приобретение компаний, укрепление существующих деловых позиций, прекращение деятельности, не соответствующей управленческим планам); – достижение синергизма среди родственных структурных подразделений и превращение его в конкурентное преимущество; – установление инвестиционных приоритетов и направление корпоративных ресурсов в наиболее привлекательные сферы деятельности
Деловая стратегия	– разработка мер, направленных на усиление конкурентоспособности и сохранение конкурентных преимуществ; – формирование механизма реагирования на внешние изменения; объединение стратегических действий основных функциональных подразделений; – усилия по решению специфических вопросов и проблем компании
Функциональная стратегия	– действия по поддержке деловой стратегии и достижению целей подразделения; – обзор, пересмотр и объединение предложений менеджеров на местах
Операционная стратегия	– действия по решению узкоспециальных вопросов и проблем, связанных с достижением целей подразделения

2. Шаги по улучшению общих показателей работы в тех отраслях, где уже действует фирма. По мере утверждения позиции предприятия в выбранных отраслях стратегия концентрируется на путях улучшения работы во всех сферах деятельности. Решения должны быть приняты в отношении усиления конкурентных позиций в долгосрочной перспективе и доходности активов, в которые вложены средства.

3. Нахождение путей получения синергического эффекта среди родственных хозяйственных подразделений и превращение его в конкурентное преимущество. Расширяя свою деятельность в бизнес с похожими технологиями, аналогичным характером работы, теми же покупателями или другими похожими условиями, компания достигает преимущества перед фирмой, переключающейся на абсолютно новую для

нее деятельность в несвязанных отраслях. При родственной диверсификации компания имеет возможность осуществлять передачу навыков опыта, совместно использовать мощности, тем самым снижая общие издержки, повышая конкурентоспособность некоторых изделий компании, улучшая возможности определенных подразделений, которые могут обеспечить конкурентное преимущество. Конечно, связанную диверсификацию привлекательной делают совместные усилия. Связанная диверсификация (синергического стратегического соответствия среди родственных хозяйственных подразделений) является очень эффективным средством улучшения показателей работы предприятия и, следовательно, повышения доходов акционеров.

4. Создание инвестиционных приоритетов и перелив ресурсов предприятия в наиболее перспективные области. Различные сферы деятельности диверсифицированного предприятия отличаются друг от друга с точки зрения инвестирования дополнитель-

ных средств. Руководству компании необходимо ранжировать привлекательность инвестирования в различные сферы деятельности для распределения средств в наиболее перспективные направления.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что диверсификация как процесс распространения деятельности предприятия на новые сферы приводит к образованию региональных компаний ТЭКа. Это вызывает необходимость разработки стратегии их развития, которая должна отражать структурные преобразования в ТЭКе страны, региона и предприятия.

Литература

1. Общие вопросы ТЭК // Вестник топливно-энергетического комплекса. – 2000. – Ноябрь.
2. ТЭК. Стратегия развития. – 2011. – № 3.
3. URL: www.energystrategy.ru

УДК 519.612, 657.1

М.И. Летавин

**К БАЛАНСОВОМУ МЕТОДУ ОПИСАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА**

В работе рассматриваются некоторые аспекты системы учета материальных и финансовых потоков экономического субъекта (в макроэкономике и на предприятии) для оценки деятельности этого субъекта. Подчеркивается значение системы Леонтьева для определения цен материальных потоков при построении баланса.

Корпоративный учет, бухгалтерский баланс, межотраслевой баланс, мультипликаторы, модель Леонтьева, система линейных алгебраических уравнений.

The article considers the aspects of the accounting system of material and financial flows of an economic subject for social and corporate accounting systems. The importance of Leontief method for determining the prices of material flows at drawing up a balance is underlined in the paper.

Corporate accounting, balance sheet, input-output balance, multipliers, Leontief model, the system of linear algebraic equations.

Построение стоимостных балансов для субъектов экономической деятельности – национальных и региональных экономик, предприятий и корпораций [2], [4], [5] – заключается в разбиении деятельности на ряд отраслей и учете потоков, поступающих в отрасль из других отраслей, и потоков, распределяемых отраслью среди других отраслей на индивидуальных счетах. Если обозначить через n количество счетов, то данные потоков формируются в виде матрицы $T = \{t_{ij}\}_{i,j=1,\dots,n}$. При этом t_{ij} – это поток со счета j на счет i так, что i -ая строка содержит поступления на счет i , а j -ый столбец расходы со счета j . При этом должно быть выполнено требование полноты учета, которое состоит в том, что суммарные поступления на счет должны быть равны его суммарным расходам. Это требование играет в экономике роль закона сохранения [7, с. 28] и его можно представить в виде:

$$Te = x = T'e, \quad (1)$$

где «штрих» означает транспонирование матрицы, столбец e высоты n состоит из единиц, а столбец x высоты n содержит суммарные потоки счетов.

Матрицы отраслевых балансов (МОБ) используются для сравнения деятельности субъекта в различные периоды времени и для сравнения деятельности различных субъектов. Кроме того, МОБ используют для прогнозирования изменений при перераспределении потоков в отраслях. Во всех случаях ключевым инструментом анализа является понятие мультипликатора [8], [9].

Типовая схема введения мультипликатора на основе МОБ состоит в следующем. Часть счетов, например, первые s , объявляются эндогенными, а остальные $n-s$ – экзогенными. Соответственно стол-

бец потоков разбивается на две части $x' = (y', z')$, где столбец y высоты s содержит потоки эндогенных счетов, а z – высоты $n - s$ потоки экзогенных счетов. На основе равенства (1) формируется безразмерная нормированная по столбцам и строкам матрица $A = T\hat{x}^{-1}$, где $\hat{x} = \text{diag}(x_1, \dots, x_n)$. Тогда (1) можно переписать в виде:

$$\begin{pmatrix} A_{yy} & A_{yz} \\ A_{zy} & A_{zz} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} y \\ z \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} y \\ z \end{pmatrix}, \quad (2)$$

где матрица A разбита на соответствующие эндогенным и экзогенным счетам блоки. При этом из (2) для эндогенного вектора y получим равенство $A_{yy}y + A_{yz}z = y$, из которого следует

$$(E - A_{yy})y = A_{yz}z \text{ и } y = (E - A_{yy})^{-1}u, \quad (3)$$

где E – единичная матрица размера s , матрица $E - A_{yy}$ предполагается невырожденной и $u = A_{yz}z$ – столбец высоты s , который учитывает поступления на эндогенные счета со стороны экзогенных счетов. Заметим, что аналогичные построения на основе матрицы T приведут нас к схеме Леонтьева, если в экзогенные счета отнести все, что связано с конечным потреблением [1]. Столбец j матричного мультипликатора $(E - A_{yy})^{-1}$ выражает отклик на единичное изменение j -ой компоненты столбца u в приближении линейной зависимости эндогенных переменных от экзогенных.

Использование МОБ в стоимостном виде решает задачи учета и анализа деятельности экономического субъекта, но не касается экономической теории равновесия, основная задача которой состоит в выявлении цен, сформировавшихся в процессе экономической деятельности [7]. Один из подходов к построению цен на продукты отраслей, производящих товары и услуги, предложен Леонтьевым и состоит в следующем [1].

Предположим, что экономическая деятельность представлена s отраслями, производящими товары и услуги. Материальные потоки учитываются в виде матрицы $M = \{m_{ij}\}_{i,j=1, \dots, s}$ материальных потоков в процессе производства и столбца $Y = (y_1, \dots, y_s)'$ непроизводственного потребления. Элемент m_{ij} определяет количество продукта i -ой отрасли, потребленное отраслью j . Таким образом, i -ая строка матрицы M содержит распределение продукта i -ой отрасли по всем отраслям, а столбец j – использование продуктов всех отраслей j -ой отраслью в процессе производства. Заметим, что единицы измерения одинаковы по строке и различны по столбцу. Валовые выпуски отраслей при таком учете определяются по формуле $X = Me + Y$. Далее определим матрицу

прямых удельных затрат $A = M\hat{X}^{-1}$ и перепишем формулу валовых выпусков в виде:

$$AX + Y = X. \quad (4)$$

В предположении линейной зависимости между валовыми выпусками и конечным потреблением формула (4) является основой теории «затраты – выпуск». Для описания цен привлекаются данные об удельных добавленных стоимостях по отраслям в процессе производства $V = (v_1, \dots, v_s)$. Если теперь обозначить через $P = (p_1, \dots, p_s)$ строку цен продуктов, то для продукта j -ой отрасли цена складывается из затрат продуктов всех отраслей, использованных в производстве данного продукта, и добавленной стоимости, то есть $p_j = p_1a_{1j} + p_2a_{2j} + \dots + p_s a_{sj} + v_j$ или в матричной форме

$$P = PA + V. \quad (5)$$

Условия разрешимости уравнений Леонтьева (4), (5) относительно X и P подробно изучены [3]. Одно из них – неотрицательная обратимость матрицы $E - A$ и в этом случае цены из уравнения (5) определяются в виде $P = V(E - A)^{-1}$. Из уравнений (4), (5) вытекают равенства $PY = V(E - A)^{-1}Y = VX$, $e\hat{P}M + V\hat{X} = PA\hat{X} + V\hat{X} = P\hat{X} = X\hat{P}$ и $\hat{P}Me + \hat{P}Y = \hat{P}X$. Поэтому стоимостная матрица денежных потоков размером $s + 1$

$$T = \begin{pmatrix} \hat{P}M & \hat{P}Y \\ V\hat{X} & 0 \end{pmatrix},$$

будет удовлетворять условию (1). Действительно, для сумм первых s строк и столбцов $\hat{P}Me + \hat{P}Y = \hat{P}X$ и $e\hat{P}M + V\hat{X} = X\hat{P}$, а для последних строки и столбца $V\hat{X}e = VX = PY = e\hat{P}Y$.

В общем случае при составлении матрицы T потоков между счетами и для корпораций и для национальных экономик часть потоков имеют материальное выражение, а часть – денежное. Эту информацию можно представить в виде двух матриц M и C размера n , первая из которых содержит материальные составляющие потоков, а вторая – стоимостные. Тогда задача определения цен, присущих данному способу представления деятельности экономического субъекта через набор счетов, сводится к определению цен продуктов для тех счетов, которые имеют хоть один ненулевой элемент в строке матрицы M , из условия (1). Чтобы записать равенство (1) в рассматриваемом случае, предположим, что ровно S счетов имеют ненулевые элементы в строках матрицы M и эти счета расположены в первых S строках и столбцах при составлении матриц M и C . Тогда соотношение (1) примет вид:

$$\begin{pmatrix} \hat{P}M_{11} + C_{11} & \hat{P}M_{12} + C_{12} \\ C_{21} & C_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} e_s \\ e_{n-s} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} M'_{11}\hat{P} + C'_{11} & C'_{21} \\ M'_{12}\hat{P} + C'_{12} & C'_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} e_s \\ e_{n-s} \end{pmatrix}, \quad (6)$$

где e_s, e_{n-s} – столбцы из единиц высоты s и $n-s$, $P = (p_1, \dots, p_s)$ – цены продуктов для материальных составляющих потоков счетов, $M_{11} = \{m_{ij}\}_{i,j=1,\dots,s}$ – материальные потоки между первыми S счетами, $M_{12} = \{m_{ij}\}_{i=1,\dots,s, j=n-s+1,\dots,n}$ – материальные потоки между первыми s счетами и последними $n-s$ счетами, $C_{11}, C_{12}, C_{21}, C_{22}$ – соответствующие блоки матрицы стоимостных составляющих потоков. Обозначим через $X = M_{11}e_s + M_{12}e_{n-s}$ – столбец суммарных материальных потоков, $R = (r_1, \dots, r_n)' = Ce_n$ – столбец строчных сумм стоимостных потоков, $Col = (Col_1, Col_2, \dots, Col_n) = e_n C$ – строку столбцовых сумм стоимостных потоков. Тогда первые S уравнений системы (6) можно переписать в виде:

$$(\hat{X} - M'_{11})P' = Col'_s - R_s, \quad (7)$$

а последние $n-s$ уравнений в виде:

$$M'_{12}P' = R_{n-s} - Col'_{n-s}, \quad (8)$$

где $R_s = (r_1, \dots, r_s)'$, $R_{n-s} = (r_{s+1}, \dots, r_n)'$ и аналогично разбита строка Col .

Система уравнений (7) имеет вид системы Леонтьева (5), если ее умножить слева на матрицу $\hat{X}^{-1}$ и обозначить $A = M_{11}\hat{X}^{-1}$, $V = (Col'_s - R'_s)\hat{X}^{-1}$:

$$(E - A')P' = V'. \quad (9)$$

Таким образом, A является матрицей удельных материальных затрат, а строка V играет роль удельных добавленных стоимостей.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы:

УДК 65.014

1. Равновесные цены в экономике субъекта определяются системой Леонтьева (9), и эта система является основной при построении МОБ. Система (8) должна корректироваться за счет правых частей по уже найденным ценам. Это обстоятельство следует учитывать в работах по численным методам построения МОБ типа [6].

2. Наличие корпоративной отчетности в виде системы счетов позволяет не только проводить корректировки баланса [2], но и рассчитывать матрицу прямых затрат A из системы Леонтьева. Таким образом, появляется возможность экономического анализа деятельности корпорации.

3. Согласно принятой практике [7] в качестве цен при построении МОБ используются цены производимых товаров, цены факторов производства и обменные курсы. Все эти цены могут быть найдены из системы Леонтьева за счет включения в рассмотрение соответствующего счета и учета материальной составляющей потоков по этому счету в матрице M . Например, если матрица M содержит строку долларовых потоков, то соответствующая этой строке цена в системе Леонтьева представляет собой курс доллара.

Литература

1. Леонтьев, В.В. Экономические эссе / В.В. Леонтьев. – М., 1990.
2. Летавин, М.И. О задаче корректировки корпоративных счетов / М.И. Летавин // Экономика и математические методы. – М., 2012. – № 1 (48). – С. 119 – 125.
3. Никайдо, Х. Выпуклые структуры и математическая экономика / Х. Никайдо. – М., 1972.
4. Рябушкин, Б.Т. Система национальных счетов / Б.Т. Рябушкин, Т.А. Хоменко. – М., 1993.
5. King B.B. What is SAM?: A layman's guide to social accounting matrices / B.B. King. – World bank working paper № 463, 1981.
6. Lenzen, M. Matrix Balancing Under Conflicting Information / M. Lenzen, B. Gallego, R. Wood // Economic Systems Research. – 2009. – № 1 (21). – P. 23 – 44.
7. Pyatt, G. A SAM Approach to Modeling / G. Pyatt // Journal of Policy Modeling. – 1988. – № 3 (10). – P. 327 – 352.
8. Pyatt, G. The Method of Apportionment and Accounting Multipliers / G. Pyatt // Journal of Policy Modeling. – 1989. – № 1 (11). – P. 111 – 130.
9. Velez, F.J. Linear SAM models for inequality changes analysis: an application to the Extremadurian economy / F.J. Velez // Applied Economics. – 2006. – № 38. – P. 2393 – 2403.

З.М. Магзунова

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РИСКОВ НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В статье уделено внимание исследованию, прогнозированию, анализу производственных рисков. Представлены расчеты рисков невыполнения запланированных объемов производства на примере агропроизводства ЧерМК ОАО «Северсталь». Разработана модель оценки рисков невыполнения объемов производства на основе корреляционного анализа факторов, влияющих на данный вид риска. Проведен эконометрический анализ и рассчитаны прогнозные значения рисков. В резуль-

тате установлено, что на изучаемый показатель в значительной мере влияют надежность технических средств и эффективность технических ресурсов.

Производственный риск, методические основы оценки производственных рисков, аглопроизводство, риск невыполнения запланированного выпуска продукции, рискообразующие факторы, эконометрический анализ факторов риска, линии тренда, планируемая себестоимость 1 т агломерата.

The paper considers research, forecasting and analysis of production risks. The calculations of underproduction risks on the example of agloproduction at JSC Severstal. The model of underproduction risk evaluation on the base of correlation analysis of factors influencing this risk is developed in the article. The econometric analysis is carried out and forecasting values of the risks are calculated. It is concluded that the reliability of technical mechanisms and efficiency of technical resources influence the indicator studied.

Production risks, methodical bases of production risks evaluation, agloproduction, underproduction risk, risk factors, econometric analysis of risk factors, trend lines, planned cost of 1 ton of agglomerate.

По мере увеличения уязвимости бизнеса от финансовых рисков многие компании признают, что поиск решений проблем риска необходимо поставить на профессиональную основу. Менеджер должен обеспечивать защиту всех активов и прибылей предприятия от потерь из-за изменений и колебаний процентных ставок и валютных курсов, управлять затратами по проценту, снижать возможности аварийных ситуаций, принимать меры по минимизации потерь от воздействия технических факторов.

Риском можно управлять, поэтому наиболее удачной будет деятельность фирмы, правильно рассчитавшей свои возможности, выбравшей направление деятельности с оптимальным соотношением риска и доходности.

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что деятельность любой организации связана с опасностью возникновения непредвиденных потерь. Именно поэтому для каждой компании важно предусмотреть изменение факторов и условий, способных оказать существенное влияние на ее функционирование и своевременно разработать и применить мероприятия по снижению риска.

В процессе реализации стратегии развития предприятия могут возникать различные виды рисков ситуаций, обусловленные действием большого числа объективных и субъективных факторов. В этой связи исключительно важное практическое значение приобретает разработка системы управления рисками предприятий.

Стратегический анализ рисков предприятия может осуществляться по различным схемам и с разной степенью глубины и детальности. Схема проведения такого рода анализа и полнота исследования факторов риска, их оценка и измерение общего уровня риска определяются имеющейся информационной базой, финансовыми возможностями предприятия, степенью чувствительности определенного вида бизнеса к рискам.

Цель исследования заключается в разработке организационно-методических основ оценки производственных рисков на примере аглопроизводства ЧерМК ОАО «Северсталь».

Аглофабрика – это предприятие по производству агломерата, в состав которого входят склады для усреднения и хранения запасов шихтовых материалов, приемочные бункеры, отделения для измельчения кокса и (иногда и обжига) известняка, шихтовое,

спекательное и обработки готового агломерата. В настоящее время завод имеет 3 аглофабрики, но работают только 2, в целом же агломерационное производство ОАО «Северсталь» имеет в своем составе 4 цеха: агломерационный цех № 2, агломерационный цех № 3, шихтоподготовительный цех № 1, шихтоподготовительный цех № 2, а также Центр исследования сырья. Череповецкий агломерат отличается высоким содержанием железа (58 %), низким содержанием пустой породы и вредных примесей (серы и фосфора). В цехе проводится большая работа по модернизации оборудования, совершенствованию технологии, улучшению условий труда. На аглофабриках ОАО «Северсталь» прием сырья, дозировка и подготовка шихты, укладка ее на агломашины, обработка готового агломерата полностью механизированы и в значительной степени автоматизированы.

В Череповце доменный цех построен без рудного двора, зато аглофабрики размещены вблизи друг друга. Это связало агломератчиков и доменщиков жесткой системой ленточных конвейеров. Осуществляется подготовка шихты для доменных печей. Важным моментом деятельности предприятия является обеспечение безаварийной работы аглопроизводства с целью выпуска запланированного объема агломерата. Объем производства продукции зависит от многих факторов. Самые значительные из них: трудовые ресурсы, технические средства, материальное обеспечение. Управляя рисками и осуществляя прогнозирование (особенно в условиях нестабильного состояния окружающей среды), можно минимизировать незапланированные объемы работ и снизить дополнительные издержки. Основным фактором, снижающим эффективность функционирования и экономическое благополучие промышленных объектов, является старение парка оборудования. На сегодняшний день темпы старения оборудования опережают его воспроизводство и модернизацию. На основе проведенного анализа и с учетом алгоритма оценки рисков, предложенного Никулиной Н.А., была разработана схема оценки производственных рисков (рис. 1) [1].

Проанализировав все возможные риски аглопроизводства ЧерМК ОАО «Северсталь», мы пришли к выводу, что самые значимые из них связаны с невыполнением запланированного выпуска продукции, так как агломерат – начальный этап производства стали и проката. Невыполнение плана приведет к

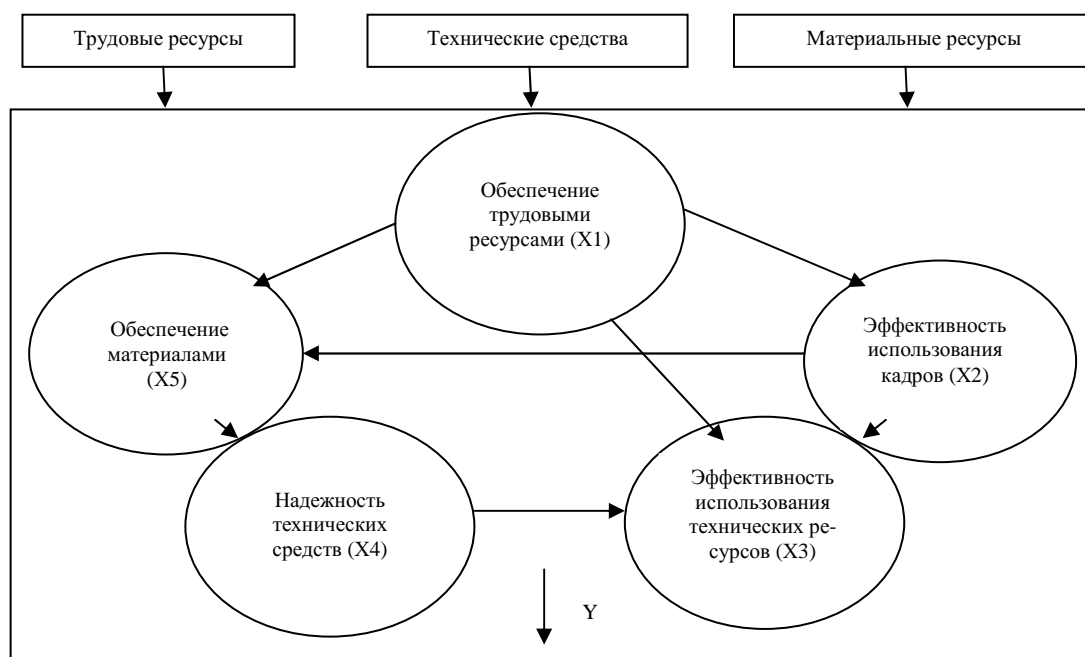

Рис. 1. Упрощенная схема производственного риска невыполнения запланированного выпуска продукции

сбою во всей технологической цепочке. В стоимостном выражении производственный риск равен производству объема невыполнения запланированного выпуска продукции на себестоимость каждой тонны. Для расчетов использованы значения невыполнения плана в стоимостном выражении за предыдущие 6 лет и значения себестоимости 1 тонны агломерата.

При построении модели выделены рискообразующие факторы:

- потребность в трудовых ресурсах (X_1) – показывает уровень обеспеченности трудовыми ресурсами;
- эффективность трудовых ресурсов (X_2) – отражает личностные характеристики сотрудников и эффективность деятельности работников;
- эффективность технических средств (X_3) – показывает уровень выполнения запланированного объема выпуска продукции без учета брака;
- надежность оборудования (X_4) – показывает устойчивость к остановке производственного процесса при выходе из строя определенного типа оборудования;
- показатель надежности стабильности обеспечения материалами и/или заготовками (X_5) – показывает уровень обеспечения в заданном объеме и в установленные сроки материалами и/или заготовками.

Все рискообразующие факторы сведены в табл. 1, где указаны их значения за рассматриваемый период. Y – процент выполнения запланированного объема производства.

Проведенный в процессе исследования корреляционный анализ позволил выявить те факторы, которые наиболее сильно влияют на риск невыполнения запланированного объема продукции (табл. 2).

Из этого следует, что на риск невыполнения запланированного выпуска продукции сильнее всего влияют X_3 и X_4 , то есть эффективность технических средств и надежность оборудования.

Таким образом, при увеличении эффективности технических ресурсов и надежности оборудования, риск невыполнения запланированного объема продукции снизится. Проведенный впоследствии эконометрический анализ факторов риска графическим способом позволил получить прогнозные данные о невыполнении планов производства (рис. 2). По результатам эконометрического анализа можно сделать вывод, что для поддержания выполнения запланированного объема производства нужно следить за состоянием и эффективностью работы технических средств.

Таблица 1

Значения рискообразующих факторов невыполнения запланированного объема продукции

Год	X_1 , %	X_2 , %	X_3 , %	X_4 , %	X_5 , %	Y , %
2004	86	99	84	72	90	99,43
2005	86	99	86	72	90	99,43
2006	88	99	90	72	90	99,38
2007	86	101	88	74	91	101,28
2008	75	99	89	74	90	98,77
2009	74	98	90	74	95	98,33

Результаты корреляционного анализа

	Столбец 1	Столбец 2	Столбец 3	Столбец 4	Столбец 5	Столбец 6
Столбец 1	1					
Столбец 2	0,9501913	1				
Столбец 3	0,999983	0,9491518	1			
Столбец 4	0,9969688	0,9327479	0,9970177	1		
Столбец 5	0,9990936	0,9362021	0,9992114	0,9982533	1	
Столбец 6	0,9925658	0,9086311	0,9927719	0,99667	0,9963769	1

Используя уравнение линии тренда, найдены значения планируемого объема производства за период 2010 – 2015 гг. расчетным способом по представленной на рисунке формуле (табл. 3).

Прогнозирование себестоимости 1 тонны агломерата осуществлено аналогичным способом (рис. 3).

Используя уравнение линии тренда, найдены значения планируемой себестоимости 1 тонны агломе-

рата в 2010 г. расчетным способом и на период с 2011 – 2015 гг. (табл. 3)

$$y = 10,543 \cdot 6^2 + 164,78 \cdot 6 + 1151,1 = 2500,3 \text{ р.}$$

В итоге сделан вывод, что невыполнение запланированного объема продукции даже на сотые доли процента приводит к значительным потерям.

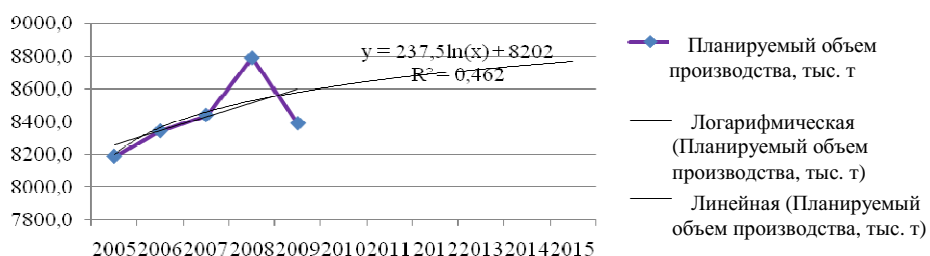

Рис. 2. Планируемый объем производства

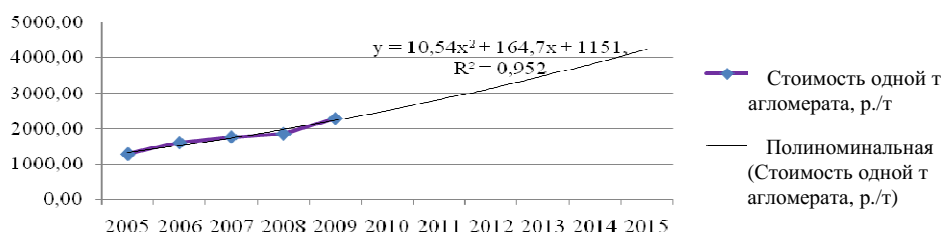

Рис. 3. Динамика себестоимости 1 т агломерата

Таблица 3

Исходные данные для расчета уровня риска в стоимостном выражении

Годы	Выполнение плана производства, %	Планируемый объем производства, тыс. т	Невыполнение плана, тыс. т	Себестоимость 1 тонны агломерата, р./т	Экономический риск, тыс. р.
2010	99,30	8624	60,37	2500,3	150938,11
2011	99,25	8653	64,90	2814,2	182634,54
2012	99,24	8689	66,04	3187,4	210484,42
2013	99,23	8716	67,11	3500,8	234949,89
2014	99,22	8739	68,16	3761,5	256399,64
2015	99,20	8781	70,25	4254,1	298842,02

Полученные результаты сведены в таблицу 3, и по этим данным рассчитан уровень экономического риска (ЭР) в стоимостном выражении как произведение прогнозных значений себестоимости 1 тонны агломерата на невыполнение плана в тыс. т.

Построенная модель производственного риска позволяет оценивать и прогнозировать динамику его проявления с учетом взаимодействия рискообразующих факторов. Она может быть применима для определения уровня производственного риска не только на плановый период, но и на более отдаленные периоды с учетом развития рискообразующих факторов. Анализ полученных результатов показал, что риск невыполнения запланированного выпуска

продукции зависит от надежности технических средств и эффективности технических ресурсов больше, чем от других рискообразующих факторов, что говорит о том, что при формировании мероприятий по снижению данного риска нужно обратить внимание именно на состояние оборудования, находящегося в эксплуатации.

Литература

1. Никулина, Н.А. Риски невыполнения объемов производства / Н.А. Никулина // Управление риском. – 2010. – № 1. – С. 39 – 42.

УДК [331.556.2:316.444.5] (470.319)

Е.С. Мальцева

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА И ПРОБЛЕМА МАЯТНИКОВОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

В статье излагаются теоретические аспекты функционирования рынка труда, приводятся взгляды современных ученых-экономистов на трудовую миграцию как неотъемлемый элемент функционирования рынка труда в современной экономической системе. Представлены экспертные оценки влияния маятниковой миграции на региональный рынок труда.

Рынок труда, регион, маятниковая трудовая миграция, экспертная оценка.

The article considers theoretical aspects of functioning of the labor market, presents the contemporary scientist-economists' points of views on commutation as an integral part of labor market in the modern economic system. Expert assessment of the impact of commutation on the regional labor market is given in the paper.

Labor market, region, commutation, expert assessment.

Трудовая миграция – закономерный процесс функционирования рынка труда в современной рыночной экономической системе. Однако в настоящее время она в меньшей степени связана с удовлетворением профессиональных интересов, а в большей – с решением материальных проблем. Основная причина трудовой миграции – поиск более высокооплачиваемой работы.

Состояние рынка труда региона существенно влияет как на спрос на рабочую силу, так и на ее предложение. И если отсутствие спроса или низкий уровень оплаты труда для одного сегмента трудовых ресурсов являются выталкивающим фактором, причиной возникновения маятниковой трудовой миграции, то увеличение спроса на труд для другого сегмента может существенно повысить предложение за счет притока трудовых мигрантов как из других регионов и зарубежных стран. Теория спроса и предложения, опосредованная преимущественно влиянием дифференциации заработной платы, является классической традицией в изучении миграции. Классический подход предполагает, что в условиях растущей экономики маятниковая трудовая миграция, как и внутренняя миграция в целом, вызвана географическими различиями в спросе и предложении рабочей силы.

В рамках неоклассической теории получила широкое развитие модель сельско-городской миграции М. Тодаро [1, с. 46]. Сущность этой концепции заключается в том, что миграция стимулируется преимущественно рациональной экономической оценкой работника относительных затрат и выгод, прежде всего, финансовых. Решение мигрировать зависит от ожидаемых различий в уровне заработной платы между городом и селом. Миграция избытка рабочей силы, превышающей возможный уровень занятости в городах, не только возможна, но и рациональна с учетом позитивных ожидаемых сельско-городских различий в доходах. Поэтому высокий уровень безработицы в городах – неизбежное следствие несбалансированности экономических возможностей между городом и селом в большинстве стран (регионов) с низким уровнем развития. Эти же аргументы можно использовать и применительно к сельско-городской маятниковой трудовой миграции, получившей широкое развитие практически во всех индустриально развитых странах мира. Данная концепция находит подтверждение и в оценке этого явления самими маятниковыми трудовыми мигрантами и работниками территориальных служб занятости населения, принявших участие в опросе, который проводился в форме анкетирования на территории Орлов-

ской области в конце 2011 – начале 2012 г.

Как показало исследование, более 17 % маятниковых трудовых мигрантов от числа опрошенных (всего было опрошено 53 респондента, совершающих ежедневные поездки на работу в направлении село – город, 100 респондентов, выезжающих для осуществления трудовой деятельности за пределы области, преимущественно в г. Москва, Московскую область) указали, что основной причиной работы не по месту постоянного проживания является безработица, а 46 % – отсутствие постоянной работы. Что же касается ответов экспертов-представителей государственных структур, участвующих в процессе регулирования рынка труда, то 32 % в качестве основной причины назвали отсутствие вакансий по месту проживания, а 25 % – отсутствие подходящей работы на территории проживания.

С точки зрения неоклассиков, трудовая миграция – результат дифференциации заработной платы между территориями. Устранение таких различий (выравнивание уровня оплаты труда) исключит территориальную мобильность трудовых ресурсов.

По результатам опроса в качестве основной причины маятниковой миграции 48 % респондентов, выезжающих на работу за пределы Орловской области, и 43 % работников территориальных служб занятости населения в качестве основной причины назвали низкий заработок. С точки зрения сторонников теории человеческого капитала потенциальные мигранты оценивают затраты и выгоды от миграции и альтернативные районы и мигрируют туда, где ожидаемые дисконтированные чистые доходы являются наибольшими в течение некоторого обозримого периода времени. Чистые выгоды от миграции определяются как будущая заработная плата, соответствующая индивидуальному уровню квалификации в районе вселения, умноженная на вероятность получения здесь работы. Выгоды от миграции делятся на монетарные и немонетарные. Последние включают и психологические выгоды.

В этой связи маятниковую трудовую миграцию можно рассматривать как «первый шаг» к безвозвратной миграции за пределы места проживания. Решение принимается индивидуально трудовым мигрантом или домохозяйством в целом. Работая за пределами области, мигрант оценивает свои индивидуальные характеристики (уровень знания, образование, опыт производственной деятельности и другие личные качества) с точки зрения возможности последующего закрепления на рабочем месте, обеспечивающего ему более высокий уровень доходов, возможность приобретения жилья и обустройства семьи.

Анализ миграционных намерений респондентов подтверждает данное утверждение. Так, например, удельный вес тех, кто планирует или готов переехать при условии появления финансовых средств, а также тех, кто не исключает для себя возможности переезда, в совокупности составил 51 % от общего числа

маятниковых трудовых мигрантов, работающих за пределами Орловской области.

На принятие решения о работе за пределами места постоянного проживания влияет географическая близость (удаленность) потенциального места работы от места жительства, наличие транспортной инфраструктуры, оцениваются издержки, связанные с перемещением к месту работы и обратно. Индивидуальные характеристики, социальные условия, относительно невысокие затраты на миграцию, способствуют росту чистой выгоды, и, следовательно, повышают ее вероятность. Таким образом, потоки трудовой миграции являются суммой индивидуальных перемещений, предпринимаемых на основе индивидуальных оценок затрат – выгод миграции.

Наибольший удельный вес маятниковых трудовых мигрантов в Орловской области приходится на город Ливны и Ливенский район (по оценкам работников СЗН их удельный вес составляет 27 % от общей численности трудовых ресурсов этих территорий), г. Мценск и Мценский район (20 %) и другие населенные пункты с хорошо развитой транспортной инфраструктурой. На вопрос относительно затрат на переезд, проживание и питание по месту работы 35 % МТМ, работающих за пределами области, и 46 %, осуществляющих трудовую деятельность в пределах области, указали, что в среднем они затрачивают менее четверти заработка, а 22 % работникам все оплачивает работодатель.

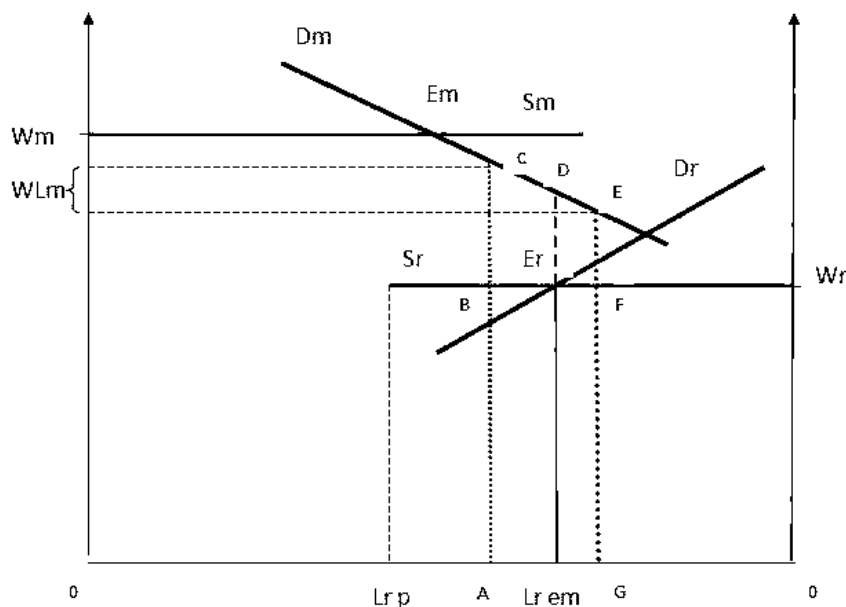
Оценивая свое материальное положение до и после принятия решение о работе за пределами области, практически все указали на то, что их доходы существенно возросли (табл. 1).

Процесс функционирования рынка труда в мегаполисе и прилегающем к нему регионе с существенной дифференциацией заработной платы в отрасли или определенном сегменте предложения может быть представлен графически (см. рисунок).

На рисунке смоделирована ситуация на рынке труда региона (справа) и мегаполиса (слева). Уровень занятости определяется в результате взаимодействия спроса и предложения в отрасли или в определенном сегменте предложения. Предположим, что график отражает спрос и предложение на работников определенной профессии. В связи с тем, что предложение существенно превышает спрос, уровень занятости данной профессии в регионе составляет Lg_{em} . Количество безработных в этой отрасли в регионе $Lg_{um} = Lg_p - Lg_{em}$. Однако в мегаполисе, территориально прилегающем к рассматриваемому региону, уровень оплаты труда существенно выше, чем в регионе, и составляет Wm . Более высокий уровень оплаты труда, территориальная доступность и невысокие издержки, связанные с перемещением в мегаполис для осуществления трудовой деятельности, приводят к росту маятниковой трудовой миграции наиболее мобильных безработных, а также (в случае существенной дифференциации уровня оплаты труда) части занятых в регионе.

Оценка МТМ своего материального положения до и после получения работы за пределами места постоянного проживания

Показатели	До начала работы за пределами места постоянного проживания		В настоящее время	
	МТМ за пределами области	МТМ на территории области	МТМ за пределами области	МТМ на территории области
Хорошее. Могли делать сбережения, дорогие покупки, %	8	4	71	27
Среднее. Нормальная жизнь была обеспечена (без роскоши), %	69	52	96	73
Плохое. Хватало только на самое необходимое (еда, одежда), %	87	33	12	0
Очень плохое (еле-еле сводили концы с концами), %	21	12	4	0

Рынки труда и межрегиональная трудовая миграция

D_r – спрос на труд в регионе, прилегающем к мегаполису, D_m – спрос на труд в мегаполисе, W_r – уровень заработной платы в регионе, прилегающему к мегаполису, W_m – уровень оплаты труда в мегаполисе, $L_r p$ – экономически активное население региона (потенциальные занятые), $L_r em$ – фактически занятые в регионе, $L_r um = L_r p - L_r em$ – безработные, E_r – равновесие на региональном рынке труда, $L_r m = |AG|$ – трудовые мигранты (в том числе маятниковые мигранты, работающие в мегаполисе), WLM – диапазон уровня оплаты труда трудовых мигрантов, прибывших из прилегающего региона

На рисунке численность трудовых мигрантов $L_r m = |AG|$. Доходы трудовых мигрантов выросли на величину, равную площади фигуры E_rDEF , а трудовых мигрантов, ранее не имевших работы в регионе, на величину, равную разнице в заработной плате и ежемесячного пособия по безработице за вычетом затрат на переезды к месту работы. Нагрузка на региональном рынке труда снижается, спрос на экономистов в мегаполисе удовлетворяется за счет прито-

ка маятниковых трудовых мигрантов из другого региона или из зарубежных стран. Более низкий уровень оплаты труда маятниковых мигрантов, приезжающих из региона, позволяет увеличить спрос, а значит и общее количество занятых в этой сфере деятельности.

На вопрос о том, какое влияние, по их мнению, оказывает маятниковая трудовая миграция на региональный рынок труда, ответы работников террито-

риальных СЗН распределились следующим образом: 57 % указали на то, что это способствует снижению уровня безработицы, 29 % считают, что работодатели имеют возможность нанимать более дешевую рабочую силу, а 9 % респондентов отметили, что образовавшиеся вакансии приходится заполнять низкоквалифицированными кадрами, прибывающими на территорию области из стран СНГ.

Как показывают наблюдения, а также анализ функционирования региональных рынков труда, есть основания утверждать, что существующие теории относительно выравнивания уровня оплаты труда в регионах, отдающих и принимающих трудовых мигрантов, на практике не получают аргументированного подтверждения. Уровень заработной платы в отрасли не столько отражает равновесное состояние на рынке труда, сколько выполняет информационную функцию для потенциальных мигрантов. Дифференциация в уровне оплаты труда в регионах существенно влияет на миграционные намерения трудовых ресурсов, реализация которых может негативно отразиться на состоянии рынка труда в будущем.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что в условиях развития современной рыночной экономики России практически каждый из теоретических подходов относительно факторов трудовой миграции находит свое подтверждение на практике. Сложно выделить в качестве наиболее приоритетных факторов маятниковой трудовой миграции какой либо один: «выталкивающий» – отсутствие вакантных рабочих мест соответствующей квалификации или «притягивающий» – более высокий уровень оплаты труда при небольших затратах трудовых усилий в крупном городе относительно работы в сельской местности (на это указали 26 % МТМ, работающих за пределами области).

И если спрос на труд во многом определяется экономической динамикой и ростом предпринимательской активности, то предложение трудовых ресурсов на региональном рынке труда определяется такими факторами, как:

- общая численность населения трудоспособного возраста (имеющая устойчивую тенденцию к сокращению особенно в сельской местности);
- экономическая активность населения, вклю-

чающая занятых и безработных, активно ищущих работу;

- качественные характеристики экономически активного населения (уровень образования, квалификации, профессиональной подготовки и др.);

- уровень оплаты труда в регионе относительно уровня оплаты труда в соответствующем сегменте за его пределами;

- численность трудовых мигрантов, прибывающих в регион, характеризующихся соответствующими качественными и количественными характеристиками.

К основным миграционным потокам, которые оказывают влияние на формирование региональных рынков труда, относятся:

1. Маятниковая трудовая миграция. Как правило, в ней участвуют жители пригородных территорий, входящих в агломерации и совершающие ежедневные трудовые маятниковые миграции.

2. Межрегиональная миграция рабочей силы. Привлечение работников осуществляется как из прилегающих субъектов РФ, так и регионов, удаленных от него. При этом перераспределение по территории ресурсов труда может осуществляться в форме как трудовой миграции (без смены постоянного места жительства), так и безвозвратной миграции на постоянное место жительства в целях трудоустройства.

3. Миграция рабочей силы из-за пределов страны (внешняя миграция). Внешние мигранты могут прибывать на территорию вселения, как на постоянное место жительства, так и с целью осуществления временной трудовой деятельности (иностранный рабочий).

Перечисленные потоки трудовых мигрантов в той или иной степени определяют структуру предложения рабочей силы в регионе, что позволяет восполнить недостающий сегмент рабочей силы в структуре ее предложения на региональном рынке труда.

Литература

1. *Блинова, М.С.* Современные социологические теории миграции населения / М.С. Блинова. – М., 2009.
2. *Юдина, Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов / Т.Н. Юдина. – М., 2007.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО КОНТРАСТА И ЕГО СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению содержательного контраста художественного текста в аспекте таких параметров, как стилистическая функция, тема фрагментов, содержащих соположенную информацию обобщенное / конкретизированное, уровень обобщенности текстовых фрагментов, последовательность обобщенного / конкретного в тексте и смысловые отношения между указанными типами информации. В статье рассматривается стилистический потенциал и лингвистические средства выражения содержательного контраста.

Художественный текст, содержательный контраст, обобщенное / конкретизированное, структура художественного текста, ирония, модальность.

The article is devoted to the study of the content contrast of generalized and concretized information in a literary text. The content contrast of information is analyzed from the point of view of such characteristics as the stylistic function and the theme of fragments containing the general / concrete information, the level of generalization of text fragments, the sequence of general / concrete information in the text and the semantic relations between these types of information. The article considers the stylistic potential and linguistic means of expression of the content contrast.

Literary text, content contrast, generalized / concretized information, the structure of a literary text, irony, modality.

Изучение типологических особенностей художественного текста в современной лингвистике, как отмечается в работах Ф. Данеша, Т. Энквиста, С.И. Гиндина, Е.С. Кубряковой, В.А. Лукина и др., представляет значительный интерес. В качестве одного из возможных способов изучения типологических особенностей художественного текста является сопоставление данного функционального стиля с другими. По мнению Н.М. Разинкиной, метод анализа по фундаментальным стилистическим оппозициям позволяет выявить специфическую языковую организацию стиля, что особенно плодотворно при сопоставлении научной и художественной прозы как двух видов человеческого познания [6], [7].

В данной статье мы рассматриваем содержательный контраст как структурно-композиционную особенность художественного текста. Анализ основан на последовательном изучении таких аспектов, как функциональная и тематическая значимость текстовых фрагментов, в которых проявляется содержательный контраст; уровень философской обобщенности фрагментов текста, проспективное / ретроспективное развертывание обобщенного / конкретизированного, а также характер смысловых отношений между указанными фрагментами текста. Роман С. Моэма «Пирог и пиво», послуживший материалом исследования, условно относится к автобиографической прозе, в которой образ автора выступает под видом литературной маски рассказчика [3].

Предпринятый анализ текста по оппозиции обобщенное / конкретное позволяет обнаружить скрытый авторский код текста, обнаружить его структуру и выделить особенности индивидуального авторского стиля изложения. На наш взгляд, подоб-

ный подход к изучению типологических особенностей стиля художественной прозы продуктивен при изучении системообразующих категорий текстов, для которых характерно широкое использование авторских отступлений и комментариев.

Содержательный контраст является одним из способов построения художественного текста. Он используется в тех фрагментах, где наблюдаются метатекстовые образования, т.е. в композиционно-речевой форме «рассуждение».

Обобщенная информация, как правило, выражена при помощи афоризма, сентенции, характеризуется краткостью и оценочностью, т.е. для нее характерна автосемантичность [6]. Как показывают результаты исследования текста, обобщенная информация может быть выражена при помощи высказывания, содержащего обобщение, не выводящего текст на уровень широких философских рассуждений, поэтому такие высказывания могут не быть автосемантическими и в значительной степени зависят от контекста повествования. Конкретизирующая информация либо поясняет обобщенную, противоречит ей, либо иллюстрирует общее положение.

Рассмотрим роль содержательного контраста в аспекте такого параметра, как **стилистическая функция**, понимаемая как «экспрессивный потенциал лингвистических единиц и их взаимодействие в тексте» [2, с. 25]. Стилистическая функция тесно связана с **темой текстового фрагмента**. При этом тема понимается, вслед за А.И. Новиковой и Г.Д. Чистяковой, как связный смысловой отрезок текста [6, с. 154]. В романе «Пирог и пиво» содержательный контраст в основном локализован в рассуждениях главного героя писателя Уилли Эшендена, в еди-

ничных случаях – в речи других героев. В большинстве случаев в словах Эшендена выражается ирония по поводу деятельности писателя, его внутреннего мира, отражения личности автора в произведении, а также содержатся обобщения, касающиеся особенностей личной жизни писателей, которые не обременяют себя узами брака ради карьеры, трудностей в общении, возникающих вследствие постоянной работы над адекватной формой выражения мысли, недоверия оценкам критиков в определении таланта писателя. Другая группа обобщений касается так называемых уловок, к которым прибегают авторы с целью рекламы своих книг и достижения успеха у публики. Данная группа обобщений также характеризуется использованием иронии автора. Отдельную группу составляют высказывания, отражающие наблюдения Эшендена над поведением людей в целом, эта группа отражает жизненный опыт писателя.

Изучение содержательного контраста в речи повествователя, как видно из приведенного неполного списка тем обобщенных высказываний, позволяет выявить взгляды автора, скрывающегося в образе главного действующего лица – повествователя Эшендена. С другой стороны, содержательный контраст используется как ироническое средство обрисовки образов персонажей.

По **уровню обобщенности** высказывания можно разделить на несколько групп:

1. *Обобщенное философского характера* о подлинном искусстве и назначении писателя. Такие обобщения носят, как правило, иронический характер, автор прямо не выражает, а подразумевает качества настоящего писателя.

2. *Обобщенное, отражающее жизненные наблюдения автора за поведением людей.* Эти обобщения носят более конкретный, житейский характер, не связаны с рефлексией по поводу глобальных проблем человеческой жизни. Такие обобщения также наполнены авторской иронией по поводу отсутствия искренности во взаимоотношениях между людьми.

3. *Обобщения, выражающие стереотипы поведения авторов, стремящихся завоевать общественное признание своего «таланта».* Такие обобщения часто строятся на основе контраста, создающего иронию. Подобное структурное оформление текста позволяет автору выразить свое презрение и насмешку над извращенным пониманием творчества и превращением его в продукт усилий писателя по продвижению своей книги. В обобщенном также наблюдаются элементы конкретного.

Последовательность обобщенного и конкретного в тексте может быть **перспективной, ретроспективной и смешанной** [9]. Анализ контекстов с **перспективным соположением** двух типов информационного содержания позволил выделить следующие приемы его реализации: параллельные конструкции (часто осложненные анафорическим повтором), пропуск разъясняющего содержание предложения (*gap-sentence link*), перечисление, состоящее из существительных в форме множественного числа с собирательным значением, антитеза, контраст. Особым экспрессивным потенциалом обладают отрицания и использование идиомов, использование

перифразы и точного высказывания, в результате чего создается контраст. Небольшое количество отрезков с перспективным соположением обобщенного/конкретного делает количественный анализ отмеченных стилистических приемов непоказательным.

Наиболее отмеченными стилистическими средствами выражения **ретроспективного соположения обобщенного/конкретного** являются следующие (в порядке убывания количества проанализированных случаев): антитеза, параллелизм, отрицание, литота; использование идиомов, метафора, аллегория, использование терминов в контексте разговорной речи, аллюзия на библейские образы. Также отмечается единичное использование перечисления для создания ретроспективного соположения обобщенного / конкретного. Как правило, стилистические приемы сочетаются и образуют конвергенцию. Случаи с ретроспективным соположением более многочисленны и также характеризуются присутствием авторской иронии. Конкретное часто выражается при помощи имен собственных, аллюзивных имен (George Meredith, Anatole France, Thomas Hardy).

Отрезки **со смешанным соположением** обобщенного / конкретизированного преобладают по сравнению с другими в количественном отношении. В тексте встречаются случаи различной степени обобщенного и конкретизированного, происходит постепенное сужение, накопление конкретизирующих признаков. Мы выделили следующие стилистические приемы и средства реализации данного типа соположения рефлексий, наиболее частотные указаны в начале списка: перечисление, параллелизм, отрицание, контраст, литота, отрицание, антитеза, предложения с переосмысленным структурно-синтаксическим значением (несобственно вопросительные, несобственно утвердительные), ирония, образные сравнения. Также встречается использование аллюзии, цитаты, имени собственного, инверсии, аллюзии и идиомов.

Смысловые отношения между обобщенным и конкретизированным в высказываниях с **перспективным соположением** двух типов рефлексии представляют собой следующую структуру: тезис (суждение) – иллюстрация (4), пояснение (5), дополнение (1), следствие (1), опровержение тезиса (1). В скобках указано количество отмеченных случаев в проанализированном тексте.

Характерной чертой перспективного соположения содержательных отношений является структура, в которой обобщенное вводится с использованием личных местоимений, фраз типа “I have noticed”, “I fancy”, “I have a notion” и др., что приводит к ситуации, когда обобщенное как бы заключается в рамки конкретного.

Таким образом, обобщенное наделяется свойством модальности – это не вообще обобщенное как некая непреложная истина или тезис в науке, а субъективное представление о природе вещей автора.

Высказывания с **ретроспективным соположением** двух типов рефлексии представляют собой структуру, в которой обобщенному выводу предшествуют различные факты, примеры, описание событий или фактов, иллюстрации примеров из жизни, описание

образов и событий. Умозаключение, таким образом, происходит индуктивным путем. В данных примерах, как и в случае проспективного соположения, обобщенное может содержать элементы модальности, указывающие на субъективный характер обобщения (“we know”, “I am surprised”). Обобщенное может представлять собой вывод, неожиданный для его автора; либо афоризм, характеризующийся высокой степенью автосемантической; суждение, представляющее собой метафорическое обобщение; объяснение; идиом, представляющий собой клише; обобщенные суждения. Обобщенное при таком способе соположения рефлексивов часто характеризуется иронией, даже сарказмом. Отметим также, что в рассмотренных примерах метафора обладает большим потенциалом выражения обобщенного.

Высказывания **со смешанным соположением** двух типов рефлексии представляют собой большое многообразие структур, наиболее характерной при этом является следующая: «конкретизированное – обобщенное – конкретизированное». Данная структура может иметь варианты, в основном представляющие собой дальнейшую конкретизацию или обобщение.

Содержательный контраст является мощным средством создания иронического эффекта. Другим важным выводом анализа содержательного контраста является то, что различное соположение информации осуществляется при помощи различных языковых средств, в том числе и стилистических. Обоб-

щенное и конкретное в художественном тексте тесно взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга.

Литература

1. Брандес, М.П. Предпереводческий анализ текста / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – М., 2003.
2. Знаменская, Т.А. Стилистика английского языка: Основы курса / Т.А. Знаменская. – М., 2002.
3. Левидова, И. Сомерсет Моэм, его маски и бремя страстей человеческих: Вступ. ст. к книге / И. Левидова // Моэм С. Луна и грош; Пирог и пиво, или Скелет в шкафу; Театр; Романы; Рассказы / Пер. с англ. Н. Ман и др. – Кишинев, 1983. – С. 3 – 12.
4. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – М., 1999.
5. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. – М., 2005.
6. Разинкина, Н.М. Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков) / Н.М. Разинкина. – М., 2004.
7. Разинкина, Н.М. Стилистика английского научного текста / Н.М. Разинкина. – М., 2005.
8. Моэм, С. Луна и грош; Пирог и пиво, или Скелет в шкафу; Театр; Романы; Рассказы / Пер. с англ. Н. Ман и др. / С. Моэм – Кишинев, 1983.
9. Maugham, W.S. Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard / W.S. Maugham. – М., 2004.

УДК 304.2

Ф.А. Ветров

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор А.В. Чернов

МОНОГОРОД VS ИННОГРАД: ПОЛЮСА КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЭКСПЕРТ»)

Деловой масс-медийный дискурс России периода экономического кризиса становится предметом рассмотрения в этой статье. Кризисный медийный дискурс представлен двумя мифологемами: моногород и инноград.

Критический дискурс-анализ, масс-медиа, деловые СМИ.

The article considers Russian business mass-media discourse of the period of economic crisis. Crisis media discourse is represented by two mythologems: monocity and innograd.

Critical discourse-analysis, mass-media, business mass media.

Тема моногородов в качестве структурообразующей вошла в масс-медийный дискурс в кризисном 2010 г. В это время она активно участвует в структурировании специфического контента кризисной коммуникации. Моногорода, как одно из последствий ошибочной экономической стратегии, – первые жертвы глобального кризиса, волны которого ударили по обветшавшим, но державшимся остаткам советской экономики, сфокусировали направления и

пафос официальной версии развития событий¹.

¹ Официальная версия истории проблемы была сформулирована Президентом РФ: «Моногорода возникли в советский период, период плановой экономики, но людям, которые там живут, от этого не легче. Кто-то когда-то принял решение, иногда продуманное, иногда, может быть, не вполне продуманное, о создании города с одним предприятием». – URL: <http://www.1tv.ru/news/economic/165016>

Однако даже в ситуации начавшегося и длящегося кризиса политическое и аналитическое измерение проблемы, простирающееся в интенсивном использовании концепта «моногород», в медийной практике включилось в сложную, противоречивую парадигму. Эта парадигма имела и свое внутреннее измерение, и свой внешний контекст. И то, и другое эволюционировало вместе с изменением социально-экономической ситуации и репрезентирующим ее медийным дискурсом. Дискурс кризиса 2009 – 2010 гг. в деловых СМИ во многом определяется цепочкой эквивалентности: моногород – инноград. К этой цепочке могут быть добавлены иные позиции, но явные смыслообразующие полюса определились именно так: моногород и инноград – как негатив и позитив кризиса. Поляризация осуществлялась настойчиво и последовательно, хотя в понятии «моногород» время от времени возникала положительная оценка, а «инноград» не воспринимался однозначно позитивно.

Для того чтобы попытаться объективно определить, как именно, с какой целью и в какой последовательности деловые СМИ конструировали ключевые кризисные конструкты – «моногород» и «инноград», обратимся к материалам журнала «Эксперт». В качестве эмпирической базы исследования взяты публикации журнала «Эксперт» в период с марта 2009 по декабрь 2010 гг. Временные рамки обусловлены, с одной стороны, первым зафиксированным случаем появления концепта «моногород» в качестве предмета аналитических усилий авторов журнала, верхней граница – признанием «объяснительной» исчерпанности концепта и стремлением ввести иерархию внутри ставшей полевых семантических структур «моногород» и «инноград».

При выборе исследовательской методики представляется оправданным обратиться к моделям функционально-когнитивного анализа как составной части дискурс-анализа. Выбор дискурс-анализа обусловлен социальной включенностью этого метода: дискурсивное изучение Л. Филипс и М. Йоргансен называют исследованиями, которые позволяют «управлять социальными последствиями, то есть прогнозировать развитие дискурса и созданного в нем поля значений» [14, с. 9]. Дискурс-анализ особенно продуктивен при анализе масс-медиа продукции, потенциала, текстовой и идеологической составляющих.

В качестве методологического уточнения отметим, что к детализации знаков дискурса через язык и текст обращаются многие исследователи, начиная с Ф. де Соссюра. Нас в большей мере интересуют позиции критического дискурс-анализа Н. Фэркло. Именно он предлагает детально разработанную последовательность анализа материалов в рамках критического дискурс-анализа. Исследователь предлагает в качестве первого этапа обращаться к лингвистическому анализу.

Однако мы не ограничиваемся данной классической моделью, скорее наш анализ может быть определен как мультиперспективный дискурс-анализ. В соответствии с задачами исследования он включает:

лексико-семантический анализ и анализ функционально-когнитивный – как уровень текста (согласно трехмерной модели Фэркло: уровень текста, уровень воспроизводимости, уровень дискурсивной практики). При этом анализ воспроизводимости в рамках дискурсивной практики существующего порядка как уровень социальной практики можно описать однозначно. Он представлен в рамках одной дискурсивной формации (термин М. Фуко).¹

Уровень дискурсивной практики в нашем исследовании представлен разными жанрами, однако контекст журнала остается единым, и его можно обозначить как объективировано-аналитический. «Деловой» формат журнала предполагает наличие экспертизы, мнения хоть и индивидуального, но подкрепленного статусом, профессиональными навыками и даже успехами (профессиональной эффективности).

Комплексный анализ узловых точек дискурса позволяет перевести поле оценки (часто фиксирующееся в кризисном дискурсе) в содержательные характеристики точек. Одной из возможных стратегий в данном случае оказывается лингвистический анализ, в частности, лексико-семантический. Изучение узловых точек дискурса позволяет отражать собственно дискурсивные смыслы, которые естественным образом соотносимы, как с социальной практикой, так и с идентичностями, однако формируют особый дискурсивный контекст. Анализ узловых точек позволяет прийти к определению содержания доминант дискурсивного поля. Следовательно, уровень текста оказывается во многом определяющим при анализе узловых точек – «моногород» и «инноград».

Логично начать анализ со словарных значений. Однако трактовки понятий «моногород» и «инно-

¹ Говоря о дискурсивной формации, мы используем суждения Э. Лассан, которая рассматривает это явление как производную от парадигмы текстов. Э. Лассан, исходя из схемы, предложенной Е.С. Кубряковой (объединение составляющих в парадигму основывается на трех звеньях 1) установочно-предпосылочном, 2) предметно-познавательном, 3) процедурном, или «техническом») определяет дискурсивную формацию как опирающуюся на два звена: установочно-предпосылочное и «техническое». Логика создания дискурсивной формации включает следующие стадии:

- первоначально существуют противостоящие общности текстов, защищающие определенный взгляд на определенный предмет;

- затем вербализованные в парадигмах текстов установочные мышления членов социума содержатся во множестве самых разнообразных высказываний, производимых ими.

Предмет обсуждения при этом не является релевантным для общности текстов, подводимых под понятие формации. Каждое конкретное издание характеризуется определенной позицией, т.е. принадлежит соответствующей дискурсивной формации, что в известной мере нивелирует «уникальный» облик автора текста. Дискурсивная формация оказывается уровнем воспроизводимости и может быть соотнесена с такими терминологическими рядами, как: дискурсивный корпус (Пеше), дисциплинарное пространство коммуникативной ситуации (М. Фуко), модель вербального обмена (О. Ревзина).

град» в словарях не зафиксировано. Конечно, есть возможность определиться с позициями относительно частей слова. Так, город¹ предстает в словарных значениях как официальное, регистрируемое крупное объединение, область консолидации. Обратим внимание на существующие варианты осмысления города как некоего единства и даже одиночности (город-республика), и зависимости, ущербности (город-спутник), что демонстрирует активно, собственно, первая часть слова «**моногород**».² Следуя словарной логике, моногород – город одного «героя», одного предприятия,³ в чем-то уникальный, единственный, отличный от большинства, и определяется некоторой ущербностью; с точки зрения экономических реалий современности, ущербностью из прошлого, отгороженностью от новых веяний, элементов диверсификации, связанный с традиционными видами промышленности и прочих ресурсобеспечивающих процессов.

Сразу нужно сказать, что рассмотренные случаи употребления концепта «моногород» в ведущем деловом журнале страны⁴ совершенно неоднородны, само понятие «моногород» также в оценочном плане

¹ ГОРОД, -а; города; м.

1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа и т.п. Областной город. Портовый город. Город-спутник – населенный пункт такого типа, расположенный вблизи очень крупного населенного пункта и связанный с ним в хозяйственном и культурно-бытовом отношении.

Города-побратимы, породненные города, населенные пункты различных стран, установившие непосредственные дружеские связи в целях укрепления сотрудничества между народами.

Города-республики – феодальные государства на территории северо-запада и севера Руси в XII – XV вв. // Разг.

Центральная часть такого населенного пункта (в отличие от удаленных его частей, окраин;

Старая часть, район старой застройки такого населенного пункта. Застраиваются окраины, а старый г. сохраняется в неизменном виде. / Разг.

О жителях такого населенного пункта.

2. Ист. Древнее поселение, огороженное укрепленной стеной; крепость // Ограда, стена, окружающая такое поселение. Земляной город.

(Город // **Большой толковый словарь русского языка** / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2009.)

² МОНО... [от греч. monos – единый, единственный, один] Первая часть сложных слов.

1. Вносит значение слова: одно, едино; одиночный, единственный. Моноблок, моноволокно, моноласта, монотеизм, моноцикл, монохроматический.

2. Обозначает исполнение чего-л. одним актером, наличие одного героя или автора. Моногерой, моноопера, моноспектакль, моноревю, монофильм.

(Моно // **Большой толковый словарь русского языка** / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2009.)

³ Данные относительно количества моногородов расходятся: Минрегион фиксирует 335 моногородов, Институт региональной политики говорит о 460 городах, по данным Экспертного института монопрофильные города составляют от 43 % и т.д.

⁴ На момент написания статьи по индексу цитируемости «Эксперт» на российском рынке деловой прессы уступал только «Forbes».

далеко не всегда используется и трактуется в негативном ключе.

Ядро концепта естественным образом создается через обозначение «моногород». Периферийный пояс связан с обозначениями всех активных действующих сторон. Наиболее общие направления выделяются в рамках концепта «моногород» при выделении оценочных характеристик. Естественно, разделение оказывается чрезвычайно условным, поскольку порой одни и те же обозначения дают разные оценочные полюса. Выделяются положительные оценки при включении в контекст федеральной и местной власти вопросов потенциального роста моногорода в условиях кризиса через диверсификацию, где инструментом оказываются комплексный инвестиционный план и комплексный план развития.

Своеобразной «корпоративной нормой» деловых СМИ в отображении ситуации кризиса становится поиск возможных путей решения сложных вопросов. Явно превалируют оценки, связанные с пониманием кризиса как возможности для обновления и старта новых проектов в моногородах. И весь потенциал связан с наличием программ развития и инвестирования.

Признаком окончания тематической монополии концепта «моногород» в кризисном дискурсе становится появление концепта «инноград». Информация о Сколково впервые появляется в журнале в апреле 2010 г. И возникает сразу как исключительно важная – в редакционной статье. В терминах критического дискурса-анализа такое включение демонстрирует привилегированный знак дискурса, основной знак в структуре дискурса (Лакло и Муфф), что подтверждает нашу гипотезу относительно полюсообразного представления кризисного дискурса в деловых СМИ [8, с. 131].

Словарное значение слова «инноград», естественно, также в словарях не фиксируется. Даже основа инно- (от «инновационный») оказывается нерегистрируемой. Очевидно, такая ситуация связана с относительной новизной используемого термина. Словари, прежде всего, расположенные в зоне Интернет, предлагают свои варианты значений инновационного процесса, продукта, потенциала, риска, цикла, сценария и под.⁵ И так, нечто новое, революционное, коммерциализованный наукоемкий продукт или процесс, – заключено в слове «инноград». Обратим внимание, что при обращении к опыту зарубежных авторов появляется возможность выделения эволюционных и революционных инноваций,⁶ а главное, – гуманитарного осознания инновации, инновационного мышления как социального принятого и формирующегося при помощи гуманитарных технологий. Отечественная традиция «инновационного всего» опирается, прежде всего, на коммерческий эффект от внедрения какого-то (чаще всего технологического)

⁵ В частности, Словарь Finam.ru трактует слово «инновация» так: «Инновация – нововведение в области техники, технологии, организации труда или управления, основанное на использовании достижений науки и передового опыта». – URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/innovation.html>

новшества. Тогда возникает идея пространства, объединяющего предпринимателя и научное сообщество.

Обратим внимание на вторую часть слова «инноград».¹ «Град» явно читается как возвышение, поэтизация, даже мифологизация образа, своего рода залог успешности проекта. Здесь также включаются и позиции определенной единичности – престольный, первый град. Предлагая эквивалентную цепочку, связанную с инноградом, мы можем увидеть, что выбран яркий и многообещающий образ: инноград – академгородок – инновационный проект Сколково – Кремниевая долина Сколково – научно-технологический комплекс – инновационный центр. Не столь примечательные, ставшие обыденными и потому затертыми, центры², проекты и комплексы используются как синонимическая замена. Позиции кремниевой долины оспариваются и в экспертном дискурсе, есть вариант перевода – силиконовая, а также возражения от ощущения прямого переноса чуждой организационной технологичности на неподготовленную законодательную базу³. Позиция «академгородок», очевидно, излишне закрыта, непублична и трудно встраиваема в новые дискурсивные практики, формируемые властными структурами. Новаторство сложно ассоциируется с советскими еще реалиями, пусть и воспринимаемыми позитивно и определяющимися сходными признаками с инноградом.

Когнитивно-функциональный анализ концепта «инноград» позволяет фиксировать такую периферию обозначений: Сколково – как прямая номинация проекта, моногород – как негатив кризиса, сам «инноград» несет положительный заряд, инновации и компании с внедрением инноваций, модернизация, прежде всего, экономическая, другие мировые технопарки и зоны – только успешные образцы; правительство и власть вообще – как генератор идеи и концепции иннограда, город и городская инфраструктура – как новый вектор развития постиндустриального мира, Сочи – второй (или первый?) город-проект.

Журнал «Эксперт» предлагает вариант посткризисного дискурса, как дискурса, формирующегося между двух полюсов: моногорода – остатков советского прошлого и иннограда – инновационного проекта будущего, комплексного продуманного ответа вызовам времени, прежде всего, экономическим и технологическим. Конечно, ключевые знаки дискурсивной практики связаны не только с самим журналом. Мы наблюдаем рамки социального порядка и

ограничения дискурсивной практики (жанр, стиль, тип и под.), однако лексико-семантический анализ и функционально-когнитивный анализ концептов «моногород» и «инноград» дают возможность говорить о структурно-сложном поле концептов, и, соответственно, дискурсивной практике журнала. Одно включение полей города, городского развития (от общих мыслей о новых типах городов до конкретных проектов) определяют высокий потенциал концепта «инноград». Цепочки эквивалентности позволяют выстраивать значения основных знаков дискурса, отметим, что появляется и косвенная идентичность, которая проявляется в формировании оценочного пула. Базовым оказывается концепт гегемонии,⁴ разрешение конфликта (кризис, вполне очевидно определяется как конфликт, но «моногород» и «инноград» не становятся антагонистами, вернее, перерастают эти однозначные отношения).

Литература

1. Город, град, моно // Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2009. – С. 132.
2. Инновация // Финансовый словарь. – URL: <http://www.finam.ru/dictionary/wordf014D500019/default.asp?n=1>
3. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
4. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 84 – 97.
5. Лассан, Э. Парадигмы текстов и дискурсивные формации как объекты дискурсивного анализа / Э. Лассан // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / отв. ред. Чудинов А.П. – Т. 12. – Екатеринбург, 2004. – С. 32 – 37.
6. Можейко, М.А. Автоматический анализ дискурса / М.А. Можейко // Постмодернизм: Энциклопедия. – М., 2001. – С. 47.
7. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66 – 78.
8. Филипс, Л. Дискурс-анализ: теория и метод / Л. Филипс, М. Йоргансен. – Харьков, 2008.
9. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge, 1992.
10. URL: <http://www.1tv.ru/news/economic/165016>
11. URL: <http://www.ckolkovo.info/nikolai-petrakov-v-skolkovo-net-uslovii-dlya-rossiiskikh-geitsov>
12. URL: <http://www.i-gorod.com/docs/20100928-fz-244/>
13. URL: <http://www.mlg.ru/smi/ratings/1697/>
14. URL: Innovation// <http://www.businessdictionary.com/definition/innovation.html>

¹ 2. ГРАД, -а; м. Град.-поэт. Город. Стольный, престольный г. (столица). * Красуйся, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия (Пушкин). < Градской, -ая, -ое. Градский, -ая, -ое.

(Город // **Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2009.**)

² Хотя Федеральный закон обозначает Сколково как центр: «Федеральный об инновационном центре «Сколково» // <http://www.i-gorod.com/docs/20100928-fz-244/>

³ В частности, мнение Николая Петракова: «В Сколково нет условий для российских Гейтсов». – URL: <http://www.ckolkovo.info/nikolai-petrakov-v-skolkovo-net-uslovii-dlya-rossiiskikh-geitsov>

⁴ Масс-медийный дискурс в целом становится площадкой реализации, формирования смысловых полей, определяющих гегемонию. Концепт гегемонии оказывается принципиально значимым, как выявляющий идеологическую сущность дискурса, здесь определяется не столько доминирование, сколько «процесс переговоров», в результате которых возникает консенсус относительно значения, точки, в которых существует открытая борьба между рядом репрезентаций. См. к примеру, Fairclough N. Discourse and Social Change. – Cambridge, 1992.

**ВРЕМЯ В ТВОРЧЕСТВЕ С.Т. АКСАКОВА
(К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ»)**

Цель работы – привлечь внимание к неисследованности «биографии внутренней жизни» писателя, проясняющейся при условии прочтения «Семейной хроники» в контексте целостности творческого – духовного – пути С.Т. Аксакова, воспоминания которого осложнены исповедальным началом, составившим сферу потаенного. В аксаковедении остаются непроясненными: трагический подтекст творчества писателя в целом и литературная позиция Аксакова последнего десятилетия жизни.

«Биография внутренней жизни», трагический подтекст, благодарность и время, осмысление настоящего.

The purpose of the article is to attract attention to “the biography of Aksakov’s inner life” that has not been investigated sufficiently and which is becoming clear if you read “The Family Chronicle” in the context of the writer’s creative life as a whole. The writer’s reminiscences are complicated by the confessional beginning that belongs to the sphere of secrets. The tragic implication of the writer’s works in whole and Aksakov’s literary position of the last decade of his life remain unclear in Aksakov’s creative works.

“Biography of inner life”, tragic implication, gratitude and time, understanding of the present.

Погружение в глубину времени есть неотъемлемая черта творчества С.Т. Аксакова, определяющая своеобразие литературной позиции последнего десятилетия жизни писателя. Однако аксаковское представление «о задачах и психологической глубине мемуарной литературы» [13, с. 5], или отношение писателя «к художеству» [21, с. 5], на важность осознания которого указал А.С. Хомяков, не стало предметом самостоятельного изучения, как не стали предметом исследования «биография внутренней жизни писателя» [8, с. 604] или «выразившийся» в творчестве «духовный путь» [14, с. 400] С.Т. Аксакова.

Задача данной работы – проследить, каким образом выявление устойчивой повторяемости понятия «время», проявляя приоритеты аксаковского внимания, трагический подтекст и сферу потаенного, влияет на восприятие хроники и литературной позиции писателя последнего десятилетия жизни в целом, указывая на недостаточную проясненность генезиса хроники и аксаковского отношения «к художеству».

Так, с одной стороны, справедливо, что «аксаковская семья, жившая интенсивной духовной жизнью <...> далеко не все выносила на поверхность этой жизни. Трагический пласт семейного бытия таился глубоко внутри, но он нашел выражение в эпистолярных материалах» [10, с. 222]. С другой – очевидно, что стихотворения, статьи и сохранившиеся аксаковские записки также запечатлели расстановку приоритетов аксаковского внимания, которая, не проявляясь вполне в каком-либо одном произведении Аксакова, будь то Детские годы или Хроника, вошла в единую сферу потаенного, отчасти поясняемую одним из ранних высказываний С.Т. Аксакова: «Без нас любителей довольно / О тайнах сердца толковать!.. [8, с. 661]. Это высказывание 1823 г., проливающее свет на формировавшуюся в 1820 – 30 гг. литературную позицию писателя, дополняет то нижеследующее суждение 1855 г., которое может быть эпиграфом ко всему творческому пути писателя, так как

именно в нем соединились два важных для Аксакова понятия: «благодарность» и «время».

«<...> всегда **время** отдавать справедливость за службу; благодарным быть – всегда **время**» [8, с. 620] – сказано в 1855 г. (здесь и далее выделено нами – Е.Г.). В своей совокупности суждения 1823 и 1855 гг. помогают увидеть литературную позицию писателя **как устойчиво неизменную в глубинных своих основах**, начиная с ранних литературных опытов Аксакова. Так, очевидно, что Посвящение А.С. Шишкову, предпосланное Аксаковым переводу комедии Мольера, зиждется на том же стремлении запечатлеть Истину и выразить благодарность, которое отчетливо проявляется и в статьях 1830 – 50 гг. «Ты от нашествия речей иноплеменных / Словесность русскую преславно защитил...» [1, с. 250], – сказано в 1819 г.. «<...> какою черною неблагодарностью платим мы некоторым писателям, которых имена <...> должны мы произносить с почтением и признательностью» [8, с. 520] – в 1830 г. При сопоставлении ранних стихотворений писателя и статей 1830 – 1850 гг. проясняется, что раздумья о проблеме безразличия к духовным основам отечественной культуры, о *неспособности к благодарности* – Богу, Отечеству, природе, современникам, ближним и близким – так же устойчиво проявляются как одна из побудительных причин творчества, как раздумья о «тайнах духовной природы человека» [3, с. 338] и важности сохранения благодарной памяти, что, в соответствии с христианской традицией, предопределяет способность словесности сохранять качества «душеспасительной духовной пищи» [8, с. 380]. Трагический подтекст очевиден как в письмах, так и в творчестве, начиная со стихотворений «Три канарейки» (1812) и «А.И. Казначееву» (1814): «... Я мнил, / Что мы, сразив врага и наказав кичливость / Окажем вместе в тем им должную справедливость / Познаем, что спаслись мы благостью небес / Прольем раскаянья потоки горьких слез / Что подражания слепого устыдимся, / К обычаем, к языку родному обратимся... [8, с. 636].

Для сравнения: из юношеского письма к сестре, на которое в 1987 г. указал С.П. Фатеев: «... нет местечка, где бы проклятые люди не наказали природу...» [19, с. 8], из «Литературных и театральных воспоминаний»: «Что за мудреное создание человек!» [8, с. 19]. Очевиден трагический подтекст в «Истории моего знакомства с Гоголем» и в «Хронике»: «...человек – заклятый и торжествующий изменитель лица природы!» [6, с. 87]. Причем в 1850 г. явно повторение определения 1820 гг.: «проклятые люди» – «заклятый... изменитель».

При продолжении сопоставлений проясняется, что раздумья писателя о духовном мире матери, составившие основу «Семейной хроники», так неотделимы от раздумий о собственном духовном пути, как размышления о творчестве современников и исторических судьбах русского народа неотделимы от мысли о необходимости сохранения исторической памяти как условия сохранения духовной основы отечественной словесности. На это указывают письма, статьи Аксакова и его воспоминания, в частности, заключение Хроники. Поучительны, по Аксакову, сохраненный в достоверности уклад ушедшей жизни и прочитанные в их совокупности письма Н.В. Гоголя, воспоминания о А.С. Шишкове и А.А. Шаховском, о М.Н. Загоскине и Г.Р. Державине, о Шушерине и Мертваго; но при этом, в соответствии с христианской традицией – «не суди и не судим будешь», – неизбежно осмысление и собственного духовного пути, о чем говорит явно не случайная устойчивая повторяемость слов «самолобие» и «страсть» в воспоминаниях, окружающих Хронику.

«Поэта должно судить по законам его собственного творчества» [17, с. 5], – обращаясь к наследию Ф.И. Тютчева, напоминал Б.Н. Тарасов о непреходящем значении пушкинского изречения, в полной мере применимого к С.Т. Аксакову, который не однажды объяснял «законы... собственного творчества», но продолжает прочитываться без учета этих объяснений. «Мы переживаем теперь великое **время**, – писал Аксаков И.С. Тургеневу, объясняя, почему важно возвращение Тургенева на родину. – Письменные и еще более изустное слово имеют теперь большое значение; теперь надобно говорить направо и налево, объяснять трудный и запутанный предмет и по возможности упрощать его понимание...» [4, с. 346].

Окружающие Хронику произведения и статьи 1850 гг. содержат те же «упрощенные» объяснения побудительных причин творчества, которые очевидны в статьях 1830 г. и подтверждают, что Аксаков, называя себя собирателем материалов для «биографа» [8, с. 8] или «будущего историка словесности русской» [8, с. 520], осознавал свою литературную позицию как позицию служения Истине и Отечеству с точки зрения *долга*, начиная с 1821 г., когда он был принят в Общество любителей российской словесности. «<...> предлагаю все, что могу: мое усердие, мое искреннее желание хотя со **временем** сделать что-нибудь достойное <...> высокой цели, смею сказать, со славою Отечества нашего нераздельной...» [8, с. 702].

Для сравнения: «... **время** летит, и будущее по-

коление, будущий историк словесности русской с негодованием отзовется о нашем молчании...» [8, с. 520] – 1830 г. «Я печатно предлагал всем друзьям и людям, коротко знавшим Гоголя, написать вполне искренние рассказы своего знакомства с ним и таким образом оставить будущим биографам достоверные материалы для составления полной и правдивой биографии великого писателя. Это была бы... истинная услуга истории русской литературы и **потомству**» – 1852 г. [8, с. 149].

Сопоставление показывает, что аксаковские устремленность в будущее – «к потомству», как и погружение в прошлое, сопровождаются устойчивой взаимосвязанностью понятий: «время», «потомство», «история», «биограф», «будущий биограф словесности русской»; «благодарность», «совесть», «долг», «благодарная память». При этом очевидно, что «тайны сердца», отчасти проявляясь при исследовании процесса самосознания, входят в контекст Хроники и Детских годов, а способность Хроники выступать тем «сердцевинным явлением» (11, с. 105) творчества писателя, которое связует в единое целое творческий путь С.Т. Аксакова, проясняется лишь при исследовании литературной позиции писателя, глубинными корнями уходящей в христианскую традицию прощения, взаимосвязанную с благодарением. Так, если окружающие Хронику воспоминания основаны на погружении в прошлое, которое неизменно сопровождается возвращением ко времени написания – выговаривания, то «Очерк зимнего дня» (последнее произведение Аксакова), «диктованное... за четыре месяца до кончины» [7, с. 505], есть то чистое созерцание прошлого, которое не осложнено ни отступлениями от повествования, ни возвращениями ко времени выговаривания, ни умолчанием, представляя собою чистую и тихую благодарность, сохранившуюся в памяти. Кроме того, если в Детских годах, в Воспоминаниях, как и в Хронике, преобладает мотив оправдания матери и почти не заметны сокрытые в сфере потаенного раздумья о том, «как постепенно и почему менялись чувствования, происходило охлаждение и т.п.» [7, с. 502], то в Истории знакомства с Гоголем, в воспоминаниях о Державине, Шишкове, Шушерине, Мертваго, в Отрывке из семейной хроники аксаковское внимание, направленное на осмысление своеобразия внутреннего мира современников и собственного жизненного пути, распределяется едва ли не равномерно, что говорит о том, что раздумья о труднообъяснимости поведения (поступка) кого-либо *другого* «органически сцеплены» с раздумьями о собственной «биографии внутренней жизни».

Попытки рассмотреть творчество писателя в его целостности очевидны в аксаковедении. В 1996 г. П.М. Тамаев рассматривал «Записки...» С.Т. Аксакова как художественное целое [15, с. 73], напоминая о продолжении писателем традиций древнерусской словесности. В 2003 г. Н.А. Колодина отмечала, что «писатель, делая к своим произведениям примечания, публикуя их вторично со вступлениями, дополняя приложениями и ссылаясь в одних своих текстах на другие, помогает по-особому оценить, в том числе

и в жанровом отношении, все пространство его прозы» [12, с. 101]. В 2001 г. П.М. Таракин рассматривал театральную и литературную критику С.Т. Аксакова «как целостную систему» [16, с. 1]; в 2010 г. В.Е. Угрюмов исследовал стиль прозы С.Т. Аксакова как «уникальное явление русской литературы» [18, с. 4]. Однако остается без внимания, что понятие **«время»**, устойчиво повторяющееся в письмах и творчестве писателя, есть то центральное звено, связующее в единое целое творческий путь Аксакова, которое свидетельствует, прежде всего, о проблеме восприятия «Семейной хроники», прочитывающейся, как показывает литература, не только вне учета контекста, на фоне которого десятилетиями она вынашивалась, но и без учета накопившихся наблюдений и, в частности, глубокого замечания П.Е. Щеголева, обоснованного исследователем в очерке 1918 г. «Воспоминания С.Т. Аксакова» и требовавшего уточнения, что не замечено в аксаковедении. «Все книги Аксакова связаны единством темы и единством героя. Тема одна – история одной человеческой жизни, и герой один – сам Аксаков» [22, с. 15]. Разделяя творчество писателя на «безжизненные и вялые, юношеские творения» и «зрелое» творчество [22, с. 7], исследователь не заметил, что единственный «герой» и «история одной человеческой жизни» показаны в воспоминаниях Аксакова *в той взаимозависимости с историями другой «одной человеческой жизни», которая неотъемлема от общего человеческого жития целого народа и включена Аксаковым в течение конкретного исторического времени, в котором преходящее (временное) неотделимо от вечного (вневременного)*. Так, в письме А.О. Смирновой Аксаков писал: «Не слышно ли в настоящих событиях шага истории? Константин давно уже сказал в каких-то шуточных стихах: «Событий полны **времена**, / И слышен шаг **истории**...» [1, с. 157].

Письма, как справедливо заметила Е.И. Анненкова, действительно запечатлели глубинную сферу духовной жизни писателя, основу которой составляли раздумья о событиях, которыми «полны **времена**». Однако эти же раздумья, осложненные осмыслением феномена человеческого поведения и в том числе собственного духовного пути, ложились и в основу сферы потаенного аксаковского творчества, на что указывают умолчания, связывающие аксаковские переходы от одного времени к другому времени. «Глубокой осенью 1815 года приехали мы в Москву <...> следы исполинского пожара еще не были изглажены <...> все красноречиво говорило о недавнем посещении Европы... (умолчание – Е.Г.)» [8, с. 24]. Данное погружение в прошлое, сопровождающееся раздумьями о поведении современников, не предполагающих нападения Наполеона на Россию, обрывается достаточно резким выводом и, на первый взгляд, неожиданным возвращением к настоящему – ко времени выговаривания «Литературных и театральных воспоминаний»: «Конечно, действительность показала недалекость этих людей; но давно ли мы все считали высадку англичан и французов в Крым, в таких гигантских размерах, совершенно невозможной?... (умолчание – Е.Г.)» [8, с. 25].

Но при продолжении сопоставлений очевидно, что аксаковские раздумья о событиях, которыми «полны времена», неизменно сопровождаются раздумьями о «тайнах духовной природы человека» или теми возвращениями ко времени написания, которые завершаются умолчанием. Так, в стихотворении «А.И. Казначееву» (1814) понятие **«время»** соседствует с понятием болезни – «язвы» и обусловлено раздумьями молодого Аксакова о причинах явно не физической, а духовной «язвы». «Знать, **время** язве сей положит лишь предел...» [8, с. 638]. Высказывание из письма к сыну (И.С. – Е.Г.), которое относится к 1845 г.: «Ведь помочь нельзя, ей богу, нельзя! Бог и **время**, может быть, век целый, – вот помощники... [20, с. 189] – созвучно в то же время и стихотворению 1814 г. и авторскому отступлению от повествования, очевидному во Вступлении к «Запискам об уженье рыбы», в котором раздумья о «противоестественном воспитании» и «ложном направлении» [9, с. 10] также концентрируются в определении болезни – «черная немочь» [9, с. 11] и явно относятся не к одному герою и к истории не одной человеческой жизни.

Однако это же высказывание 1845 г. – «Бог и **время**... вот помощники» созвучно и стихотворению 1824 г.: «Кто знает будущего тайны? / Кто знает о своей судьбе? [8, с. 666], и последнему, предсмертному стихотворению «При вести о грядущем освобождении крестьян»: «Как узнать? Судеб народных / Не проникнуть в мрак и даль, / Не постичь путей исходных, / Богом вписанных в скрижаль [5, с. 474]. В том и другом случае очевидны раздумья о непостижимости будущего и труднообъяснимости того настоящего, которое не понятно не только в отношении к «одному герою» и к «истории одной человеческой жизни», но и в отношении судьбы всего народа.

Подобное созвучие, примеры которого могут быть продолжены, имеет одну и ту же основу в творчестве писателя, как и очевидная взаимосвязь устойчиво повторяющихся понятий, сопровождающих понятие **«время»**: «история», «потомство», «долг», «вера», «благодарность», «совесть». Эта основа, как показывает сопоставление окружающих Хронику воспоминаний, обусловлена тем рано развившимся вниманием к различного рода странностям человеческого поведения, которое, в соответствии с христианским мировоззрением писателя, развивало способность к самоуглублению и влекло за собою неприятие даже малейшей неправды, малейшего несоответствия Истине, требовавшей не только осознания иерархии жизненных ценностей, но честности и при восстановлении собственного духовного пути. «Шумиху с золотом **потомство** различит / И **время** слов набор, как звук пустой промчит...» [8, с. 644] – строки из стихотворения 1824 г. перекликаются со многими высказываниями Аксакова, которые опираются на понятие **«время»** и проясняют его литературную позицию.

Вот слова, предваряющие «Отрывок из семейной хроники», написанный в 1847 г.: «Всякий клочок бумаги долговечнее самой долгой человеческой жизни. Ты сохранишь эти листы, милая Софья, и они сохранят тебе живое воспоминание прошедшего» [7,

с. 501]. Для сравнения: отрывок из записки, относящейся к Детским годам: «Есть у меня заветная дума, которая давно и день и ночь меня занимает, но Бог не посылает мне разума и вдохновения <...> Такая книга надолго сохранила бы **благодарную память** обо мне во всей грамотной России... (умолчание – Е.Г.) [6, с. 59].

Таким образом, очевидно, что глубина «Семейной хроники», ее способность выступать не только самостоятельным произведением, но проявляться и «сердцевинным явлением» творчества писателя, тем своеобразным обобщением многолетних раздумий о духовном мире матери, которое ушло в сферу потаенного окружающих Хронику воспоминаний, начинает проясняться по мере прочтения этого произведения в контексте целостности творческого пути С.Т. Аксакова, чему способствует, прежде всего, внимание к особенностям композиции Хроники, в которой очевидны отступления от повествования, созвучные многим аксаковским высказываниям, так или иначе связанных с понятием «**время**». Так, в Письме к редактору «Молвы» (1857) Аксаков, приветствуя возобновление «Молвы», не только выражал радость по поводу того, что вновь вышедшая «Молва» «напомнит... прошедшее веселое **время**, жизнь, еще полную жизни... многие памятные, дорогие имена» [8, с. 621], но и явно анализировал время ушедшей молодости. «Мое **время**, если хотите, если уж пошло на правду, было несколько, как бы это сказать, не то что поглупее теперешнего... (умолчание – Е.Г.) с этим нельзя согласиться; оно было простее, простодушнее, наивнее... (умолчание – Е.Г.) Все не то; оно было пустее, вот это правда <...> мы жили спустя рукава, не оглядываясь на свое прошедшее, не вникая в безнравственность отношений настоящего и не помышляя о будущем» [8, с. 622]. Для сравнения: отступление от повествования из «Семейной хроники», свидетельствуя о глубинном погружении в прошедшее, лишь обозначает сферу потаенного, сокрытую за умолчанием и остающуюся сокрытой, если Хроника прочитывается вне учета целостности творческого пути писателя: «... я помню замирание молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдал бы теперь весь остаток угасающей жизни...» (умолчание – Е.Г.) [6, с. 92].

Литература

1. Аксаков, С.Т. Полн. собр. соч.: в 6 т. / С.Т. Аксаков. – СПб., 1886. – Т. 4.

2. Аксаков, С.Т. Письмо А.О. Смирновой от 15 ноября 1854 / С.Т. Аксаков // Русский архив. – М., 1896. – Кн. 1. – С. 156 – 158.

3. Аксаков, С.Т. Письмо И.С. Тургеневу от 18 (30) февр. 1856 / С.Т. Аксаков // Переписка И.С.Тургенева: в 2 т. – М., 1986. – Т. 1. – С. 337 – 338.

4. Аксаков, С.Т. Письмо И.С. Тургеневу от 20 декабря 1857 (2 января 1858) / С.Т. Аксаков // Переписка И.С.Тургенева: в 2 т. – М., 1986. – Т. 1. – С. 346 – 347.

5. Аксаков, С.Т. При вести о грядущем освобождении крестьян / С.Т. Аксаков / Собр. соч. С.Т. Аксакова / под ред. А.Г. Горнфельда. – 1910. – Т. 4. – С. 473 – 474.

6. Аксаков, С.Т. Собр. соч. в 4 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1956. – Т. 1.

7. Аксаков, С.Т. Собр. соч.: в 4 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1956. – Т. 2.

8. Аксаков, С.Т. Собр. соч.: в 4 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1956. – Т. 3.

9. Аксаков, С.Т. Собр. соч.: в 4 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1956. – Т. 4.

10. Анненкова, Е.И. Таинство смерти в осмыслении Аксаковых / Е.И. Анненкова // Христианство и русская литература. – СПб., 1999. – С. 221 – 236.

11. Кожин, В.В. Победы и беды России / В.В. Кожин. – М., 2006.

12. Колодина, Н.А. Проблема жанра в прозе С.Т. Аксакова / Н.А. Колодина // Малые жанры: теория и история: Материалы межвузовской конференции. – Иваново, 2003. – С. 93 – 101.

13. Левкович, Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина / Я.Л. Левкович. – Л., 1988.

14. Непомнящий, В.С. Пушкин. Избранные работы 1960 – 1990-х гг. / В.С. Непомнящий. – М., 2001.

15. Тамаев, П.М. «Записки...» С.Т. Аксакова как художественное целое» / П.М. Тамаев // Жизнь и судьба малых литературных жанров: Материалы межвузовской научной конференции. – Иваново. – 1996. – С. 73 – 82.

16. Таракин, П.М. Театральная и литературная критика С.Т. Аксакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.М. Таракин. – 2001.

17. Тарасов, Б.Н. Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте / Б.Н. Тарасов. – М., – 2006.

18. Угрюмов, В.Е. Стиль прозы Аксакова: дис. ... канд. филол. наук / В.Е. Угрюмова. – М., 2010.

19. Фатеев С.П. Записки счастливого человека / С.П. Фатеев // Аксаков С.Т. Охота пуще неволи. – Киев, 1991. – С. 5 – 18.

20. Фатеев, С.П. Об эволюции мировоззрения С.Т. Аксакова / С.П. Фатеев // Русская литература. – 1985. – № 1. – С. 187 – 189.

21. Хомяков, А.С. Сергей Тимофеевич Аксаков / А.С. Хомяков // С.Т. Аксаков. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. – М., 1996. – С. 5 – 8.

22. Щеголев, П.Е. Воспоминания С.Т. Аксакова / П.Е. Щеголев // Аксаков С.Т. Дневники и письма. – Петроград, 1918. – С. 15.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ИСТОРИИ» Н.М. КАРАМЗИНА И «ИСТОРИИ» М.М. ЩЕРБАТОВА)**

Статья посвящена вопросу номинации исторического лица в тексте нехудожественного типа. Семантический анализ нарратива раскрывает потенциал номинации деятеля: имя собственное в историческом тексте несет ряд пропозициональных установок, вследствие чего оказывается ясным маркером модуса повествования. Сравнение наименований в двух текстах, описывающих события Смутного времени в России, позволяет установить взаимосвязь авторского отношения к предмету нарратива и выбор лексических средств, называющих действующее в истории лицо.

Семантический потенциал имени собственного, номинативное поле, дескриптивный аспект имени.

The paper considers the question of nomination of a historic person in the non-fiction text. The semantic analysis of narration reveals the potential of nomination of a character: the proper noun implies a number of propositional attitudes in the historic text whereupon it becomes a clear marker of modus of narration. Comparison of denominations in two texts describing the events of The Time of Troubles in Russia helps to set the relationship between the authors' attitudes to the subject of narration and the choice of lexical means naming a historic person.

Semantic potential of a proper noun, nominative field, descriptive aspect of a name.

Мы рассматриваем исторический нарратив как сложное построение, повествующее о некотором историческом событии. На макроуровне, при взгляде «сверху», такой текст является сообщением определенных фактов (или знаний) и одновременно авторской интерпретацией этих фактов [2, с. 199]. На уровне внутренних связей, при взгляде «снизу», мы видим, как единичные факты действуют в качестве сложных смысловых единиц, поскольку несут в себе память о некоей действительности: «Факт как действие может превратиться в исторический факт как в название целого события. И культура оперирует зачастую именно такими названиями исторических фактов. Таковы же имена исторических лиц» [3].

В данной работе мы рассмотрим в качестве факта имя собственное, которым изобилуют тексты, посвященные эпохе Смутного времени в России, – имя Бориса Годунова. Избежав обобщений, свойственных именам при переходе их в разряд нарицательных, имя Бориса Годунова, тем не менее, имеет значение, так как является частью культуры и актуализирует в памяти читателя знания о Смутном времени. Таким образом, объективное содержание имени Годунова соизмеримо со статьей энциклопедии [7, с. 309], а те знания, которые имеются в данной потенциальной статье, мы можем считать семантической пресуппозицией повествования: «Так что имя собственное, обозначающее личность, становится означаемым целого ряда предикативных характеристик лица: «Чем он занимался?», «Какой он?», «Что с ним происходило?» и под.» [3]. Имя Годунова становится в историческом тексте нарративным субъектом [2, с. 146], обозначающим в концентрированном виде достаточно широкий спектр фреймов.

Однако использование имени собственного не всегда служит для разъяснения описываемой ситуации, и ограничить его роль трансляцией реальности невозможно. Более того, сравнение двух текстов,

созданных в сходных культурных обстоятельствах, демонстрирует коннотативную гибкость имени собственного, которое принимает на себя авторские характеристики и вступает с другими именами в определенные отношения. Следовательно, имя собственное, как и в целом исторический нарратив, является непрозрачным относительно своей эпохи и эпохи его восприятий потомками: текст пытается «развеять то, что кажется известным и непроблематичным. Ее цель не в том, чтобы редуцировать неизвестное к известному, но в том, чтобы сделать отчужденным то, что кажется столь привычным» [1, с. 80].

Рассмотрим главу «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, посвященную царствованию Бориса Годунова. В этом тексте еще не действуют строгие правила научного дискурса, поэтому авторская позиция остается явной, а не скрытой, и язык, с помощью которого создается реальность эпохи Годунова, особенно выразителен. Сравним принципы номинации Годунова в повествовании Н.М. Карамзина и в «Истории российской от древнейших времен» М.М. Щербатова – тексте, написанном на полвека раньше. Два этих нарратива представляют собой первые попытки осмыслить историческую фигуру Бориса Годунова и тем самым являются базой, на которой сформировалась историческая репутация этого деятеля.

Стратегия повествования Н.М. Карамзина рассчитана на соединение двух важных аспектов исторической рефлексии: стороны политической, где Борис Годунов выступает как правитель страны, то есть официальное лицо, и стороны частной, где исторический деятель проявляет свои человеческие качества. Значимость второго, личностного, аспекта зачастую преобладает в этом тексте, причем определяет подход к событиям, предшествовавшим Смуте в России, авторская прагматическая установка.

Н.М. Карамзин начинает повествование с рито-

рического вопроса: наслаждался ли Годунов своим положением, достигнутым нечестным путем [4, с. 93 – 94]. Душевное состояние царя Бориса оказывается в пресуппозиции исторического нарратива, и дальнейшее повествование подчиняется этой предпосылке: все происходящее в стране детерминировано преступлением, которое совершил Годунов на пути к престолу. В повествовании, таким образом, сопрягаются (но не синтезируются) история государства и личная история Бориса Годунова, что выражается в особенностях номинации этого лица, наделенного двуплановой референцией. Мы можем говорить здесь о двух пересекающихся полях: когда речь идет о личных мотивах, мы читаем о поступках *Бориса Годунова*; в случае пропозиций, касающихся актов государственной значимости, называется статус персонажа: *Венценосец, Монарх, Царь, Государь, Самодержец*.

Говоря о личностном аспекте Годунова, автор создает портрет крайне отталкивающий:

Но Годунов, как бы не страшишь Бога, страшил людей [4, с. 96];

Сего было достаточно для злобы Борисовой, ..., но гонение требовало предлога, если не для успокоения совести, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личною закона приккрыть злодейство, как иногда поступал Грозный и сам Борис [4, с. 100];

Сие дело есть одно из гнуснейших Борисова ожесточения и бесстыдства [4, с. 101 – 102];

адская игра Борисова властолюбия [4, с. 120];

А всех более должен был принуждать себя Годунов ... и дерзнул бы, конечно, на злодеяние новое, чтобы не лишиться приобретенного злодейством... [4, с. 79].

Имя Бориса Годунова всегда окружено лексикой, обозначающей отрицательные черты характера (злоба, бесстыдство, жестокость, властолюбие, подозрительность) и поступки, связанные с нарушением нравственной нормы. Заметим, что автор называет этого деятеля по имени или фамилии, но не употребляет полную форму наименования, как делал это по отношению к другим правителям (Царь Феодор Иоаннович). Номинация *Царь Борис Федорович* не встречается у Н.М. Карамзина, зато она характерна для текста М.М. Щербатова. Если первый автор сознательно разводит личность царя и статус царя, раздвигая тем самым образ Годунова, то М.М. Щербатов называет своего героя *Царь Борис* или *Царь Борис Федорович*, и личные качества этого человека проецирует на его политическую деятельность:

Проницательный и быстрый разум, доведший Царя Бориса из частных людей в Российские государя [6, с. 105];

ибо Царь Борис довольно был хитер [6, с. 131];

Царь Борис был человек попечительный и старающийся о внутренней безопасности [6, с. 190];

остроумный Царь Борис [6, с. 230];

Колико ни хитер, колико ни предусмотрителен был Царь Борис Федорович Годунов [6, с. 231].

М.М. Щербатов не разделяет образ Годунова на две ипостаси; напротив, в данном тексте в имя собственное входит компонент *Царь*, что усложняет но-

минативную структуру. Черты, которые автор выделяет в характере Годунова, заметно отличаются от характеристик Н.М. Карамзина: М.М. Щербатов подчеркивает ум Годунова, его хитрость и проницательность, осторожность и дальновидность. Здесь происходит сдвиг в сторону, противоположную нарративу Н.М. Карамзина: не характер и поведение Годунова приводят к опустошению России, но, наоборот, способности и недостатки этого человека проявляются в столкновении с различными неблагоприятными обстоятельствами.

Роль имени Бориса Годунова в этих исторических текстах, таким образом, показывает, как имя собственное несет в себе не только чистый номинативный компонент, но и некую дескрипцию ([5, с. 452 – 453], то есть пропозициональные установки, регулирующие параметры возможного мира. Более того, в нарративе Н.М. Карамзина происходит экспансия этих дескриптивных аспектов на область повествования о государстве, где обобщается характер правления этого царя: «Одним словом, сие печальное время Борисова Царствования, уступая Иоаннову в кровопийстве, не уступало ему в беззаконии и разврате: на следствие гибельное для будущего!» [4, с. 108]. В контексте истории Н.М. Карамзина Борис Годунов – это царь, преступным путем достигший сана, вследствие преступлений которого Россия пришла к разрухе Смутного времени. Элементы описания, которыми наделяет автор имя Бориса Годунова, реализуются в последовательных предикатных цепочках: нарастающее бремя преступлений Годунова влечет за собой преступления во всей стране.

Несколько иное восприятие дает текст М.М. Щербатова. Автор также отмечает преступность Бориса Годунова, неоднократно называя его мучителем и похитителем (престола): «*Всякое мучительство подозрительному мучителю наводит новую опасность...*» [6, с. 68]; «*Но такая есть судьба похитителей...*» [6, с. 232]; «*Так при похитителе престола преступление учинилось способом к достижению до благородства*» [6, с. 65]. Вместе с тем, однако, мы встречаем в одном синтаксическом целом (в одном предложении или абзаце) противовес этой критике: «*Царь Борис Федорович, мучитель ко всем тем, о коих хотя малое имел подозрение; все окружающие его трепетали: но бдительный Государь о спокойствии империи...*» [6, с. 78 – 79]. Таким образом, в Борисе Годунове князя Щербатова соединяются полярные черты, и, в отличие от карамзинского текста, мы не можем приписать этому персонажу однозначную авторскую оценку. Стремление к объективности приводит к тому, что автор старается уравнивать в значимости два полюса личности Годунова. Результат сходен с результатами стратегии Н.М. Карамзина: автор проникает во внутренний мир своего персонажа и приписывает ему мотивы, чувства и цели, которые объяснили бы авторскую историческую концепцию: «*Поныне мы не зрили в царствовании царя Бориса, как токмо разумные дела и благодеяния. Казалось: он старался правлением своим заглаждать все прежние свои злодеяния и осчастливить Россию: но трудно есть тому, который привыкши из юности к*

преступлениям, который оными достиг до престола, долго в таких благих намерениях пребывать. Внутреннее чувство, что бы он соделал, если бы зрил над собою такого начальника как он сам, влагало в сердце его смущение и подозрение, первых мучителей преступных человек» [6, с. 64].

В приведенном отрывке из М.М. Щербатова присутствует момент раздвоения восприятия – это модальное слово *казалось*. Борис Годунов – достойный правитель, но индивидуальность его ярче всего проявляется для автора в хитрости и остром уме, что предполагает расчетливость. Положительные же черты характера не упоминаются вовсе. Добрые поступки царя истоком своим имеют не столько добрую его волю, сколько трезвый расчет – это именно политика. В номинативном поле *Царь Борис* синтезируются государственный и частный планы действия, причем в развитии сюжета задействовано противопоставление безнравственности и ума (но не добродетели) персонажа.

В этом отношении Н.М. Карамзин идет дальше: мы видим не просто сомнение в добрых намерениях Годунова, но явное осуждение *притворства* этого царя [4, с. 178]. В описании раннего, благополучного периода правления автор, не желая придавать определениям Бориса характер имманентного признака, отмечает искусственность добродетели царя: Борис «...хотел именоваться» *отцом народа; другом человечества; отцом сирых и убогих* [4, с. 94]. Терзаемый страхом и муками совести, Борис Годунов надевает маску: «*Под личиною добродетели казался им отцом народа*» [4, с. 109]. Автор подчеркивает, что сам Годунов не имел высоких нравственных качеств, и постепенно дурные его склонности рассеивают народную любовь – никакие усилия Бориса и никакая помощь в борьбе с голодом не могут вернуть народное признание: «*В сие время общей нелюбви к Борису он имел случай доказать свою чувствительность к народному бедствию, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тем уже не мог тронуть сердца, к нему остылых*» [4, с. 110].

Семантический баланс в наименованиях Н.М. Карамзина восстанавливается, когда Годунов именуется согласно своей «профессиональной» референции. Высокое предназначение монарха, его авторитет и роль представителя целой страны в международном и космическом пространстве выводят на поверхность семы величия, значимости, правоты. Недоверие к Годунову-преступнику может быть преодолено признанием его политической роли – эта возможность появляется благодаря контрасту с новым образом, введенным в текст – образом Самозванца: «*За него были святость венца и присяги, навязк повиновения, воспоминание многих государственных благодеяний - и Россия на поле чести не предала бы Царя расстриге*» [4, с. 156].

Эмоциональные выражения, характеризующие авантюру Лжедмитрия (*грубая ложь*) и словосочетания, называющие статус царя (*великий Монарх; земной Бог; Государь избранный*) оттеняют друг друга. Здесь мы видим обратный наплыв: царское достоинство, качества из разряда *noblesse oblige* присваиваются Борису Годунову просто в силу его положения:

«Присутствие Венценовца, его великодушная смелость и доверенность без сомнения имели бы действие» [4, с. 156]. На этот раз маска Государя может спасти положение – имя Бориса должно скрыться за этой маской, личность должна уступить государству. Это распределение ролей прорывается и в тексте М.М. Щербатова, в моментах, где автор считает нужным объяснить ситуацию: «*Они были верны Отечеству и Государю, но ненавидели похитителя*» [6, с. 110]. Как видно, в представлении действующего лица оба историка используют косвенные характеристики Бориса Годунова, воссоздавая отношение к нему различных слоев общества; вкупе с экспликацией душевных движений царя и внешней событийной канвой создается многослойный образ, требующий от читателя внимания.

Два референтных поля номинации Царя Бориса влияют друг на друга и демонстрируют сложную сложность затронутого вопроса: сочетание частного и государственного интереса и роль личности в истории. При этом содержательная нагрузка имен Годунова и Царя (и подобных) меняется в зависимости от нарративной логики фрагмента. Мы наблюдали, что имя Бориса Годунова фигурирует в повествовании в основном в качестве наименования носителя неких индивидуальных признаков. Модусные планы личности и самодержца пересекаются редко, и в этих случаях имя собственное Борис Годунов переносит на вторую номинацию свое содержание: «*Так не любовь к Государю рождает нечувствительность и к государственной чести!*» [4, с. 158]. Имя *Государь* обозначает здесь не только обобщенного главу государства, но и лично Бориса Годунова, поскольку вывод сделан после развернутого описания поведения военных сил и народа.

Таким образом, номинации, которыми пользуется Н.М. Карамзин для обозначения Бориса, являются характеризующими. Можно считать, что в них заложен элемент предикативности. Благодаря такой нагрузке взаимосвязь агенса и предиката особенно сильна, и читатель может предугадывать модус фрагмента, ориентируясь на номинации Годунова.

Князь Щербатов в своем нарративе тоже не избегает комментариев, касающихся личности злополучного царя: в его повествовании, однако, меньше назидательности и больше любопытства. Автор, в отличие от повествователя Н.М. Карамзина, будто не знает до конца, что стоит осудить, а что нет. Он называет персонажа не иначе сложным наименованием Царь Борис (Федорович), иных номинаций мы не встретим. Два поля объединены в одном имени, что говорит о неоднозначной оценке Годунова, или, скорее, о том, что автор не хочет упускать ни одной возможности в этой оценке: «*...и словом: мог бы сей назваться великий Государь и отец отечества, если бы не хищность, не разврат, не убийства и преступления его до престола довели* [6, с. 264]. Благодаря такой полноте признаков (в последней фразе есть даже намек на другой, альтернативный возможный мир) имя Царя Бориса приобретает ширину и глубину, которые можно называть *историей*. Иначе говоря, имя, наполненное таким разнообразным содержанием, воспринимается как знак, который мы при интерпретации можем развернуть в самостоятельное

повествование: «...значение знака содержит в себе в зачаточной форме (*inchoactively*) все те тексты, в которые данный знак может быть вставлен. Знак есть текстовая матрица» [7, с. 306].

Литература

1. Анкерсмит, Ф.Р. История и топология: Взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М., 2009.
2. Анкерсмит, Ф.Р. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Ф.Р. Анкерсмит. – М., 2003.
3. Глазков, А.В. Имена собственные в фактуальном тек-

сте: оригинал и перевод (На примере одного фельетона Т. Боя-Желеньского) / А.В. Глазков // Проблема взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии: Материалы научно-практической конференции. – Брянск, 2011. (В печати)

4. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – СПб., 1824. – Т. 11.
5. Тодоров, Ц. Грамматика повествовательного текста / Ц. Тодоров // НЗЛ. – М., 1978. Вып. VIII.
6. Щербатов, М.М. История российская от древнейших времен / М.М. Щербатов. – СПб., 1790. – Т. VII. – Ч. 1.
7. Эко, У. Роль читателя / У. Эко. – М., 2007.

УДК 808.2

Е.О. Еришова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Т.М. Григорьева

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Ф. ГЕЛТЕРГОФА И Э. ВЕЙСМАННА В РАСПРОСТРАНЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

В статье рассматривается деятельность немецких просветителей Эриха Вейсмана и Франциска Гелтергофа, авторов-переводчиков одних из первых лексикографических работ по русскому языку. Основываясь на анализе их словарей и лексиконов, адресованных иностранцам, в статье также исследуются причины изучения русского языка немцами в XVIII в.

Специфика языка, двуязычный словарь, лексическая единица, представление материала, учебное пособие, латинские символы, немецкоязычная аудитория.

The article considers the activity of German enlighteners Ehrenreich Weissmann and Franciscus Hölterhof, authors-translators of the first lexicographical books on the Russian language. The article considers the reasons for studying the Russian language by Germans in the XVIIIth century, based on the analysis of the dictionaries and lexicons for foreigners.

Language-specific, bilingual dictionary, lexical unit, presentation of the material, tutorial, Latin symbols, German-speaking audience.

Отражая особенности и специфику языка, словари всех типов всегда играли значительную роль в науке о языке. Однако печатные справочные издания не только давали общие лингвистические сведения, но и являлись источниками информации о странах и народах. В том числе – и о России [7].

Значение работ по русскому языку Франциска Гелтергофа и Эренрейха Вейсмана, их целлариусов¹, словарей и лексиконов для немецкоязычного населения бесспорно. Для жителей Германии XVIII в., имеющих намерение овладеть русским языком, они являлись отражением духовной культуры русского народа и показателем языковой самобытности Российской Империи, выполняя, таким образом, миссию распространителей языка далекой страны среди немецкоязычного населения.

Эренрейх Вейсманн (1641 – 1717) – австрийский учитель, больше известный как переводчик религиозных писаний, составитель грамматик и словарей

латинского языка [13], внес значительную лепту в популяризацию русского языка. В процессе изучения русского языка его работы нашли достойное применение в качестве базовых и вспомогательных учебных пособий:

– *Deutsch-Latein-Russisches Lexikon // Немецко-латинский и русский лексикон с первыми началами русскаго языка к общей пользе при Императорской Академии наук. – St. Petersburg, 1731. – 788 S.*

– *Полный немецкий и российский лексикон. Новое издание, при котором оный словарь вновь пересмотрен и против прежняго в разсуждении российского языка, знатно приумножен г-м Вейсманном. – СПб., 1799. – 1014 с.*

– *Краткия правила российской грамматики: Собранныя из разных российских грамматик в пользу обучающагося юношества в гимназиях Императорскаго Московскаго университета. Краткие правила российской грамматики с использованием «Российской грамматики» М.В. Ломоносова и «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В.Е. Адодурова. – М., 1802. – 112 с.*

Принимая во внимание тот факт, что языкознание на Руси формировалось в особых условиях, где «гlossы представляли собой или переводы отдельных, оставшихся непонятными слов, или толкова-

¹ Целлариус – фамилия германского филолога, профессора университета в Галле Кристофа Келлера, называвшего себя на латинский манер Целлариусом (Cellarius) (1638 – 1707). Словарь «Российский Целлариус, изданный М. Франсиском Гелтергофом, был создан по образу и подобию келлеровского этимологического словаря.

ния иноязычных терминов и описания понятий, или комментарии и этимологические справки по поводу упоминаемых в тексте антропонимов и топонимов, или новые слова взамен уже устаревших, или разъяснения смысловых и стилистических расхождений в лексике двух контактирующих родственных языков» [9, с. 38], то немецко-латинский лексикон Э. Вейсмanna можно считать одним из первых словарей того вида, к которому мы привыкли сегодня.

Говоря о трехязычном немецко-латино-русском лексиконе, необходимо уточнить, что в том печатном виде, в каком мы можем найти его теперь, он появился благодаря усилиям коллектива филологов Академии Наук уже после смерти Э. Вейсмanna [8]. Группа переводчиков во главе с первым русским адъюнктом Академии Наук, просветителем и педагогом Василием Евдокимовичем Адодуровым перевела словарь австрийца на русский язык, сделав при этом корректурные поправки [6]. Таким образом, от типичного для той эпохи словарного билингвизма этот словарь вышел на новый уровень: он включал в себя одновременно три языка (см. рис. 1).

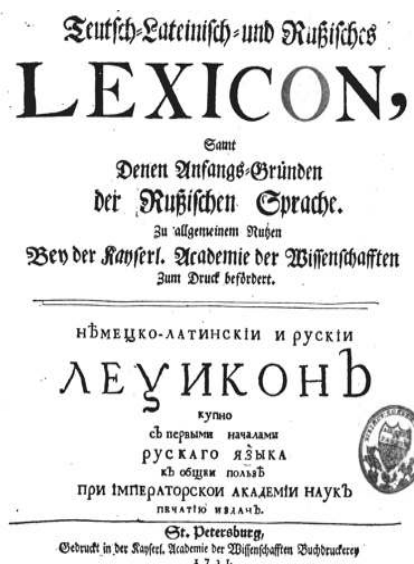

Рис. 1. Титульный лист немецко-латинского и русского лексикона Э. Вейсмanna

Подобрав «множество русских слов и речей» для большего удобства пользователей, издатели все же просили прощения у читателей за возможные опечатки и ошибки в этом столь долгожданном издании [12]. Однако, даже не принимая во внимание указанные недостатки, словарь нельзя назвать «идеально подходящим» для учебного процесса. Налицо также факт отсутствия таких неотъемлемых составляющих немецкого языка, как артикли у существительных. Все слова были написаны с заглавной буквы, что также противоречит немецкому правописанию.

Тем не менее, эта книга для своего времени обладала большими преимуществами. Вейсманновский словарь одним из первых стал предоставлять читателям не просто перевод отдельно взятой лексической единицы, но и такую возможность, как подбор ус-

тойчивых словосочетаний или фразеологизмов к большинству слов (см. пример на рис. 2). Пользователи лексикона оценили такое неординарное содержание. Как отмечают исследователи, «напечатанный большим по тому времени тиражом (2500 экз.), словарь стал вскоре библиографической редкостью» [6, с. 115].

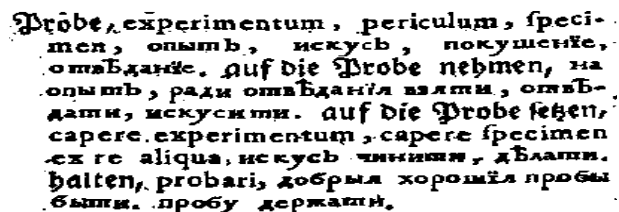

Рис. 2. Пример подбора устойчивых словосочетаний к словам в лексиконе Э. Вейсмanna

Однако своей популярностью словарь в большой мере обязан приложенной к нему первой грамматике русского языка под названием «Anfangs-Gründe der russischen Sprache // Основы русского языка», автором которой был В. Е. Адодуров (рис. 3). Написанная на немецком языке, эта грамматика довольно доступно и без лишних сложностей говорила читателю об основных грамматических явлениях русского языка. И хотя объем этого приложения не был велик (всего 45 страниц), подобного рода «опыты кодификации русской речи в известной мере подготовили почву для появления грамматики Ломоносова» [10, с. 5].

Рис. 3. В. Е. Адодуров (1709 – 1780)
Силуэт работы неизвестного художника

В последнем абзаце своей работы В.Е. Адодуров сообщал читателям, что «в данном издании содержатся только начальные сведения по русскому языку, но соответствующих правил имеется вообще гораздо больше; по условиям объема их изложение приходится оставить для более обширного сочинения... И такое сочинение появится, но гораздо позже» (цит. по [8, с. 138]). Поскольку необходимость упорядоченной русской грамматики ощущалась в научном обществе уже давно, Академия несколько раз поручала В.Е. Адодурову редактировать грамматические труды. При переиздании своей работы автор постарался внести максимальное количество корректировок и ввести русскую грамматическую терминологию [6]. Любопытно, но позднее, создатель первой официально изданной печатной грамматики российского языка – М. В. Ломоносов, – отзывался о работе В.Е. Адодурова как о «маленькой», «весьма несовершенной и во многих мѣстах не <...> исправной» (цит. по [6, с. 439]).

Как бы там ни было, очевидно, что Вейсманновский немецко-латино-русский лексикон включал в себя первую русскую не «славенороссийскую» грамматику для немцев. Намерения автора в популяризации русского языка среди немцев подтверждает и то, что, как и все известные к настоящему времени доломоновские грамматики, написанные на иностранных языках, она предназначалась «для иноязычного читателя, практически заинтересованного в описании живой разговорной речи, а не книжных языковых норм» [7, с. 7].

Вместе с развитием русского языка совершенствовались и развивались его нормы. Именно словари, в том числе и немецко-латино-русский лексикон Вейсмана, являлись теми источниками, которые одними из первых отражали все эти языковые изменения. Пользуясь, как упоминалось уже, большой популярностью на протяжении всего XVIII в., эта книга переиздавалась несколько раз: в 1782 и 1799 гг., а это означало, что данный лексикон, соответствуя требованиям немецких читателей, содержал актуальную подборку лексических единиц, способствуя, тем самым, популяризации русского языка в Германии.

Немаловажное значение в распространении русского языка сыграли и лексикографические труды Франциска Гелтергофа. Его работы, представляющие собой опыт двуязычных словопроизводных словарей, имели огромную популярность у немцев, что подтверждается их многочисленными практически ежегодными переизданиями до конца XVIII в..

Будучи пастором, магистром философии, а также с 1763 г. лектором немецкого языка и словесности Московского университета, Ф. Гелтергоф (1711 – 1805) [11] был автором учебников не только по немецкой лексикографии, но и нескольких лексикографических источников русского языка для немцев:

– *Reestr russischer Wörter aus dem deutschen Wörterbuche ausgewählt und alphabetisch geordnet*. – М., 1767. – 136 с.

– *Russischer Wörterbuch oder Etymologisches Wörterbuch der russischen Sprache, nebst einer Vorrede von einer kurzen, leichten und angenehmen Lehrart*. – М., 1771. – 656 с.

– *Kurzgefasstes Wörterbüchlein von 4 Sprachen, nämlich der deutschen, lateinischen, französischen und russischen, zum Besten der Schuljugend in der etymologischen Classe, nebst einer Vorrede von einer kurzen, leichten und angenehmen Lehrart*. – М., 1776. – 6 Bogg.

– *Russisches alphabetisches Wörterbuch, mit deutscher und lateinischer Übersetzung*. – В. 1 – 2. – М., 1778. – 944 S.

Одной из самых весомых его работ в деле распространения русского языка среди немецкоязычного населения был «Российский целлариус». Он представлял собой русско-немецкий словарь с расположенными по алфавиту словами, но сам автор в предисловии называл свою работу «Российским этимологическим лексиконом», что позднее отразилось и в названии самой работы. Главной целью целлариуса, по мнению Ф. Гелтергофа, был поиск слов, употребляемых в конкретном аспекте или контексте. В дан-

ном случае можно говорить о коммуникативной направленности данной работы, т.е. о возможности читателя найти нужные слова чужого языка, необходимые ему для определенной ситуации. С другой стороны, целлариус можно считать прототипом словаря синонимов; к русскому слову Ф. Гелтергоф подбирал несколько синонимов родного (немецкого) языка, скорее всего для того, чтобы дать соотечественникам шанс как можно полнее представить тот или иной образ, к примеру:

Баба – fein Weib, eine Grossmutter, Schlagel.

Бабенка – f (babenza), eine Weibchen.

Бабка – die Grossmutter.

Бабуца – f ein Weibsfucht, ein dickes Weib.

Российский и германский историк, публицист и статистик Август Людвиг Шлецер (1735 – 1809), владевший, к слову, шестнадцатью языками, воспользовался в свое время работой Ф. Гелтергофа для изучения русского языка. Позднее он писал о преимуществах введенного Ф. Гелтергофом «корневого метода» в языкознании «как способа научиться более думать, чем запоминать» (цит. по [2, с. 287]).

В качестве рекомендации, автор в предисловии уточнил, что прежде чем искать слово – надо определить его производное [3]. Можно смело утверждать, что для немецких учащихся данный лексикон выполнял нормативную функцию, т.е., фиксируя значения и употребления слов, знакомил с русским языком как средством общения. Подтверждением данных слов могут служить и «пошаговые» советы Ф. Гелтергофа для работы с целлариусом: «Во-первых, нужно закрепить в памяти «первообразные» слова этой книги» [3, пред.].

Показывая многозначность некоторых слов русского языка, которые можно получить производными от одного корня, автор стремился донести до немецких читателей, что довольно простым способом – через обозначения – можно приобщиться к накопленным знаниям. Именно благодаря данной информативной функции своей работы, автор считал возможным использование своего лексикона для самостоятельного обучения русскому языку.

Еще в стадии разработки целлариус Ф. Гелтергофа стал долгожданной книгой для самого широкого круга немецкоязычных читателей. Доказательством этому может служить расположенный в начале книги алфавитный список подписавшихся на издание пользователей [3, с. 3 – 9]. Более того, фамилии тех, кому предназначается целлариус, также как и все слова в данной книге, были зафиксированы по алфавиту, пример:

А – Госпожа Полковница А. С. Аргаманова.

Б – Его Превосходство Г. Генерал Порутчик Бриль и т.д.

Другим подтверждением высокой оценки и востребованности труда Ф. Гелтергофа может служить письмо поэта, писателя и историка XVIII в. Михайло Ильинского к академику Г.Ф. Миллеру. В нем автор выражает свою благодарность адресату – «Высоко-родному Господину» – за предложение и возможность закупить целлариус Ф. Гелтергофа в количестве двенадцати штук для Троицкой семинарии в каче-

стве учебного пособия. При этом из обращения М. Ильинского ясно, что данный лексикон был действительно желанной в немецкой аудитории книгой: «А как ныны уведомился я, что оная книга из печати вышла, то благоволите досталные шесть рублей ... получить, и оная двенатцать экземпляров ко мне переслать ...» [4].

Предназначенный для любителей русского языка целлариус имел своей главной целью обучение легчайшему способу словообразования [3]. Руководствуясь идеей упрощения процесса обучения русскому языку, автор ввел ряд приемов и сокращений в оформлении своего двуязычного лексикона. В заключение предисловия автор оставил пожелания любителям русского языка в достижении их намерений и «скорого и легкого изучения языка» [3, пред.].

Установлено, что целлариус Ф. Гелтергофа являлся источником и для последующих словарей других авторов, например, для «Российского с немецким и французским переводами словаря» И. Нордстета (СПб., 1780 – 1782.) [1]. Это проявилось не только в совпадении определений слов или способах демонстрации фразеологических единиц, но и в наличии грамматического справочника русского языка, где Ф. Гелтергоф подробно знакомил читателей с русским алфавитом, комментируя прочтение всех букв, и рассказывал о главных частях речи русского языка, объясняя все сложности спряжений, склонений, залогов и времен. При этом он счел нужным сделать подборку примеров к основным правилам своего справочника.

Еще одной особенностью данной работы можно считать приложение со списком «чужестранных», но уже принятых в российском языке, слов [3, с. 613 – 634]. К удобству пользователей лексикона все эти заимствования (их число около 400) также располагались по алфавиту, пример:

Арапъ m – ein Mohr;

Легионъ m – die Legion.

Словари Ф. Гелтергофа не менее известны, чем его целлариус, и поэтому они также ценны своим лексическим материалом. Имея огромное общекультурное значение, его поздние работы в области лексикографии дают возможность оценить не только эрудицию автора и степень владения им русским языком, но и позволяют судить о количестве людей, нуждающихся в книгах подобного рода.

Принимая во внимание тот факт, что с начала XIX в. составление словарей разного рода получили массовое распространение, как в Российской Империи, так и в Германии, можно смело заявлять, что

главное достоинство трудов немецких авторов Э. Вейсмана и Ф. Гелтергофа заключалось в том, что их лексиконы, представляя собой новый этап в лексикографии, оказывали неоценимую услугу в деле распространения русского языка.

Литература

1. *Арапова, Я.С.* Шкап для гардероба / Я.С. Арапова // Русская речь. – 2004. – № 3. – С. 98 – 102.
2. *Богданов, А.К.* О Крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов / А.К. Богданов. – М., 2006.
3. *Гелтергоф, Ф.* Российской целлариус или Этимологический российский лексикон, купно с прибавлением иностранных во российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенной российской этимологией, изданной Франциском Гелтергофом / Ф. Гелтергоф. – М., 1771.
4. *Илизаров, С.С.* Письма М. И. Ильинского к академику Г. Ф. Миллеру / С.С. Илизаров, И.Р. Гринина, О.Б. Федорова // Исторический архив. – 1997. – № 5 – 6. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/17601780/Pjinskij_M_I/briefe_G_F_Miller_1770_1774.htm
5. *Карева, Н.В.* К вопросу о классификации видовременных форм глагола в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова и ее переводе на немецкий язык / Н.В. Карева, К.А. Филиппов // Индоевропейское языкознание и классическая филология XIV (Чтение памяти И.М. Тронского). – СПб., 2010. – Ч. 1. – С. 436 – 444.
6. *Макеева, В.Н.* Адъюнкт Академии наук В. Е. Адодуров / В.Н. Макеева // Вестник АН СССР «Вестник РАН». – 1974. – № 1. – С. 110 – 117.
7. *Милославская, С.К.* Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России / С.К. Милославская. – М., 2008.
8. *Саввина, О.А.* Двойной юбилей академии и академике / О.А. Саввина, В.А. Телкова. – Полюном: Научно-методический журнал. – Рязань, 2009. – № 3. – С. 133 – 140.
9. *Сусов, И.П.* История языкознания / И.П. Сусов. – Тверь, 1997.
10. *Успенский, Б.А.* Первая русская грамматика на родном языке: Доломоновский период отечественной русистики / Успенский Б.А. – М., 1975.
11. *Recke, J.F.* Allgemeine Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / J.F. Recke, T.K.E. Napiersky. – Mitau, 1827.
12. *Weissmann, E.* Deutsch-Latein-Russisches Lexikon / E. Weissmann // Немецко-латинский и русский лексикон с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук. – St. Petersburg, 1731.
13. *Wolf, R.* Lateinische Wörterbücher. Eine illustrierte Bibliographie / R. Wolf. – 2001 – 2006. – URL: <http://www.richardwolf.de/latein/weisman2.htm>

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МОРДОВИИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. по теме: «Современный литературный процесс Мордовии в контексте развития новейшей русской литературы», ГК ПЗ81 от 07 мая 2010 г.

В статье анализируются основные тенденции развития литературного процесса Мордовии с точки зрения текстологии, парадигматики в контексте общего развития новейшей русской литературы. Ретроспективное рассмотрение заявленной проблемы позволяет выдвинуть и обосновать свою точку зрения на парадигму существования современного литературного процесса Мордовии.

Парадигма, текстология, методология, провинциальная литература, современники, классики, традиция, новаторство, полиэтничность.

The paper analyses the main trends of development of the literary process of Mordovia through textual criticism, paradigmatics in the context of development of modern Russian literature. The retrospective consideration of the stated problem can nominate and justify its own point of view on the paradigm of existence of modern literary process of Mordovia.

Paradigm, textual criticism, methodology, provincial literature, contemporaries, classic, tradition, innovation, polyethnicity.

Методологические споры по поводу изучения текстов художественных произведений – явление в наше время вполне закономерное. Охват литературы во всей сложности образующих ее элементов, концентрация смысловых отношений между знаком и словом, словом и мыслью, модификация внешнего символично-культурного состояния общества с внутренней прогрессией развития литературы отдельно взятого регионального формирования представляют значительный интерес как для специалистов в области литературоведения, культурологии, регионологии, социологии, психологии и т.п., так и для философской интенции в целом.

Совершенно очевидно, что термин «текст», заимствованный в XVIII в. из немецкого языка, где слово «текст» восходит к латинскому «textus» / «словесное единство» → «ткань» < от texo «тку» [10, с. 314], первоначально вошел в науку как составная часть и объект языкознания. Под текстом в языкознании подразумевается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которых являются связность и целостность» [3, с. 507]. В таком случае текстуальность как таковая выражается во внешних связях, внутренней осмысленности, возможности современного восприятия и т.д. И если в современной лингвистической литературе теория и практика анализа текста хорошо разработана, то в литературоведении обсуждение содержания понятия «текст» до настоящего времени остается дискуссионным, в связи с чем термин «текстология» многозначен.

Само понятие текстологии введено в научный обиход русским философом Александром Александровичем Богдановым (Малиновским). К всеобщей организационной науке – текстологии – автор пришел опытным путем, который допускает экспери-

ментальные методы исследования, но по уровню и широте охвата обобщений, несомненно, носит интегративный характер.

Происхождение же термина восходит к понятию текста в исконном, этимологическом значении, где «текст» восходит и к греческому < от tekton – строитель, создатель. Традиционно признано относиться к текстологии как к общенаучной концепции, которая дает в обобщенном виде параметры и типы возможных организаций. Текстология как наука характеризуется «именно тем, что обобщает и объединяет все специализированное, берет для себя материалом всевозможные элементы природы и жизни, чтобы их комбинировать, связывать одним и тем же материалом, одними и теми же методами, по одним и тем же законам» [7, с. 8].

Выделение свойственных организационным отношениям систем и заложено в понятие парадигмы как таковой, где указываются все возможные уровни, виды, параметры, которые уже заданы текстологической доминантой.

В рамках текстологии выделены отдельные аспекты, к которым можно отнести: «теорию действий (М. Крозье, А.М. Фридберг), теорию социальных систем (Т. Парсонс), теорию политических систем (Д. Истон, Г. Алманд), теорию организации труда (Г. Форд, П.А. Попов, А.К. Гастев, П.М. Керженцев, О.А. Ерманский, Ф.У. Тейлор), теорию организации художественного текста (Д.С. Лихачев, Б.Е. Томашевский, С.Н. Бурсова, С.А. Рейслер, В.С. Нецаева, Е.М. Прохоров и другие)» [7, с. 502].

Для нашего исследования наибольший интерес представляет последний из перечисленных аспектов изучения текстологии, где собственно под текстологией понимается «раздел филологии, занимающийся комментированием и изучением текстов литературных произведений» [3, с. 507].

Особое место в системе филологических дисциплин, изучающих тексты художественных, литературно-критических, публицистических произведений, занимает текстология и в связи с тем, что эта наука по праву считается «теоретической базой литературоведения и исторического источниковедения» [5, с. 4]. В основу текстологии как научной дисциплины заложены не только определение канонического текста и его вариантов, но и исследование процесса работы автора над создаваемым художественным произведением. В связи с этим главной текстологической задачей Д.С.Лихачев считает что «возможность проследить движение текста, соотнести текст с явлениями личного развития автора и историческими фактами в целом» [5, с. 29 – 30]. Есть здесь и видимая опасность, о которой предупреждает ученый начинающего литературоведа: «наша интерпретация памятника всегда может быть субъективной, подчиненной автору и нашим собственным способам восприятия. Только изучив текст в его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора, редакторов, с движением истории литературы и т.д.), мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившихся в нем» [5, с. 30].

Таким образом, ретроспективное рассмотрение проблемы в контексте искусствоведения, методики, педагогики, психологии, и, в первую очередь, языкознания, позволяет установить, что текст – категория разноплановая и его рассмотрение не исчерпывается рамками одной филологической дисциплины.

В антологии русской словесности «От теории словесности к структуре текста» отмечается, что «в XX веке российская наука пережила новый период подъема интереса к тексту и его порождению как процессу в работах определенного круга петербургских и московских филологов. Это имена Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского, Ю. Тынянова, Г. Винокура и др. (Московский лингвистический кружок)» [6, с. 84]. Основное достижение текстологии на рубеже XX – XXI вв. в формировании новой парадигмы теории словесности, где, в том числе, представлено изучение текста на границе этнолингвистики и фольклористики.

Если понимать мегопарадигму как «систему отношений, связывающих единицы определенного уровня или совокупность таких отношений» [9, с. 41], то текстологическая парадигма может быть воспринята в соответствии с уровнем исследования того или иного текста как модели или схемы организации литературного процесса в определенный период.

Признание тесной связи литературоведческих категорий с психологическими изысканиями значимо на сегодняшний день, особенно в свете проникновения в постсоветское научное пространство зарубежных мировоззренческих идей, определивших развитие литературоведения в XX в., что наложило заметный отпечаток на текстологическую парадигму современной литературы.

Существует и достаточно устойчиво употребляется в литературоведении термин «парадигма художественности». По мнению М.Л. Липовецкого, пер-

вым в научный обиход ввел его В.И. Тюпа. «Говоря о сменявшихся друг друга парадигмах художественности, исследователь обращал внимание на то, какая сторона искусства выступает вперед в эстетике данной эпохи. В.И. Тюпа выделяет семиотическую (традиционную), образотворческую (романтическую), познавательную (реалистическую) и активную парадигму художественности. Последняя парадигма, по мнению исследователя, должна описать своеобразие литературы определенного века, якобы объединенной общей опорой на идеологическую функцию искусства» [4, с. 19].

Исходя из такой трактовки понятия, становится ясно, что на первый план должна быть вынесена какая-либо общность развития, которую можно и должно разложить на системы и подсистемы. Таким образом, за основу своего исследования мы принимаем следующее теоретическое положение: «Парадигма – исходная концептуальная схема, модель постановки проблемы и ее решение. Это совокупность предпосылок, определяющих научное исследование, знание и признанное на данном этапе» [2, с. 121].

В зависимости от уровня рассмотрения фактов литературного развития можно выделить традиционную (прослеживающую взаимосвязь эпохальных произведений), жанрово-содержательную (возрождение и обновление редких жанровых форм на каком-либо этапе развития как литературного процесса в целом, так и периода эволюции творчества писателя, в частности), текстологическую парадигму (основой исследования которой являются всевозможные варианты художественных текстов, рассматриваемых под углом зрения поэтапной авторской работы над произведением). В культурно-социальной ситуации конца XX в. особое место занимает проблема деструктивного начала в человеке, что предопределено динамичным развитием психологических аспектов человеческого бытия, когда индивид стал объектом интерпретации на философском, филологическом, культурологическом, социологическом уровне понимания его сущности.

Изучение современных текстов русскоязычных писателей Республики Мордовия, в которых полидетерминированность определяет жанрово-видовую специфику повествования, показывает, что на сегодняшнем этапе развития литературного процесса предпочтение в выборе воссоздаваемых ими (реалистических или экспрессионистских) картин действительности отдается в пользу психологического освещения происходящего, внутреннего самочувствия того или иного образа.

В академических историях русской литературы сложилась устойчивая традиция выделять как противостоящие друг другу реалистические и постмодернистские тенденции. Современная полемика классической модели культуры (в которой космос как макрообраз мира является структурной основой) с модернистской культурой (в которой парадигмой образа мира стал хаос) привела к новой системе оценок исторических, социальных, национальных и иных условий.

В литературе XX в. (особенно во второй полови-

не), испытывающей непосредственное влияние психологических, философских течений, очевидны многочисленные эксперименты не только в области формы, но и содержания. У некоторых авторов возникает осознанное стремление выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки для выражения универсального внутреннего мира носителя исторического сознания (может быть, даже «архетипического»), что характерно как для реалистической, так и для постмодернистской литературы. Все это в совокупности и дает возможность вычленения современной многоуровневой модели развития русскоязычной художественной литературы Мордовии.

Анализ литературного процесса последних десятилетий XX – начала XXI вв., как правило, сводится к установке приоритетов в художественной культуре, которые складываются в отсутствие цензуры и каких бы то ни было идеологических запретов и политических заказов. Распад государственной системы Советского Союза, возникновение и укрепление административно-политических устоев, хотя и правопреемного, но заведомо другого государственного устройства – Российской Федерации – привели к появлению большого количества переводных изданий всех видов массовой литературы (любовные романы, детективы, мистика, фантастика и т.п.).

Влияние общественного переразложения привело к формированию целого ряда явлений, свойственных только современной литературе явлений. Так, среди прочих следует отметить, что рассмотрение современного литературного процесса вышло за рамки предложенной в конце 1980-х годов концепции профессора Л. Кременцова о триединстве русской литературы в целом. В настоящее время речь уже не может идти о совокупности рассмотрения потаенной (запрещенной, неофициальной), официальной и литературы русского Зарубежья. Потеряло смысл противостояние литературы постмодернистского характера с художественными произведениями, направленными на изображение реальных событий и характеров. Ушли в небытие андеграунд, литературное диссидентство и т.д. Наметился отход от традиционной концепции положительного героя. Весьма часто в центр повествования поставлен человек, излом души которого способен привести его на путь порока. «В какой-то мере акцент на темных сторонах жизни, на детальном изображении быта, обилии интимных подробностей – тоже реакция на прежние запреты и расчет на завоевание читателя» [1, с. 117]. Легкость перемещения в пространстве и во времени, возможность свободного перевоплощения героев, предопределенность знания и бытия характеризуют значительную часть русской литературы 1990 – 2000 гг.

Традиционный перечень прославленных писателей (А. Солженицын, В. Распутин, В. Астафьев, В. Быков, Ю. Бондарев, Д. Балашов, В. Пикуль, В. Крупин, А. Битов, В. Ерофеев и др.) к концу XX в. пополнился новыми именами (М. Попов, В. Дегтев, А. Трапезников, В. Пелевин, В. Пьецух, Л. Петрушевская, Т. Толстая, А. Ким, В. Маканин, Л. Улицкая,

О. Ермаков, А. Проханов и др.). Очевидно, что в любой исторический момент литературная жизнь имеет многоуровневый характер. Некоторые писатели уже достигли творческого апогея, некоторые лишь делают первые заметные шаги по писательской стезе. Текстовая парадигма современной литературы, таким образом, имеет многоступенчатую форму и то, что принято называть «художественной литературой определенного периода», состоит из многих различных слагаемых.

Таким образом, полностью разделяя точку зрения Н.П. Сакулина, вслед за ученым можем констатировать, что «если взять результат длительного процесса и отрешиться от деталей, то в составе русской культуры наблюдается несколько больших слоев: во-первых, та культура, которую мы видим прежде всего в столицах, это высшие формы культуры европейского типа; во-вторых, та культура, о которой говорят нам старые русские города, ныне провинциальные и, может быть, захолустные (Владимир, Ростов, Новгород, Псков)» [8, с. 45]. Проецируя учение Н.П. Сакулина на сложившуюся ситуацию в изучаемом регионе, стоит отметить не только билингвальную основу социокультуры (а следовательно, и литературы), но и традиционно негласно сложившуюся иерархию литературных имен.

Деление на маститых и начинающих (классиков и современников) в настоящий период развития литературы приводит к традиционному рассмотрению литературного наследия того или иного писателя с позиции его места в условной иерархии художников слова. Совершенно очевидно, что художественный текст «современного классика» (именитого писателя) анализируется с позиции занимаемого места художественного произведения в творческом наследии его автора, с точки зрения влияния текста на общее развитие литературного процесса в целом. Тогда как произведение молодого автора принято анализировать в сравнительно-сопоставительном плане с другими художественными текстами таких же начинающих писателей. Другой способ – сгруппировать подобный писательский материал, близкий по способу подачи материала, основных коллизионных решений, идейно-тематической направленности и т.п. Например, в режиме сохранения национально-религиозного потенциала в художественном тексте на русском языке может быть проанализирован текст В.К. Абрамова «Легенда о серебряном всаднике».

Архитектоника анализа текстовых парадигм современного инационального (русскоязычного) литературного процесса Мордовии плодотворно осуществляется при рассмотрении жанровых и стилистических особенностей ряда художественных произведений. Так в русской прозе Мордовии хорошо развиты редкие для общего генезиса современной русской литературы жанры и жанровые версификации. Например, повесть-эссе (И. Капитонов «Знакомая с умными людьми»), документальная повесть (В. Диалектов «Достался нам век беспокойный...»), миниатюра (А. Шубников «Видение»), медленная поэма из миниатюр (Г.В. Балабаев «Черепашки»), притча (А. и К. Смородины «Русский костер»), трип-

тих (Ю. Самарин «Особенные люди»), эссе, литературные портреты (В. Гадаев «В этот мир я пришел»), повесть в монологах и диалогах (К.В. Смородин «Молодой специалист») и т.д.

Вместе с этим фундаментом любой текстовой парадигмы в чистом виде является основной (канонический) текст и его варианты, что по сути дела и дает возможность выделения внутри жизни одного художественного произведения нескольких этапов – ярусов, которые, в том числе, должны быть зафиксированы и внесены в функционирование полисистемы современной русскоязычной литературы Мордовии.

При рассмотрении любого яруса современной русской литературы Мордовии приоритетным, на наш взгляд, должен оставаться трансперсональный уровень изображения человеческого сознания в системе координат современного общества. Психологический каркас личности в таком случае выступает как носитель определенного социокультурного кода, что весьма важно для осознания русской литературы в пределах национальной (в нашем случае – мордовской) культурной традиции.

Историческая объективность ассимилируется путем выхода на координаторы глубинных связей индивидов и мироздания, т.е. происходит внедрение в текст элементов народного сознания, несущего в себе онтологические критерии непреложных истин, выработанных преимущественно не одним поколением. Расширение психологического пространства в тексте происходит, таким образом, за счет исключения нескольких значимых субъективных сознаний, различно проявляющихся в повествовании. От фиксации элементов объективной действительности героем-рассказчиком (с учетом возрастных психологических особенностей) до выявления «родовой» детерминанты, объединяющей вне социально-исторического поля сознание людей, в замкнутом пространстве субъективного мира находят выражение субстанции Бытия.

Современная русская литература Мордовии преимущественно продолжает традиции национальной и инонациональной литературы предшествующих лет, русской литературы XIX века. Однако следует заметить, что современная литература в то же время отличается от нее многими существенными чертами: постановкой масштабных проблем, жанровым многообразием, появлением прозаических произведений среднего объема, новым уровнем развития критики и литературоведения. В центре внимания современной литературы Мордовии находятся, в том числе и глобальные катаклизмы бытия человека конца XX в., его национально-культурный менталитет, а именно – ценности, составляющие ядро ментальности и являющиеся своеобразными «линиями притяжения» социума республики в условиях полиэтничности.

Литература

1. *Гордович, К. Д.* История отечественной литературы XX века / К.Д. Гордович. – СПб., 1997.
2. *Гребенникова, Н.С.* Зарубежная литература XX века / Н.С. Гребенникова. – М., 1998.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н.В. Тимофеева. – М., 1990.
4. *Липовецкий, М.Л.* Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики) / М.Л. Липовецкий. – Екатеринбург, 1997.
5. *Лихачев, Д.С.* Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.) / Д.С. Лихачев. – М.; Л., 1962.
6. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997.
7. Русская философия: словарь / М. Маслин, М. Климов, П. Кланченко и др. – М., 1999.
8. *Сакулин, Н.П.* Филология и культурология / Н.П. Сакулин. – М., 1990.
9. Современный словарь иностранных слов / Н.М. Ланда, Д.В. Смыслов, Р.Г. Апресян, К.М. Черный. – СПб., 1994.
10. *Шанский, Н.М.* Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.П. Боброва. – М., 1994.

УДК 81'373.232

Е.С. Ивашова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ АНТРОПОНИМОВ В МЕДИА-ТЕКСТАХ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируется использование прецедентных антропонимов в англоязычной прессе как проявление интертекстуальности с точки зрения гендерного аспекта в медиа-дискурсе. Приводится классификация прецедентных антропонимов, используемых для характеристики политиков, выделяются ключевые признаки прецедентных антропонимов, их функции и характерные модели употребления.

Интертекстуальность, медиа дискурс, гендерный стереотип, прецедентный антропоним, образ политика.

The article studies the use of precedent anthroponyms in the English-speaking press as display of intertextuality from the point of view of gender aspect in media discourse. Classification of precedent anthroponyms used for characterization of politicians is presented; key features of precedent anthroponyms, their functions and typical patterns of their usage are defined in the paper.

Intertextuality, media discourse, gender stereotype, precedent anthroponym, image of a politician.

Как известно, медиа-дискурс наряду с информационной функцией выполняет функцию воздействия и представляет собой мощное средство влияния на общественное мнение. Воздействие предполагает наличие оценочной составляющей. Для выражения своей оценки авторы избирают различные стратегии. Одним из средств выражения оценки в медиа-текстах служит использование политических антропонимов, то есть имен, фамилий и прозвищ политических деятелей, в репрезентативно-символической функции как воплощение качеств политического деятеля, получающих негативную (реже позитивную) оценку в обществе.

Такие антропонимы являются прецедентными, т.е. связаны с определенным известным (прецедентным) именем. Употребление прецедентных имен вызывает ассоциацию с соответствующей персоной и набором коннотативных смыслов, с ней связанных. Тем самым, употребление прецедентных антропонимов является проявлением интертекстуальности, т.е. способа порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через сложную систему отношений идентификации, противопоставлений и маскировки с текстами других авторов [4, с. 22].

Прецедентные феномены выполняют несколько важных функций. Прежде всего, они служат средством емкой, экспрессивной характеристики кого-либо, отражая субъективное отношение отправителя. Вызывая в памяти читателя представление о каком-либо известном политике или литературном герое, они активизируют определенное эмоционально-оценочное восприятие.

Во-вторых, использование прецедентных антропонимов дает возможность автору избежать прямой характеристики политика, но позволяет дать оценочную характеристику имплицитно, обеспечивая, тем самым, значимый прирост смысла. Уводя информацию в имплицитный класс, автор программирует домысливание получателя. Однако следует отметить, что адекватное декодирование имплицитных значений определяется контекстом.

Кроме того, такой прием позволяет сэкономить языковые средства характеристики политика и познавательные ресурсы воспринимающего индивида, так как у читателя уже готовы определенные стереотипические представления об известных политиках, чьи имена используются как своего рода ярлыки. Референция к какому-либо известному лицу (предмету, явлению) происходит в рамках когнитивных процессов формирования стереотипов.

Общеизвестно, что человек в процессе познания мира стремится упорядочить получаемую информацию, соотнося получаемые данные с уже имеющимися, «вписывая» новые объекты в уже сложившуюся систему категорий. «Стереотипы возникают в силу действия двух тенденций человеческого сознания: стремления к конкретизации, то есть сближению абстрактных сущностей с какими-то конкретными образами, и тенденции к упрощению, редукционизму, суть которой сводится к выделению нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения сложных

явлений» [5, с. 46]. В основе использования антропонимов также лежит, с одной стороны, стремление к конкретизации, то есть в данном случае уподобление одного конкретного образа другому, и, с другой стороны, тенденция к упрощению, то есть выделение ведущих характеристик какого-либо политика, которые делают его образ узнаваемым.

Особенности использования прецедентных антропонимов отражают также и гендерные стереотипы. Под гендерными стереотипами, вслед за А.В. Кириловой, мы понимаем «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация тесно связана с формой выражения оценки, поскольку регламентация социальных ролей, которые выполняют мужчины и женщины, стереотипизируется и функционирует в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное» [3, с. 98].

Чтобы определить критерии отбора прецедентных антропонимов для использования в медийном дискурсе и их особенности, были проанализированы англоязычные газетные и журнальные публикации (The Guardian, The Times, The Economist, The New York Times, The New York Post, Time, Newsweek).

Исследованный материал показал, что в этот список персон, которые выступают как объекты референции, попадают:

(1) известные политики прошлого и настоящего:

*At present, in short, she [Merkel] looks more like another Kohl than like a German version of Margaret Thatcher.*¹

(2) общественные и религиозные деятели:

*The Christian right is now poised to become a women's movement—and Sarah Palin is its earthy Jerry Falwell.*²

(3) исторические личности:

*She was a Joan of Arc fighting the socialists in every political party.*³ (about Angela Merkel)

(4) популярные актеры, музыканты и другие деятели поп-культуры:

*Although Palin's hockey-mom persona played well with Republicans, it was the "idiotic beauty queen" image that found cultural traction, thanks in large part to Tina Fey's "SNL" impersonation.*⁴

(5) литературные персонажи и герои кинофильмов:

*President-elect Rouseff is largely viewed as Lula's creation, playing Eliza Doolittle to his Professor Higgins.*⁵

Используя прецедентные антропонимы для характеристики образа современных политиков, авторы применяют определенные модели от полной идентификации с прецедентным лицом до противопоставления ему:

1) некий политический деятель является воплощением прецедентного антропонима – "AisB" или в

¹ The Economist, 09.02.06.

² Newsweek, 11.06.10.

³ Newsweek, 20.10.07.

⁴ The New York Post, 10.01.10.

⁵ Newsweek, 01.11.10.

вопросительной форме, то есть действительно ли некий политический деятель – это воплощение прецедентного лица (“IsAB?”):

*Is David Cameron the Kojak of politics?*¹

Возможны варианты этой модели, например: “As a personification of B, A does or did (has done) something”:

*Once hailed as a German doppelgaenger of Ronald Reagan and Margaret Thatcher, preaching markets and self reliance, she has moved sharply to the left.*²

2) некий политический деятель подобен прецедентному лицу – Like B, A does (or did) / is (or was) something:

*Like President Reagan, Thatcher was a free-market conservative who intended to demolish the relics of "socialism" and pull the state out of economic management and subsidy*³.

3) некий политический деятель обладает определенными чертами прецедентного лица:

*To supporters, Mr. Klaus is a brave, lone crusader, a defender of liberty, the only European leader in the mold of the formidable Margaret Thatcher.*⁴

4) некий политический деятель может конкурировать с прецедентным лицом – “AcanrivalB”:

*After only a few months in office, Mr. Cameron has emerged as one of the most activist prime ministers in modern times, rivaling in some respects even Margaret Thatcher, the "Iron Lady" who as the Conservative leader in the 1980s attacked unions and government bloat while privatizing national industries and vigorously pursuing free-market policies*⁵.

5) а) некий политический деятель не обладает качествами прецедентного лица – “AisnoB”:

*Palin is no Roosevelt — at least not yet*⁶.

б) некий политический деятель обладает другими качествами, нежели прецедентное лицо – “AisBinreverse”:

*Nancy Pelosi is a bit like Britain's Margaret Thatcher in reverse. Mrs. T. was tough and steely in her public role as prime minister, but womanly, flirtatious, even gossipy, in private. (One of her cabinet members once told me he harbored erotic thoughts about Maggie as she walked past him, trailing a "whiff of Chanel"). In Pelosi's case, it's the other way around*⁷.

Таким образом, политики либо уподобляются прецедентным лицам, либо «не дотягивают» до «высокого звания», либо даже в чем-то превосходят того, с кем сравниваются. При этом автор может уточнить, в чем именно «не дотягивают» или превосходят (как в примере в пункте 4 и 5 б). В другом случае, он может никак не пояснять, что именно они имеют в виду (см. пример в пункте 5 а), вовлекая читателя в некую языковую игру и оставляя ему возможность домысливать, что имел в виду автор. Наличие или отсутствие развернутого пояснения моти-

вируется задачами автора и его прогнозированием фоновых знаний читателя.

Без фоновых знаний читателя адекватное понимание референций к прецедентным феноменам практически невозможно. Для их понимания необходимо владение «общим кодом» [1, с. 13]. Фоновые знания можно разделить на два типа. Во-первых, это общекультурные знания читателя, обладающие свойством всеобщей распространенности. В настоящее время значительная часть медиатекстов подразумевает интернациональную целевую аудиторию и, следовательно, наличие универсальных, глобальных фоновых знаний [2, с. 47]. Во-вторых, это специфические, национальные или региональные фоновые знания. Так, приведенный выше пример *Although Palin's shock-mom person played well with Republicans, it was the "idiotic beauty queen" image that found cultural traction, thanks in large part to Tina Fey's "SNL" impersonation* – потребует комментария при переводе на русский язык, поскольку американская телеведущая программы «Субботним вечером в прямом эфире» Тина Фей неизвестна русскому читателю.

С точки зрения частотности, самым популярным прецедентным антропонимом является «Маргарет Тэтчер». Личность Тэтчер оставила настолько глубокий след в истории, что до сих пор вызывает живой интерес ученых, журналистов и простых людей. В англоязычной прессе современные женщины-политики, такие как Хиллари Клинтон, вслед за Тэтчер, получили прозвище «iron lady». Однако сравнения с Тэтчер оказываются зачастую не в пользу современных женщин в политике:

*Naturally, not every woman can aspire to be Margaret Thatcher*⁸.

Интересно, что не только современные женщины-политики, но и мужчины-политики, сравниваются с первой и пока единственной женщиной-премьером Великобритании:

*To supporters, Mr. Klaus is a brave, lone crusader, a defender of liberty, the only European leader in the mold of the formidable Margaret Thatcher*⁹.

Примеров, где мужчины-политики уподоблялись бы другим женщинам, кроме Маргарет Тэтчер, нами не обнаружено. Это связано с тем, что образ Маргарет Тэтчер не несет ярких фемининных черт. Он настолько прочно связан в массовом сознании с образом жесткого политика, что референция к этому антропониму не ведет к феминизации образа мужчины-политика. Об этом свидетельствует и выбор лексических средств в примере выше: прилагательное *formidable* (inspiring fear or respect through being impressively large, powerful, intense, or capable¹⁰) в виде эпитета. Интересно, что в данном примере не только Клаусу дается двухступенчатая характеристика (за счет употребления прилагательных *strong, brave*, словосочетаний *lone crusader, defender of liberty*, с одной стороны, и сравнения с *formidable Margaret Thatcher*, с другой). В данном примере дается и ха-

¹ The Guardian, 10.06.10.

² Newsweek, 20.10.07.

³ The Guardian, 14.03.11.

⁴ The New York Times, 03.11.09.

⁵ The New York Times, 26.01.11.

⁶ Newsweek, 26.08.10.

⁷ Newsweek, 15.05.09.

⁸ The Times, 16.12.03.

⁹ Newsweek, 08.03.08.

¹⁰ http://www.oxforddictionaries.com/view/entry/m_en_gb0311350#m_en_gb0311350

рактеристика Тэтчер, причем не только при помощи эпитета *formidable*, но и косвенно, благодаря характеристике Клауса, который с ней сравнивается.

Что касается женщин-политиков, то, сравнивая какую-либо женщину с мужчиной, автор, тем самым, способствует маскулинизации ее образа. Так, например, референция к антропониму «Коль» в следующих примерах способствует маскулинизации образа Ангелы Меркель: *This is not the only reason why some foreign-policy analysts talk of the second coming of Helmut Kohl, a former chancellor and Ms Merkel's mentor*¹.

За годы правления Коля в качестве канцлера ФРГ в массовом сознании сформировался образ «политического тяжеловеса». Сравнивая Меркель с бывшим канцлером, автор не просто уподобляет ее политические взгляды и стиль управления взглядам и стилю политического тяжеловеса Коля, но и уподобляет ее мужчине. Причем речь идет не только о качествах политика: сравнение с престарелым, грузным мужчиной не самое лестное для женщины, хотя напрямую о внешности ничего не сказано.

Маскулинизации образов политических деятелей женского пола с помощью мужских антропонимов отражает общую тенденцию к маскулинизации образов женщин-политиков. Это связано, прежде всего, с тем, что сфера политики традиционно считается мужской областью, где, несмотря на все большее участие женщин в общественной жизни и политике, женщина до сих пор воспринимается как некое отклонение от нормы, которое нужно, так сказать, «подвести под общий – мужской – знаменатель». Чтобы доказать свою состоятельность и компетентность как лидера, женщине приходится прикладывать больше усилий, чем мужчине. Успеха на политическом поприще, как и вообще на руководящих должностях, как правило, добиваются женщины, выработавшие в себе и демонстрирующие именно маскулинные качества. Таким образом, маскулинизация образов женщин-политиков в медиадискурсе повышает статус женщины-политика.

Изображение женщин в СМИ основано на репрезентации гендерного концепта в языке вообще. Женщины, их характер и деятельность представляются как «Иной», «Другой», составляя один из полюсов оппозиции «Свой – чужой», при этом «Чужой» подразумевает более низкую оценку. Из этого следует, что и в политическом дискурсе и в дискурсе масс-медиа концептуально «правильным» политиком всегда является мужчина, в то время как политик женского пола – это некая девиантная форма, следовательно, ее необходимо маскулинизировать, ориентируясь на мужской прототип.

Кроме того, анализ публикаций, содержащих прецедентные антропонимы, демонстрирует еще один стереотипический подход. Женщины в СМИ зачастую изображаются в привычных ролях матери, жены (упоминаются в связи с их детьми, мужем или партнером), а не в роли полноценного индивидуума-деятеля: в репрезентации женщин супружеские и семейные отношения не всегда обоснованно выносятся на первый план [6].

Это можно, в определенной степени, отнести и к женщинам-политикам. В статьях с прецедентными антропонимами роль полноценного индивидуума-деятеля может быть принижена за счет референции к публичным персонам, которые выступали в качестве «наставника», так сказать «духовного отца» женщины-политика. Например, когда Дилма Руссефф победила на выборах в Бразилии и стала первым президентом-женщиной в этой стране, в прессе активно обсуждалась роль ее предшественника Лулы да Сильвы, который почти по-отечески поддерживал ее во время предвыборной кампании. В одном из приведенных выше примеров первый президент Бразилии женщина Дилма Руссефф сравнивается с Элизой Дулиттл, персонажем известной пьесы Б. Шоу «Пигмалион» (или же героиней мюзикла «Моя прекрасная леди»). При этом предшественник да Сильва уподобляется профессору Хиггинсу, «Пигмалиону», который сотворил свою «Галатею», то есть Элизу.

Представление женщин-политиков в контексте отношений «учитель – ученица» также встречается в примерах из публикаций об Ангеле Меркель, где она представлена как «ученица» Гельмута Коля:

*This is not the only reason why some foreign-policy analysts talk of the second coming of Helmut Kohl, a former chancellor and Ms Merkel's mentor*².

Такое «увязывание» женщины-политика с ее «наставником» служит формированию образа в определенном смысле не вполне самостоятельного политика, принижает их достижения, что является отражением стереотипического представления о женщине как об объекте действия, а не субъекте, иначе говоря, как о слабом, несамостоятельном существе, нуждающемся в защите и опеке.

Анализ примеров с прецедентными антропонимами в репрезентативно-символической функции позволяет сделать следующие выводы:

1) использование прецедентных антропонимов представляет собой проявление интертекстуальности в медиа-дискурсе;

2) этот прием позволяет емко и экспрессивно охарактеризовать образ политика, придавая ему при этом имплицитную оценку, а также служит стереотипизации образов политических деятелей;

3) в качестве объектов референции выступают как общеизвестные имена, составляющие универсальные фоновые знания, так и публичные персоны, известные представителям определенной культурной группы, владеющей специфическими фоновыми знаниями;

4) использование женских антропонимов применительно к мужчинам-политикам ограничено именем Маргарет Тэтчер и не ведет к феминизации их образов;

5) использование мужских антропонимов применительно к женщинам-политикам способствует маскулинизации их образов в медиа-дискурсе, при этом маскулинизация может приводить к повышению статуса женщины-политика, поскольку концептуально

¹The Economist, 12.01.06.

²The Economist, 12.01.06.

«правильным» политиком является мужчина;

б) импликация отношений «ученица – учитель» между политиками женщиной и мужчиной приводит к принижению ее роли как самостоятельного индивидуума-деятели, отражая стереотипическое представление о женщине как об объекте, нежели как о субъекте деятельности.

Литература

1. *Вербицкая, М.Е.* Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка) / М.Е. Вербицкая. – М., 2000.
2. *Вербицкая, М.Е.* Перевод медиатекстов и проблема

формирования фоновых знаний переводчика (на материалах журнала “TheEconomist”) / М.Е. Вербицкая, И.Г. Игнатъева // Вестник Московского университета. – 2008. – Сер. 19. – № 4. – С. 46 – 54.

3. *Кирилина, А.В.* Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М., 1999.

4. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003.

5. *Чудинов, А.П.* Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М., 2007.

6. *Fowler, R.* Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – N.Y., 1991.

УДК 81-1

Н.А. Калёнова

ФИЛОСОФСКИЕ ГРАНИ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: К ЛИНГВОКОГНИТИВНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЧАСТНОГО ПИСЬМА

В статье предпринята попытка проанализировать существующие в философии взгляды на общение, социальную коммуникацию через призму эпистолярной как формы человеческого взаимодействия в социуме. Исследование частного письма как вербальной составляющей общения предполагает междисциплинарный подход с учетом данных смежных наук, в том числе философии.

Частное письмо, философия общения, социальные коммуникации, лингвокогнитология.

The article attempts to analyze the existing philosophical views on communication, social communication through the prism of epistolary as a form of human interaction in the society. Investigation of the private letters as the verbal component of communication requires an interdisciplinary approach, taking into account the data of related sciences, including philosophy.

Private letter, philosophy of communication, social communication, linguistic-cognitive science.

Антропоцентризм современной филологии обусловил внимание ученых к источникам личного происхождения: мемуарам, дневникам, письмам (Н.Н. Кознова, С. Федоровская, Г.Г. Елизаветина, Л.Я. Гинзбург, А.Г. Тартаковский, Н.А. Николина, О.Г. Егоров, А.С. Петровский, В.Д. Осоцкий и др.), где, как считают исследователи, наиболее непосредственно автор объективирует особенности языковой личности, мышления, коммуникативно-прагматических тактик. Междисциплинарность данной проблемы очевидна, ведь «сложность самого объекта требует применения методов и инструментария ряда гуманитарных наук и требует от специалиста в области теории коммуникации обширных знаний. В результате характерным для данной области знаний становится ее принципиально междисциплинарный характер» [11, с. 159].

Частное письмо возникло в результате удовлетворения потребности человека в общении. Находясь вдали от родных и близких, авторы писем не имели иной возможности общения кроме эпистолярной коммуникации, к примеру:

Здравствуйте, милой мой Папинька и милая моя Маменька! Получил я, слава Богу, письмо Ваше, можете поверить, как я оному рад был, не получая так

*давно от вас оных.*¹

Изучение личного письма в современной науке все чаще сопряжено с когнитивной парадигмой [16] и др., что обусловлено необходимостью учета всего комплекса, представляющего собой эпистолярный дискурс. Эпистолярный дискурс, следуя пониманию дискурса в работах Н.Ф. Алефиренко, Е.С. Кубряковой, К.Ф. Седова, В.З. Демьянкова, Р.М. Фрумкиной, Л.Г. Золотых и др. [1], [5] и др., – это комплекс, триединство 1) текста письма в его лингвостилистическом аспекте, 2) экстралингвистических факторов, которые связаны с этим письмом как актом коммуникации и адресантом и адресатом как участниками этой эпистолярной коммуникации, а также 3) коммуникативно-прагматических установок адресанта. Философские изыскания в области коммуникации как базового элемента человеческой жизни способны дать основу для лингвокогнитивных исследований частного письма.

Философия, стоявшая у истоков многих гуманитарных наук, поставила вопрос о природе языка как средства выражения мысли еще на заре своего существования. Развитие философских воззрений на сущность общения определялось общей концепцией восприятия Человека, ведь общение «не обладает

¹ Письмо А.С. Норова С.А. и Т.М. Норовым, 22 июля 1812 г., Смоленск [13, с. 152 – 153].

самостоятельной историей, которую можно было бы понять только исходя из нее самой. <...> общение – структурный элемент человеческой деятельности, его формы входят в состав человеческой культуры и имеют, следовательно, общую с ней историю» [3, с. 3]. Общение все больше привлекает внимание ученых в то время, когда основным вектором развития гуманитарных наук становится антропоцентризм: «При реконструкции истории философского осмысления социального общения есть все основания исходить из широко признанной предпосылки, что интенсивная разработка коммуникативной проблематики в качестве существенного и даже преимущественного предмета философствования стала приобретением лишь философской мысли XX в.» [9, с. 12].

Развитие интереса к человеку во всех его проявлениях, а общение – одна и важнейших составляющих человека и его жизнедеятельности, приводит к тому, что «на протяжении XX века проблематика общения и социальных коммуникаций превратилась в одну из центральных и актуальных философских тем» [2, с. 590]. Рассматривая философские учения о коммуникации, Ю.В. Перов утверждает: «В такого рода концепциях (при различиях, а подчас и противоположности их философских установок и конкретного содержания) общение предстало не только как один из общественных феноменов, соответственно, – одна из тематических областей социально-философских исследований, а в качестве фундаментального основания общественной жизни в целом» [9, с. 31]. И это не случайно, так как общение – одна из важнейших сторон жизни человека в социуме. Частное письмо представляет собой способ этой жизненно необходимой социальной коммуникации:

*Дорогой Иероним Иеронимович! Очень хотелось бы поговорить с Вами, но совсем закабалили солдатскими узамы, так что и вырваться не могу.*¹

Вопрос о том, насколько объективно репрезентирована вся информация, подлежащая передаче посредством этого канала, безусловно, пока не раскрыт, хотя является ключевым в изучении взаимосвязи языка и мышления, ведь «язык, посредством которого в бытии порождается значение, – это язык воплощенного разума» [7, с. 603]. Частное письмо, созданное без черновика, – интереснейший источник исследования облачения мысли в вербальную форму, если не считать записи диалогов. Однако большой интерес для лингвокогнитолога представляют и черновики писем в соотношении с конечным результатом, где объективирован поиск адекватной языковой формы для той или иной информации. Кроме того, в переписке, цикле писем, можем обнаружить разную когнитивно-семантическую репрезентацию события в зависимости от неких определяющих факторов, например, от времени написания письма, а соответственно, от времени переживания данного события. Или, например, от фактора адресата, когда адресант по-разному объективирует информацию в письмах

разным адресатам, что обусловлено коммуникативно-прагматическими целями, особенностями восприятия информации тем или иным адресантом и т.д.

Один из центральных вопросов коммуникации в философском осмыслении можно выразить дихотомией «я» и «другой». Участники коммуникации являются важнейшей ее составляющей, и философы, изучавшие столь сложный объект, одну из форм человеческой деятельности, так или иначе затрагивали в своих размышлениях вопрос о том, кто участвует в коммуникации. Разность подходов к ответу на этот вопрос обусловлена разнообразием философских концепций. Условно воззрения философов по этой проблеме можно сгруппировать следующим образом:

1. Бессубъектная модель: «"системно-структурные" или "функциональные" стратегии философского осмысления общения обрели распространение главным образом после так называемой "структуралистской революции", в частности, работ К. Леви-Стросса. Признание существования "не имеющих автора-творца" и якобы "бессубъектных" общественных структур, "дискурсов" и "жизненных практик" привело к тому, что при реконструкции социального общения место самосознающих взаимодействующих субъектов заняли самодостаточные воспроизводящиеся системы» [9, с. 23].

3. Субъект-центрированная модель. Признается наличие лишь субъекта коммуникации. Объект коммуникации по тем или иным причинам не рассматривается: «Вспомним, что отправным пунктом анализа общения у Канта было сознание субъекта, вступающего в только лишь мыслимое или действительное общение с другими субъектами. Начиная с Фихте, во всех концепциях, где формирование собственного индивидуального самосознания поставлено в зависимость от существования "других" и где наличие, казалось бы, ситуация диалога, действующим агентом в общении остается субъект, исходя из перспективы которого исследователем реконструируется и весь процесс. Это была в полном смысле "субъект-центрированная" стратегия реконструкции и исследования общения» [9, с. 20]. При этом, даже если так или иначе признается существование «других», влияющих на формирование субъекта или его действий, в поле зрения философов лишь субъект коммуникации: «Общая "монологичная" установка новейшей европейской классической философии была непродуктивна для исследования общения в той мере, в какой общение обязательно предполагает существование партнеров и их взаимодействие» [Перов 2004: 20]. Субъект-центрированная модель обнаруживается в теории И. Канта, Э. Гуссерля, Г. Лассуэла, марксизме с его последователями.

4. Субъект-объектная модель. Дихотомия «Я» и «другой» не только признана, но и подвержена осмыслению. Размышляя о сущности человека, К. Ясперс считает, что «Я» становится самим собой, обнаруживая себя в другом. Тем самым Ясперс признает, с одной стороны, важность коммуникации для человека, с другой, – наделяет «другого» очень важ-

¹ Письмо С.А. Есенина И.И. Ясинскому, 20 ноября 1916 г., Царское Село [4, с. 88 – 89].

ной функцией, считая, что «другой» помогает самопознанию «Я». У Сартра зависимость, возникающая в процессе коммуникации, рассматривается как «перво-несчастье» для человека. Современная философия оперирует субъект-объектной моделью коммуникации: «Общение понимается как одна из форм человеческой деятельности, реализованная во всех разновидностях человеческой культуры, то есть межсубъектное взаимодействие или процесс конкретного, деятельностного приобщения одного уникального субъекта к другому уникальному субъекту во всех его разновидностях, процесс целостного сопереживания ему, и духовного, и практического» [3, с. 3]. Итак, развитие философской мысли неизбежно касается такой важной проблемы, как участники коммуникации, в связи с тем, что общение – неотъемлемая часть жизнедеятельности человека. Как видим, признание субъекта и объекта коммуникации в философии осмысливалось по-разному. Глубокие раздумья философов обозначили со временем такую модель, которая предполагает сложнейшие по своей сущности (как на вербальном, так и на когнитивном уровне) взаимоотношения участников коммуникации.

Специфика общения в социуме в разнообразии способов коммуникации: «Коммуникация у человека, – замечает Г.Г. Почепцов, – протекает в основном в рамках двух основных каналов: вербального и визуального. Именно в этой области чувств у человека оказались более совершенные порождающие и анализирующие аппараты» [11, с. 31]. В эпистолярной коммуникации адресант и адресат не имеют возможности воспринимать информацию, закодированную в тексте письма, опираясь на те невербальные знаки, визуальную информацию, которые свойственны прямому живому диалогу. Они не видят лица, мимики и жестов отправителя сообщения, не видят обстановки, в которой создается письмо, однако могут представить этот визуальный ряд. Адресат, читая текст письма, иногда даже «слышит», образно говоря, интонацию, с которой мог произнести этот текст адресант, при условии, что участники коммуникации хорошо знают друг друга. Например:

Родной мой, незаменимый, Любченышек, достопочтеннейший Тулен и драгоценные мои детеныши! Вот уже ровно неделя, как мы расстались, а кажется, будто давно. В то же время я еще вполне ясно вспоминаю все мелочи нашей стокгольмской жизни и вижу вас всех как наяву такими, какими вы были на вокзале в минуту проводов.¹

В письме объективирован некий визуальный ряд, автор письма подыскивает необходимые для адекватной репрезентации языковые единицы. Он не создает образы, а отсылает воображение адресата к известной им обоим ситуации. Когнитивная модель данного коммуникативного акта сложно устроена. Она включает некий информационный узел, доступный только адресанту и адресату.

¹ Письмо Л.Б. Красина жене и детям, 16 (29) октября 1917 [6].

Иногда для того, чтобы объективировать необходимый объем информации и достичь желаемого прагматического эффекта, адресант прибегает к описанию жеста. Так, Константин Бальмонт пишет:

Макс, жму руку твою. Слова твои дошли до меня, и мне хотелось получить от тебя знак жизни, знак памяти сердца.²

Как если бы при личной встрече Бальмонт пожал руку своему другу, так в письме адресант описывает это. Еще отметим невербальные знаки, характерные для эпистолярной почерка письма становится таким невербальным знаком, когда несет некоторую информацию для адресата:

Маня, я искренно жалею, что не пришлось довершить до конца этих святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды <...> Слишком больно! Прости, что плохо и нечетко пишу.³

В данном случае почерк явился свидетельством душевного разлада, о чем сам автор признается. Итак, в рамках визуального канала участники эпистолярной коммуникации обмениваются невербальными знаками, однако они специфически закодированы.

Письмо можно рассматривать как сложно устроенный коммуникативный сигнал, так как «...минимальным сигналом, своего рода квантом сигнализации, следует считать такой сигнал, на который может последовать ответ, могущий быть воспринятым субъектом сигнализации. Этот ответ может изменить дальнейшую сигнализацию субъекта по сравнению с той, которая им предполагалась к началу сигнализации. Именно в смысле такой характеристики один текст следует считать одним сигналом, ибо при рассмотрении со стороны субъекта текста ответ может изменить иной текст, но не данный, хотя со стороны объекта может последовать множество всяких сигнальных и несигнальных ответов на часть текста или даже на сам факт его появления» [12, с. 153]. Предлагая рассматривать любой текст в координатах «пространство», «время», «объект», Пятигорский замечает: «Для письма время функционально не значимо, наоборот, основная тенденция корреспонденции – предельное сокращение времени» [12, с. 147]. Находим в эпистолярной мысли о роли времени и пространства для письма:

Вы, верно, руководствуетесь какими-нибудь особенными соображениями при посылке ко мне писем. Ваше письмо, писанное 18 мая, получено мною 18 июня, т. е. ровно через месяц! Кажется, оно съездило в Москву, потом воротилось к Вам в П<етербург> и затем уж отправилось по назначению. Это письмо служит, впрочем, ответом на мое письмо, еще не полученное Вами, в котором я излагаю разные свои предположения.⁴

² Письмо К. Бальмонта М. Волошину, 13 февраля 1914 г. // Бальмонт К.Д. Письма к Волошину. – М., 2010. – С. 16.

³ Письмо С.А. Есенина М.П. Бальзамовой, 1 июня 1913, Москва [4, с. 41 – 43].

⁴ Письмо И.С. Аксакова А.Д. Блудовой, 18 июня 1854 г., Курск [13, с. 337 – 338].

Действительно, частное письмо, что называется, преодолевает расстояние, разделяющее участников коммуникации. Адресант и адресат, не имея иной возможности, ощущая при этом острую необходимость в общении, заинтересованы в максимально меньшем сроке между написанием / отправлением письма и его прочтением. Например:

*Полно Вам сердиться на меня, дорогой Николай Сергеевич, дайте весточку о себе, о неизменно дорогих для меня калужских друзьях, о всем, что у Вас делается. Сознаю вполне, что кругом виноват перед Вами своим молчанием.*¹

Объясняя причины, по которым не мог написать письмо, адресант стремится возобновить общение. Как видим, игнорирование сигнала (в данном случае, письма) в эпистолярной коммуникации демонстрирует незаинтересованность в общении со стороны одного из участников коммуникации и провоцирует приостановление всей эпистолярной цепочки.

В эпистолярной коммуникации роль молчания несколько иная, нежели в прямом, непосредственном общении, впрочем, этот вопрос нуждается в глубоко научном осмыслении, будучи актуальным и нераскрытым на современном этапе (Н.Д. Арутюнова, Е.О. Носова и др.). Молчание – часть процесса коммуникации, то есть коммуникация без молчания возможна, молчание свидетельствует о некоторой общности, то есть молчание вне коммуникации незначимо. Рассматривая молчание в рамках лингвистических изысканий, ученые приходят к выводу, что «молчание как последовательная линия речевого поведения, решая определенные задачи коммуникации, безусловно, обладает значительными стратегическими ресурсами» [8, с. 94]. Если рассматривать частное письмо как некий сигнал, то можно сказать, что отсутствие письма в эпистолярной коммуникации – тоже некий знак. «Отменить» значение этого сигнала, дабы возобновить эпистолярную коммуникацию, пытаются в письмах те, кто нарушил заданные правила. При этом отсутствие письма знаково именно в системе эпистолярных дискурсов, ведь отсутствие письма-сигнала в несуществующей переписке как цепочке сигналов ничего не значит.

Обращение к философии социальных коммуникаций обогащает исследователей частного письма не только новыми идеями и перспективными вопросами, но и позволяет по-другому взглянуть на те проблемы, которые перед собой ставит филолог. Потребность в общении – базовый элемент личности, отсюда и стремление в оптимизации каналов коммуникации, среди которых частное письмо занимает особое место. Рассмотренные аспекты – лишь малая часть тех философских идей, которые касаются проблем эпистолярной коммуникации. Вместе с тем, и участники коммуникации как две взаимодействующие языковые личности, и невербальные знаки в эпистолярной коммуникации, и сигнальная природа

письма, и, тем более, стратегии молчания в эпистолярной коммуникации как объекты лингвокогнитологии нуждаются в тщательном исследовании, которое не может ограничиваться рамками собственно лингвистической теории в силу сложности самих объектов. Эти и другие лингвофилософские проблемы эпистолярной коммуникации достойны серьезного внимания ученых.

Литература

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Речевой жанр, дискурс и культура / Н.Ф. Алефиренко // *Жанры речи.* – Саратов, 2007. – Вып. 5. – С. 44 – 55.
2. *Горбунова, Л.И.* Философские идеи общения в антропологическом материализме Л. Фейербаха / Л.И. Горбунова // *Вестник МГТУ.* – 2008. – Том 11. – № 4. – С. 590 – 594.
3. *Докучаев, И.И.* Общение в истории культуры: Методологический и типологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / И.И. Докучаев. – СПб. 2003.
4. *Есенин, С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. / С.А. Есенин. – М. 1995 – 2002. – Т. 6. Письма. – 1999.
5. *Золотых, Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. – Астрахань, 2007.
6. *Красин, Л.Б.* Письма жене и детям 1917–1926 гг. / под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского, Ф. Маркиз / Л.Б. Красин. – URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/Krasin.Pisma.txt>
7. *Левинас, Э.* Избранное: Трудная свобода / Э. Левинас. – М. 2004.
8. *Носова, О.Е.* Стратегические ресурсы молчания / О.Е. Носова // *Вестник Челябинского государственного университета.* – 2009. – Вып. 31. – № 13 (151). – С. 89 – 95.
9. *Перов, Ю.В.* Стратегии философского осмысления социального общения / Ю.В. Перов // *Коммуникация и образование* / под ред. С.И. Дудника. – СПб. 2004. – С. 9 – 32.
10. *Писемский, А.Ф.* Собр. соч.: в 9 т. / А.Ф. Писемский. – М., 1959. – Т. 9.
11. *Почепцов, Г.Г.* Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. 2001.
12. *Пятигорский, А.М.* Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала / А.М. Пятигорский // *Структурно-типологические исследования.* – М., 1962. – С. 144 – 154.
13. *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.* – М., 2001.
14. *Сафонов, В.* Николай Рубцов. Повесть памяти / В. Сафонов // *Морской сборник.* – 1986. – № 4. – С. 90 – 95.
15. *Серно-Соловьевич, Н.А.* Публицистика. Письма / Подготовка к изданию И.Б. Володарский, Г.А. Кайкова / Н.А. Серно-Соловьевич. – М., 1963.
16. *Фесенко, О.П.* Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.П. Фесенко. – Томск, 2009.

¹Письмо Серно-Соловьевича Н.С. Кашкину, 4/16 мая 1960 г., Ахен [15, с. 253].

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПРОФЕССИИ, СКЛОННОСТИ И ПРИВЫЧКИ МУЖЧИН

В рамках данной статьи был систематизирован гендерно маркированный фразеологический материал английского языка, характеризующий мужские профессии, а также образ жизни и увлечения представителей сильного пола. Были сделаны выводы о наиболее многочисленных фразеосемантических группах и даны пояснения к часто встречающимся компонентам в составе фразеологических единиц.

Фразеологическая единица, семантика, гендер, парадигма, фразеосемантическая группа, коннотация.

The article aims at systematizing English phraseological units characterizing men's professional activity, occupation, inclinations and habits. The conclusion concerns the most numerous phraseosemantic groups, the most frequently occurring elements of the units are commented upon.

Phraseological unit, semantics, gender, paradigm, phraseosemantic group, connotation.

Понятие профессия, профессиональная деятельность, предполагает род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования. Среди фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, определяющих род занятий мужчины, наиболее многочисленными являются единицы, характеризующие военного и моряка.

Характеристика солдата, места его службы и опыта зафиксирована в следующих оборотах:

- Joe Blow – (амер. воен. жарг.) солдат;
- Bill Jim – (воен. жарг.) Билл Джим (прозвище австралийских солдат);
- a Green Beret – «зеленый берет» (прозвище английских и позднее американских десантно-диверсионных войск);
- a soldier of fortune, knight wager – «солдат удачи», наемный солдат;
- knight of the carpet – солдат, отсиживающийся в тылу (уст. рыцарь, получивший свое звание не на войне, а во дворце, преклонив колено на ковре);
- category man – (воен.) признанный годным к этапной (гарнизонной) службе;
- ex-service man – бывший фронтовик, участник войны, демобилизованный.

Исследование словарных статей показало, что фразеологические единицы, в основе которых лежат морские термины, также весьма многочисленны в английском языке. Это объясняется, прежде всего, большой общественной значимостью и актуальностью мореплавания в Великобритании. Мореплаватели, моряки были и остаются самой распространенной профессией нации:

- Jack Tar – английский матрос;
- a sailor before the mast – рядовой матрос, моряк;
- a liberty man – матрос, увольняемый на берег;
- man-of-war's man – военный моряк;
- ship's husband – (мор.) уполномоченный, распоряжающийся судном по доверенности владельца;
- sea captain – капитан дальнего плавания, флотоводец.

Среди прочих выделяются ФЕ, характеризующие

наиболее популярные в тот или иной исторический период профессии и занятия англичан. Здесь можно выделить следующие фразеосемантические подгруппы:

– «портной»: *Tom Tailor, knight of the needle, knight of the shears / thimble, the ninth part of a man* (шутл., происходит от выражения *nine tailors make a man*; *tailors* искаженное *tellers* – удары колокола при погребении. По старой английской традиции, когда хоронят ребенка, бьют в колокол три раза, женщину – шесть и мужчину – девять раз).

В средневековой Европе профессия портного была очень популярна. Среди прочих ремесленных гильдий существовали и гильдии портных, представителями которых были в основном мужчины.

– «Торговец»: *merchant prince* – крупный торговец, занимающий монопольное положение; *captain of industry* – промышленный магнат, капиталист; *cheap Jack / John* – бродячий разносчик, торгующий дешевыми товарами (слово *cheap* здесь сохранило свое старое значение «рынок, сделка»).

Англичане – это нация, главную гордость которой составляет торговля, ведь именно ей Англия обязана открытием новых стран и их колонизацией. Король Карл II утверждал, что истинное английское дворянство – это купечество.

– «Актер»: *tragedy king* – актер, исполняющий в трагедии роль короля; *a walking gentleman* – статист, исполнитель второстепенной роли без слов; *a matinee idol* – любимец публики, актер, пользующийся большой популярностью у женщин;

– «шут, клоун»: *funny man, Jack pudding, Merry Andrew*. Профессия шута была запрещена в Великобритании в середине XVII в. Оливером Кромвелем. Однако после 350-летнего забвения эта профессия возрождается;

– «писатель»: *a man of letters; knight of the pencil/pen; brother of the quill; a son of the Muses*;

– «ученый»: *a man of science; the Admirable Crichton* (по имени известного шотландского ученого

XVI в.); *a back-room boy* (научный сотрудник секретной лаборатории; ученый, работающий над новыми видами оружия);

– «духовное лицо»: *a man of God, father confessor, ghostly father, black coat*;

– «художник»: *knight of the brush, brother of the brush*;

– «фермер»: *gentleman farmer* – фермер-джентльмен (провинциальный дворянин, занимающийся сельским хозяйством); *lord of the soil* – помещик, землевладелец.

Статистика свидетельствует, что население Великобритании в своем подавляющем большинстве является городским, а не сельским. Тем не менее, основополагающие черты английского характера до сих пор коренятся не в городе, а в селе. «Англичанин не стремится жить в Лондоне, как француз мечтает жить в Париже. В душе он так и не сделался горожанином, хотя его тягу к земле отнюдь не назовешь крестьянской. Предел мечтаний для него состоит не в том, чтобы быть земледельцем, а в том, чтобы стать землевладельцем. Именно владение землей издавна служило тут вершиной человеческих амбиций, мерилом социального положения. Идеал англичанина – жить за городом, то есть иметь загородный дом. И чем состоятельнее человек, тем настойчивее стремится он к этому идеалу, недостижимому для бедноты» [1, с. 323].

– «Лакей»: *John Thomas* – (уст.) ливрейный лакей; *a gentleman's gentleman* – «джентльмен на службе джентльмена», камердинер, дворецкий, лакей, слуга (Д. Дефо в произведении «Everybody's business»);

– «палач»: *yeoman of the cord, yeoman of the halter, Jack Ketch* (по имени английского палача XVII в.).

Среди прочих мужских профессий, нашедших отражение в английской фразеологии, выделяются следующие:

– *knight of the grammar* – (уст. шутл.) школьный учитель;

– *knight of the pestle* – (уст. шутл.) аптекарь, фармацевт;

– *knight of the whip* – (шутл.) кучер;

– *knight of the road* – (ирон., шутл.) «рыцарь дороги» (о коммивояжере, бродяге, водителе грузовика, такси и т.п.);

– *gentlemen of the (long) robe* – «джентльмены в мантиях», юристы;

– *a gentleman in waiting* – камергер;

– *yeoman of the guard* – английский дворцовый страж; лейб-гвардеец;

– *bus boy* – (амер.) убирающий грязную посуду со стола в ресторане;

– *a boy in buttons* – мальчик-коридорный, мальчик-лифтер (в гостиницах);

– *brother/son/man/knight of the spigot* – (шутл.) кабатчик, трактирщик.

В плане выражения данные единицы представляют собой сочетания, за которыми закрепляется не чисто предметная, а оценочная семантика.

Образ жизни, склонности и увлечения мужчины характеризуются следующими ФЕ:

– *knight adventurer* – (уст.) странствующий рыцарь;

– *a gentleman of fortune* – эвф. «джентльмен удачи», авантюрист, искатель приключений (первоначально о пиратах);

– *knight of the green cloth* – картежник;

– *knight of the cue* – (шутл.) бильярдист;

– *a man of the turf* – завсегдашней скачек.

В отдельную фразеосемантическую подгруппу можно выделить ФЕ, характеризующие мужчину-бонвивана, охотника до удовольствий и прожигателя жизни. Англичане к такому поведению мужчин относятся неодобрительно, с иронией:

– *a man about town* – богатый повеса, прожигатель жизни, жуир;

– *good-time Charlie* – (неодобр.) гуляка, повеса, прожигатель жизни;

– *a man of pleasure, bon vivant* – прожигатель жизни, жуир; сластолюбец;

– *coal-oil Johnny* – (амер.) мот, транжира;

– *young feller-me-lad* – (шутл.) молодой повеса;

– *wild oats* – (уст.) беспутный юноша.

В книге «Психология народов и наций» стремление англичанина к поиску приключений объясняется тем, что, будучи флегматиком по натуре, он способен страстно увлекаться всем великим, новым, оригинальным. «Если жизнь англичанина складывается таким образом, что он лишен возможности вести тяжелую борьбу с житейскими препятствиями, то он начинает страдать невыносимой хандрой. Тогда от давящей скуки он принимается искать развлечения в самых странных приключениях» [2, с. 317].

Вредные привычки, такие как курение и пристрастие к алкогольным напиткам, также обозначены средствами фразеологии: *knight of the vapour* – (уст. шутл.) курильщик.

Пьяный мужчина сравнивается с матросом, скрипачом или лордом, а собутыльник – это непременно веселый, общительный человек:

– *drunk as a sailor / fiddler / lord* – пьяный как сапожник, мертвецки пьяный;

– *good / jolly fellow* – веселый собутыльник, компанейский парень.

Фразеологизмы, содержащие оценку поведения с точки зрения нравственности, формируют одночленную парадигму со значением «непорядочный, безнравственный, беспринципный»: *a man of Belial, a man of sin, a four-letter man* (многие непристойные слова в английском языке состоят из четырех букв), *the vicar of Bray* (по имени полулегендарного викария XVI в., четыре раза менявшего свою религию и бывшего два раза католиком и два раза протестантом).

Противозаконность действий и поведения мужчины отражена в оборотах с общим значением «преступник, бандит». К преступным действиям, закрепленным в единицах данной группы, относятся воровство, грабеж, убийство:

– *knight of the knife* – (уст.) вор (срезающий кошельки с пояса);

– *a broken man* – (уст. шотл. юр.) человек, объявленный вне закона, грабитель;

– Mr. Big – «большой босс», воротила преступного мира;

– a big bad wolf – (шутл.) «страшный серый волк», опасная, страшная личность (мультфильм У. Диснея «Три поросенка» (1933));

– a bad man – (амер. жарг.) закоренелый преступник, отпетый головорез;

– hold-up man – бандит;

– a strong man – (во втором значении) (амер.) наемный бандит;

– gentleman / squire of the pad, knight of the road – (эвф.) «рыцарь с большой дороги», разбойник с большой дороги;

– Jack the Ripper – Джек-Потрошитель (прозвище убийцы женщин, совершавшего зверские преступления в Лондоне в 1888 – 89 гг.).

Мошенники, аферисты и шулеры характеризуются следующими оборотами: *a confidence man, knight of the whipping-post, knight of the elbow, knight of industry, knight of fortune*. Большинство единиц данной фразеосемантической группы – это устаревшие выражения. Поэтому неудивительно, что в качестве наказания за преступления и злодеяния упоминается позорный столб и казнь через повешение:

– knight of the whipping-post – (шутл.) жулик, мошенник, шулер;

– knight of the collar – (уст. шутл.) повешенный.

В результате статистического анализа языкового материала стало очевидным превосходство количества единиц с отрицательной коннотацией над количеством единиц с положительной коннотацией. Этот факт следует соотносить не с полом референта, а с общей закономерностью фразеологии: отрицательно коннотированных единиц в целом больше по всему фразеологическому полю, так как в оппозиции «положительное качество» / «отрицательное качество» маркированным является последний член.

Следует также отметить, что часто встречающимся компонентом ФЕ, характеризующих увлечения, вредные привычки, пагубные пристрастия и преступные наклонности мужчины, является слово *knight*, которое либо выражает эмоциональную окраску оборота (шутливое отношение, ирония), либо употреблено в эвфемистических целях.

Литература

1. Овчинников, В.В. Ветка сакуры. Корни дуба. Горячий пепел / В.В. Овчинников. – М., 1988.

2. Сухарев, В. Психология народов и наций / В. Сухарев, М. Сухарев. – Донецк, 1997.

УДК 482 (075.8)

Е.В. Малышева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор А.А. Романов

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КИНЕСТЕТИЧЕСКОГО ФРЕЙМА КВЕСИТИВОВ

Статья посвящена проблеме исследования кинестетических действий квеситивов типа в структуре комплексного вербально-тактильного коммуникативного акта. Выявлено, что кинестетические действия, включенные в коммуникативный акт, способны участвовать в формировании иллюкутивного потенциала отдельных речевых актов и побуждать партнера по диалогу к совершению определенных действий.

Кинестетические действия, комплексный вербально-тактильный коммуникативный акт, диалог, вербальные действия, речевой акт.

The article is devoted to the study of kinesthetic activities of a kvesitive type in the structure of a complex verbal and non-verbal communicative act. It's revealed that the kinesthetic activities included in the communicative act can participate in the definition of illocutionary potential of different speech acts and make a dialogue partner commit certain actions.

Kinesthetic action, complex verbal and tactile communicative act, dialogue, verbal actions, speech act.

Согласно классификации А.А. Романова, функционально-семантические представления типовых иллюкутивных фреймов базируются на «инвариантных показателях условий реализации иллюкутивных потенциалов типовых интеракций, в которых отражаются этапные моменты речевого взаимодействия партнеров с учетом их особенностей» [1, с. 62]. Диалогическая интеракция осуществляется в определенный момент действительности и отражается в комплексе скоординированных действий, этапная последовательность записи которых позволяет проследить условия и особенности реализации ком-

плексных вербально-кинестетических реплик. Таким путем, соотношение элементов комплексного семозиса (как вербального, так и невербального порядка) процесса коммуникативного обмена отражает наиболее полный характер интерактивного общения и дает возможность проследить взаимодействие различных компонентов (в частности, кинестетических действий) в структуре типовых комплексных вербально-тактильных коммуникативных актов – в узком смысле и в широком смысле – в типовых коммуникативно-прагматических типах (в частности, в исследуемых квеситивах – вопросительных предло-

жениях в традиционном понимании [2, с. 17 – 24], [3, с. 272 – 278], например: «*Why do you know how pretty you are, child?*» *she says, touching her shoulder with her two forefingers. Rosa, very much abashed, says, u «No, if you please, my Lady!» and glances up, and glances down, and don't know where to look, but looks all the prettier. «How old are you?» «Nineteen, my Lady»* [5, с. 166].

Ср., также в рус.:

Андрей распахнул дверь: – В чем тут у вас? Опухшая от слез курносая хозяйская дочь редела белугой, прислонясь к двери. Возле нее металась и кудахтала мать, а Игнатенок, весь красный, смущенно улыбаясь, тянул девку за подол. – Ты чего тут?! – Андрей, не разобрав, в чем дело, задохнулся от гнева, с силой толкнул Игнатенка. Тот упал на спину, задрал длинные ноги в валяных опорках. – Тут кругом политика! Наступление на врага, а ты девок по углам лапаешь?! А под суд за... – Да ты постой, погоди!(3) – Игнатенок испуганно вскочил с пола. – На кой она мне... снилась! [4, с. 58].

Следует обратить внимание на тот факт, что коммуникативно-прагматические типы фреймовых взаимодействий характеризуются определенным набором функциональных условий и параметров, задающих типовой сценарий фрейм [1, с. 27 – 68], соблюдение которых позволяет партнером по диалогу достигать нужных (поставленных) целей:

– предварительные условия (А), которые затрагивают принципы коммуникативного сотрудничества, заинтересованности и отражают коммуникативно-социальные конвенции;

– условия интенционального содержания (Б) коррелируют с содержательной основой репликового шага и темой иллокутивного потенциала, отражают отношение адресата (как положительное, так и отрицательное) к ответному действию участника диалогической интеракции, показывают специфику выражения средств иллокутивного показателя и делятся на следующие составляющие:

а) условия пропозиционального содержания (УПС) обозначают предписание, по которому должен осуществляться или разворачиваться типовой сценарий типовых вопрос-ответных конструкций в виде последовательности пошаговых действий в диалоге;

б) условия иллокутивного содержания (УИС) призваны указать средства достижения результата;

в) условия внутреннего содержания говорящего (УСГ) показывают, что участник диалогического общения, выступающий в роли адресата, должен оценить желательность результата для инициатора, т.е. сигнализировать степень заинтересованности партнера к предложенному типу диалогического общения;

г) условия ожидаемого действия (В), которые призваны найти ответ: кто и в чью пользу должен совершать ответное действие в процессе обмена диалогическими репликами.

Принимая во внимание выделенные функциональные условия, возможно представить фреймовую организацию функционально-семантического пред-

ставления типового иллокутивного потенциала, в рамках которого осуществляется реализация поставленных целей на уровне комплексных коммуникативных ходов:

ДЕЙСТВИЕ: ИП (Г, С, р): намереваться (Г, каузировать (Г, становиться (принимать (С, р))),

где ИП – иллокутивный потенциал, Г – говорящий, С – слушающий, р – фрагмент реальной действительности, знак «:» читается как «включает». Атомарный предикат «принимать (С, р)» выражает коммуникативную успешность данного речевого действия, т.е. консеквент.

В свою очередь, фреймовая организация записи кинестетического фрейма *квеситивов* выглядит следующим образом: *Побуждать*: стимулировать адресата к ответным действиям посредством кинестетического воздействия: намереваться (И, каузировать (И, информировать (А, р))), где И – инициатор, А – адресат, р – фрагмент реальной действительности, знак «:» читается как «включает».

Фреймовый сценарий, согласно которому происходит кинестетическое взаимодействие в составе ВТКА *квеситивного* типа, имеет следующий вид:

– побуждать (И, А, р) – УПС → информировать (А, р) Δ любое (р);

– побуждать (И, А, р) – А.1. → считать (И, быть в состоянии (А, информировать (А, р)));

– побуждать (И, А, р) – А.2. → убежден (И, [не побуждать (И, А, р) → не информировать (А, р)]).

Побуждать (И, А, р) – УСГ → желать (И, информировать (А, р)).

Побуждать (И, А, р) – УИС → ручаться (И, желать (И, информировать (А, р))).

Побуждать (И, А, р) – УОД → намереваться (И, каузировать (И, информировать (А, р))),

где А. 1. – установление фактуальности повода инициатором диалогического взаимодействия для реализации глобальной цели, А. 2. – доказывание сопричастности адресата к сложившемуся положению дел, стрелка читается как «следует», знак ^ – обозначает «или», знак [обозначает отрицание «не», (р) – некоторый фрагмент реальной действительности; знак Δ – «включает».

Помимо каузальных цепочек в кинестетическом фрейме учитываются также параметры социальных форм коммуникации показатели интерактивных ходов, отражающие процесс достижения намеченных целей, а именно:

а) коммуникативная заинтересованность – в пользу инициатора, который обладает правом контроля за ходом интеракции;

б) сотрудничество – любое, в большинстве случаев не конфликтное;

в) отношения – доброжелательные или нейтральные, но иногда могут быть и враждебные;

г) социально-ролевой статус доминирования реже доминанты одного из коммуникантов. Кодекс доверия основан на заинтересованности инициатора.

Рассмотрим диалогический фрагмент квеситивного типа и проследим запись его фреймового сценария, согласно которому происходит взаимодействие в составе вербально-тактильного коммуникативного акта: «*Who's this, Miss Summerson?*» *whispered Miss Jellyby, drawing my arm tighter through her own. (1) The little old lady's hearing was remarkably quick. She answered for herself directly. A suitor, my child. At your service. (2) I have the honour to attend court regularly. With my documents (3)* [5, с. 56].

Запись его фреймового сценария выглядит следующим образом:

1) инициатор каузирует адресата проинформировать его по поводу (р), (р) – *Who's this, Miss Summerson? Инициатор использует кинестетическое действие «drawing my arm tighter through her own», чтобы побудить партнера к ответным действиям;*

2) инициатор считает, что адресат в состоянии информировать инициатора по запрашиваемому поводу;

3) инициатор убежден, что если он не побудит адресата, то адресат его не проинформирует по поводу (р);

4) у инициатора есть потребность в получении информации по поводу (р);

5) инициатор действительно хочет осуществления каузируемого действия (информирования);

6) инициатор вызывает последующее действие, которое он ожидает от адресата в рамках тематического пространства диалогического общения (р).

Следовательно, в отмеченном фрагменте инициатор использует кинестетическое действие «*drawing my arm through her own*» в вербальной реплике (1), чтобы добиться (побудить) партнера к ответным действиям (2, 3). Примечательно, что участники диалогического общения находятся в положительных (не противоречивых) отношениях между собой, поэтому наблюдается не конфликтное (согласованное) сотрудничество партнеров.

Рассмотрим еще один пример и проследим необходимость использования кинестетического действия: «*What did they say?*» *he inquired, putting his arm around her (1) and looking quietly into her nervous eyes. «Oh, you know, I think papa is very angry with you. (2) He suspects. (3)* [6, с. 268 – 269].

В представленном диалогическом фрагменте инициатор диалогического общения использует вербальную реплику (1) во взаимодействии с кинесте-

тическим действием (*putting his arm around her*). Запрашивая информацию, инициатор предрасполагает к себе адресата и одновременно с этим побуждает его ответному действию (2). Стоит отметить, что отношения между партнерами по диалогу положительные и все функциональные условия соблюдены, по этой причине взаимодействие между участниками диалогической интеракции согласованны и скоординированы (1, 2).

Таким образом, комплексное коммуникативное вербально-кинестетическое взаимодействие партнеров по диалогу – специфический процесс. В рамках определенного коммуникативного пространства диалогического общения он представлен в виде комплекса вербальных и кинестетических действий различной иллокутивной направленности, ориентированных на успешное взаимодействие участников и достижение коммуникативных целей и задач посредством запланированного воздействующего развертывания фреймового сценария в виде последовательности кооперативных действий. Воздействующий потенциал кинестетических действий квеситивного типа направлен на корректировку и внесение изменений в отдельные диалогические реплики. Структура комплексного коммуникативного вербально-тактильного коммуникативного акта определяется его диалогическими действиями (в частности, кинестетическими), которые используются для достижения различных коммуникативных эффектов, рассчитанных на определенную поведенческую реакцию партнера, чтобы стимулировать (побуждать) его к совершению определенных ответных действий.

Литература

1. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М., 1988.
2. Почепцов, Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения / Г.Г. Почепцов // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 6. – С. 15 – 25.
3. Почепцов, Г.Г. Предложение // Иванова И.П., Буракова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981. – С. 164 – 281.
4. Шолохов, М.А. Поднятая целина / М. Шолохов. – М., 1977.
5. Dickens, Ch. Bleak house / Ch. Dickens. – М., 1957.
6. Dreiser, Th. The Financier / Dreiser Th. – М., 1954.

УДК 821.161.1 (091)

М.Б. Низовцева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Р.М. Лазарчук

ГАСТРОНОМИЯ КАК СЕГМЕНТ ПРЕДМЕТНОГО МИРА «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА

Статья посвящена проблеме предметного мира «Повестей Белкина», в частности, такому ее сегменту, как гастрономия. Приводятся данные формального тезауруса, отражающие степень наполнения рубрики «Гастрономия». Определяются способы изображения пищевых образов в повестях. Устанавливаются функции гастрономии (характерологическая, культурологическая, функция исторической реалии). Выявляется архетипическая природа еды. Показывается роль еды в обеспечении циклообразующих связей между повестями.

Предметный мир, гастрономия, формальный тезаурус, цикл, А.С. Пушкин, архетип.

The article is devoted to the problem of the object world of «Belkin's Stories», in particular to gastronomy. The data of formal thesaurus reflecting the degree of filling of the heading "Gastronomy" is given in the paper. The ways of depicting food images in the stories are defined. Gastronomy functions (characterologic, culturological, the function of historical reality) are established. The archetypical nature of food is stated. The role of food in ensuring cycle-forming links between stories is presented.

Object world, gastronomy, formal thesaurus, cycle, A.S. Pushkin, archetype.

Пушкинисты, обращавшиеся к изучению цикла «Повести Белкина» (В.В. Виноградов, Н.Л. Степанов, Н.Я. Берковский, В.С. Белькинд, С.Г. Бочаров, В.Э. Вацуро, Н.Н. Петрунина, Н.К. Гей, В.Е. Хализев, С.В. Шешунова, С.М. Шварцбанд и др.), исследовали разные уровни связи повестей. В качестве циклообразующих факторов назывались: фигура собирателя повестей, помещика Ивана Петровича Белкина, изображаемая картина провинциальной русской жизни, сюжетно-тематическая близость, пронизывающая повести система мотивов (мотив обретения героями домашнего очага, мотивы чести и обиды, совести и вины и др.). Гастрономическая сфера предметного мира цикла повестей специально не рассматривалась. В ряде работ содержатся интересные и ценные наблюдения над кулинарным антуражем (термин В.В. Похлебкина), а также комментарии некоторых напитков и кушаний, встречающихся в текстах повестей [3], [4].

Цель статьи: установить функции еды в «Повестях Белкина» и обнаружить связи повестей внутри цикла на уровне такой предметной реалии, как гастрономия.

При исследовании гастрономии как сегмента предметного мира учитываются: 1) упоминания напитков и кушаний, 2) ситуации еды. Также привлекаются гастрономический инвентарь (бытовая утварь, связанная с процессом еды).

Обратимся к данным формального тезауруса¹ повестей. На долю гастрономии в цикле приходится 4 % от общего количества словоупотреблений. Наполняемость рубрики гастрономическими единицами в тезаурусе каждой повести отражена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика рубрики «Гастрономия» формального тезауруса цикла «Повести Белкина»

Повести	Напитки	Кушанья	Прочее	Всего
«Выстрел»	5	1	0	6
«Метель»	0	0	0	0
«Гробовщик»	6	0	0	6
«Станционный смотритель»	10	2	1	13
«Барышня-крестьянка»	1	2	0	3

¹ Была использована разработанная М.Л. Гаспаровым методика частотного словаря, построенного по принципу формального тезауруса [1]. Формальный тезаурус представляет собой словарь, в котором лексические единицы с предметным значением сгруппированы по тематическим рубрикам и подрубрикам.

Самой богатой по своему кулинарному репертуару является повесть «Станционный смотритель» (13 словоупотреблений), что обусловлено сюжетом: останками А.Г.Н. и Минского на станции. Менее интенсивно заполнена данная рубрика в повестях «Выстрел» и «Гробовщик» (по 6 словоупотреблений). Минимальное количество приходится на повесть «Барышня-крестьянка» (3 словоупотребления). Предметы рубрики «Гастрономия» полностью отсутствуют во второй повести цикла. И.А. Манкевич объясняет едва приметный застольный антураж в «Метели» тем, что «снежный буран, так жестоко подшутивший над амурными намерениями героев, к еде не располагал вовсе» [3, с. 557].

Доминирующее положение в повестях занимают напитки: из числа алкогольных – это *водка*, *вино*, *пунш*, из числа безалкогольных – *чай*. *Водка* встречается в трех повестях цикла. Первый случай (ежедневные упражнения Сильвио в стрельбе сравниваются с употреблением водки): «Лучший стрелок, которого удалось мне встречать, стрелял каждый день, по крайней мере три раза перед обедом. Это у него было заведено, как рюмка *водки*» [5, с. 72] – соотносится с последним (приводимый Муромский пример долголетия) по принципу контраста: «Тут он привел несколько примеров человеческого долголетия, почерпнутых из английских журналов, замечая, что все люди, жившие более ста лет, не употребляли *водки*...» [5, с. 115]. В повести «Гробовщик», являющейся композиционным центром цикла, *водка* включена в состав фразеологического оборота: «Купчиха Трюхина скончалась в эту самую ночь, и нарочный от ее приказчика прискакал к Адриану верхом с этим известием. Гробовщик дал ему за то гривенник на *водку*...» [5, с. 92].

Напитки связывают дистантно расположенные повести со сходной субъектной организацией – «Выстрел» и «Станционный смотритель» – *вино* (по 1 словоупотреблению) и *пунш* (1 и 3 словоупотребления соответственно). *Вино*, которое в «Выстреле» действует как катализатор конфликта между офицером Р*** и Сильвио, в «Станционном смотрителе» – знак состоявшейся «делки» Минского и лекаря. *Пунш* и карты составляют картину повседневной жизни армейского офицера («Выстрел»). Предложенный Вырину *пунш* располагает хозяина станции к проезжающему, рассказчику А.Г.Н. («Станционный смотритель»).

По отношению к соседним повестям в составе цикла («Гробовщик», «Станционный смотритель») предметом, выполняющим роль скрепы, является *чай*.

В «Гробовщике» напитки участвуют в создании

оппозиции двух национальных культур. Адриян Прохоров отдает предпочтение традиционному русскому напитку – чаю¹ и как истинно русский человек совершает трапезу не спеша. Количество выпитого, «седьмая чашка чая», указывает на длительность процесса чаепития. Чаю, атрибуту русской кухни, противопоставлен главный немецкий напиток – пиво. Напитки, которыми Шульц угощает приглашенных гостей, свидетельствуют о том, что немцы, проживая на протяжении веков в России, с одной стороны, сумели сохранить в чужой культуре самобытные гастрономические традиции своих предков (пиво). С другой стороны, длительное пребывание немцев на территории России оказало на них влияние и, как следствие, привело к распространению в немецкой среде русских напитков (*полушампанское*) и специфических застольных обычаев. В.В. Похлебкин, не соглашаясь с В.И. Далем, рассматривавшим *полушампанское* как «фальшивое, поддельное шампанское», признает названный напиток «дешевым продуктом отечественного производства, шипучее, как шампанское, и изготовленное из яблочного сока, – нечто напоминающее сидр» [4, с. 141]. Размах торжества выразился в многочисленных тостах и открываемых одна за другой бутылках *полушампанского*: «Пиво лилось. <...> хозяин <...> откупоривая засмоленную бутылку <...> Полушампанское запенилось <...> откупоривая вторую бутылку» [5, с. 91]. Таким образом, гастрономии присущи культурологическая и характерологическая функции.

Пушкин ограничивается простым названием напитков и обобщенным наименованием яств (*блюда, кушанья*), исключение составляет «Барышня-крестьянка». В последней повести цикла называются конкретные блюда, сопровождаемые, в одном случае, логическими определениями, передающими цветовой признак (*пирожное блан-манже синее, красное, полосатое*), в другом – эпитетом, указывающим на такой признак, как толщина (*тоненькие тартинки*, небольшие горячие бутерброды, приготовлением которых за завтраком занималась англичанка мадам мисс Жаксон). Названные кушанья выступают в качестве реальных времен: отражают процесс усвоения русской кухни иностранными, в частности, французскими по своему происхождению, блюд. В то же время, *блан-манже*, или непрозрачное желе, упомянутое Настей, девушкой Лизы, при описании обеда на именинах «поваровой жены», выполняет функцию предметной детали, показывающей пути распространения гастрономических новшеств: блюда сначала входили в быт аристократии, затем в провинциальную дворянско-помещичью среду, а оттуда в другие сословия (из господской кухни в крестьянскую они попадали через дворню).

В каждой повести, входящей в цикл «Повести Белкина», помимо прямых упоминаний напитков и кушаний, разворачиваются гастрономические ситуа-

ции, связанные с повседневностью (ежедневные обеды офицеров у Сильвио; чаепитие и ужин ненадворских помещиков; чаепития Адрияна Прохорова; чаепитие А.Г.Н., Дуни и Вырина; трапезы Минского и его обед с лекарем; семейный завтрак в доме Муромских, завтрак у И.П. Берестова), и гастрономические ситуации, связанные с праздничностью (прощальное застолье у Сильвио; торжественный обед в честь празднования серебряной свадьбы супругов Шульц; несостоявшийся пир по поводу новоселья Прохорова; именины жены тугиловского повара, примирительный обед помещиков-соседей).

Рассмотрим, как в «Повестях Белкина» проявляется архетипическая природа еды. По мнению О.М. Фрейденберг, акт еды, житейско-реальный и вполне физиологичный процесс, «соединялся с кругом каких-то образов, которые прибавляли к трапезе как к утолению голода и жажды, еще и мысль о связи акта еды с моментами рождения, соединения полов и смерти» [8, с. 56]. Принятие пищи – коллективное действие, что восходит к архаическим представлениям: «В первобытном обществе еда совершается сообща...» [8, с. 59]. Итак, совместное употребление пищи способствует объединению людей, установлению «отношений особой близости (гостеприимство, куначество, побратимство, дружба и т. д.)» [7, с. 429]. Во всех повестях цикла еда реализует такую сему своего архетипического значения, как обретение единства, установление общности. Названное архетипическое значение сквозного мотива еды развивается в цикле в двух направлениях – как единение членов семьи за столом и как дружеская трапеза (деление еды с гостем).

Такая повседневная трапеза, как чаепитие, связывающая три повести цикла («Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель»), представлена в них различно. Утреннее чаепитие в семье ненадворского помещика просто упоминается, но не изображается.

В центральной повести цикла ситуация чаепития воплощается в трех вариантах: Прохоров пьет чай в одиночестве, затем с пришедшим в гости Шульцем и, наконец, с дочками, ситуация оставшаяся за пределами текста. Как установил Н.К. Гей, повесть обрамлена сценами чаепития [2, с. 24 – 25], значит, чаепитие выполняет композиционную функцию. Однако существенно различна между сценами чаепития в начале и конце повести. Вопреки сложившейся традиции семейного застолья, чаепитие гробовщика в новом доме происходит в одиночестве, при этом соблюдается чайный ритуал, предполагающий наличие истинно русского бытового предмета, главного «участника» чаепития, – *самовара*² (назван дважды): «Девушки ушли в свою светлицу. Адриян обошел свое жилище, сел у окошка и приказал готовить *самовар*» [5, с. 89]. За чаем герой «по своему обыкновению был погружен в печальные размышления» [5, с. 90]. Ситуация меняется с приходом соседа – Адриян проявляет себя как гостеприимный хозяин: «Гробовщик просил сапожника садиться и выкушать чашку чаю...» [5, с. 90].

¹ Это нашло отражение в русских пословицах и поговорках: Чаем на Руси никто не подавился! Пей чай, не вдавись в печаль. Выпей чайку – забудешь тоску. Чай не пить, так на свете не жить. Я сiju, чай пью – и ты заходи, чай пей! и др.

² Самовар является атрибутом чаепития в трех повестях цикла: «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель».

Издавна у русского народа существовал «обычай, что кто бы ни пришел в гости и в котором часу ни было: в полдень ли, или до полудня, или после обеда, непременно угостят чаем <...>. Даже если сами хозяева недавно пили чай, но пришел гость, для него заваривают и сами пьют с ними...» [6, с. 67]. Оживленный, дружелюбный разговор между гробовщиком и немцем-ремесленником завязался во время чаепития благодаря «открытому нраву» [5, с. 90] Готлиба Шульца. Второй раз *самовар* упоминается в финале повести: «Наконец открыл он глаза и увидел перед собою работницу, раздувающую *самовар*» [5, с. 94]. Наутро после пробуждения Адриан, убедившись, что все произошедшее (похороны и новоселье) – лишь сон, собирается пить чай вместе с Акулиной и Дарьей: «Ну, коли так, давай скорее *чаю*, да позови дочерей» [5, с. 94]. Так, обряд чаепития обнаруживает изменения, произошедшие в сознании Прохорова менее чем за сутки (об этом писали исследователи [9, с. 274]). Герой понимает, что семья и семейные связи – высшая в жизни ценность. Через предметный образ (*чай*) показана возможность воссоединения семьи гробовщика. Высказанное гробовщиком пожелание пить чай с дочками реализовано в сцене семейного завтрака Муромских («Барышня-крестьянка»).

Яркий пример того, что совместная трапеза способствует установлению близких отношений и располагает к разговору не только между членами одной семьи, представлен в повести «Станционный смотритель» в виде чаепитий рассказчика на станции Вырина.

В свой первый приезд А.Г.Н. радушен по отношению к Дуне и ее отцу, угощает их чаем: «Я предложил отцу ее стакан *пуншу*; Дуне подал я чашку *чаю*, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы» [5, с. 99]. Неподдельный интерес к судьбе обитателей станции предопределил последующие приезды А.Г.Н. на станцию. Полная противоположность рассказчика – Минский, который в течение трех дней, проведенных на станции, отужинал, выпил две чашки кофе и кружку заготовленного Дуней лимонада, заказал обед, и при этом ни разу не разделил еды со смотрителем и его дочкой. Отсутствие совместной еды гусара, Дуни и Вырина (минус-прием) воспринимается как некое предупреждение. Задержка на станции и разыгрывание притворной болезни вызывает сомнение в искренности Минского, обнаруживает фальшивость его поведения, раскрывает коварность его замысла. Так, на уровне еды читатель может прогнозировать дальнейший ход развития событий – увоз Дуни (сюжетная функция еды). Повтор ситуации, в которой задействованы гастрономические реалии, становится своего рода индикатором, позволяющим обнаружить разность характеров А.Г.Н. и Минского (характерологическая функция еды).

Единение людей достигается и во время других повседневных застолий, одни из которых подробно изображаются (обеда офицеров у Сильвио), другие только упоминаются (поминутные приемы соседей в доме гостеприимных помещиков из Ненарадова). Вместе с тем единение людей во время еды приобре-

тает и негативный смысл. Так, обед Минского с лекарем превращается в сделку, заключенную с целью скрыть мнимость болезни гусара: «...оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом» [5, с. 101].

Еда сохраняет свое архетипическое значение как знака примирения в ситуациях завтрака и последующего обеда Григория Ивановича Муромского и Ивана Петровича Берестова. Общую доброжелательную атмосферу званого обеда не нарушает ни проказа Лизы, ни досада чопорной англичанки по поводу похищенных у нее белил, ни наигранное поведение Алексея. Фразеологический оборот (ранее встречающийся в «Гробовщике»: «Юрко ел за четверых...» [5, с. 91]) не столько содержит сведения о кушаньях, сколько характеризует аппетит персонажа и свидетельствует о его благосклонном расположении: «Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал» [5, с. 120].

Архетип еды амбивалентен по своей семантике: устоявшееся единство сотрапезников может перейти в свою противоположность – разобщенность. Применительно к обеду у немца сапожника («Гробовщик») такая актуализированная сема архетипического значения еды как трапезы, направленной на установление общности, постепенно вытесняется. Названный дважды *стол* в контексте торжественного застолья выступает не просто как «ситуационный предмет» (термин А.П. Чудакова), а приобретает особую семантическую значимость: *стол* призван объединить сидящих за ним. Впервые *стол* упоминается в начале празднования серебряной свадьбы: «Адриан тотчас познакомился с ним (Юрко. – М.Н.), как с человеком, в котором рано или поздно может случиться иметь нужду, и как гости пошли за *стол*, то они сели вместе» [5, с. 91]. Ход праздника показан посредством серии тостов: «...гости шумно выпили здоровье доброй Луизы. <...> гости благодарили его, осушая вновь свои *рюмки*. <...> пили здоровье каждого гостя особливо, пили здоровье Москвы и целой дюжины германских городков, пили здоровье всех цехов вообще и каждого в особенности, пили здоровье мастеров и подмастерьев» [5, с. 91]. Рокковой тост («За здоровье тех, на которых мы работаем, *unserer Kundleute!*») и последующие за ним слова будочника оскорбляют гробовщика и подчеркивают возникшее размежевание среди гостей, изолированность Прохорова. Гробовщик «выпадает» из профессионального «братства»: «Юрко, посреди сих взаимных поклонов, закричал, обратясь к своему соседу: „Что же? пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов“. Все захохотали, но гробовщик почел себя обиженным и нахмурился. Никто того не заметил, гости продолжали пить, и уже благовестили к вечерне, когда встали из *стола*» [5, с. 92]. Вновь повторяясь, *стол* сигнализирует об окончании торжества. Предполагаемого и заявленного единства («...прошу вас и ваших дочек отобедать у меня по-приятельски» [5, с. 90]) не было изначально.

Подведем итоги исследования.

Несмотря на то, что гастрономия сравнительно с другими сегментами предметного мира «Повестей Белкина» имеет невысокие количественные показатели, отличается полифункциональностью в цикле: гастрономия выполняет характерологическую функцию; пищевые образы, напитки, наделяются культурологической функцией – становятся показателями национальной самобытности двух культур; еда выступает в функции реалии времени; она функционирует как архетипический образ; гастрономия обладает циклообразующей функцией – наряду с другими сегментами предметного мира, обеспечивает единство цикла.

Пушкин использовал по отношению к гастрономии те же способы изображения, которые применял к другим сегментам вещесферы: простое называние, логические определения и эпитетная номинация.

Литература

1. *Гаспаров, М.Л.* Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный / М.Л.

Гаспаров // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. – М., 1995. – С. 275 – 285.

2. *Гей, Н.К.* Проза Пушкина: Поэтика повествования / Н.К. Гей. – М., 1989.

3. *Манкевич, И.А.* Застолье в произведениях А.С. Пушкина / И.А. Манкевич // Манкевич И.А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. – СПб., 2011. – С. 556 – 559.

4. *Похлебкин, В.В.* Кулинарный антураж в прозаических произведениях А.С. Пушкина / В.В. Похлебкин // Похлебкин В.В. Из истории русской кулинарной культуры: Кушать подано! – М., 1998. – С. 139 – 145.

5. *Пушкин, А.С.* Повести покойного Ивана Петровича Белкина / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – М.; Л., 1949. – Т. VIII (1). – С. 57 – 124.

6. *Терещенко, А.В.* История культуры русского народа / А.В. Терещенко. – М., 2007.

7. *Топоров, В.Н.* Еда / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1987. – Т. I. – С. 427 – 429.

8. *Фрейденберг, О.М.* Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М., 1997.

9. *Шмид, В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» / В. Шмид. – СПб., 1996.

УДК 81'22

О.С. Пермякова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор А.А. Пушкин

ФИТОНИМЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ФЛОРИСТИЧЕСКОМ ФРАГМЕНТЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, МАРИЙСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье проводится сравнительный анализ названий растений на русском, марийском, английском и французском языках как составляющих флористического фрагмента языковой картины мира. Особое внимание уделено выявлению сходств и различий в номинации растений разными народами. Представленная классификация растений по характеру дифференциальных признаков, лежащих в основе наименования, отражает специфические черты народного характера, культурные и исторические традиции людей.

Фитонимы, сопоставительный анализ, научная картина мира, флористический фрагмент языковой картины мира, дифференциальный признак, внутренняя форма слова, национальный менталитет.

The article presents the comparative analysis of the names of plants in Russian, Mari, English and French as the constituents of the floristic fragment of the linguistic picture of the world. Special attention is given to identification of similarities and differences in naming plants by different nations. Classification of plants according to the differential indication reflects the specific traits of people's character, their cultural and historical traditions.

Phytonyms, comparative analysis, scientific picture of the world, floristic fragment of the linguistic picture of the world, differential sign, inner word form, ethnic mentality.

Современный этап развития языкознания имеет полипарадигмальный характер, объединяющий разные подходы к анализу языка. Одним из основных принципов современной лингвистики является антропоцентризм, предполагающий изучение проблемы «языка в человеке», дополнивший господствовавший до этого этноцентризм. Этой проблемой в разное время занимались такие ученые, как: Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Б.А. Серебрянников, В.Н. Телия и др. В лингвистике XXI в., по общему признанию, остается актуальным также исследова-

ние фрагментов языковой картины мира, что объясняется возросшим вниманием лингвистов к индивидуальным проявлениям языковой личности, отражающим особенности восприятия, интерпретации и концептуализации человеком окружающего мира.

По мнению Е.С. Яковлевой, «картина мира – достаточно детализированная схема действительности, представленная в сознании носителя языка... Совокупность моделей, дающих разные интерпретации одного и того же понятия, можно определить как «фрагмент языковой картины мира» [6, с. 308]. Ок-

ружающий мир в языке отражается опосредованно – через сознание говорящих людей. В этом заключается специфика отражения действительности в языке, доказательством чего являются различия между лексическими системами разных языков, отражающими, в конечном счете, одну и ту же действительность.

Б.А. Серебренников отмечает, что при исследовании картины мира необходимо учитывать, с одной стороны, универсальные принципы организации окружающей действительности, с другой, – закономерности, «предпочитаемые тем или иным языком – как самим его строим, так и национально-культурным осознанием его носителей» [4, с. 174]. Внутренняя форма слова (ВФС) является отражением особенностей номинации в каждом языке, поэтому сопоставление лексических единиц разных языков по их внутренней форме помогает глубже раскрыть характер лексических единиц.

Внутренняя форма слова, являясь способом реализации мотивированности, выполняет различные функции в языковой системе. Функциональная характеристика ВФС обусловила выделение в мотивологии нескольких ее видов. Так, ВФС может по-разному осознаваться носителями языка, что говорит о ее вариантном характере. Одним из проявлений динамического свойства ВФС является ее лексикализованный характер. ВФС – одно из основных средств создания образности благодаря ее метафорическому характеру.

Интересную информацию о языковой картине мира можно извлечь из результатов мотивационного анализа внутренней формы слова, характеризующейся репрезентативной функцией, суть которой состоит в толковании действительности, и гносеологической, связанной с отражением в структуре слова этапов познания человеком окружающего мира.

В зависимости от способа номинации (прямого или опосредованного) наименования растений содержат в своей морфосемантической структуре разные признаки. Если мотивировочный признак выражен в слове непосредственно, то при его восприятии в сознании носителей языка устанавливается прямая связь лексической единицы с мотивировочным признаком на основе их фонетической и семантической общности. Если мотивировочный признак представлен ассоциативно, то осознание звуковой оболочки слова и его значения происходит на основе сближения двух предметов, сходных по каким-либо свойствам. Внутренняя форма таких лексических единиц характеризуется метафоричностью.

Исследование роли внутренней формы слова в создании фрагмента языковой картины мира на материале нескольких языков позволяет выявить сходства и различия в лексических системах языков. Н.Б. Мечковская указывает, что «внутренняя форма слова – это тот буквальный смысл, который складывается из значения морфов, образующих слово» [1, с. 115]. В разных языках одно и то же значение, как правило, представлено по-разному.

По словам А.А. Потебни, слово создается художественным творчеством человека, так же как пословицы, поговорки, песни [2, с. 429]. На первый

взгляд, кажется, что научные термины лишены какой бы то ни было эмоциональной или оценочной окраски, поскольку они всего лишь отражение реального мира. Однако проведенное исследование доказывает, что и они не лишены национального компонента, и, следовательно, в какой-то мере все же являются субъективным отражением объективного мира действительности, что вызвано различиями в языках и культурах тех или иных народов.

Целью данной статьи является выявление закономерностей наименования названий растений разными народами и их сопоставление на примерах русского, марийского, английского и французского языков. Материалом для сопоставительного анализа послужили наименования растений в русском, марийском, английском и французском языках.

Для этого нами была разработана классификация названий растений по характеру дифференциальных признаков, лежащих в основе наименования. Здесь можно выделить следующие дифференциальные признаки:

- 1) место произрастания;
- 2) область распространения;
- 3) практическое применение;
- 4) особенности строения стебля (форма, наличие / отсутствие волосяного покрова и др.);
- 5) особенности плода (цвет, форма и др.);
- 6) особенности строения листьев (размер, форма и др.);
- 7) особенности цветков (окраска, размер и др.);
- 8) издаваемый запах;
- 9) период цветения, появления всходов или формирования плодов;
- 10) сходство с другими растениями.

Рассмотрим данные дифференциальные признаки на примерах. За основу возьмем русский язык и сравним русскоязычные названия с их эквивалентами на марийском, английском и французском языках. При анализе для сравнения наименований в разносистемных языках мы будем опираться на латинский язык, как на универсальный язык-основу, используемый в научном мире. Поскольку новизна нашего исследования заключается, в первую очередь, в том, что сравнение наименований растений в марийском языке с их эквивалентами на английском и французском проводится впервые, мы анализировали только растения, произрастающие в Среднем Поволжье.

1. Водяной орех, рогульник плавающий – травянистое растение с гибким плавающим в воде стеблем, имеет черно-бурый плод с загнутыми рожками, которые по вкусу напоминают жареные каштаны.

Латинское название чилима – *Tara patans* (рогульник плавающий) – появилось не случайно. Римляне применяли против вражеской конницы коварное оружие – *calcitrapa*, «ловушка для пятки». Это были небольшие железные шары с четырьмя коническими шипами; как бы такой шар ни лежал, один шип всегда торчал вверх. Внешне сходство орехов чилима и «ловушек для пятки» было столь велико, что слово *tara* стало названием растения [3, с. 74].

Вудпүкш (мар.): вуд – вода, пүкш – орех. Буквальное значение – водяной орех.

Шуранпүкш (мар.): шуран – рогатый, пүкш – орех. Буквальное значение – рогатый орех.

Water chestnut (англ.): water – вода, chestnut – каштан. Буквальное значение – водяной каштан.

Macre commune (фр.): macre – водяной орех, commune – обыкновенный. Буквальное значение – водяной орех обыкновенный.

Macre flottante (фр.): macre – водяной орех, flottante – плавающий. Буквальное значение – водяной орех плавающий.

Châtaigne d'eau (фр.): châtaigne – каштан, d'eau – водяной. Буквальное значение – водяной каштан.

Из данного примера видно, что во всех четырех языках упоминается место произрастания растения, а именно водная среда. Кроме того в английском и французском языках в наименовании растения указывается и другой признак – сходство с каштаном. В марийском языке учитываются также и особенности плода, который похож на чертика с рожками. Таким образом, мы имеем дело сразу с несколькими дифференциальными признаками в одном растении. Следует также отметить, что в русском, марийском и французском языках наблюдается синонимия, что говорит о широте народной мысли. Что касается сходства с латинским наименованием, то слово «рогульник» как таковое имеется только в русском языке.

2. Паслен черный – однолетнее травянистое растение; плоды – шаровидные черные ягоды. Латинское название *Solanum nigrum* (паслен черный). Название рода *Solanum* происходит от латинского “solari” – «смягчать», что указывает на лечебные свойства паслена, поскольку препараты на его основе используются в медицине как болеутоляющее и успокаивающее средство [3, с. 311].

Паренгге олма (мар.): паренгге – картофель, олма – яблоко.

Паренгге саска (мар.): паренгге – картофель, саска – паслен.

Black nightshade (англ.): black – черный, nightshade – паслен (night – ночь, shade – тень). Буквальное значение – паслен черный.

Morelle noire (фр.): morelle – черный паслен, noire – черный. Буквальное значение – паслен черный.

В данном случае при построении наименований во всех языках, кроме марийского, учитывался один и тот же признак, а именно, цвет плодов. Названия в этих языках являются прямыми заимствованиями из латинского. Что касается наименования в марийском языке, то здесь также учитывались особенности плода, однако уже не его окраска, а сходство с плодами картофеля и яблони.

3. Душистый горошек – цветковое травянистое растение семейства бобовых. Цветок имеет сильный приятный запах. Душистый горошек по-латыни звучит как *Lathyrus odoratus*. Слово *Lathyrus* происходит от древнегреческого названия, состоящего из “la” – очень и “thoures” – привлекательный. Растение было замечено более 300 лет назад сицилийским монахом Франциско Купани, который, прогуливаясь вечером у стен своего монастыря, расположенного на побережье Средиземного моря, уловил необычно

сильный аромат этого цветка. Отсюда вторая половина названия – душистый – “odoratus” [5, с. 65].

Пушан пурса (мар.): пушан – пахучий, с запахом, пурса – горох. Буквальное значение – горох пахучий.

Sweet pea (англ.): sweet – душистый, pea – горох. Буквальное значение – горох душистый.

Pois de senteur (фр.): *pois* – горох, *de senteur* – с запахом, с ароматом. Буквальное значение – горох с запахом.

Как видим, в основе названий на всех четырех языках лежит один и тот же признак, а именно, то, что растение издает приятный сладковатый аромат. Таким образом, можно сказать, что, так же как и в предыдущем примере, каждый народ заимствовал свое название из латинского языка

Проведенный анализ дает нам возможность сделать следующие выводы:

1. Фитонимическая лексика является ярким отражением жизненного опыта человека, его наблюдений над окружающим миром живой природы. Носители языка всегда отмечают в называемых объектах те черты, которые кажутся им самыми существенными и самыми яркими. Если выбранное народом название не противоречит научным характеристикам, то данное наименование может быть заимствовано языком науки, т.е. стать научным термином. Так образуется национальная научная картина мира.

2. В языке находит свое отражение все разнообразие творческой и познавательной деятельности человека, результаты которой закрепляются в языке, при этом человек каждый раз выбирает и закрепляет одно из свойств предмета. Носители языка выбирают те характеристики, которые, по их мнению, являются самыми существенными и важными. При этом данные характеристики отличаются в зависимости от места проживания нации, от ее образа жизни, видения мира и существующих традиций.

3. Современная этимологическая наука достаточно уверенно восстанавливает исходные признаки наименований явлений, познанных человеком с той или иной стороны – практически необходимой в определенных условиях: со стороны формы, размера, цвета и т.д. Именно человеческим фактором, т.е. отношением человека к какому-либо предмету или явлению мира на определенной ступени овладения этим миром, и объясняется не только последующий выбор наименования для него, но и способ его описания.

4. В целом не язык навязывает нам то или иное восприятие действительности, а, напротив, действительность неодинаково отражается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей.

Таким образом, анализ флористического фрагмента языковой картины мира помогает понять, чем отличаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры.

Литература

1. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: сущность и история языка / Н.Б. Мечковская, Б.А. Плотноков, А.Б. Супрун. – Минск, 1993.

2. *Потебня, А.А.* Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М., 1976.
3. *Рандушка, Д.* Цветовой атлас растений / Д. Рандушка, Л. Шомшак, И. Габерова. – Братислава, 1990.
4. *Серебрянников, Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М., 1988.

5. *Славик, Б.* Растения полей и лесов / Б. Славик. – Прага, 1982.
6. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М., 1994.

УДК 811.161.1

К.П. Сидоренко

ПОЛИДИСКУРСИВНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТ («ВОЛК НА ПСАРНЕ» И.А. КРЫЛОВА)

Цитаты (крылатые слова) из басен И.А. Крылова («Волк на псарне») рассматриваются с точки зрения их полидискурсивных возможностей. Историческая основа басни сочетается с использованием ее фрагментов в открытом ряду новых контекстов.

Цитата, интертекст, интертекстовая динамика, полидискурсивность, контекст, И.А. Крылов.

Popular quotations from I.A. Krylov's fables («The wolf in the kennels») are considered from the point of view of polydiscursive possibilities. The historical basis of the fable is combined with the use of its fragments in the open line of new contexts.

Quotation, intertext, intertextual dynamics, polydiscursiveness, context, I.A. Krylov.

Рассмотрение текста как художественного феномена предполагает осмысление его «внедрения» в новые контексты-дискурсы. Возникает вопрос о проекции сегментов текста на «участки действительности», его дроблении, степени сохранения исходной соотнесенности. Басенное творчество Крылова в этом отношении обладает несомненными особенностями. Во-первых, выделяются басни самодостаточные (как переводные, так и оригинальные), содержание и цитатный потенциал которых полидискурсивен, т.е. применим в широком, открытом ряду контекстов-дискурсов и относительно свободно расширяет интертекстовое пространство (интердискурсивен). Предлагаемое понимание полидискурсивности является дополняющим при осмыслении полидискурсивности, например, у М.Н. Кожинной, отмечающей, что «данное понятие актуализируется в связи с выявлением фактов взаимодействия и пересечения различных дискурсов в процессах речевой коммуникации» [5, с. 22]. Это два аспекта полидискурсивности: сочетание различных дискурсов в рамках одного текста и рассмотрение текста как ресурса интертекста. В последнем случае можно говорить об интертекстовой (внутренней) полидискурсивности.

Внутренняя полидискурсивность свойственна прежде всего произведениям, вошедшим в круг русской словесной культуры («Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей», «Лебедь, Щука и Рак» и под.). Они многократно переиздаются, входят в дошкольное и школьное чтение, хорошо известны среднему читателю. С другой стороны, целый ряд басен известен приблизительно или вообще неизвестен, по разным причинам они не входили в популярные сборники, издававшиеся массовыми тиражами («Водолазы», «Конь и Всадник», «Два Голубя», «Василек» и мн. др.).

Художественные достоинства и патриотическая

основа «Волка на псарне» определили чрезвычайную популярность произведения. Это едва ли не единственная басня Крылова, которая в учебных пособиях последовательно комментировалась прежде всего в контексте Отечественной войны 1812 года. Значительная часть басен Крылова создавалась как реакция на событие, в дальнейшем внешняя, событийная основа становится универсальной, исторический контекст ослабевает, вытесняется, уходя в примечания. Необходимость комментирования басен Крылова возникает уже в XIX в. (см. [2]). Сюжетно-фабульная линия уступает место художественной, в интертекстовую динамику втягиваются «как бы» второстепенные подробности, собственно сопровождающие развитие основного действия. Такое положение вещей нередко, ср. замечание о «неожиданном» восприятии «Горя от ума» А.С. Грибоедова:

В Африке, в пустыне, где образовалась в 1920 г. в Тель Эль Кебуре русская гимназия, подростки жадно внимали чтению, я читал неведомое им еще «Горе от ума». Книжки не было, но, как немалое число моих сверстников, я знаю наизусть пьесу <...> И вот здесь выяснилось, что живет весь юмор Грибоедова, живут Фамусов, Скалозуб, Молчалин <...> все, все, все!.. кроме Чацкого. Его цинический пафос почти не увлекал – честнее сказать, вовсе не увлекал молодую аудиторию [9].

Подобное смещение возникает уже в ранних цитатах из Крылова. Универсальность вытесняет исходный дискурс-контекст, необходимый для адекватного восприятия содержания произведения в соответствии с авторским замыслом. Так произошло с баснями «Квартет» или «Демьянова уха», при этом их место в круге словесной культуры только упрочилось. «Волк на псарне» занимает несколько иное положение.

Содержательная доминанта басни, если исполь-

зывать схему «мотив-сюжет-фабула» (см. [6]), басни такова: агрессор превращается в жертву в результате просчета; смертельная опасность, нависшая над агрессором; категорический отказ от примирения, предлагаемого агрессором для своего спасения. Однако этим содержание басни не исчерпывается, а нарративные сопроводители, как интертекстовые единицы в развитии полидискурсивности, начинают преобладать.

Выделяются участки, реализующие полидискурсивность интертекстовых единиц (здесь – цитат).

1. Историческая основа (контекст) басни как актуализация исходного дискурса. Первые цитации басни, в дальнейшем многократно воспроизводимые, связаны с отражением событий Отечественной войны 1812 г. Например:

Однажды, после сражений под Красным, объехав с трофеями всю армию, полководец сел на открытом воздухе, посреди приближенных к нему генералов и многих офицеров, вынул из кармана рукописную басню И.А. Крылова и прочел ее вслух. При словах: «*Ты сер, а я, приятель, сед*», произнесенных им с особенною выразительностью, он снял фуражку и указал на свои седины (И.И. Быстров. Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове <1846>).

Этот случай получает дальнейшую литературную обработку, басня пересказывается, сопровождаясь точными или свободными цитатами.

Ср.: Кутузов, заложа руку за спину, вынул из мундирного кармана скомканный лист синеватой почтовой бумаги, расправил его и, будучи с молодых лет отличным чтецом и даже, как говорили о нем, хорошим актером, отчетливо и несколько нараспев начал: «*Волк, ночью думая попасть в овчарню, Попал на псарню*». При словах басни: «*Тут ловчий перервал в ответ: «Ты сер, а я, приятель, сед!*» Кутузов приподнял белую, с красным околышем, гвардейскую фуражку и, указав на свою седую, с редкими, зачесанными назад волосами голову... (Г.П. Данилевский. Сожженная Москва <1885>).

2. Бытовые происшествия, частная жизнь, текущие события, разного рода курьезы.

Волк попал не на псарню и не в овчарню; он просто затесался в казармы, на полковой двор, и, перескочив через забор, забежал прямо в швальню. Служивые художники его обступили; хохот, смех, шум и крик глушили бедняка нашего до того, что он, оробевши, поджал хвост и почтительно присел среди обступившей толпы (В.И. Даль. Сказка о Георгии Храбром и о волке <1836>);

Минувшей ночью французский военный корабль был атакован сомалийскими пиратами, которые были взяты в плен. Так им и надо. *Волк, думая залезть в овчарню, попал на псарню* (<http://diana-bosch.livejournal.com> <2009>);

Литовца высекут плетью в Арабских Эмиратах <...> 40-летний Андрей Карол, возвращавшийся домой из Афганистана через международный аэропорт Шарджи, злоупотребил алкоголем в магазине свободной зоны. В ходе поисков туалета он забрел в женское отделение полиции, где упал на спавшую

при исполнении служебных обязанностей дежурную. <...> *Волк ночью, думая попасть в овчарню – попал на псарню...* (Обсуждение скандальных новостей в Интернете. 2006. 4 апр. <http://forum.russiancompatriots.com>);

Дорогой Гриша! Прости, что долго не писал (*Забудем прошлое, уставим общий лад*) (С.А. Есенин – Г.А. Панфилову, конец февраля – март 1913).

Последовательно басня цитируется в применении к России XXI в.:

После Сталина, после сталинского поколения руководителей новые руководители в силу естественных причин уже не имели необходимого жизненного опыта, чтобы достаточно принципиально сказать в адрес Запада: «*Ты сер, а я, приятель, сед, и волчью вайшу я давно натуру знаю*» (О.С. Шенин. Мужской разговор). (Дуэль. 2007. 30 янв.);

7 сентября 2000 г. председатель Санкт-Петербургского Центра «Примирение» Ю.М. Лебедев сообщил мне по телефону, что 9 сентября в 8.00 от станции метро «Улица Дыбенко» отправляются автобусы на открытие немецкого воинского кладбища в селе Сологубовка <...>. Выступавшие на сологубовском митинге через микрофон призывали: «Теперь нечего выяснять и считаться, кто был виноват!.. Нечего ворошить прошлое!» (Как в басне И.А. Крылова «Волк на псарне»: «*Забудем прошлое, уставим общий лад!*...») (Б.В. Нериновский. Sologubowka). (Дуэль. 2001. 17 апр.).

В контексте крыловской афористики, как вопрос-загадка (метатекстовый комментарий):

Эти притчи звериного стиля [басни Крылова] содержат больше идеологии, нежели политические системы, экономические теории и этнические выкладки. <...> Жизнь в бюрократической машине – это «Волк на псарне». *Влезет в овчарню какой клан сдуру, а там пасутся силовые псы – псаря кричат: «ахти, ребята, вор! и вмиг ворота на запор; в минуту псарня стала адом*». Возникает дело за превышения или злоупотребления (О. Судаков. Звериный код государства <2009>).

3. В учебно-методических материалах и заметках.

Теперь я предлагаю ребятам прочитать басню «Волк на псарне» и доказать или опровергнуть тезис, что предметом высмеивания в ней становится жестокый *Ловчий* <...> Они сразу замечают, что уже в самом начале басни высказана реальная цель *Волка* (*думая залезть в овчарню*), и то, что он говорит *Ловчому*, – ложь. В глазах автора это *серый забияка, хитрец*, заслуживающий наказания: *приходит, наконец, ему расчесться за овец* (<http://physmath.schools.am> <2009>).

4. Цитаты из басни нередко встречаются в работах по психологии.

<...> и вместо растерянности, отчаяния, просьбы мы слышим величественное начало стиха, точно заговорил император: «*И начал так: «друзья, к чему весь этот шум?»*» Здесь не только величественно это «*и начал так*», точно речь идет о спокойном и очень торжественном начале (Л.С. Выготский. Психология искусства <1987>);

Наступление *Волка* прерывает решительное

контрнаступление распоряжающегося инициативой сильного и хорошо осведомленного *Ловчего* («ставить на место»), его доводит до конца *«гончих стая»*. Прямолинейный штурм *Ловчего* тем более необходим, чем красноречивее, хитрее, умнее и сильнее *Волк* (А.П. Ершова. Режиссура как практическая психология <2010>).

5. Лексикография, словари и справочники разного типа. Здесь возникает иллюстративная цитата-реакция на заголовок словарной статьи.

Долой, нар. Прочь. <...> *Обычай мой: С волками иначе не делать мировой, Как снявши шкуру с них долой*. Крылов (Словарь церковнославянского и русского языка Т. I <1848>);

Овчарня <...> овечий хлев или загон, стойло, баз, базок. *Добрался, как волк до овчарни. Лез в овчарню, а попал на псарню* (В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II <1881>);

Серый <...> Серые нитки, суровые, небеленые. Серая погода, пасмурная, сумрачная. *Ты сер, а я, приятель, сед, о волке*, Крылов (В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III <1882>). Ср. также в ряду паремий: *Ты плутоват, а я узловат. Ты сер, а я сед* (говорит мужик волку; взято у Крылова) (В.И. Даль. Пословицы русского народа [раздел «Неправда – обман»] <1862>);

Подняться <...> Вздуроражиться, прийти в беспокойство. *Поднялся вдруг весь псарный двор*. Крылов. (Толковый словарь русского языка. Т. III. <1939>);

Псарня <...> Помещение для охотничьих собак. *Волк, ночью думая залезть в овчарню, попал на псарню*. Крылов (Там же).

Этот ряд можно было бы продолжить на примерах из лингвистической литературы.

7. В обыгрывании, словесных шутках.

Вопрос:

Несчастный Фурманов остался не у дел,
Но с положением мириться не хотел,
Голодный взгляд открыто выражал протест,
[...]

Ответ:

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть
Автор(ы): Алексей Чаплюн (Черкассы)
Источник(и): «Волк на псарне»

(База вопросов. БесКРЫЛОВки <2005>.
<http://db.chgk.info/files/krylov-a.html>)

Нуф-Нуф

.....
И пусть вокруг болваны все,
Обходят лес, где волки рыщут.
Ты сер, а я, приятель, сед,
И мне нужны четыре тыщи.
Я пиг крутой, я круче всех свиней!

(Алексей Курдилов со товарищи. Три поросенка. Рок-опера в пяти действиях по мотивам советских народных песен <2009>. <http://www.drozodov.com>)

Интертекстовая энергия басенных строк такова, что почти закономерно возникает содержательно

немотивированная реакция на созвучное слово (Псарьки – псарня):

В Московской области, в Ногинском районе есть забавный плакат. Свиноводческое хозяйство, радостные поросята, знающие, что пойдут под нож на благо человечества, в общем, мясная лепота (хоть и некошерная). И название хозяйства «Псарьки». Все бы ничего, но почему-то сразу пришел на ум дедушка Крылов: *Волк ночью, думая залезть в овчарню, попал на псарню* (<http://hatedsomeone.livejournal.com/2009>).

Особо в рамках явления обыгрывания полидискурсивных интертекстовых единиц отметим контаминирование, т.е. расширение интертекстового пространства, в основе которого лежат соотносительные связи, которые можно назвать интертекстовым полем. Показательно объединение цитат из разных басен Крылова в рамках одного контекста как проявление интердискурсивности [8, с. 8]. Здесь начинается проявление мегатекст как объединение текстов, имеющее интертекстовую полевую структуру. Полидискурсивные басни, как уже отмечалось выше, имеют здесь ядерное положение и «стимулируют» друг друга, реализуя свойство интердискурсивности. Если под мегатекстом понимать «совокупность текстов, которые воспринимаются или исследуются как единое дискурсивное целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами [7, с. 2], то басня как текст-фрагмент басенного корпуса, соотносена с мегатекстом (баснями Крылова и, одновременно, басенного жанра в целом. Ср., например, синтагматический имплицированный вариант *и волчью вашу я натуру знаю* > *волчья натура* в объединении с басней «Лебедь, Щука и Рак»: *Лебедь, Рак и Щука*. Вместо Лебеда лучше было бы написать Волк. Потому что вспоминается «*И волчью вашу я давно натуру знаю*». В общем, до настоящих договоренностей еще далеко, нужна культура и традиции (Зеркало недели [Украина]. 2007. 30 июня – 6 июля. <http://www.zn.ua>).

Ср. при осмыслении выражения *волчья натура*: в соединении с басней «Волк и Кукушка»:

Можно сказать, что в деятельности антисистем важную роль играет эмиграция, потому что это способ избежать заслуженного наказания за свою разрушительную деятельность. То есть, говоря языком Крылова, «*волки*» скрываются в «*Аркадии*» от «*собак*». Но основная причина эмиграции все-таки во внутреннем мире эмигрирующих людей. О Герцене Достоевский заметил, что «он родился эмигрантом». Эти люди, наименее укорененные в жизни своей родины, и стремящиеся с ней порвать. То есть основная причина в «*волчьей натуре*» этих людей, которые ни с кем не могут ужиться (А. Комнин. Баснописец И.А. Крылов против антисистем <2009>).

По нашим данным, индекс выражений, подлежащих словарному описанию с полной паспортизацией, можно представить следующим образом.

1. Частотные полидискурсивные интертекстовые единицы, их относительно немного (*Волк на псарне, как Волк на псарне; Волк ночью, думая попасть в*

овчарню, попал на псарню; Ты сер, а я, приятель, сед).

2. Узнаваемые, но менее частотные, с ослабленной полидискурсивностью (*А потому обычай мой; Ахти, ребята, вор! и вмиг ворота на запор; Бегут: иной с дубьем, иной с ружьем; В минуту псарня стала адом; Волчьей клятвой утверждаю; Волчья клятва; Чужа серого, псы залились в хлевах; Глазами, кажется, хотел он всех бы съесть; Друзья! к чему весь этот шум; Забился задом в угол; Забудем прошлое, уставим общий лад; Ловчий; Обычай мой таков; Приходит наконец ему расчесться за овец; Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры; Серый забияка; Старинный сват и кум; Уставить общий лад*). Ослабление полидискурсивности, как показывают наши материалы, проявляется в том, что такие выражения проявляются чаще всего в рамках крыловского контекста-дискурса, т.е. в работах, связанных собственно с творчеством баснописца.

Обе позиции могут соотноситься как с концептуальным содержанием басни, так и с нарративным сопровождением, героями и персонажами. Периферийная для смысловой доминанты басни интертекстовая единица по употреблению может превосходить опорные сегменты текста. Например, *Волк* как «герой», попадающий в интертекстовый шаг (в полидискурсивной функции), не противопоставляется *Ловчему* как «герою», *Ловчий* последовательно присутствует в оппозиции «сер – сед». Басня почти вся цитируется, однако «второстепенные детали» сами по себе становятся содержательными, оказываясь весьма значимыми в полидискурсивности интертекста. Таким образом, «дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект» [4, с. 3].

Осмысление басенного текста в рамках дискурса-контекста наглядно проявляется в историко-литературном комментировании. То, что мы сейчас воспринимаем как нарративный сопроводитель, может иметь концептуальный смысл. Так, В.Ф. Кеневич проводил параллели между незначимыми для нас сейчас стихами и важными событиями Отечественной войны 1812 года. Например, слова «*Послушай-ка, сосед, – Тут Ловчий перервал ответ*» могли «явиться у Крылова по получении известия о попытках Наполеона вступить в переговоры, т.е. после 23 сентября (день свидания Кутузова с Лористоном» [3, с. 115]. В другом случае комментатор отмечает, что слова «*И тут же выпустил на Волка гончих стаю*» соотносятся с Тарутинским сражением 6 октября, «потому что до того времени, от самого выступления наших войск из Москвы, кроме ничтожных стычек, не было предпринято никаких действий, которые бы могли служить Крылову основанием» [3, с. 15]. Показательно, что В.Ф. Кеневич здесь же ссылается на известную работу А. Измайлова, где говорится

именно о художественности, выразительности поэтических приемов у Крылова.

Ср.:

Украшения рассказа в басне суть: 1) изображения и описания; 2) размышления; 3) применения, и 4) стихотворные обороты и выражения. <...>

Поднялся вдруг весь псарный двор.

Почужа серого так близко забияку,

Псы залились в хлевах

И рвутся вон на драку...

Какая быстрота и живость в рассказе! [1, с. 57].

Отечественной войне 1812 г. и последующим событиям Крылов посвятил ряд басен, это: «Волк на псарне», «Ворона и Курица», «Щука и Кот», «Раздел». С Отечественной войной 1812 г. В.Ф. Кеневич связывает басни «Волк и Кукушка», «Зяц на ловле», «Орел и Пчела», «Крестьянин и Змея» [3, с. 9, 13 и далее]. Однако только «Волк на псарне» четко сохраняет связь с историческим дискурсом и «двойную» хрестоматийность (историческую и литературную): как басня, соотносимая с 1812 г., и как произведение, входящее в ядро корпуса басен Крылова, что и обеспечило ей интертекстовую перспективу. Вместе с тем, по нашим наблюдениям, ни одна из басен Крылова, вошедших в девять книг, так или иначе не была забыта в цитировании.

Литература

1. Измайлов, А. Опыт о рассказе басни с присовокуплением Разбора некоторых образцовых Басен лучших Российских Фабулистов, написанный А. Измайловым и служащий добавлением к Басням его и Сказкам / А. Измайлов. – СПб., 1826.
2. Кеневич, В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. Типогр. И.И. Глазунова / В.Ф. Кеневич. – 1878.
3. Кеневич, В.Ф. Историческое значение басен Крылова (Отечественная война) / В.Ф. Кеневич. – СПб., 1864.
4. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3 – 21.
5. Кожина, М.Н. Жанр судебной речи в полидискурсивной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.Н. Кожина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 12. – С. 22 – 25.
6. Силантьев, И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – М., 2004.
7. Эпштейн, М.Н. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины / М.Н. Эпштейн // Топос: Литературно-философский журнал. – 2004. – 22 ноября. – URL: www.topos.ru/article/3031.
8. Эрман, В.А. Кинорецензия как полидискурсивный и интердискурсивный текст (на материале немецких журналистских текстов): автореф. ... канд. филол. наук / В.А. Эрман. – СПб., 2012.
9. Яблоновский, С. Без Чацкого / С. Яблоновский // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов. – М., 2001. – С. 88 – 90.

**МЕТАФОРА «ПОЖАР СЕРДЦА» В ПОЭМЕ В. МАЯКОВСКОГО
«ОБЛАКО В ШТАНАХ»**

Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012 – 2016 гг. «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития» (ПетрГУ)

Метафора «пожар сердца» является концептуальным тропом в поэме В. Маяковского «Облако в штанах». Заданная любовной фабулой, она занимает ключевое положение в метафорическом сюжете и выражает экзистенциальные установки поэта.

Маяковский, «Облако в штанах», метафора, «пожар сердца», лирический сюжет.

The metaphor “heart’s on fire” is a conceptual trope in V. Mayakovsky’s poem “A Cloud in Trousers”. The metaphor takes the key position in the metaphorical plot and at the same time it expresses the poet’s existential attitudes, given by love plot.

Mayakovsky, “A Cloud in Trousers”, metaphor, “heart’s on fire”, lyrical plot.

Культ огня – древнейший и универсальный в мировой истории [4, с. 193]. Издревле известна и образная параллель «огонь – сердце», а также ее производная – метафора «горящее сердце», передающая драму взаимоотношений человека с миром. Культурная семантика последней вбирает в себя разноуровневые оппозиции: витальное / экзистенциальное, физическое / психическое, естественное / противоестественное / сверхъестественное, сознательное / стихийное, телесное / духовное, созидание / разрушение, любовь / ненависть, любовь / страсть и т.д., – выводя каждую к онтологическому пределу жизнь / смерть и одновременно обозначая трансцендентное двоемирие сакральное / inferнальное. «Пламенное сердце» как символ любви традиционен для европейской культуры, как религиозной, так и светской. Будучи атрибутом католических святых (Августина, Антония Падуанского), оно символизирует милосердие¹. Но «огненное сердце» эмблемирует в традиции и противоположные начала – ненависть и жестокосердие, а также любовь-страсть, нередко непосильную и губительную.

Словарь поэтических образов, составленный Н.В. Павлович на материале русской художественной литературы XVIII – XX вв., фиксирует устойчивость образа «горящего сердца» [5]. В нем выделены следующие варианты образной парадигмы: Сердце – огонь; Сердце – костер; Сердце – полымя; Сердце – уголь; Сердце – пожар; Сердце горит, занимается, полыхает, пылает. Если исходить из логики построения словаря², то образную параллель «сердце –

огонь» можно отнести к ряду частотных в русской литературной традиции. В.П. Владимирцев, рассматривая мотив-метафору «горячее – горящее сердце» в творчестве Ф.М. Достоевского, писал: «Русская этнографическая и культурная традиция... ведала все основные формы обрядового, речевого и поэтического обращения с “сердцем”» [1, с. 138]. В длительной и мощной культурно-поэтической традиции использования метафоричного образа «горящего сердца» автор особо выделил «художественное сердцеведение» А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М. Горького.

В начале XX в. свою «авангардную» версию представил лидер русского футуризма В. Маяковский. В поэме «Облако в штанах» (1915), манифестированной автором как «катехизис нового искусства», метафора «пожар сердца» является концептуальным тропом. «В стихах Маяковского метафора, – отмечал еще Р. Якобсон, – заостряя символистскую традицию, становится не только самым характерным из поэтических тропов – ее функция содержательна: именно она определяет разработку и развитие лирической темы» [9, с. 328].

Обратимся к сюжетной реализации образа «горящего сердца» в поэме «Облаке в штанах». В первой же строфе пролога заявлен конфликт «поэт (лирическое «я») – читатели». Романтический конфликт «художник – толпа» переосмыслен как трагическое одиночество поэта-футуриста во враждебном мире прошлого-настоящего, где у него нет «своего» читателя:

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.

парадигм, восьмой из которых является парадигма «Сердце – огонь».

¹ См.: Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. с англ. и вступ. ст. А.Е. Маякапара. – М., 1997. – С. 506.

² Малые парадигмы упорядочены внутри больших по степени их распространенности. «Сердце» имеет две крупные парадигмы – «СЕРДЦЕ. ПУЛЬС. СЕРДЦЕБИЕНИЕ» и «СЕРДЦЕ КАК ПРЕДМЕТ». В первую входят 18 малых

Главный атрибут лирического героя – «окровавленный сердца лоскут»; так он декларирует свое поэтическое слово. Его оппонентом выступает множество праздномечтающих потребителей; они представлены «размягченным мозгом» и мыслью – «выжиревшим лакеем», которая находится в услужении у «желудка-господина» (сравнение – базовый для метафоры троп; введение социального знака в психофизическую характеристику позволяет реконструировать метафизическую иерархию). Гротескная модель общества потребителей дана Маяковским в стихотворении «Гимн обеду», написанном в том же 1915 г.: это «желудок в панаме», «безглазый», «безухий», отрешенный от чужих проблем, равнодушный к картинам крови и тому, «что пожаром мир опоясан» [3, с. 84 – 85].

Согласно футуристическим воззрениям поэта, мир должен быть революционно обновлен. На это и нацелен «героический лиризм» Маяковского [9, с. 237]. В «кровоавтом лоскуте сердца», которым лирический герой Маяковского готов жертвенно осветить жизнь, прочитывается генетическое родство с образом Данко, с патетикой «пламенного сердца» ранних романтических произведений М. Горького. Однако в начале XX в. в творчестве Горького все чаще наблюдается противопоставление «человека сердечного» и «человека разумного». Трагическая разомкнутость сердца и разума делает невозможной гармонию мира чувственного и мира рационального, и в ситуации экзистенциального кризиса Горький отдает предпочтение Мысли (поэма «Человек»), несмотря на то, что писатель явно симпатизирует сердечности и жертвенности «природных», «стихийных» героев¹.

У Маяковского Сердце – средоточие жизни и энергии. Сердце является главной экзистенциальной характеристикой лирического героя «Облака в штанах». Лексема «сердце» встречается в произведении 12 раз: по 1 – в прологе, второй и третьей частях; 5 – в первой части и 4 – в последней. Метафорика сердца в «Облаке в штанах» подтверждает его неразрывную связь с жизненной силой и творческой энергией, символизируемой либо кровью, либо огнем. В речевой традиции идиома «горячая кровь» – синоним «горячего сердца»². Закономерно, что «кровь» кольцует «огненную тему» у Маяковского, служит вводным (*кровоавтом сердца лоскут*) и конечным (*кровью сердца дорогу радуга*) знаками метафорической парадигмы «горящее сердце».

Наибольшая концентрация «кардиологического» сюжета наблюдается в первой части «Облака в штанах», посвященной любовной драме. Когда происходит накал страстей и герой осознает, что Мария, любимая, «украдена» у него, подобно Джоконде, его сердце охватывает «любовный пожар», который приводит к экзистенциальному бунту.

¹ Об этом подробно см.: Никонова, Т. А. Хочу, чтобы каждый из людей был человеком!: Герой и «массовый человек» в творчестве М. Горького / Т. А. Никонова // Русская литература XX века. – Воронеж, 1999. – С. 39 – 66.

² Словосочетания «горячее сердце» и «горячая кровь» имеют общепереносное значение «пылкий, страстный» человек // Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1985. – Т.1. – С. 337 – 338.

Разбирая систему мифопоэтической символики «огня» на примере русского символизма, Хэнзен-Лёве отмечает: «воспламенение осуществляется на природно-тварном, физически-витальном уровне, и с него «перекидывается» на психически-экзистенциальную сферу <...>; лишь на этой эмоционально инстинктивной основе происходит катарсическое воспламенение «духовного человека»» [7, с. 268]. Нечто подобное происходит и с лирическим героем Маяковского.

В амбивалентной природе огня, как жизнеспасающего и одновременно уничтожающего начала, модернистическая концепция актуализирует деструктивную функцию, которая становится предпосылкой катарсического возрождения. Для футуриста Маяковского творчество – это воплощение огненной стихии, обновляющей мир и создающей новое. Он жаждет огня, озабочен пыланием, но не в декадентском духе, упиваясь самим процессом сгорания, а в футуристическом: огонь – это залог новой будущности. Сожжение сердца становится также актом самопожертвования и самоочищения поэта.

В поэтике трагифарса разыгрывается эпизод тушения пожара:

Нагнали каких-то.
Блестящие!
В касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горящее лезут в ласках.

Лирический герой решительно противится тому, чтобы его пожар тушили. В сюжете поэмы как такового начала «пожара» нет, нет и его окончания. Из этого следует, что «состояние горения» – это противоречивое, катастрофическое, но и экзистенциально плодотворное состояние лирического «я». Катастрофичность этого положения выражена фразой: *я с сердцем ни разу до мая не дожили*. С одной стороны, сердце автономно, с другой – лирическое «Я» и сердце нераздельны: они вместе каждый раз переживают умирание (сгорание) и воскрешение (возгорание).

Важной в развертывании метафоры «пожар сердца» является характеристика «церковка сердца»:

Мама!
Петь не могу.
У церковки сердца занимается клирос!

Сокровенность сердца, его особое положение в поэтической анатомии Маяковского подчеркивается параллельным сравнением рта / головы (в которой обитает мысль) с публичным домом:

Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасываются, как голая проститутка
из горящего публичного дома.

Уподоблению «сердце – храм» предшествует, на первый взгляд, антитетичная метафора, где сердце

предстает «холодной железкой». В поэтическом контексте эта усеченная метонимичная метафора прочитывается по принципу контрапункта. «Холодная железка» сердца в свете генеральных идей жизни-бунта и творчества-борьбы, проповедуемых Маяковским, может быть развернута в образную параллель «сердце поэта – оружие»: «железка» выступает общим знаком «поэтического пера» и «холодного оружия». Данный смысл будет реализован в богоборческой перспективе сюжета, когда лирический герой «сапожным ножиком» угрожает «раскрыть» образ Божий «отсюда до Аляски». Однако в ближнем контексте «железка сердца» получает иное образное оформление:

Ведь для себя не важно
и то, что **бронзовый**,
и то, что **сердце – холодной железкою**.
Ночью хочется **звон свой**
спрятать в мягкое,
в женское.

Лирический герой предстает бронзовым колоколом, а его сердце – железным языком колокола (ср. неоконченное стихотворение: «Я знаю силу слов, я знаю слов набат...», 1928 – 1930)¹. Таким образом, уподобление «сердце – железка» подтверждает сердце как источник поэтического творчества. Создаваемая в подтексте метафора «поэт-колокол» подготавливает «церковку сердца» лирического «я».

В мировых религиях человеческое сердце понимается как божественный центр и может быть представлено как храм или трон Бога. В поэме «Облако в штанах» помимо отождествления сердца лирического героя с храмом появляется сравнение сердца с треном, на который, однако, восходит не Бог, а «любящие Маяковского»: «любящие Маяковского!» – / да ведь это ж династия / на сердце сумасшедшего восшедших цариц.

В том, что трон предназначен тем, кто поклоняется поэту, можно было бы прочесть, вслед за Ю. Карабчиевским, «эгоцентризм» и «воинствующий атеизм» Маяковского². Однако в этом эпизоде доминирует тема любви, отчего храм приобретает черты языческого святилища, храма Афродиты, прославившегося религиозными оргиями с участием многочисленных красавиц-жриц, служительниц культа.

¹ В образном сращении «сердце поэта – оружие / колокол» у Маяковского можно увидеть скрытую преемственность. М. Лермонтов в стихотворении «Поэт» (1839) переменную историческую судьбу и назначение поэзии (истинная / ложная) сравнивал с кинжалом (орудие чести / игрушка). Одновременно в ряду образов, поясняющих истинную поэзию, у Лермонтова присутствует сравнение «стиха» со звучанием «колокола на башне вечною».

² В «воинствующий атеизм» Маяковского исследователь делает акцент на первом слове: «Маяковский был воинствующий атеист, и воинственность его была всегда на лицо, но вот сам атеизм – вызывает сомнения. <...> В его богохульстве ощутим порог, который он не решает переступить, и вовремя сам себя притормаживает» [2, с. 151 – 152].

В лирическом герое бушует, по его признанию, «стоглазое зарево», которое не вмещается в любовь на двоих, в домашний очаг, оно рвется в мир и подпитывается всеми земными *любовями* и *любятами*. По ходу развития действия все труднее определиться в первопричине «пожара» в сердце поэта. Эпицентр возгорания в «церковке сердца» – «клирос», место, предназначенное поэзии. Лирический герой обладает способностью самовозгораться (*Опять влюбленный выйду в игры / огнем озаряя бровей изгиб...; пойду по земле, / чтоб нравился и жегся...*). Пушкинское «И сердце вновь горит и любит оттого, / Что не любить оно не может» у Маяковского сюжетно перефразируется: «...Что не гореть оно не может». Любовь необходима его лирическому герою не для погашения сердечного пожара, а для поддержания пламени. Состояние «сердечного горения» – катастрофическое, но и единственно возможное существование поэта-футуриста.

Пылающее сердце у Маяковского является центром микрокосмоса Человека и макрокосмоса Вселенной. При этом трансцендентных источников подпитки сердечного пламени нет. Богоборческие мотивы (лирический герой Маяковского – «новый голгофник» и «крикогубый Заратустра» в одном лице) тесно переплетаются в поэме с природоборческими. Так, солнце в поэме – лишь вспомогательный «предмет» для усиления творческого горения поэта, оно умалется до «монокля»: *солнце моноклем / вставлю в широко растопыренный глаз*.

Лирический герой претендует заменить собой «старое» солнце³. Огненно-соляренный знак присутствует в радости его нищенского праздника: *Невероятно себя нарядив, / пойду по земле, / чтоб нравился и жегся*. Главным событием праздника является сам Поэт, центр мироздания. Глагол *жегся* вновь объединяет «кардиологический» и «соляренный» сюжеты: художник должен светить, жечь, сжигать старый мир и творить новый. Глагольная метафора «жегся» у Маяковского как иносказание природы творчества сигнализирует о разрыве с классической традицией. У А.С. Пушкина в «Пророке» поэт «жжет» сердца людей божественным глаголом, его сердце, «угль, пылающий огнем», – очаг, зажженный Творцом. У Маяковского художник в своем «пожаре» вдохновения стихий и самопроизволен.

Сердце как обиталище (источник) творческого начала представлено в «Облаке в штанах» в контексте непримиримого противостояния поэзии старой и поэзии новой. «Глупая вобла воображения», тихо барахтающаяся «в тине сердца», – образ, контрастный «пожару сердца», характеризующий, по футуристической версии, прошлое поэзии, или псевдопоэзию. Столь же неприемлемы для лирического героя поэты, «выкипячивающие» «из любовей и соловьев какое-то варево». «Очаг поэзии» профанируется в «поэзию-кухню», где готовится «варево» на потребу читателей, – это еще один образ-антагонист «пожара сердца», оформленный уже внутри парадигмы «сердце – огонь».

³ Солнцеборчество Маяковского открыто заявлено в стихотворении «Я и Наполеон» (1915): *...встречу я / неб самодержца, – / возьму и убью солнце!*

Образ у Маяковского часто противоречив. «Пожар сердца», как символ творчества, перерастает в символ «ненависти», продолжая эмблемировать «духовное творчество». Им можно не только осветить путь в идеальную будущность, но и выжечь душу мира:

Уже ничего простить нельзя.
Я выжге души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!

«Выжечь души» все равно что «выжечь сердца»; лишить людей «нежности» – значит лишить их милосердия, способности любить, сострадать, прощать. В этих строчках прочитываются богоборческие тенденции, реализуемые в полной мере в четвертой части поэмы.

В финале сердце, приобретая относительную автономность, понимается вне «тела» лирического героя: *Значит – опять / темно и понуро / сердце возьму, / слезами окапав...* По мнению Ежи Фарино, «акт вычленения из себя» в поэзии Маяковского – это проявление творческой энергии. Устремленность вовне «манифестируется открытыми пространствами и раскрытыми полостями человеческого тела» [6, с. 211]. Как проявление нетворческого начала ей противопоставляется устремленность вовнутрь, выражаемая «в терминах гастрономических актов» и манифестируемая «закрытыми пространствами» [6, с. 211]. Но существуют и другие толкования. Ю. Карабчиевский, например, увидел в «акте вычленения» «поверхностно-механистическое мировосприятие» Маяковского. «Восприятие мира, как чего-то целостного, пронизанного непостижимой тайной, было напрочь ему <Маяковскому> несвойственно. Он видел мир как совокупность частей» [2, с. 21]. Две приведенные – полемические по отношению друг к другу – точки зрения лишь подтверждают многогранность образности Маяковского.

Отметим в процитированном выше отрывке еще одну смысловую грань: лишенное сакральных источников питания, сердце лирического героя теряет «огненно-соляную» энергию. Метафора «пожар сердца», заданная любовной фабулой, выстраивает в поэме «Облако в штанах» целый метафорический сюжет, который завершается тем, что лирический герой несет «темно и понуро» свое кровоточащее сердце к «дому отца», к Богу. Однако возвращение «блудного сына» не состоялось. Сердце «замалчивается», когда боль отвергнутой любви и отвергнутой

поэзии, неосуществленность «поэта-в-мире» толкают его на «сумасшедший» бунт против Творца, в котором проявляется трагизм его посюстороннего одиночества. Б. Янгфельдт называет этот бунт экзистенциальным, «направленным против времени и миропорядка, превращающего человеческую жизнь в трагедию» [10, с. 78]. Яростное богоборчество Маяковского гораздо ближе апофатической теологии, чем атеизму: он воюет с «земными» обозначениями Бога – образами, именами и атрибутами, и тем обозначает Его абсолютную трансцендентность. М. Эпштейн пишет об особой религиозности авангардного искусства: «Авангард не держится за земное, но уходит по ту сторону, оголяет субмолекулярную структуру вещества, прорисовывает схемы мировых сил, дремлющих в подсознании, идет дальше воплотимого, сотрудничает с воображением до конца – конца, не вмещающегося ни в какую зримую историческую перспективу» [8, с. 402]. Метафора «пожар сердца» в поэме «Облако в штанах» вбирает в себя этот трагический опыт экзистенциального бунта, означив его утопический и антиутопический горизонты.

Литература

1. Владимирцев, В.П. Мотив «горячее – горящее сердце» у Ф.М. Достоевского (в срезах исторической поэтики, культурологии и этнографии) / В. П. Владимирцев // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1992. – С. 137 – 144.
2. Карабчиевский, Ю.А. Воскресение Маяковского / Ю.А. Карабчиевский. – М., 1990.
3. Маяковский, В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / В.В. Маяковский. – М., 1955. – Т. 1.
4. Назиров, Р.Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти / Р.Г. Назиров. – Уфа, 2010.
5. Павлович, Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX вв: в 2 т. / Н.В. Павлович. – М., 2007. – Т. 1.
6. Фарино, Е. Введение в литературоведение / Е. Фарино. – СПб., 2004.
7. Ханзен-Лёве, Аге А. Русский символизм: система поэтических мотивов / Аге А. Ханзен-Лёве. – СПб., 2003.
8. Эпштейн, М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX – XX веков / М. Эпштейн. – М., 1988.
9. Якобсон Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М., 1987.
10. Янгфельдт, Б. Ставка – жизнь / Б. Янгфельдт. – М., 2009.

УДК 81'42

Л.Ю. Щипицина

ГИБРИДНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНОЕ СВОЙСТВО КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена описанию гибридности как глобального свойства компьютерно-опосредованной коммуникации. Гибридность представляет собой смешение различных орфографических, лексических, синтаксических, стилистических, семиотических и жанровых форм в одной лингвистической единице (слове, предложении или тексте). Активное использование гибридности и создание новых гибридных форм (например, *4you, net-культура* и т.д.) обусловлено комплексностью и техническими возможностями компьютерно-опосредованной коммуникации.

Компьютерно-опосредованный, гибридность, орфографический, лексический, устный, письменный, стиль, семиотический, жанр, текст.

The article considers hybridity as a characteristic of computer-mediated communication. Hybridity is blending of different orthographical, lexical, syntactical, stylistic, semiotic and genre forms in one linguistic unit (word, sentence or text). Active usage of hybridity and creation of new hybrid forms (f.e. *4you, net-культура, Blog-Roman* etc.) is caused by complexity and technical capabilities of computer-mediated communication.

Computer-mediated, hybridity, orthographical, lexical, oral, written, style, semiotic, genre, text.

Компьютерно-опосредованная коммуникация, т.е. коммуникация людей, осуществляемая посредством компьютера и телекоммуникационных сетей [22, с. 1], в первую очередь, Интернета, все настойчивее вторгается в нашу жизнь. Различные жанры компьютерно-опосредованной коммуникации¹ – электронные письма, веб-страницы, социальные сети и т.п. – становятся необходимыми для нашего повседневного общения на рабочем месте и дома. При такой настоятельной жизненной потребности владения нормами общения в компьютерно-опосредованной коммуникации ее освоение рядовыми пользователями в большинстве случаев остается стихийным, а соответствующий раздел лингвистики, который бы занимался научным изучением этого феномена, еще только формируется. Все сказанное обуславливает актуальность создания и обсуждения в широких научных кругах лингвистической теории компьютерно-опосредованной коммуникации. Развитию этой теории служит наша статья, посвященная, пожалуй, самому характерному свойству компьютерно-опосредованной коммуникации, которое связано со смешением различных шрифтов, семиотических и национальных кодов, жанров и стилей, признаков устного и письменного общения. Это свойство компьютерно-опосредованной коммуникации мы обозначили как «гибридность».

Характеристика гибридности предполагает выявление места этого явления среди других лингвистических признаков компьютерно-опосредованной коммуникации, а также обоснование выбора именно данного термина для обозначения языковых явлений, имеющих смешанный характер.

Несмотря на то, что изучение языка и коммуникации в Интернете началось еще в 1990-е гг., единства мнений о том, как обозначать лингвистические признаки компьютерно-опосредованной коммуникации и что следует относить к таким признакам, не сложилось, поскольку жанры и нормы общения в Интернете весьма разнообразны и быстро изменяются. Лишь немногие исследователи ставят перед собой задачу обобщения лингвистических признаков компьютерно-опосредованной коммуникации или подробно останавливаются на одном из таких признаков.

Анализ работ, в которых рассматривается не-

сколько [6], [24] или один лингвистический признак компьютерно-опосредованной коммуникации, проявляющийся в разных жанрах новой коммуникационной среды, позволил нам составить следующий перечень таких признаков:

- размывание границ между письменной и устной формой речи [1], [23] и др.;
- креативность, стремление к юмору и языковой игре [12], [19];
- взаимодействие вербального и невербального кодов [18], [25];
- использование комбинаций различных шрифтов, букв и цифр [30];
- активное использование профессиональной компьютерной лексики и компьютерного жаргона [8], [28];
- эмоциональная насыщенность общения [11], [17];
- языковая экономия / компрессия [10], [27];
- контаминация языков/переключение (национальных) кодов [1], [15];
- специфические виды когезии в гипертексте [5], [29] и др.;
- смешение жанров и стилей [14], [26, с. 33 – 35].

Конечно, список лингвистических признаков компьютерно-опосредованной коммуникации открыт. Это обусловлено многообразием жанров и норм общения в Интернете, подверженных, к тому же, быстрому развитию, что затрудняет лингвистическое изучение этого феномена. Так, к уже названным явлениям вполне можно причислить субъектность, специфическими средствами выражения которой в чате, блоге или мультипользовательских мирах выступают названия действий говорящего от 3-го лица [13].

Кроме того, названные признаки могут относиться не ко всем формам общения в Интернете (ср. эмоциональную насыщенность чата и деловой веб-страницы) и характеризовать не только компьютерно-опосредованную коммуникацию (так, многие из названных признаков относятся и к устному молодежному жаргону). Тем не менее, на наш взгляд, неслучайно именно перечисленные выше лингвистические признаки компьютерно-опосредованной коммуникации в первую очередь привлекли внимание исследователей. Интерес к ним обусловлен либо высокой интенсивностью их проявления (смешение признаков устности и письменности, креативность, экономия, мультимедийность и т.д.), либо развитием специфических форм их выражения в компьютерно-опосредованной коммуникации (эмотивность, гипер-

¹ Жанр компьютерно-опосредованной коммуникации понимается нами как типовая форма общения, опосредованного компьютером и телекоммуникационными сетями, отличающаяся своими медийными, прагматическими, структурно-семантическими и стилистико-языковыми свойствами.

текстовая когезия). В итоге приведенный список можно считать отправной точкой в обобщении лингвистических признаков компьютерно-опосредованной коммуникации в целом.

В перечне лингвистических признаков компьютерно-опосредованной коммуникации обращает на себя внимание тот факт, что многие из них связаны со смешением и переплетением разных кодов и форм общения: смешение устной и письменной форм общения, вербального и невербальных кодов, разных языков, стилей и типов текста. Наличие общей основы у всех этих лингвистических явлений, обозначающих смешение различных способов и форм выражения мысли в одной языковой единице (слове, предложении или тексте) говорит в пользу их объединения в рамках одного глобального лингвистического принципа / свойства компьютерно-опосредованной коммуникации, отвечающего комплексному характеру этого феномена.

Для обозначения этого свойства можно использовать разные термины. Так, в трудах ученых, исследовавших вопрос смешения разных кодов и форм в компьютерно-опосредованной коммуникации, встречаем обозначения «синестетизация» (*Synästhetisierung*) и гибридность. Первое относится к смешению шрифта, звука, изображения и движущегося кадра в гипертексте [21, с. 31], а второе – к смешению национальных языков [1, с. 63], [20, с. 21]. Очевидно, что данные термины оказываются слишком узкими для рассматриваемого нами феномена. Впрочем, если первый термин используется только при изучении компьютерно-опосредованной коммуникации и только в указанном значении, то второй имеет и другие лингвистические значения. В частности, культурологи связывают понятие гибридности со смешением стилей и жанров [9, с. 129], а исследователи языка прессы обращают внимание на слова-гибриды как индивидуально-авторские образования, состоящие из внутренних форм слов, контрастных по смыслу или стилю [7, с. 55].

Разные виды смешения (литературного языка, социолектов, диалектов и индивидуальных стилей говорения, общепотребительной и специальной лексики, распространенных типов текста и новых и т.п.) немецкий исследователь У. Шмитц определяет как комплексность [26, с. 35]. Такая трактовка оказывается, во-первых, несколько более широкой, чем требуется для целей нашего исследования, а во-вторых, используемое в данном случае обозначение является общепотребительным и вряд ли будет восприниматься как строгий термин. Подобная же общепотребительность и нетерминологичность характеризует слово «гетерогенность», которым П.М. Дайнеко обозначает смешение институциональности и персональности, монолога и диалога, письменной и устной речи, формального и неформального общения, научной (профессиональной) и обыденной картин мира в институциональном интернет-общении [4, с. 7].

Учитывая все вышесказанное, в качестве собирательного обозначения смешения разных кодов и форм языкового выражения в компьютерно-

опосредованной коммуникации мы предлагаем использовать термин «гибридность». Как известно, первоначально термин «гибрид» появился в биологии, где он обозначает «организм, полученный в результате скрещивания генетически различающихся родительских форм (видов, пород, линий и др.)» [3, с. 274]. Лингвистическое значение этого термина, ассоциируемое исследователями компьютерно-опосредованной коммуникации с взаимодействием разных культур, появилось недавно и, очевидно, оно менее распространено по сравнению с понятием переключения кодов. Кроме того, наличие различных лингвистических пониманий гибридности говорит в пользу расширенного понимания данного термина.

В результате мы считаем возможным все виды смешения разных кодов и форм в компьютерно-опосредованной коммуникации обозначать термином «гибридность», которое в качестве гиперонима включает в себя ряд более узких понятий – *видов гибридности*:

- орфографическая гибридность – использование в слове / тексте разных шрифтов, а также комбинирование букв, цифр и других символов;

- синтаксическая гибридность – использование в тексте наряду с синтаксически оформленными структурами (линейный текст) списков слов, пунктов навигационного меню, гиперссылок (агрегативный текст), изолированных в синтаксическом плане от соседних текстовых элементов;

- национальная гибридность – использование в слове, предложении или тексте элементов слов, слов или предложений, принадлежащих разным языкам;

- устно-письменная гибридность – использование в тексте признаков устной и письменной речи;

- стилевая гибридность – использование в тексте элементов разных функциональных стилей;

- семиотическая гибридность – использование в тексте разных способов кодирования информации (вербального, звукового, изобразительного);

- жанровая гибридность – использование в тексте признаков разных жанров.

Примерами гибридности выступают такие образования, как: *n8* ('Nacht'), *почему* ('почему'), *digit@l*, *YouTube*, *Net-культура* (орфографическая гибридность), сочетание орфографически и синтаксически правильных форм с передачей на письме явлений устной речи (опущения букв, эллипсис, расчлененность высказываний и т.д.) в чате и некоторых других жанрах (устно-письменная гибридность), появление разговорных слов в комментариях публикаций сетевых СМИ (стилевая гибридность) и т.д. Подобные примеры свидетельствуют о креативности коммуникантов, которые с помощью особого написания слов и использования средств устной речи добиваются определенных прагматических целей (привлекают внимание адресата, демонстрируют непринужденность общения и т.п.).

Легкость переключения кодов между родным и другим (чаще всего, английским) языком, проявляющегося в интеграции отдельных слов, словосочетаний и целых фраз на английском языке в диалогические и монологические высказывания говорит о

том, что иноязычные слова и выражения входят в активный словарный запас говорящих. Эти слова вспоминаются коммуникантам быстрее, чем аналогичные слова и выражения родного языка. Конечно, требуются статистические подсчеты, демонстрирующие, насколько активно кодовые переключения встречаются в необязательных ситуациях, т.е. в тех случаях, когда в родном языке имеется аналог использованного англоязычного слова, ср. фразу из немецкоязычного форума *Wenn du Low-Budget unterwegs sein willst...*, в которой англоязычное выражение вполне можно заменить немецким словом *günstig*. В целом, национальная гибридность соответствует глобальному характеру компьютерно-опосредованной коммуникации, в которой с легкостью можно вступить в общение с представителями самых разных культур.

Многие виды гибридности (синтаксическая, семиотическая и жанровая) связаны с широтой технических возможностей, которые предоставляет новая среда коммуникации – мультимедийность, гипертекстуальность и другие функции различных технических форматов общения, особенно разнообразные в жанрах Всемирной паутины. В большинстве случаев эти функции еще предстоит осваивать, что требует особого сознательного отношения к созданию синтаксически, семиотически и жанрово гибридных текстов для гипертекстовой среды и формирования привычек их наиболее эффективного использования в коммуникации, ср. легкость отвлечения от заданной темы при работе на веб-портале, содержащем множество ресурсов, имеющих разнообразную мультимедийную природу, и предлагающем огромное количество гиперссылок.

Проведенный анализ показал, что гибридность как сочетание различных форм, кодов, шрифтов, стилей и жанров является глобальным свойством компьютерно-опосредованной коммуникации. Это проявляется во множестве видов гибридности (орфографическая, синтаксическая, национальная, устно-письменная, стилевая, семиотическая, жанровая), характеризующих самые разные формы компьютерно-опосредованной коммуникации, а также в развитии специфических гибридных форм, характерных только для новой коммуникационной среды (ср. специфическую синтаксическую гибридность гипертекста). Гибридность компьютерно-опосредованной коммуникации отражает процесс приспособления человеком известных ему коммуникативных практик и норм общения к новым техническим условиям. В процессе этого приспособления расширяется функциональный потенциал языковых средств, что, с одной стороны, дает человеку богатые возможности языкового выражения, а с другой, требует постоянной актуализации своих лингвистических знаний.

Литература

1. Аврамова, А.Г. Электронный дискурс в зеркале оппозиции «устный»/«письменный» / А.Г. Аврамова // Вестник МГУ. – 2004. – Сер. 19. – № 3. – С. 119 – 126.

2. Антонова, С.Н. Функционально-игровой аспект становления компьютерного дискурса (на материале английских и русских журнальных статей о компьютерных технологиях): дис. ... канд. филол. наук / С.Н. Антонова. – Тюмень, 2004.

3. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1999.

4. Дайнеко, П.М. Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном Интернет-общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.М. Дайнеко. – М., 2011.

5. Дедова, О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете / О.В. Дедова. – М., 2008.

6. Иванов, Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации / Л.Ю. Иванов // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003. – С. 791 – 793.

7. Костюков, В.М. Гибридные слова – средства комического / В.М. Костюков // Русская речь. – 1997. – № 6. – С. 55 – 57.

8. Кутузов, А.Б. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Б. Кутузов. – Тюмень, 2006.

9. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. – М., 2003.

10. Леонтьева, А.В. Особенности компрессии средств выражения информации в современном немецком языке (на материале электронного дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Леонтьева. – М., 2009.

11. Нестеров, В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете / В. Нестеров. – М., 1999. – URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>.

12. Радбиль, Т.Б. Инновации в языке сети Интернет как реализация креативного потенциала языковых аномалий / Т.Б. Радбиль // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы II Междунар. конф. / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 403 – 406.

13. Сидорова, М.Ю. Субъектная перспектива текста в открытом Интернет-дневнике / М.Ю. Сидорова // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы II Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М., 2004. – URL: <http://www.philol.ru/~rlc2004/ru/abstracts/?id=16&type=doc>.

14. Шарифова, С.Ш. Креолизованный роман, ретранслируемый посредством технических средств коммуникации / С.Ш. Шарифова // Вестник ЧГУ. – 2011. – № 2. – Т. 2. – С. 76 – 81.

15. Androustopoulos, J. Code-Switching in der bilingualen Chat-Kommunikation: ein explorativer Blick auf #hellas und #turks / J. Androustopoulos, V. Hinnenkamp // Chat-Kommunikation. Sprache, Interaktion, Sozialität und Identität in synchroner computervermittelter Kommunikation. Perspektiven auf ein interdisziplinäres Forschungsfeld. – Stuttgart, 2001. – S. 367 – 400.

16. Bittner, J. Digitalität, Sprache, Kommunikation. Eine Untersuchung zur Medialität von digitalen Kommunikationsformen und Textsorten und deren varietätenlinguistischer Modellierung / J. Bittner. – Berlin, 2003.

17. Chenault, B.G. Developing Interpersonal and Emotional Relationships Via Computer-Mediated Communication / B.G. Chenault // CMC Magazine. – 1998. – URL: <http://www.december.com/cmc/mag/1998/may/chenaault.html>.

18. Cölfen, E. Bilder über Wörter: Bedeutungswandel illustriert. Sinn- und Sachzusammenhänge in einer hypermedialen Forschungs- und Lernumgebung / E. Cölfen // Wissen und neue Medien. Bilder und Zeichen von 800 bis 2000. – Berlin, 2003. – S. 265 – 280.

19. *Danet, B.* Cyberpl@y: Communicating online / B. Danet. – Oxford, 2001.
20. *Erfurt, J.* „Multisprech“: Migration und Hybridisierung und ihre Folgen für die Sprachwissenschaft / J. Erfurt // „Multisprech“: Hybridität, Variation, Identität. – Duisburg, 2003. – S. 5 – 33.
21. *Freisler, S.* Hypertext – eine Begriffsbestimmung / S. Freisler // Deutsche Sprache. – Berlin, 1994. – № 1 (22). – S. 19–50.
22. *Herring, S.* Introduction / S. Herring // Computer-mediated communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives. – Amsterdam, 1996. – P. 1 – 10.
23. *Maiworm, S.* Zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit: Eine linguistische Analyse französischsprachiger Chats / S. Maiworm. – Düsseldorf, 2003.
24. *Schmitz, U.* Neue Medien und Gegenwartssprache: Lagebericht und Problemskizze / U. Schmitz // Neue Medien. – Oldenburg, 1995. – S. 7 – 51.
25. *Schmitz, U.* Schriftliche Texte in multimedialen Kontexten / U. Schmitz // Sprachwandel durch Computer. – Opladen, 1997. – S. 131 – 158.
26. *Schmitz, U.* Sprache in modernen Medien. Einführung in die Tatsachen und Theorien, Themen und Thesen / U. Schmitz. – Berlin, 2004.
27. *Siever, T.* Sprachökonomie in den „Neuen Medien“ / T. Siever // Von „hdl“ bis „cul8er“. Sprache und Kommunikation in den neuen Medien. – Mannheim, 2006. – S. 71 – 88.
28. *Schwalbach, C.* Neologismen im Internet. Untersuchung der Hackersprache unter besonderer Berücksichtigung der Wortbildung / C. Schwalbach. – Mainz, 1997.
29. *Storrer, A.* Was ist „hyper“ am Hypertext? / A. Storrer // Sprache und neue Medien. – Berlin et al., 2000. – S. 222 – 249.
30. *Weingarten, R.* Das Alphabet in neuen Medien / R. Weingarten // Neue Medien. – Oldenburg, 1995. – S. 61 – 82.

РОЛЬ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В статье обосновывается использование метода проектов в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов. Показаны возможности данного метода в приобретении иностранными студентами позитивного социокультурного опыта, приобщении их к культурным ценностям страны изучаемого языка.

Социокультурная адаптация, иностранные студенты, метод проектов, культурный шок, социокультурная среда.

The article substantiates the use of the method of projects in the process of social and cultural adaptation of foreign students. Possibilities of this method in foreign students' acquisition of positive social and cultural experience, their accustoming to cultural values of the country of the studied language are shown in the article.

Social and cultural adaptation, foreign students, method of projects, cultural shock, sociocultural environment.

Иностранные студенты, окунаясь в атмосферу обучения в российских вузах, сразу сталкиваются с трудностями языкового, психологического и социокультурного характера. Присущие обучающимся национальные привычки, традиционные нравственные ценности, этикетные нормы взаимоотношений людей той страны, откуда они приехали, часто не совпадают с тем, что от них требуют поведенческие стереотипы в России. Поэтому студенты чувствуют себя не вполне комфортно, обучаясь в России. Объективные несоответствия уровня владения языком, интересов иностранцев, моделей социального поведения в родной стране и стране изучаемого языка предполагают актуализацию адаптации, сутью которой становится преодоление появившихся сложностей.

Адаптация человека имеет два аспекта: биологический и психологический. В справочной литературе по психологии «адаптация» признается ключевым понятием для биологии и определяется как «приспособление к изменяющимся внешним и внутренним условиям. Психологический аспект (частично перекрывается понятием социальной адаптации) – приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и собственными потребностями, мотивами, интересами. Процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды называется социальной (социально-психологической) адаптацией, которая осуществляется путем усвоения представлений о нормах и ценностях данного общества (как в широком смысле, так и применительно к ближайшему социальному окружению – общественной группе, трудовому коллективу, семье). Основным проявлением социальной адаптации является взаимодействие (в том числе и общение) человека с окружающими его людьми и его активная деятельность» [3, с. 387].

В данной работе процесс приспособления к социокультурному пространству города, страны изучаемого языка, в результате которого устанавливается оптимальное соответствие поведения человека требованиям среды, определяется как социокультурная адаптация.

В процессе адаптации важен учет личности самого студента. Одни обучающиеся полностью преодолевают «культурный шок» и чувствуют себя полноправно с носителями языка. Другие – те, кто совсем не мыслит себя в новой русской социокультурной среде. Они полагают, что, окончив университет, навсегда уедут на Родину из России и не будут использовать русский язык как средство бытового и профессионального общения. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с медиатором культур – языковой личностью, познавшей посредством изучения языков, как особенности разных культур, так и особенности их (культур) взаимодействия [1, с. 6], которые хотят постигнуть русский язык и культуру страны, быть трансляторами этой культуры, не утрачивая при этом собственной этнокультурной идентичности.

В новой социокультурной российской среде иностранный студент адаптируется как представитель своей страны – носитель собственных традиций, обычаев, норм поведения, системы ценностей; как личность с присущими ей специфическими личностными особенностями; как студент – субъект ↔ объект педагогического взаимодействия. В этой триаде особо значимым фактором, непосредственно влияющим на адаптацию студента в российской социокультурной среде, нами признается *общение*, посредством которого студент выстраивает отношения с окружающими его людьми, познавая, таким образом, культуру страны. Как отмечает С.В. Тарасов, «общение представляет собой сложную динамическую структуру, в которой переплетаются как специально организованные психолого-педагогические условия,

так и процессы, и явления, возникающие спонтанно, но развивающиеся на основе определенных закономерностей... Сложное взаимодействие, – характер указанных процессов и явлений создают неповторимую коммуникативную среду как сплав универсального, типологического и индивидуально-уникального опыта» [4, с. 11]. Однако нами, вслед за Г.В. Елизаровой, «общение понимается как явление, отличное от коммуникации» [1, с. 96]. «Во многих отечественных психологических исследованиях термины «общение» и «коммуникация» рассматриваются как равнозначные, – отмечает Г.В. Елизарова, – Какой бы смысл ни вкладывался в термин «коммуникация, какая бы модель коммуникации не предлагалась, во всех случаях эксплицитно или имплицитно в процессе коммуникации, как вербальной, так и невербальной входит идея общего для ее участников кода, при помощи которого осуществляется передача сообщения от отправителя к получателю» [1, с. 96].

В таком понимании в ходе межличностной коммуникации происходит перемещение представлений, идей, знаний, настроений от одного субъекта к другому. Это означает, что в обобщенном смысле коммуникация всегда и традиционно понимается как транзакция, предполагающая наличие источника сообщения, собственно сообщения, приемника сообщения, канала передачи, некоторых шумов и главное – общей сигнальной системы. Однако, если говорить о функционировании языка иностранного, то следует признать, что, несмотря на общность кода – одного и того же языка, – система значений в аспекте их культурного компонента будет принципиально различной для его носителя и для того, кто использует язык в качестве иностранного. Явление, которое мы называем межкультурным общением (МКО), отличается от коммуникации. В ходе межкультурного общения происходит не передача значения, а его создание. «МКО – это процесс, в результате которого собеседниками создается нечто общее, а именно, единообразное значение речевых действий, совершаемых поступков, происходящих событий. <...> Именно в таком значении мы понимаем МКО: как процесс совместной выработки единого, скорее всего нового для всех участников акта общения, значения всех производимых и воспринимаемых действий и их мотивов. Только такое общение может способствовать «рождению общности» участников, понимаемой как специфическая общность медиаторов культур, характеризующихся уникальным восприятием действительности через двойную или тройную призму нескольких культур одновременно. Специфика МКО, заключающаяся в создании общего значения, имплицитно подразумевает следующую отличительную черту этого вида общения – его контактный характер. Создание общего значения по определению невозможно опосредованным путем при помощи средств массовой информации или искусства, поскольку требует совместной деятельности и наличия обратной связи» [1, с. 96 – 97].

Значительную роль в создании условий, способствующих продуктивному межкультурному общению иностранных студентов на русском языке, в ча-

стности, и их социокультурной адаптации в целом, играет метод проектов. Метод проектов, по определению Е.С. Полат, «предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий учащихся с обязательной презентацией этих результатов. Если говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути» [2, с. 67].

Данный метод позволяет решать следующие задачи:

- развитие творческих возможностей учащихся;
- формирование умений самостоятельно конструировать свои знания и применять их для решения познавательных и практических задач, ориентироваться в информационном пространстве, анализировать полученную информацию.

Использование метода проектов при обучении иностранному языку позволяет учащимся использовать иностранный язык как средство познания, способ выражения собственных мыслей, восприятия и осмысления мыслей других людей. Это наиболее действенный способ переключить внимание учащихся с формы высказывания на содержание и включиться в познание окружающего мира средствами иностранного языка, расширяя тем самым сферу действия как коммуникативной, так и социокультурной компетенции. Говоря о коммуникативной компетенции в области иностранного языка, мы имеем в виду способность и готовность учащихся использовать иностранный язык в разнообразных ситуациях общения в соответствии с нормами данного языка, при работе с иноязычной информацией в совокупности знаний социолингвистического и социокультурного планов.

Социокультурная адаптация иностранных студентов, как показывает практика, будет успешной, если:

- выявлены социально-педагогические характеристики личности студентов, составляющие портрет обучающегося (на основе анкетирования, проведения бесед со студентами и преподавателями, а также наблюдениями за проявлениями характерных качеств личности и привычек поведения студентов в процессе образовательной и воспитательной деятельности);
- разработаны учебные проекты для практической работы с целью социокультурной адаптации студентов к российской действительности и к российской образовательной среде.

При выявлении методами анкетирования и собеседования актуального портрета студента как субъекта социокультурной адаптации и потребителя образовательных услуг российского университета перед преподавателями русского языка как иностранного возникают следующие задачи:

- 1) изучение демографических и социальных характеристик студентов: пол, возраст, место проживания, род занятий до приезда в Россию, уровень информированности о России, степень подготовки к поездке;
- 2) изучение степени адаптированности студентов

в России, выявление факторов, затрудняющих адаптацию.

По результатам анкетирования создаются проекты, позволяющие решать трудности иностранных студентов в российской социокультурной среде.

Согласно анкетным данным среднестатистический иностранный студент-первокурсник – это юноша или девушка 18 – 21 лет, окончившие школу или имеющие опыт обучения в университете, проживающие в большом городе родной страны. Они сами, как правило, никогда не выезжали в другие страны. Для большинства иностранных студентов Россия становится первой страной, где они вынуждены пережить «культурный шок». С целью выявления факторов, вызывающих проявление культурного шока, студентам были заданы следующие вопросы: «Что показалось для Вас необычным?», «Адаптировались ли Вы к необычным для Вас явлениям?». В качестве вариантов ответов для выбора предлагались: общение с официальными лицами (а) на таможне, б) в международном отделе, в) в милиции, г) другое); общение между преподавателями и студентами; отношения между людьми в транспорте, в магазине, на улице; общение с людьми разных национальностей; отношения между людьми разного возраста; отношения между полами (между мужчинами и женщинами); система обучения в университете; нормы поведения в учебной группе; климат; использование общественного транспорта; жизнь далеко от дома, от родных; самообслуживание (самим стирать, убирать, готовить и т.д.); новый режим, распорядок дня.

Представим количественные данные анкетирования.

I. Характеристика студентов по степени восприятия ситуаций в России как необычных

Максимальное количество студентов считают необычными в высшей степени отношения между людьми разного возраста (47,8 %), общение с людьми разных национальностей и отношения между людьми в транспорте, в магазине, на улице (46,6 %); новый режим, распорядок дня, и нормы поведения в группе (45,4 %); использование общественного транспорта (43,1 %); отношения с официальными лицами на таможне, систему обучения в университете, отношения между полами (между мужчинами и женщинами) самообслуживание (самим стирать, убирать, готовить и т.п.) и что-то другое (42 %). Также в высокой степени необычными для студентов показали отношения между студентами и преподавателями, общение в международном отделе (39,8 %). Небольшой процент составили студенты, которые считают необычными систему обучения в университете (34 %), жизнь далеко от дома, от родных (33,0 %), использование общественного транспорта (33 %), климат (30 %).

II. Характеристика студентов по степени адаптации к необычным явлениям

Средний вариант ответов «частично адаптировался, есть трудности» составил 37,5 %. Средний вариант ответов «не адаптировался» – 34,5 %. Причем самый большой процент «не адаптировался» наблюдается в ситуации отношений между студентами и

преподавателями, поведения в учебной группе, системе обучения в университете и жизни далеко от дома и от родных. Средний вариант ответов «полностью адаптировался» составил 28 %.

Таким образом, исходя из анкетных данных, считаем необходимым разработку учебных проектов, способствующих пониманию иностранными студентами особенностей взаимоотношений в России между студентами и преподавателями, в учебной группе, в университете в целом, в транспорте.

Учебные проекты призваны решить важные задачи социокультурной адаптации иностранных студентов, сформулированные нами по результатам анкетирования. Для выявления трудностей социокультурного характера, обуславливающих некомфортное проживание и обучение в стране изучаемого языка, студентам были предложены вопросы: «**Что Вы знали о России до поездки в страну?**», «**Как Вы готовились к поездке в Россию?**» (см. табл. 1, табл. 2).

Таблица 1

III. Характеристика студентов по уровню знаний о России до поездки в страну (распределение ответов)

Возможный вариант ответа	Да, знал много, %	Знал очень мало, %	Совсем ничего не знал, %
О политической системе в России	27,3	47,8	25,0
О руководителях государства	30,7	45,5	23,9
Об экономической системе в России	28,4	46,6	25,0
О социальной системе в России	26,1	44,3	29,5
О системе образования в России	26,1	47,8	26,1
О достижениях в науке и технике	29,5	45,5	25,0
О русской классической музыке	25,0	47,8	27,3
О современной российской музыке	34,0	50	26,1
О русской классической литературе	25,0	50	25,0
О современной российской литературе	22,8	45,5	31,9
Если Вы хотите что-то добавить, напишите, пожалуйста			

Большинство ответов могут быть сгруппированы по варианту «знал очень мало» на каждый вариант анкеты исходя из общего числа опрошиваемых: половина студентов (50 %) знали о русской классической литературе, о современной российской музыке; 47,8 % – о русской классической музыке, о системе образования в России, о политической системе в России; 46,6 % – об экономической системе в России; 45,5 % – о современной российской литературе, о достижениях в науке и технике, о руководителях государства; 44,3 % – о социальной системе в России.

Остальные ответы распределились примерно одинаково между «да, знал, очень много» и «совсем ничего не знал». Очевидно, что студенты приезжают в Россию неподготовленными. Отсутствие представлений о менталитете далекой страны, ее образе жизни, привычках и обычаях русского народа, а также о системе образования, недостаток культурно-фонových знаний затрудняет процесс адаптации, вызывает продолжительный культурный шок и нивелирует позитивные ожидания, связанные с пребыванием в стране. Очень часто студенты имеют ложные стереотипы о России. Они отмечают, что русские «хмурые», «не любят улыбаться», в России погода «холодная», «снег». Таким образом, определяются учебные проекты: «Праздники и будни русского человека», «Эти странные русские», «Страницы истории Санкт-Петербурга», «Культурная жизнь Санкт-Петербурга», «Музыкальный Петербург», в ходе которых решается задача *социокультурной адаптации иностранных студентов, связанная с необходимостью разработки лингвострановедческих материалов, способствующих расширению знаний иностранцев о различных сторонах жизни в России и в Санкт-Петербурге.*

Таблица 2

IV. Характеристика студентов по характеру подготовки к поездке в Россию
«Как Вы готовились к поездке в Россию?»
(распределение ответов)

Возможный вариант ответа	Да, %	Нет, %	Не могу ответить, %
Занимался на курсах русского языка	35,2	42,0	22,8
Изучал русский язык самостоятельно	36,3	41,0	22,8
Разговаривал с людьми, которые знают русский язык	31,9	43,1	25,0
Встречался с людьми, которые учились или работали в России	38,6	38,6	22,8
Разговаривал с русскими специалистами, которые работают в моей стране	29,5	47,8	22,8
Читал газеты, журналы, книги о России	43,1	34,0	22,8
Читал информацию о России в Интернете	43,1	34,0	22,8
Смотрел русские кинофильмы	43,1	33,0	23,9
Если Вы готовились к поездке в Россию по-другому, напишите, как именно			

Самое большое количество ответов «Да» было дано на следующие формулировки: 43,1 % – читали газеты, журналы, книги о России; читали информацию о России в Интернете; смотрели русские кинофильмы; 38,6 % – встречались с людьми, которые учились или работали в России; 36,3 % – изучали русский язык самостоятельно; 35,2 % – занимались

на курсах русского языка; 31,9 % – разговаривали с людьми, которые знают русский язык. Данные свидетельствуют о необходимости реализации учебных проектов: «Санкт-Петербург и его пригороды», «Места, куда хотелось бы вернуться», «Прогулки по городу», «Уникальные музеи Санкт-Петербурга», в ходе которых реализуется задача *проведения экскурсий по Санкт-Петербургу, организации поездок в города России с целью демонстрации достопримечательностей страны «не по книге».*

Таблица 3

V. Характеристика студентов по отношению к объектам страны изучаемого языка (России)
«Что Вам понравилось,
когда Вы приехали учиться в Россию?»
(распределение ответов)

Возможный вариант ответа	Очень понравилось, %	Не очень понравилось, %	Не знаю, %
Город	53,4	23,9	22,8
Университет	47,8	29,5	22,8
Учеба	44,3	31,9	23,9
Погода	29,5	46,6	23,9
Русские люди	37,5	34,0	28,4
Девушки (юноши)	41,0	34,0	25,0
Наличие здесь земляков	37,5	27,3	35,2
Другой образ жизни	35,2	37,5	27,3
Культура	50,0	27,3	22,8
Кухня	33,0	43,1	23,9
Если Вы хотите что-то добавить, напишите, пожалуйста			

На первом месте у студентов оказались город (53,4 %) и культура (50 %). Они отметили их как «очень понравились». На втором месте – университет (47,8 %), учеба (44,3 %). Третье место по степени «очень понравились» заняли девушки (юноши) (41,0 %). Русские люди и наличие земляков также очень понравились студентам – 37,5 %.

На первое место по степени «не очень понравилось» студенты поставили погоду – 46,6 % от общего числа опрашиваемых. На втором месте оказалась кухня (43,1 %), на третьем месте – другой образ жизни (37,5 %).

Примерно треть студентов из общего числа опрашиваемых «не знают» понравились или не понравились им объекты России. Данные анкетирования свидетельствуют о необходимости реализации учебных проектов: «Петербургский музей – машина времени и пространства», «Неделя русской кухни», «Творческие встречи с русскими студентами», «Санкт-Петербург глазами иностранцев», «После учебы на досуге», «Имена великих людей Санкт-Петербурга» и других, в ходе которых реализуется задача *поддержания и развития интереса иностранных студентов к России, городу Санкт-Петербургу, университету.*

Приведем пример одного из учебных проектов по социокультурной адаптации иностранных студентов.

Проект 1. «Мы учимся в Герценовском университете на факультете русского языка как иностранного». Цель – формирование профессиональной и коммуникативной компетенции; способствует *пониманию иностранными студентами взаимоотношений в России между студентами и преподавателями, в учебной группе, в университете в целом в процессе межкультурного общения.*

Тип проекта – практико-ориентированный, с информационным модулем и использованием исследовательских методов.

Проект был реализован в 4 этапа.

На 1 этапе на занятиях по разговорной практике преподаватель со студентами-участниками проекта проводил имитационные игры, целью которых была отработка речевых моделей в следующих ситуациях:

- в библиотеке;
- в международном отделе;
- в музее университета;
- в деканате;
- на кафедре.

На 2 этапе участники проекта были разделены на творческие группы по 10 – 12 человек и каждой группе вручен исследовательский маршрут, в котором были обозначены направления и объекты самостоятельного исследования студентов.

Так, например, маршрут № 1 («Факультет русского языка как иностранного и его история») предполагал выполнение следующих шагов: знакомство с деканатом: (функции, сотрудники, режим работы); знакомство с кафедрами (профессорско-преподавательский состав, сотрудники, направления научных исследований); знакомство с учебным планом 1 курса (дисциплины, количество часов, краткая аннотация).

Маршрут № 2 включал в себя изучение официального сайта РГПУ им. А.И. Герцена – историю университета – памятники на территории университета – музей университета.

Маршрут № 3 предполагал знакомство с международной деятельностью университета и включал изучение сайта Института международных связей – знакомство с деятельностью международного отдела (встреча и интервью сотрудников международного отдела).

Маршрут № 4 предполагал знакомство с библиотекой РГПУ им. А.И. Герцена и методическим кабинетом факультета РКИ: экскурсия в библиотеку (знакомство с фондами, каталогами, медиа-залом; режим работы и правила пользования) – экскурсия в методический кабинет (знакомство со словарным и книжным фондом на факультете; правила пользования методическим кабинетом).

Маршрут № 5 предполагал знакомство с системой студенческого самоуправления в университете и на факультете, а также с деятельностью студенческого научного общества (вечера встреч, интервью, беседы со студентами РКИ, а также со студентами-герценовцами, обучающимися на других факультетах).

На 3 этапе по итогам исследовательской деятельности творческими группами были подготовлены и представлены презентации, которые оценивались экспертными группами, состоящими из представителей всех творческих групп, а также студентов старших курсов и преподавателей.

На 4 этапе проекта группа студентов, делегированных творческими группами, используя материалы презентаций, осуществляла создание электронного путеводителя по Герценовскому университету для будущих первокурсников.

Анализ результатов использования метода проектов показал, что студенты развили и овладели целым рядом следующих умений:

- интеллектуальными: работать с информацией, анализировать, систематизировать, обобщать ее, устанавливать ассоциации с ранее изученным, делать выводы;
- творческими: генерировать идеи, находить многовариантные решения проблемы, предвидеть возможные последствия принимаемых решений;
- коммуникативными: вступать в общение, слушать партнера по общению, адекватно влиять на собеседника, отстаивать свою точку зрения, находить компромисс с собеседником, прогнозировать результат своего высказывания и др.;
- социальными: сотрудничать с другими, принимать точку зрения других, нести ответственность за результаты своего труда, подчиняться решению группы, доверять членам команды;
- социокультурными: соблюдать коммуникацию на неродном языке с использованием норм иноязычного речевого поведения, использовать полученные знания социокультурного плана для организации эффективного международного общения.

Таким образом, реализация данного учебного проекта предполагает решение выдвинутых по результатам анкетирования задач: способствовать пониманию иностранными студентами особенностей взаимоотношений в России между студентами и преподавателями, в учебной группе, в университете в целом; поддерживать интерес иностранных студентов к России, городу Санкт-Петербургу, университету, благодаря предусмотренным экскурсиям; расширять знания иностранцев о различных сторонах жизни России.

Литература

1. *Елизарова, Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб., 2004.
2. *Полат, Е.С.* Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат. – М., 2000.
3. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко. – СПб., 2007.
4. *Тарасов, С.В.* Развитие профессионально важных качеств педагогов-психологов в процессе обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук / С.В. Тарасов. – Самара, 2004.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НА САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Народная художественная культура как связующее звено между образцами прошлого и современными проявлениями культуры пользуется неизменным доверием всего общества. Развивая личность, формируя самосознание у современных студентов, необходимо обратиться к народной художественной культуре. В статье рассматривается влияние на формирование самосознания таких факторов, как: природная среда, социум, знаковые образцы культуры, символы, обряды, действия, средства массовой информации.

Традиционная культура, самосознание, личность, природная среда, социум, традиция, воспитание.

Folk art culture as a link between the samples of the past and the contemporary displays of culture enjoys the confidence of the society. Developing a personality, forming self-consciousness of students it is necessary to appeal to the folk art culture. The article considers the influence of such factors as natural environment, society, significant samples of culture, symbols, rituals, actions and mass media on formation of self-consciousness a person.

Traditional culture, self-consciousness, personality, natural environment, society, tradition, education.

Народная художественная культура – это тот пласт культуры, который помогает нам воссоздать истинный, сущностный дух своего народа. Сегодня эта общепоставленная государственная задача является наиболее актуальной. Народная культура выступает как действующий источник мудрости и социального опыта поколений, как связующее звено между образцами прошлого и современными проявлениями культуры. Она пользуется неизменным доверием всего общества, поэтому приоритет социальной значимости по существу ассоциируется с понятием этнокультурной ценности, где особую популярность имеет познавательная функция традиционной культуры. В настоящее время на уровне государственных структур действуют целевые программы по образованию и семейной политике. Функциональная нагрузка народной традиционной культуры в этих целеполагающих документах значительная. Народная культура выступает перед нами не только как факт истории, но и как целое явление, характеризующее весь образ, национальное своеобразие народа.

Развивая личность, формируя самосознание у подрастающего поколения и молодежи, необходимо обращаться к народной художественной культуре, как духовной, так и материальной. Вопросы приобщения подрастающего поколения, молодежи к традиционному мировоззрению тесно связаны с понятием категории духовных традиций этнического воспитания. Духовно-практическая деятельность народа (народные игры, обрядовая система, обычаи и т.д.) оказывает существенное влияние на развитие и обогащение личности. Большую роль на развитие личности и формирование мировоззрения играет природная среда (климат, ландшафт, водоемы, животный и растительный мир; влияние человека на природный мир; отношение к природе, отражение природы в народном и индивидуальном сознании).

Неразрывную связь человека со средой его обитания отмечали многие ученые (В.О. Ключевский,

В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, В.С. Мухина, А.В. Мудрик и др.). Так В.О. Ключевский писал: «...внешняя природа нигде и никогда не действует на все человечество одинаково всей совокупностью своих средств и влияний. Ее действие подчинено многообразным географическим изменениям: разным частям человечества по его размещению на земном шаре она отпускает не одинаковое количество света, тепла, воды, миазмов, болезней, – даров и бедствий, а от этой неравномерности зависят местные особенности людей» [5, с. 20].

В науке существует множество работ, посвященных анализу отражения природы в народном сознании и взаимосвязи жизни человека и этноса с природой в традиционной культуре. Л.Н. Гумилев строит свою концепцию этногенеза на основе тесной взаимосвязи истории этноса с биосферой Земли: «Этническая жизнь не безразлична к биоценозу, и не может отдельно изучаться от географии и истории биосферы» [4, с. 13].

К значительному фактору, влияющему на особенности социализации человека, А.В. Мудрик относит региональные условия, в ряде которых он понимает географическое расположение региона и его природно-климатические особенности. В концепции В.С. Мухиной природа является одной из основополагающих реалий развития личности: «Природная реальность для человека всегда была условием и источником его жизни и жизнедеятельности» [12, с. 28]. Глубинному отражению природы в семантическом пространстве воззрений, выраженных в языке через фольклор и мифологию, а также отображенных в обрядах и деятельности славян, посвящен фундаментальный трехтомный труд А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Символика живой и неживой природы в языке, мифологии и фольклоре подробно анализируется в работах А.А. Потемни. Концепция календарной обрядности В.Я. Проппа основана на идее о том, что праздники в традиционной культуре имеют под собой первоначаль-

ную основу не религиозного, а аграрного характера, то есть, связаны с особенностями деятельности человека в системе «человек – природа».

В ценностно-знаковой среде происходит отражение восприятия природы в фольклоре, в системе запретов и разрешений во взаимоотношении человека с природой. Человек приписывает окружающей природе систему значений: в народном сознании одни природные места становятся особо значимыми, сакральными, а другие, наоборот, проклятыми. В традиционной культуре для человека характерно представление о природе как о целостной всеобъемлющей среде, от которой он очень сильно зависит, поскольку «природа представлена в сознании обыденного человека как нечто неизменно живое, воспроизводящее и дарующее – как источник жизни» [13, с. 17]. Природа таит в себе и дары, и опасности; и человек, погружаясь в мир народной художественной культуры, овладевает знаниями взаимодействия с ней, которые закреплены в системе традиций, транслируемые от поколения к поколению. Нарушение этих традиций зачастую несет урон природе, а вслед за ней и самому человеку, поскольку его жизнь находится в неразрывной связи с природой.

От своеобразия природных факторов зависят особенности жилья, утвари, особенности социального взаимодействия, а это опосредованное взаимодействие человека с окружающей действительностью через предметную среду. Вся жизнь человека неразрывно связана с миром вещей, который окружает его и в своей реальной предметности, и в знаково-символическом, и образном выражении, и в социальном значении. Человек в своем развитии начинает «опредмечивать» самого себя в окружающем пространстве в разных видах деятельности. Многие предметы утвари и повседневного обихода помогают структурировать пространство, в котором живут и взаимодействуют члены семьи [15]. Практически все предметы быта, хозяйствования, одежда и т.д. в традиционной культуре несут как на себе (в виде рисунков, вышивок, символов, знаков и т.д.), так и собой (в системе деятельности) особое значение, играя свою роль в общей картине мира и естественным образом отражаясь на самосознании человека. Вещи становятся особо значимыми (оберег, ладанка, семейная реликвия и т.д.) в жизни человека, формируется система оберегов, имеющая символическое значение преграждения для проникновения «чужого и враждебного» в «свой» мир, значения охраны благополучия и целостности «своего» мира.

По выражению В.С. Мухиной, «Мир вещей – мир человеческого духа: мир его потребностей, его чувств, его образа мышления и образа жизни. Человек, создавая вещный мир, психологически вошел в него со всеми вытекающими из этого последствиями: мир вещей – среда обитания человека – условие его бытия, средство удовлетворения его потребностей и условие его духовного развития» [13, с. 17]. При изменении функциональных предметов и появлении принципиально новых вещей, окружающих человека, естественно, меняется его жизнь, меняются его представления о себе, других, мире. Меняется

также система получения информации, способы коммуникации, ритм и образ жизни – меняются традиции. Все возрастающую роль в современной жизни играют СМИ, через которые человек сегодня не только получает необходимую ему информацию (новости), но и черпает из них поведенческие стереотипы, ценности и идеалы и многое другое.

Сегодня СМИ вышли за пределы своего изначального предназначения – распространения информации и превратились, наряду со всем прочим, в один из мощных факторов формирования самосознания. Современная молодежь, как показало анкетирование, значительную часть своего свободного времени проводит за телевизором (интернетом). Если учесть то, что информация, поглощаемая с экрана, носит в основном развлекательный характер (около 55 % респондентов из всех программ выделяют развлекательные, более 60 % регулярно смотрят художественные фильмы), то можно уверенно говорить о том, что телевизор (интернет) используется как средство отдыха и развлечения. Однако необходимо заметить, что 35 % респондентов уделяют наибольшее внимание информационным и познавательным программам, следовательно, для них телевизор (интернет) – источник знаний, средство повысить собственную образованность. Засилье иностранной видеопродукции все чаще демонстрирует грубое насилие, эротику и наркотики. Этот процесс вносит свой вклад в криминализацию обстановки, особенно влияя на детей, подростков и молодежь, которые и составляют основную аудиторию зрителей. Достаточно большое количество телеаудитории составляют любители и постоянные зрители сериалов. «Мыльные оперы», которые делятся годами, формируют пассивный образ жизни и формируют нереальные представления о пространстве и времени, отвлекают эмоции людей от реальной жизни на переживание вымышленных событий.

Но, несмотря на достаточно тревожную информацию, современная молодежь из всего объема информации извлекает ненужное и бесполезное, не принимает на веру все, что видит на экране или читает с газетного листа. 62 % респондентов самостоятельно анализируют и сопоставляют информацию, поступающую из СМИ, то есть принимают на веру далеко не все. Меньшая часть – около 20 % – полностью доверяет СМИ, то есть подвержены их воздействию. 10 % аудитории полностью не верят СМИ – очевидно, они для них уже исчерпали до конца кредит доверия и теперь вызывают лишь скепсис.

Таким образом, несмотря на массивное давление СМИ, молодежь выработала оценивающие функции относительно из содержания и поэтому не может быть легко контролируема. Кроме факторов, направленно влияющих на молодежную среду извне, нельзя игнорировать те процессы, которые происходят непосредственно внутри самой социальной группы. Социальная среда является носителем тех самых традиций, системы норм, представлений о мире, в которые входит человек и согласно которым выстраивается его жизнь в традиционной культуре. Традиционная культура характеризуется достаточно

четкой и стабильно существующей системой нормативов, прав и обязанностей, определяющих взаимодействие человека, как с другими людьми, так и с окружающей его природой, предметной средой, что тесно связано с формированием его самосознания. В исследованиях В.С. Мухиной показано, что «структура самосознания личности строится внутри порождающей ее системы – человеческой общности, к которой принадлежит личность» [14, с. 45].

Важной характеристикой социальной среды является моно- или полиэтничность. Всплывает интересный вопрос о характере представлений о других этносах. Категория «я» и «мы» становится ведущей для формирования в самосознании «мы» как социальной категории принадлежности к общности. Новое поколение отличает отсутствие особых комплексов во взаимоотношениях с противоположным полом. 63 % не испытывают коммуникативных затруднений, 18 % – только иногда, и лишь 8 % говорят о наличии серьезных комплексов. Из этого можно сделать вывод, что грань в общении между полами легко преодолевается.

Многие проблемы возникают внутри социальной группы. На первом месте стоит лицемерие (25 %). Действия других людей рожают новую причину недовольства в кругу общения – высокомерие (7 %). Очевидно, в молодежной среде проходит бум моды на различные вредные привычки: курение, пьянство, наркомания и возрастает число их противников. 48 % относится негативно к подобным привычкам сверстников и проявляют недовольство этим в общении с ними. В нынешней ситуации молодежь хорошо ощущает несоответствие навязываемых ей культурных стереотипов и норм поведения жизни, и все чаще проявляет интерес к традиционной культуре.

Благодаря развитию сети интернет, средств массовой коммуникации, многочисленным этноконтактам, социальная среда претерпевает сильное воздействие через усвоение иных способов передачи знаний, в которых транслируются иные ценности, не свойственные региональной традиции, а новые установки расшатывают традиционные. Это оказывает не всегда положительное (зачастую отрицательное) воздействие на систему воспитания и ценностно-символическую систему. Ценностно-символическая среда в традиционной культуре является отражением всех реалий бытия в народном сознании через символы, образы и знаки, включенные в сложное семантическое пространство культуры. В традиционном воспитании обрядовая система, обычаи и традиции становятся основой самовоспитания, самосовершенствования. Объективно они есть продукт культуры и традиций, в которых закреплены способы передачи духовных ценностей с помощью установившихся средств воспитания. Приобщение к обрядам, обычаям имеет очень важное значение для развития духовного мира человека и получения необходимых практических знаний и умений. В настоящее время ознакомление с народной художественной культурой и приобщение к традиционному мировоззрению являются основой мировосприятия и развития человека, в особенности, если речь идет о подрастающем

поколении. Народная художественная культура отражает мышление, нравственный принцип и показывает отношение человека к природе и обществу, является фактором воспитания и воздействия на мораль, быт, право и семейные отношения.

В народной культуре принцип передачи информации (знаний) происходит через межличностные взаимодействия («из уст в уста»), но при этом в личностном общении и взаимодействии происходит трансляция, в первую очередь, общего, народного сознания, а не личностного, индивидуального. Идентичность поколений формируется и укрепляется в процессе усвоения конкретной культуры, что позволяет культуре быть более устойчивой. Осознание и выражение себя в контексте традиционно сложившейся системы отношений поддерживает социальную общность в стабильности. Межпоколенные конфликты слабо выражены, так как они регламентируются рамками отношений между старшим, средним и младшим поколениями, которые задаются традицией. Сохранение традиций является ценностью, а их нарушение влечет социальное осуждение. Существенным нормативом, регулирующим взаимодействие человека с другими людьми, миром и самим собой остаются религиозные представления и так называемая «народная вера», существующая в социальной общности и привязанная к конкретным региональным особенностям.

И.Г. Васильев пишет, что народная культура народа не только закрепляет реликтовые формы социального опыта, но и сохраняет и развивает общечеловеческие ценности [3]. В старину вся жизнь людей строилась на основе традиций, а сама культура – неписанный свод законов его создателей и носителей. Это образ их жизни, мировоззрения, мышления и нравственности.

Взросший интерес к проблемам народной культуры побуждает систему образования обращаться к положительным примерам, в которых нашли отражение духовный опыт народа, общечеловеческие ценности и достижения. В последние годы личностно-ориентированный подход стремительно завоевывает образовательное пространство. Многие преподаватели считают его самой современной методологической ориентацией в педагогической деятельности. Это обусловлено рядом объективных обстоятельств. Динамичное развитие российского общества требует формирования в человеке ярко индивидуального, позволяющего человеку стать и оставаться самим собой в быстро изменяющемся социуме. Психологи отмечают, что нынешней молодежи свойственны: прагматичность мыслей и действий, раскрепощенность, а это требует применения новых подходов и методов во взаимодействии со студентами. Современное образование в ВУЗах проходит процесс гуманизации отношений преподавателей и студентов в демократизации их жизнедеятельности.

К основным понятиям личностно-ориентированного подхода мы относим следующие:

– *индивидуальность* – неповторимое своеобразие человека или группы, уникальное сочетание в них единичных, особенных и общих черт, отличающее

их от других индивидов и человеческих общностей;

– *личность* – постоянно изменяющееся системное качество, проявляющееся как устойчивая совокупность свойств индивида и характеризующее социальную сущность человека;

– *самоактуализированная личность* – человек осознанно и активно реализующий стремление стать самим собой, наиболее полно раскрыть свои возможности и способности;

– *самовыражение* – процесс и результат развития, проявление индивидом присущих ему качеств и способностей;

– *Я-концепция* – осознаваемая и переживаемая человеком система представлений о самом себе, на основе которой он строит свою жизнедеятельность, взаимодействие с другими людьми, отношение к себе и окружающим.

Личность формируется в процессе деятельности, общения. Иначе говоря, формирование ее есть процесс социализации индивида. Этот процесс требует от человека продуктивной активности, выражается в постоянной корректировке своих действий, поведений, поступков. Это вызывает необходимость развития способности самооценки, что связано с развитием самосознания. Самосознание и самооценка в совокупности образуют тот основной стержень личности, вокруг которой складывается неповторимая специфика личности.

Главным результирующим свойством личности является самосознание. Человек спрашивает себя: кто я? зачем я? в чем смысл моей жизни? Только выработав то или иное мировоззрение, личность самоопределяется в жизни, получает возможность осознано, целенаправленно действовать, реализуя свою сущность.

Личность есть совокупность трех ее основных составляющих: биогенетических задатков, воздействия социальных факторов и ее психосоциального ядра – «Я». Это «Я» определяет характер психики человека, сферу мотивации, способ соотнесения своих интересов с общественными, уровень притязаний, основу формирования убеждений, ценностных ориентаций, мировоззрения. Оно же является основой формирования социальных чувств человека: собственного достоинства, долга, ответственности, совести, справедливости. Субъективно, для индивида, личность выступает как образ «Я», который служит основой внутренней самооценки и представляет собой то, каким индивид видит себя в настоящем, будущем, каким он хотел бы быть. Формирование человека как личности есть процесс, требующий неустанной душевной работы и работы над собой.

По данным нашего опроса, большинство (80 %) респондентов называют себя верующими людьми. Лишь 12 % в Бога не верят. Но при более тщательном рассмотрении отчетливо можно уловить некоторую поверхностность этой веры. Большинство верующих не исполняет обрядов христианской религии (не ходит в храмы, не исповедуется, не соблюдает религиозных праздников). В защиту этой точки зрения могут служить данные о причине веры в Бога. На первом месте среди причин собственной веры –

необходимость в ней, желание получить надежду, уверенность в будущем дне, причем культивируют силу и уверенность не в себе, а во внешнем факторе.

Немецкий философ Э. Кассирер [22] считал, что для человеческого духа свойственны символические формы, которые проявляются в знаках, в языке, в отвлеченных понятиях. Человек тем и отличается от животного, что способен мыслить и организовывать свое поведение в пределах «символических форм», а не только в пределах наглядного опыта. Основной символической формой для воплощения смыслов и значений является слово, включенное в единое семантическое пространство языка. А.Р. Лурия в своей работе «Язык и сознание» пишет: «Слово обозначает вещи, слово выделяет признаки, действия, отношения. Слово объединяет объекты в известные системы, иначе говоря, кодирует наш опыт» [9, с. 32]. По словам А.А. Потемни, «слово есть средство объединения образа, обобщения, анализа образа» [16, с. 224]. Язык, закрепленный в определенные текстуральные формы (фольклорные тексты), является средством познания народного сознания, в рамках которого происходит формирование личности. В целом все народное творчество является отражением ценностно-символической жизненной среды личности в контексте традиционной культуры. Н.И. Толстой, выявил, что: «Народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная культура вкупе с элементами включенной в нее материальной культуры представляет собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры...» [20, с. 21]. Фольклор в действительности не существует в отрыве естественного уклада жизни традиционной культуры, он включен во все сферы человеческой жизни в контексте традиции на протяжении всей жизни человека и выражает в сложившихся жанровых формах систему мировоззрения и отношения к миру, другим, самому себе. Жизнь человека в контексте традиционной культуры неразрывно связана с различными обрядами и ритуалами, которые как в своей целостности, так и своими отдельными элементами, действиями несут в себе огромное и сложное ценностно-символическое пространство. Велика роль знаков в системе календарных примет и гаданий, в оберегах, одежде и утвари, в игрушках, копирующих предметный мир взрослых и природу. Огромную роль в жизни традиционной культуры имеют знаки в смеховом (карнавальном) мире, смысл которых зачастую иной или перевернутый, нежели в обычном ходе жизни [2]. Народная культура вся пронизана символическими значениями, как в текстуральных формах, так и в предметной, природной и социальной средах. Ю.М. Лотман писал: «Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой» [8, с. 192].

Развитие личности и формирование самосознания определяется так же культурой самой личности и уровнем ее традиционности. Благодаря культурной традиции происходит трансляция культурных ценностей, форм и условий, в которых происходит разви-

тие личности. И.С. Кон, изучая межпоколенную культурную трансмиссию как сложный социальный процесс, выделил ряд относительно самостоятельных аспектов [6]:

1) *субъективный* – от кого и кому передается культура (какие поколения и как участвуют в трансляции культуры);

2) *объективный* – что именно, какие знания, навыки, ценности, социальные установки передаются, какие свойства социальная общность старается привить детям и т.п.;

3) *процессуальный* – какими путями и способами осуществляется трансмиссия;

4) *институциональный* – посредством каких специализированных социальных институтов она осуществляется.

Руководствуясь собственными моральными, эстетическими и интеллектуальными чувствами, человек формирует собственные идеалы и жизненные ценности – позиции, которыми он руководствуется в своей деятельности. Их можно разделить на несколько важных групп: отношение к труду, отношение к благам, отношение к Родине (патриотизм), отношение к семье.

Одним из основных критериев оценки сформированности личности является способность к созидательному труду и отношение к нему. Именно способность к целесообразному созидательному труду отличает общественно-полезную личность. По результатам анкетирования постоянную потребность в труде испытывают 35 % молодежи, 40 % – не испытывают, периодически – 25 %. Это свидетельствует о том, что около 1/2 респондентов понимают всю необходимость и важность для себя и общества трудовой и умственной деятельности.

Сейчас в условиях современной экономической ситуации, большую роль в жизни любого человека стали играть деньги. Большинство респондентов (64 %) четко осознают, что для них деньги – средство для удовлетворения своих материальных потребностей и не более того. То есть они относятся к деньгам спокойно, не деляя их из них фетиша, но в то же время верно оценивая их. 5 % респондентов относятся к функции денег резко скептически, считая, что это – бесполезные бумажки, приносящие зло. Вероятно, эти люди либо безденежные идеалисты, либо из очень состоятельных семей. Так или иначе, мы видим, что денежный аспект в мировоззрении нового поколения прошел быстрый путь трансформации.

Интересна позиция патриотизма в ряду ценностей современной молодежи. На первый взгляд, данные нашего исследования в этой области неутешительны – на вопрос «Хотите ли Вы жить в другом государстве?» 70 % ответило «да», и 30 % – «нет». Однако дальнейшие ответы на вопросы проясняют картину. В частности, защищать свою Родину готовы 75 % молодых людей, а целых 80 % респондентов испытывают чувство гордости за свою Родину (причем, не только в историческом плане, но и в настоящем времени). Значит, вряд ли можно обвинить молодежь в отсутствии патриотизма. Космополитизм, поклонение Западу – лишь внешние явления, которые поя-

вились в годы идеализации американского образа жизни обществом.

Важнейшей ячейкой современного общества, как и прежде, остается семья. Можно смело сказать, что ее роль среди ценностей молодежи сохраняет свои высокие позиции. Ведь именно этот институт закладывает в человека с самого рождения моральные, этические, нравственные ценности, которыми человек руководствуется во всей своей дальнейшей жизни.

Анализируя результаты опроса, можно увидеть, что для большинства молодых людей семья – это опора в жизни, это источник любви и понимания, а также образец для создания своей семьи в будущем. Лишь около 12 % отрицают роль семьи в своей жизни, в реализации своей личности. 85 % респондентов планируют создать семью в будущем. Таким образом, среди молодого поколения мы видим возвращение к традиционным ценностным ориентирам. Все так же незыблемыми авторитетами являются – Отечество, семья, дети.

Задача нашего исследования – проследить, как представления человека, погруженного в мир народной художественной культуры, повлияют на формирование самосознания. В процессе работы использовался комплекс взаимодополняющих методов, хорошо известных в науках, изучающих человека и его жизненную среду. Особенность исследования не в специфике используемых методов, а в целенаправленности. В своих этнопсихологических исследованиях В.С. Лурье отмечает позицию, что «методика исследования сознания должна отталкиваться от конкретных, поставленных самой жизнью вопросов и исходить из структуры самой жизненной ситуации» [10, с. 439].

Исследуя особенности личности как целостной структуры в контексте культурной традиции, нами были использованы: тематическая беседа и включенное наблюдение. Основным методом для сбора и фиксации материала в нашем исследовании стала тематическая беседа. Сразу отметим, что данный метод неразрывно связан с включенным наблюдением. Пользуясь определением В.А. Ядова, отметим, что «Опросы – незаменимый прием получения информации о субъективном мире людей, их склонностях, мотивах деятельности, мнениях» [22, с. 228]. Беседа всегда отражает именно субъективное видение происходящих явлений и процессов в окружающем человека мире, а также себя в этом мире. Как отмечает В.С. Мерлин: «Специфическая роль беседы, как метод исследования личности, вытекает из того, что в ней испытуемый отдает словесный отчет о свойствах и проявлениях своей личности. Поэтому в беседе с наибольшей полнотой обнаруживается субъективная сторона личности – самосознание и самооценка свойств личности, переживания и эмоциональное отношение, выраженное в них, и т.п.» [11, с. 263].

Последовательность тем в построении беседы определялась нами не методологической схемой разделения направлений исследования, а естественным ходом общения. Особую роль наблюдения в получе-

нии сведений о внутреннем мире человека описывал С.Л. Рубинштейн: «Наблюдая внешнее протекание действий человека, мы изучаем не внешнее поведение само по себе, как если бы оно было дано в отрыве от внутреннего психического содержания деятельности, а именно это внутреннее психическое содержание, которое должно раскрыть наблюдение» [20, с. 46]. Основным преимуществом метода включенного наблюдения является возможность получения более-менее (с учетом «сценического эффекта») целостной картины жизни и деятельности людей в социокультурном контексте, в определенных условиях, дополняя субъективные сведения, получаемые в ходе разговора. В этом отношении С.Л. Рубинштейн писал, что «лишь учитывая деятельность индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося ее с теми конкретными условиями, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть то внутреннее психологическое содержание действий и поступков, которое может быть высказано и может быть утаено в высказываниях человека, но обнаруживается в его действиях» [20, с. 21].

Таким образом, примененный комплекс взаимодополняющих методов для сбора и фиксации информации, позволил получить широкий спектр разнохарактерного материала, анализ которого выявляет особенности личности в определенных условиях. Особое внимание мы уделяли вопросам в преемственности и в трансляции народной художественной культуре и уровням изменения личности и условиям формирования самосознания.

Литература

1. *Афанасьев, А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М., 1995.
2. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1965.
3. *Васильев, И.Г.* Обрядовая культура как источник этнопедагогических знаний народа Саха / И.Г. Васильев. – Тускул-Якутск. – 2003.

4. *Гумилев, Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М., 1993.
5. *Ключевский, В.О.* Курс русской истории / В.О. Ключевский. – М., 1956. – Ч. 1.
6. *Кон, И.С.* Социологическая психология / И.С. Кон. – М.; Воронеж, 1999.
7. *Лихачев, Д.С.* Смеховой мир Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л., 1984.
8. *Лотман, Ю.М.* Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избр. ст.: в 3 т. – М., год издания? – Т. 1.
9. *Лурия, А.Р.* Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов н/Д, 1998.
10. *Лурье, С.В.* Историческая этнология / С.В. Лурье. – М., 1997.
11. *Мерлин, В.С.* Психология индивидуальности / В.С. Мерлин. – М.; Воронеж, 1996.
12. *Мухина, В.С.* Возрастная психология / В.С. Мухина. – М., 1998.
13. *Мухина, В.С.* Дивный новый мир: не антиутопия, реальность / В.С. Мухина // Развитие личности. – 1998. – № 2. – С. 17 – 19.
14. *Мухина, В.С.* Дивный новый мир: не антиутопия, реальность / В.С. Мухина // Развитие личности. – 1998. – № 1. – С. 45 – 47.
15. *Мухина, В.С.* Современное самосознание народов Севера / В.С. Мухина // Психологический журнал. – 1988. – Т. 9. – № 4. – С. 38 – 40.
16. *Осорина, М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. – СПб., 1999.
17. *Потебня, А.А.* Мысль и язык / А.А. Потебня. – М., 1999.
18. *Потебня, А.А.* Символ и миф в народной культуре / А.А. Потебня. – М., 2000.
19. *Пропп, В.Я.* Русские аграрные праздники / В.Я. Пропп. – СПб., 1995.
20. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 1998.
21. *Толстой, Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М., 1995.
22. *Ядов, В.А.* Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – М., 1999.
23. *Cassirer, E.* Philosophic des symbolischen Forman / E. Cassirer. – Darmstadt, 1923.

УДК 37

Л.Р. Иванова

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор И.И. Валеев

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ И МУСТАЙ КАРИМ

В данной статье рассматриваются нравственные устои подрастающего поколения и отношение Мустая Карима к проблемам нравственности и духовности. Особое внимание уделяется влиянию на молодежь различных общественных факторов.

Воспитание, нравственность, культура, духовность, мораль, молодежь, педагогика.

The article considers moral values of younger generation and Mustay Karim's attitude to the problems of morality and spirituality. The article reveals the influence of different social factors on the younger generation. Special attention is paid to the influence of various social factors on the young people.

Education, morality, culture, spirituality, morals, young people, pedagogy.

В последние десятилетия всему мировому сообществу, включая и Россию, навязывается некий универсальный стандарт понимания государства и человека. Этот стандарт определяет сегодня политику России. Основы воспитания и обучения подменяются на более современные, западные: педагогика уважения старших и совместного труда – развитием эгоистической личности; целомудрие, самоограничение заменяются вседозволенностью, удовлетворением малейших прихотей; любовь и самопожертвование заменяются западной психологией самоутверждения. Очевидно то, что идеализация Запада не создает нравственное общество. Гуманность, патристичность, сдержанность, строгость, постоянное сознание общенародных задач – таковы черты русской культуры. Народ сберег свою культуру, носительницу передовых идей своего времени, и пронес ее сквозь века.

По этому поводу М. Карим однажды заметил, что на Западе уверяли, что лишь у нас остался оазис высокой духовности: устав от прагматизма, они рады были учиться у нас духовности и нравственности. Понятие нравственных качеств не сводится лишь к прагматичной передаче информации от старших к младшим. В этом процессе передавались и передаются вольно или невольно личные качества старших. Такая трансляция нравственных качеств происходит от поколения к поколению. Методы и формы при этом самые разнообразные.

Где и в чем живет возвышенный миф каждого общества, его идеализированное представление о самом себе, о своих ценностях, об обязательной верности им? Мустай Карим убежден, что ценности воспитания башкирского народа основываются на его представлении о человеке, общественно-одобряемых и передаваемых из поколения в поколение образцах национальной педагогической культуры, запечатленных в нравственно-культурных устоях [2, с. 56]. В слово «народ» мы вкладываем самое высокое, непорочное понятие. Он веками создавал и выработал свои нравственные идеалы, житейские законы, правила общественного поведения, нетерпимость к злу и пороку, наконец, принципы обыкновенной порядочности, душевную опрятность, которые призваны оберегать человека от дурных помыслов и недостойных действий. И они оберегали. Мечтой матери было, чтоб ее дитя выросло «счастливым и порядочным». Не просто счастливым, а непременно добропорядочным. А ведь все-таки что-тостряслось неладное. Не со всеми, но со многими [2, с. 483]. Абсолютной ценностью в процессе воспитания на традициях народа являлся ребенок. И ценность семьи определялась тем, какого сына и какую дочь она сумела воспитать. Будущее, несомненно, явится культом ребенка, этого носителя и источника новой жизни, этой неиссякаемой надежды на беспредельное обновление всех сторон человеческого существования [3, с. 84].

Воспитание детей всегда являлось работой нелегкой. Но даже в самых сложных обстоятельствах усилиями наших предков вырастали хорошие дети, так как они умели видеть огромные резервы детского «Я».

Испокон веков общество требовало от родителей, чтобы они воспитывали ребенка без недостатков, опасных для общества. Но воспитывать, говорит М. Карим, не значит обуздывать, воспитывать – значит создавать. Не «кое-что обуздывать», а «кое-что поощрять». Каждым шагом и каждым словом создавать представление ребенка о себе самом.

Сила влияния родителей, способствующая саморазвитию ребенка, заключалась в том, чтобы подрастающее поколение с самого раннего детства осваивало морально-этические, житейские нормы старших незаметно и очень цепко [4, с. 365].

Проживание большими общинами, где людей было по нескольку неразделенных семей, чрезвычайно повышала роль старейшин. Они давали советы и рекомендации по ведению одного хозяйства, следили за соблюдением обычаев и руководили воспитательным процессом. Именно от бабушек и дедушек ребенок впервые узнавал правила и нормы «божеского» поведения, понятия-запреты «грех», «грешно», понятия-разрешения «не грех», «не грешно» и, соответственно, указания на примеры их соблюдения. «Грех, что сажка, пристанет – не отмоешь», «Грех в землю ножик втыкать, а то родить не будет», «Грех стол ломать» (раньше старших выводить из-за стола). И противоположное: «Не грех старшим помогать», «Не грех трудиться». Надо отметить, что эти понятия и традиции, характерные для народов России, не являются способом запугивания или наказания, как это порой представляется, а выступают в виде наставления на путь, ведущий к духовному самообладанию, самовоспитанию.

Особо важными эти наставления оказываются в период перехода к этапу «взрослые дети». Присущее этому возрасту стремление к самопознанию и самооценке не может быть реализовано без достаточно устойчивого, ориентированного на жизнь в общине самоопределения, которое формируется в семье, в кругу сверстников, во взаимодействии со взрослой частью общины. Проблема «отцов и детей», наиболее острая для этого возраста, решалась на основе представлений о значении и роли родительского благословения. Оно давалось перед свадьбой, отъездом в дальнюю дорогу, перед началом какого-либо другого ответственного дела. Жизненные ориентиры были традиционными: труд, семья, община, а родительские оценки и наказания – советы – реалистичными. Подкреплялись, таким образом, высокая требовательность к себе, нетерпимость к собственным слабостям, это становилось важнейшим условием дальнейшего роста и нравственного взросления личности.

Переступив порог совершеннолетия, «взрослые дети» получали право самостоятельно регулировать свое поведение, ориентируясь на те нравственные предписания, которые были заложены в детстве и приняты в их окружении. Древнерусская истина гласит: «Когда хорошо воспитываешь отрока, так и он своего сына, и тот вновь». В ней заложена идея целостности, непрерывности воспитательного процесса и одновременно – своеобразной его цикличности.

Воспитывались и росли, глядя на своих родите-

лей. Каждый в семье имел место, знал свое дело. К тому, что делали родители, приучали детей. Разумные требования становились жизненными принципами и руководством для воспитания. По словам Г.Н. Волкова, воспитательные идеи башкирского народа и практика воспитания подрастающего поколения передавались из поколения в поколение на протяжении длительного исторического времени [5, с. 3].

Мустай Карим говорил, что российский народ прошел тысячелетний путь. «На этом пути было время взлетов народной души, и были века, когда самознание народов брело, спотыкаясь, без сил и цели. Много было того, чем наши люди гордятся и поныне, но еще больше такого, от чего сжимается их сердце. И одной из величайших бед народа было невежество, мгла которого застила и великие костры прошлого. И поэтому путь был разделен надвое: долгий путь из тьмы, из дебрей и круч до того дня, когда мир расступился и одна узкая тропа разбежалась тысячами троп и дорог по широкому тугаю» [7, с. 10 – 11].

Устно передаваемые от поколения к поколению нравственные установки – традиции и обычаи – со временем подвергались некоторым изменениям. Это показывает, что время абсолютно копировать нельзя. Дети одних и тех же родителей, как индивиды, от рождения разные. Это означает, что нравственная культура в процессе формирования личности при одной и той же духовности родителей для всех детей данной семьи будет разной. Дети воспринимают от своих родителей их традиционную культуру через подражание, но преломляют ее через свои природные данные. Нравственность личности не может формироваться на пустом месте. Данный процесс происходит через преломление общественных отношений, через внутреннюю программу, называемую инстинктом. Разум и инстинкты, по мнению М. Карима, в личности сотрудничают друг с другом, а не взаимоисключают друг друга. В каждой личности, в каждом поколении будут изменения в традиционной культуре. Вот почему традиции на протяжении сотен лет претерпевают качественные изменения, однако некоторые моменты внутренней определенности данного этноса сохраняются как инварианты.

Постижение оставленных нам в наследство нравственных ценностей, приобщение к башкирской народной культуре требует особой атмосферы духовного возрождения, в которой творчество М. Карима, «его способность увлечь других и сформировать тем самым высокие нравственные качества и передать все это нам через свое творчество» [1, с. 53].

Сегодняшнее развитие российского общества крайне обострило проблему «отцов» и «детей». Современную ситуацию в России можно определить как стадию между старой системой ценностей, которая дает существенные сбои, и новой, которая только рождается. Говоря словами Гершензона, настает время, когда юноше на пороге жизни уже не встретить готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый будет чувствовать себя ответ-

ственным за все, что он делает, и все, чего он не делает [6, с. 126]. Юность – период проб и ошибок, примеривания социальных ролей, период выборов.

Личность формируется, сопротивляясь или подстраиваясь под обстоятельства, но у юных сила сопротивления очень слаба. Дети впитывают все, иногда без разбора и анализа. Ю. Власов, многократный чемпион олимпийских игр и мировых первенств, считает, что люди в стране в действительности клеймены предательством и отступничеством, поскольку предали отцов, дедов, отстоявших Родину в самых свирепых в истории человечества боях. Иными словами, Великая Отечественная война была выставлена на посмешище: в ней произошло не просто столкновение двух кровавых диктаторов – Сталина и Гитлера, в действительности, была осуществлена попытка уничтожить славянство или, по крайней мере, превратить нацию в рабов [2, с. 136].

Ему вторит неоднократно критиковавшийся и преследовавшийся за свои убеждения в советское время С. Семанов. Он говорил, что «о нынешней молодежи даже говорить не хочется. Элитная часть ее – глубоко прозападная и безнациональная. А дети современных мешочников сидят и скучают в «комках», обслуживая неведомые нам мафии. Не случайно нынешняя молодежь полностью деполитизирована... Она занята собой и только собой. Ждать от них чего-то благого для России, к сожалению, не приходится» [3, с. 146].

Молодое поколение загоняется вакуумом времени для того, чтобы легче было его оглушить прямой ложью, полуправдой, искажением исторических явлений. Оглушить для того, чтобы без сопротивления манипулировать сознанием и поведением молодежи.

У молодого поколения отбивают охоту думать, происходит его зомбирование. Идет целенаправленная работа по воспитанию у молодежи чувства неблагодарности к старшим. Сегодня наша молодежь усваивает другие уроки, уроки безнравственности. Это наносило огромную душевную боль писателю. Негативные образцы и предостерегающие примеры, как считает поэт, способны выполнить лишь оборонительную функцию. Они не создают богатого пространства души человека. Это пространство, этот храм можно сложить лишь из ясных светлых образов. Поэтому к сегодняшней педагогике можно применить еще один образ – она должна быть обоюдоострой. Поколение сегодняшнего дня – это не только ныне живущее человечество, но и все предшествующие поколения. Помимо генетического наследия человек формируется социальным наследованием. Мы не просто биологические наследники своих предков, носители их генетической программы. Мы наследуем их материальную и духовную культуру, социальное поле цивилизации (социум), которое расширяем в меру собственных возможностей и талантов и передаем эстафету поколениям следующим.

Прошлое не исчезает бесследно. Современная социальная действительность, общество на определенной ступени своего развития есть звено в цепи сменяющихся друг друга форм общественной жизни – общественно-экономических формаций. Современ-

ное общество создано на их основе и включает в себя в «снятом» виде всю предшествующую историю – прошлое существует в настоящем.

Мир ребенка иерархичен, огромное значение имеют для него авторитет и вера в него. Ведь и человеческое общество стало отвергать всякие авторитеты и возвеличивать демократические права совсем недавно. И личность приходит к этому в определенном возрасте – юности. Для детства эти идеи разрушительны, и насильственно навязывать их ребенку просто недопустимо.

Литература

1. Ахияров, К.Ш. Башкирская народная педагогика и воспитание подрастающего поколения / К.Ш. Ахияров. – Уфа, 1996.

2. Валеев, И.И. Башкирская этнопедагогическая культура и Мустай Карим / И.И. Валеев. – Уфа, 2002.

3. Валеев, И.И. Традиции башкирского национального воспитания в творчестве Мустая Карима / И.И. Валеев. – Уфа, 2005.

4. Валеев, И.И. Педагогика Мустая Карима / И.И. Валеев. – Уфа, 2002.

5. Волков, Г.Н. Мы обозначены единым словом «человек» / Г.Н. Волков // Народное образование. – 1997. – № 5. – С. 68 – 71.

6. Гершензон, М.О. Творческое самосознание / М.О. Гершензон. – М., 1990.

7. Карим, М.С. Сочинения: в 5 т. / М.С. Карим. – Уфа, 1999. – Т. 5.

8. Карим, М.С. О национальном благородстве / М.С. Карим // Советская Россия. – 1989. – 29 января.

9. Минеев, М.И. Исповедь Мустая Карима / М.И. Минеев // Русский язык в башкирской школе. – 1986. – № 6. – С. 38 – 44.

10. Харисов, Ф.Ф. Национальная культура и образование / Ф.Ф. Харисов. – М., 2000.

УДК 37

В.А. Касторнова

ЕДИНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО КОМПОНЕНТЫ

Статья посвящена рассмотрению современного состояния научных исследований в области возникновения, становления и развития понятия образовательного пространства. Пространство рассматривается в различных его научных аспектах, подчеркивается взаимосвязь понятий образовательного пространства и образовательной среды. Формулируется понятие «единое информационное образовательное пространство», дается его содержательная, организационная и технологическая составляющие.

Образовательное пространство, единое информационное образовательное пространство (ЕИОП), компоненты единого информационного образовательного пространства, философская категория «пространство», социальное пространство, образовательное пространство, образовательная среда, информационная технология, информационное пространство, система образования.

The article considers the current state of scientific researches in the process of formation and development of the concept of the educational space. The concept *space* is examined in different scientific aspects. The correlation between the concepts *educational space* and *educational environment* is emphasized. The concept *common educational i-space* is defined and its substantial, organizational and technological components are presented in the paper.

Educational space, common educational i-space (informational space), constituent parts of common educational i-space, philosophical category "space", social space, educational space, educational environment, i-technology (informational technology), i-space (informational space), educational system.

В последнее время в педагогической литературе, в статьях по социологии, политологии, культурологии все чаще встречается выражение «образовательное пространство», которое стало популярным наряду с такими понятиями, как: «экономическое пространство», «информационное пространство», «культурное пространство» и др. Указанное словосочетание иногда употребляется как простой оборот речи, как художественный прием, как интуитивно понятная фраза, помогающая автору точнее передать смысл сказанного. Это словосочетание несет и большую смысловую нагрузку, о чем, в частности, говорит использование его в государственных документах, правительственных соглашениях, постановлениях департаментов образования, комитетов по образованию, в документах школ

и высших учебных заведений. Отсюда следует, что возникает необходимость уточнения этого понятия и соотнесения его с философской категорией «пространство».

С философской точки зрения при анализе понятия «пространство» возможна реализация различных подходов, которые условно можно разделить на объектные, субъектные и деятельностные. При объектной установке пространство представляется как определенная картина мира, понимаемая в качестве совокупности внешних объектов. Субъектная установка предполагает представление пространства как отражение наших чувств и мыслей. И, наконец, деятельностный подход позволяет рассматривать пространство в качестве единства внешних по отношению к субъекту ве-

щей и его мыслей о них, образуя феноменологическое единство «практик». Это означает, что пространство образуется не только вещами, но и смыслами. Исходя из этого постулата, который отражает единство внешних по отношению к субъекту вещей и его мыслей о них, можно утверждать, что понятия «пространство» и «образование» сопоставимы.

Действительно, являясь разными гранями социальной практики субъекта деятельности, оба понятия явственно несут в себе оттенок внутреннего единства. С самых общих оснований образование – это процесс становления личности, в ходе которого формируется некий образ, соответствующий тем культурным условиям, в которых осуществляется сам процесс становления. Образование, таким образом, можно толковать как единство процесса и результата освоения и присвоения личностью обобщенных способов взаимодействия с действительностью и самим собой, выработанных человеческим сообществом и закрепленных в культуре.

Образовательное пространство с точки зрения феноменологической интерпретации можно рассматривать как пространство включенности субъекта в тотальное образовательное пространство, представляющее собой системную совокупность реальных взаимодействий человека с действительностью и данное субъекту через восприятие и действие. Мир дается субъекту в совокупности перцептуальных и когнитивных образов, упорядочиваемой системой понятий.

В обобщенном виде под термином «образовательное пространство» понимается множество объектов, между которыми установлены отношения. Методологически в образовательном пространстве можно выделить несколько отдельных подпространств. Сюда можно отнести подпространства на основе их качественной характеристики: дидактическое пространство, воспитательное пространство, пространство школьного учебного предмета; на основе его «глубины»: социальное пространство класса, индивидуальное образовательное пространство. Последнее трактуется как упорядоченные устойчивые взаимоотношения личности с социальной образовательной средой, с семьей и другими воспитательными институтами, ориентированными на ее самореализацию, на формирование здоровых отношений в различных сферах жизнедеятельности, а также в учебном процессе. Индивидуальное образовательное пространство позволяет удовлетворять образовательные потребности индивида, оказывать социальное воздействие на личность и раскрывать ее жизненные силы.

Обобщая современные тенденции применения термина «пространство» в отечественной педагогике, существуют несколько подходов к определению сущности образовательного пространства, однако для всех подходов общим является применение единых характеристик: системности; наличия пространственных координат; рассмотрения элементов системы не изолированно, а целостно; информационности пространства; территориальной целостности образования; личностно-развивающей направленности

обучения. Что же касается различий между этими подходами, то они заключаются в самом определении сущности основного ядра образовательного пространства.

В подходах к интерпретации понятия «образовательное пространство» общими являются также и следующие положения:

– «пространство» рассматривается как часть «среды», в рамках которой заключена личность;

– образовательное пространство рассматривается сквозь призму личности, т.е. по типу «личность в среде», «личность и среда», «личность и пространство» и т.п.;

– построение модели образовательного пространства как фрагмента, части пространства социального.

Образовательное пространство как таковое представляет собой достаточно сложно устроенную иерархию, пирамиду пространств. В нем достаточно просто выделяется ряд уровней, известных в педагогической литературе под различными обозначениями: глобальное образовательное пространство, образовательное пространство страны, региональное образовательное пространство, городское (территориальное) образовательное пространство, муниципальное образовательное пространство, образовательное пространство учебного заведения и т.д. Как видно из самих названий, ведущим основанием для структурирования пространства выступает система координат, территориальная составляющая пространства.

«Образовательное пространство» стало встречаться как речевой оборот в педагогической среде в конце 1980-х гг., вошло в официальные документы (закон «Об образовании», проект Федеральной программы образования в России), встречается в педагогических журналах как метафора сохранения федерального единства в образовании при проведении децентрализации образования и преодоления центробежных сил в образовании. Ситуация с «узакониванием» данного понятия в педагогической литературе и педагогической науке постепенно меняется. Появляются статьи, в которых рассматриваются различные характеристики образовательного пространства. Так, например, В.И. Гинецинский рассмотрел проблему структурирования образовательного пространства. В его статье [4] рассматривается введение классификационных характеристик для оценивания качества национально-государственных образовательных систем. Образовательное пространство рассматривается с точки зрения системного подхода. Однако генезис появления системных свойств у образовательного пространства, его эволюция остаются за чертой интересов автора статьи. Культурологический подход к образовательному пространству развивается в работе В.А. Конева [8]. Кроме того, необходимо отметить, что появилось довольно много статей, посвященных формирующемуся в настоящее время и тесно связанному с образовательным пространством современному информационному пространству. Отметим лишь неполную аналогию в подходах к соответствующим понятиям, а также сложности при рассмотрении и определении терминов.

Быстрое вхождение словосочетания «образовательное пространство» в лексикон не случайно. Оно совпадает с переходом общества к информационной стадии развития, формированием информационного пространства, которое, безусловно, имеет образовательные функции и оказывает «давление» на образовательное пространство. Однако не следует все причины популярности словосочетания полностью сводить к формированию информационного пространства.

Говоря об образовательном пространстве, нельзя не затронуть рассмотрение понятия «среда». Трактовка данного термина довольно разнообразна в различных публикациях, связанных с этой тематикой. На наш взгляд, это понятие надо, исходя из современных тенденций информатизации системы образования, трактовать не с точки зрения педагогики среды (педагогического окружения), а обобщенно, как набор медий, включая различные связи и взаимодействия человека с окружающим его миром. Термин «медиа» часто понимается как набор сред, в которых человек живет, но более правильно его понимать как набор сред, посредством которых человек общается. Темпы осуществления образовательных функций в естественных условиях недостаточны. Поэтому естественная среда подвергается целенаправленным изменениям, подвергаются изменениям взаимоотношения людей для интенсификации образовательного процесса. Совершенно естественным образом возникает потребность в образовательных средах, да и в самой педагогике. Дальнейшая эволюция образовательных сред, их объединение и социализация приводят к формированию образовательного пространства. Формирование образовательного пространства идет по мере приобретения образованием институализированного характера. Следовательно, соответствующим специальным образом организованные, структурированные, социализированные образовательные среды – медики, выполняющие функции по трансляции социального и индивидуального опыта, освоению культуры, превращаются в образовательное пространство и составляют его суть.

К определению образовательного пространства можно подойти и с более формальной (информационной) точки зрения. Если взять за основу понятие образовательной услуги и образовательной информации, то образовательное пространство можно определить как пространство, в котором осуществляются образовательные услуги. Образовательные услуги возможны только при наличии самых разнообразных источников таких услуг и их потребителей. Таким образом, можно говорить о потоках образовательной информации и образовательных услуг в обществе, являющемся соответствующим каналом передачи этих услуг и информации. Вся совокупность соответствующих источников, потребителей и канала передачи дает представление об образовательном пространстве и определяет его.

Формирование представлений об образовательном пространстве во взаимосвязи с некоторыми другими пространствами стало возможным в результате информатизации и компьютеризации общества, в част-

ности, более сильного взаимодействия различных образовательных систем, проявляющегося в увеличении потоков информации, обмена студентами, преподавателями и т.д. Только взаимодействие способно породить и обнажить соответствующие представления и специфику системы, ее актуальность и локализованность (размещенность) в пространстве.

В конце 90-х гг. XX в. считалось, что информационно-образовательная среда – это системно организованная совокупность учреждений, банков данных, локальных и глобальных информационных сетей, книжных фондов библиотек, система их функциональной и территориальной адресации и нормативных документов, а также совокупность средств передачи данных, информационных ресурсов, реализующих образовательную деятельность. Однако некоторые авторы полагают, что такое определение, берущее за основу только телекоммуникации и информационные технологии, не является полным и адекватным. В этой связи вводится в научный оборот понятие «информационное пространство», раскрывающее такие взаимосвязи информационных сред, как регион, страна, мировое сообщество, единое информационное пространство (Р.Ф. Абдеев [1], Б.С. Гершунский [3] и др.).

Вполне естественно, что говорить о понятии информационного пространства без уточнения самого понятия информации неправомерно. Информация всегда была важнейшей, неотъемлемой составной частью жизни человека. Однако до середины XX в. эта категория не была предметом пристального общественного внимания и анализа с точки зрения ее влияния на личность и государство. Коренное изменение отношения к информации связано с ее осознанием как стратегического ресурса развития общества и государства.

Известно, что точного понятия информации не существует, однако можно говорить о двух подходах (ветвях) «содержательного, интуитивного» определения этого понятия. Основой первой ветви является такое «определение»: информация – это обозначение состояния пространства. Благодаря такому подходу (интерпретации понятия информации) появляется возможность использовать в качестве обозначения информации различные варианты моделей и расшифровывать их при помощи лингвистических формул. Основой второй ветви необходимо считать следующее: информация – это обозначение содержания состояния пространства. Поэтому равным по значимости первому подходу во второй ветви можно считать один из его вариантов, например: информация – это совокупность всех возможных характеристик пространства в их внутренней взаимосвязи. Каждая «ветвь» определений может иметь собственные ответвления, но все определения информации, которые затрагивают конструктивные и организационные особенности пространства, должны быть отнесены к первой ветви определений. В свою очередь, определения, затрагивающие содержательную часть пространства, отойдут ко второй ветви. Именно к этой группе относится большинство существующих определений информации.

Представление об образовательном пространстве

стало основанием для определения единого информационного образовательного пространства (ЕИОП) как пространства совместной образовательной деятельности на основе современных информационных технологий, систем и средств обучения. В основу модели ЕИОП можно положить ряд теоретических положений, которые необходимы для описания структуры и содержания ЕИОП (В.И. Данильчук, В.В. Сериков [5], В.В. Арнаутов [2], А.М. Коротков [9], В.А. Касторнова [6] и др.).

При построении модели ЕИОП выделяются ее содержательная, организационная, технологическая составляющие.

К *содержательной составляющей* относятся информационные массивы:

- имеющие образовательную направленность, рассчитанные на все звенья системы НПО и обеспечивающие научно-педагогическую, психологическую, методическую поддержку образовательного процесса;
- направленные на самообразовательную деятельность пользователей системы информационного обеспечения;
- обеспечивающие, с одной стороны, правомерность, качество и своевременность принятия управленческих решений в вопросах образования, а с другой – возможность проведения мониторинговых исследований.

К *организационной составляющей* относятся:

- единая система информационного обеспечения деятельности системы НПО, предусматривающая функционирование единого банка данных образовательной информации, обеспечивающего хранение и поддержание информационных фондов;
- подразделения, выполняющие роль структурообразующих элементов, непосредственно обеспечивающих формирование ЕИОП;
- режимы информационного обслуживания участников образовательного процесса в системе НПО;
- система информационного маркетинга, предусматривающая изучение существующего спроса на образовательную информацию, выяснение потребности в видах информационных услуг, определение потенциального спроса на услуги и виды образовательной информации, нахождение оптимальных механизмов распространения образовательной информации и рекламы.

К *технологической составляющей* относятся:

- система средств, обеспечивающая проведение работ со всеми видами образовательной информации, включающая механизмы ее обработки, хранения, оперативного поиска и тиражирования;
- развернутая система средств массовой информации;
- система, обеспечивающая ввод в эксплуатацию, сервисное обслуживание, ремонт и модификацию используемых для работы с образовательной информацией технических средств.

Таким образом, при построении модели ЕИОП следует обеспечить полноценное удовлетворение разнородных образовательных информационных по-

требностей. Данная проблема осложняется еще и тем, что в системе НПО информационный процесс на каждой образовательной ступени не поддерживается равномерным и гармоничным развитием основных системообразующих и системоподдерживающих факторов. Иными словами, иерархическая структура, своеобразная пирамида системы НПО обуславливает тот факт, что объем потребляемой субъектом информации и ее воспроизведение не равнозначны и зависят от того уровня, на котором находится этот субъект образовательной деятельности.

Следует отметить, что ЕИОП есть продукт глобализации образования, связанный, в первую очередь, с формированием унифицированных форм, содержания и методов образования, обеспечиваемых единством нормативных документов об организации образования и единством сертификатов, аттестатов, дипломов образовательных учреждений. Применение Интернета в учебном процессе, а также унификация учебно-методических пособий и измерителей качества образования (скажем, введение Единого государственного экзамена) является необходимым компонентом в формировании ЕИОП. И потому базовыми составляющими, формирующими основу и развитие ЕИОП, являются: непрерывность компьютерного образования на всех его уровнях, содержание ЕИОП как особая организация деятельности личности, мониторинг ЕИОП как обеспечение развития индивидуальной образовательной траектории, единая нормативно-правовая база и единые стандарты, наполнение и систематика информационных ресурсов [7].

Литература

1. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М., 1994.
2. Арнаутов, В.В. Теория и практика становления учебно-научно-инновационного комплекса как региональной системы непрерывного педагогического образования: дис. ... д-ра пед. наук / В.В. Арнаутов. – Волгоград, 2002.
3. Гершунский, Б.С. Философия образования для XXI в.: В поисках практико-ориентированных образовательных концепций / Б.С. Гершунский. – М., 1998.
4. Гершунский, Б.С. Проблема структурирования образовательного пространства / Б.С. Гершунский // Педагогика. – 1997. – № 3. – С. 10 – 15.
5. Данильчук, В.И. К прогнозу развития образовательных систем / В.И. Данильчук, В.В. Сериков // Известия ВГПУ. – 2004. – № 1 (06). – С. 3 – 7.
6. Касторнова, В.А. Научно-методические условия функционирования образовательного пространства / В.А. Касторнова // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 4 (14). – С. 354 – 358.
7. Касторнова, В.А. Современное состояние научных исследований и практико-ориентированных подходов к организации и функционированию образовательного пространства / В.А. Касторнова. – Череповец, 2011.
8. Конев, В.А. Культура и архитектура педагогического пространства / В.А. Конев // Вопросы философии. – 1996. – № 10. – С. 46 – 57.
9. Коротков, А.М. Системный подход к обучению в дидактических компьютерных средах / А.М. Коротков, А.В. Петров. – URL: <http://www.vspu.ru/~tmerpi/>

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье рассмотрены историко-теоретические аспекты формирования представлений о воспитательно-образовательной деятельности музеев в зарубежной и отечественной музейной педагогике, охарактеризованы педагогические аспекты влияния музея на социализацию и развитие личности.

Музей, музейная педагогика, музейная деятельность.

The article considers the educational activity of museums in foreign and Russian museum pedagogics and the historical-theoretical aspects of its formation. The paper characterizes pedagogical aspects of the influence of the museum on socialization and development of a person.

Museum, museum pedagogics, museum activity.

Музеи являются уникальными образовательными учреждениями, социально-педагогическая функция которых, как одна из основных, стала складываться практически вместе с появлением музеев. Идейной основой развития музейного дела стало французское и немецкое просвещение, в контексте философских концепций которого возникла и развивалась социокультурная направленность музея, являвшегося центром популяризации культуры и возможным средством решения задач эстетического воспитания и образования.

Первой страной, где в практике деятельности музеев обозначилась образовательная функция, стала Англия, что обусловлено, в первую очередь, опережающим экономическим развитием. Музей стал рассматриваться как зримое воплощение исторической традиции, овестьствованное в памятниках культуры, представляющих собой идеал творческих возможностей человека. В середине XIX в. в Англии сформировалось новое направление эстетической мысли, представителями которой можно назвать Дж. Рескина и У. Морриса, выдвинувших идею новой эстетической организации среды. Реальное воплощение эта идея в какой-то мере получила благодаря деятельности Южно-Кенсингтонского музея, открывшегося в Лондоне в 1852 г. Его основными целями были распространение искусства среди всех слоев общества, повышение уровня художественного образования, улучшение качества индустриального искусства [7, с. 269]. В музее была создана служба взаимодействия с учителями средних школ для организации совместной работы по художественному воспитанию и образованию учащихся.

В начале XX в. стали оформляться научные подходы к обоснованию воспитательно-образовательной миссии музеев. В 1913 г. на Мангеймской конференции «Музей как образовательное и воспитательное учреждение» А. Лихтварк выдвинул идею об образовательном назначении музея и предложил новый подход к посетителю как участнику диалога. В своем докладе он отметил, что к университетам, появлению которых относится к средним векам, и к академиям, появившимся в эпоху абсолютизма, XIX век присое-

динил новое высшее воспитательно-образовательное учреждение – музей [8, с. 24]. Сущность идей А. Лихтварка заключалась в отказе от аналитического подхода к изучению изобразительного искусства и обосновании необходимости первостепенного развития эмоционального начала ребенка с опорой на его жизненный опыт. Следовательно, обсуждение произведения искусства должно представлять собой маленькую драму и иметь прелесть импровизации, при которой свободно раскрываются все душевные силы посетителя. Новизна метода Лихтварка заключалась в отказе от навязывания посетителям авторитарных суждений об искусстве, его экскурсии проходили в форме «музейных диалогов», цель которых состояла в развитии умения творчески воспринимать произведения искусства через понимание замысла художника.

Реализуя в практической деятельности метод «музейных диалогов», он впервые обосновал роль посредника, который помогает посетителю в общении с искусством, развивая способность видеть и наслаждаться художественными произведениями (впоследствии такой посредник стал называться музейным педагогом). По итогам Мангеймской конференции стал издаваться первый в Европе научный музейный журнал «Музеумкунде», в публикациях которого большое внимание стало уделяться вопросам, посвященным взаимодействию музея и образовательных учреждений.

Большой вклад в изучение образовательных возможностей музея внес Г. Фройденталь, что позволило ему выделить и обосновать условия эффективности проведения музейных занятий, которые актуальны и в настоящее время. Во-первых, каждое посещение музея должно иметь конкретную учебную цель; во-вторых, учитель и дети должны осознавать, что посещение музея не развлечение, а серьезная работа; в-третьих, посещать занятие в музее необходимо после предварительной подготовки; в-четвертых, необходимо отбирать экспонаты для экскурсии с учетом возрастных особенностей детей, и в-пятых, итогом посещения музея должно быть самостоятельное творчество детей (рисунок, сочинение, создание моделей) [16, с. 26]. Таким образом, впервые в истории

музейно-педагогической деятельности Г. Фройден-таль разработал специальную методику музейной работы со школьниками, которая предполагала подготовку детей к посещению музея и последующее закрепление почерпнутых там знаний и впечатлений на уроке.

В работе Г. Кершенштайнера «Теория образования» (1926 г.) была предпринята попытка создания модели объединения музея и школы, обоснованы принципы образовательной деятельности музея, которые предполагали, что методика педагогического процесса должна определяться логикой содержания образования, психологическим состоянием объекта образования и целями образовательного процесса; музейно-педагогический процесс должен быть структурирован по принципу школьного учебного плана с той разницей, что он оперирует не описанием вещей, а самими вещами; музей должен дать возможность увидеть зрителю своими глазами технологические или творческие процессы с помощью всех доступных «педагогико-вспомогательных средств» (текстовые пояснения, кинофильмы, макеты и т.д.). Организация музейных занятий включала этапы подготовки, проведения и закрепления полученных в музее знаний [6].

В 1934 г. А. Рейхвен выступил против превращения музеев в формальные собрания учебных пособий и заявил о необходимости создания дидактических экспозиций на базе общей музейной коллекции – этот факт ознаменовал новое направление в развитии музейной педагогики, ставшей теоретической базой образовательной деятельности музеев [10].

Обобщая исследования ученых-практиков Германии, следует отметить, что ими были рассмотрены следующие проблемы: создание условий комфортного пребывания детей в музее (методика «музейных диалогов А. Лихтварка»), формирование музейной культуры с помощью рабочих тетрадей, развивающих музейную ориентацию; структуризация музейного образовательного процесса по принципу школьного учебного плана (Г. Кершенштейнер) и др. Тем самым на теоретическом уровне зарубежными учеными была обоснована и содержательно раскрыта образовательная сущность музея, определены принципы образовательной деятельности, разработаны методики организации школьных занятий в музее.

Существует также исследовательская позиция, в рамках которой отмечается, что первый шаг в истории формирования музейной педагогики принадлежит отечественным ученым, а педагогическая деятельность музеев России зародилась по инициативе органов народного образования Санкт-Петербурга (1864 г.) в области профессиональной подготовки учителей на базе музеев. Коллектив Педагогического музея военно-учебных заведений объединил усилия таких видных педагогов, как Н.А. Корф, Д.Д. Семенов, П.Ф. Лесгафт, Л.Н. Модзалевский и др. и стал общественным, научным и просветительским центром. При музее работали кружки для учителей и родителей, где крупнейшие ученые и педагоги того времени (И.М. Сеченов, Н.М. Пржевальский, С.М. Соловьев) проводили публичные лекции для буду-

щих учителей и школьников. По существу, отечественная теория музейной педагогики начала формироваться в конце XIX – начале XX вв., получив наиболее полное обоснование в трудах основоположников русской экскурсионной школы (Н.А. Гейнике, И.М. Гревс, Б.Е. Райков) и сторонников широкого использования в целях образования педагогических, школьных и детских музеев (М.В. Новорусский, В. Коховский, Н.А. Флеров, Ф. И. Шмит, Н.Д. Бартрам, А.У. Зеленко), а также в целостной системе эстетического воспитания в художественных музеях, созданной А.В. Бакушинским и его последователями [10], [12].

Следовательно, как российские, так и немецкие ученые в начале XX в. активно занимались исследованием образовательной роли музеев, заложили основы представлений о развивающем характере музейной среды и накопили теоретико-практический опыт в области музейной педагогики.

Идеи об образовательной направленности в деятельности музеев были восприняты американскими музееведами и во многих музеях стали вводить должность «музейного учителя», что свидетельствовало о педагогизации музея. Одним из первых теоретиков музееведения, американским ученым Д. Гуддом была определена цель музейного обучения: знакомство с ведущими идеями той или иной исторической эпохи через музейные предметы, создание условий для образования детей, здорового отдыха и накопления знаний взрослых. Он считал, что изучение музейной коллекции является первоначальным вкладом в образование, высказываясь при этом за обеспечение посетителя необходимой письменной информацией – листовками, путеводителями.

К 30-м гг. XX в. американские музеи стали все больше походить на неформальные арт-колледжи, в которых проходили специальные занятия для детей по музыке, истории, скульптуре. Важно, что данные занятия разрабатывались с опорой на достижения педагогической науки того времени.

В первой половине XX в. теоретическими вопросами просветительской деятельности музеев занимались А. Луначарский, П. Флоренский, Ф. Шмидт, А. Бакушинский, которые предлагали следующие формы музейной работы: школьные музеи краеведческого профиля (в рамках внеурочной работы), музейные кружки, в которых отрабатывались методики работы с памятником истории и культуры. А. Бакушинский большое внимание в экскурсионной работе уделял преподавателю, который должен уметь внутренне переживать произведение искусства, знать историко-искусствоведческий контекст произведения и иметь психологический подход к группе [3].

Музейная педагогика как особая область научных исследований начала формироваться в 1960-е гг. XX в.. Этому способствовали процессы возрастания социальной роли музейной педагогики в обществе и его демократизации, благодаря чему работа с аудиторией перестала рассматриваться как второстепенная. Для формирования представлений о предмете музейной педагогики и ее понятийного аппарата существенное значение имела дискуссия, состоявшаяся

на рубеже 1970 – 80-х гг. Ее основным итогом стали: расширительная трактовка музейной педагогики и осознание ее связи с исследовательской, экспозиционной, собирательской деятельностью музеев, что и обусловило появление впоследствии новой науки.

В нашей стране понятие музейной педагогики начало употребляться с начала 1970-х гг. и постепенно получало все большее распространение. А.М. Разгон в 1982 г. на конференции в Иваново «Музей и школа» первым заявил о том, что создание такой научной дисциплины как музейная педагогика, «находящейся на стыке целого комплекса наук, ныне представляется уже не какой-то отдаленной перспективой, а насущной практической задачей» [13, с. 64]. Ее выделение в относительно самостоятельную научную дисциплину было продиктовано необходимостью теоретического осмысления образовательной деятельности музеев и повышения ее качественного уровня, в частности, на основе достижений смежных наук. Музейная педагогика призвана обеспечивать научный подход к интерпретации музейных собраний на основе использования законов педагогики и психологии. Благодаря теоретическим разработкам А.М. Разгона, в российском музееведении утвердилось понятие о музее как многофункциональном институте социальной информации.

Большой вклад в определение содержания образовательной функции музейной среды внесла деятельность проблемной группы «Музей и образование», функционировавшей в 1980-х гг. в качестве научно-исследовательского коллектива при Министерстве образования СССР, семинар «Музей и подрастающее поколение» под руководством Е.Г. Вансловой, позже возглавившей Объединение музейных педагогов России. В 1990 г. на базе Государственного Русского музея был создан Российский центр музейной педагогики и детского творчества, деятельность которого была ориентирована на интеграцию музея в систему образования.

Для исследований 1980 – 90-х гг. характерно рассмотрение проблемы музейной педагогики в связи с теми глобальными изменениями, которые происходили в мировой культуре. Во-первых, это связано с общим процессом визуализации культуры, который проявился в значительном увеличении объема зрительной информации, и музейная педагогика пыталась ответить на вопрос, как должен измениться характер музейной коммуникации, визуальной в своей основе, в связи с этим. Во-вторых, на развитие музейной педагогики влияние оказала теория диалогизма М.М. Бахтина, согласно которой, на смену старому типу монологической культуры приходит новый – диалогический, который обуславливает необходимость культурно-исторического диалога, новых форм общения посетителя с культурными ценностями. Это, в свою очередь, обуславливает потребность в появлении особого типа музейного специалиста – музейного педагога, способного, как подчеркивает З. Странский, освоить музейную реальность в ее педагогическом аспекте, выступая в качестве своеобразного эксперта по посетителям. Музейный педагог подключается к созданию экспозиций,

разрабатывает и проводит в жизнь программы работы с посетителями, ищет новые формы и методы работы с детьми, осуществляет социально-психологические исследования аудитории.

На рубеже XX – XXI вв. отечественные ученые продолжают исследования в области музейной педагогики. Б.А. Столяров и Л.М. Шляхтина определяют музейную педагогику как отрасль педагогической науки и как научно-практическую деятельность музея, ориентированную на передачу культурного опыта на основе междисциплинарного и полихудожественного подхода, через педагогический процесс, в условиях музейной среды [15], [17]. Более обобщенную трактовку дает М.Ю. Юхневич, которая рассматривает музейную педагогику как научную дисциплину, формирующуюся на стыке музееведения, педагогики и психологии, изучающую культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации [18].

В настоящее время основные направления исследований в сфере музейной педагогики сопряжены с изучением образовательной специфики музея, музейной аудитории, в частности, той ее части, которая традиционно не рассматривалась как таковая (люди с ограниченными возможностями, дети из социально-неблагополучной среды) и разработкой новых методик и программ музейной деятельности для различных категорий посетителей, акцентирующих внимание на коррекционной и реабилитационной деятельности музея. Также важным направлением исследований является изучение вопроса об эффективности музейной коммуникации.

Значение музейной педагогики как научной дисциплины определяется тем, что она дает тот методологический инструментарий, который позволяет осмыслить все виды музейной деятельности в педагогическом аспекте и тем самым повысить уровень общения музея с аудиторией, его социальный статус.

Наиболее значительными задачами музеев в сфере образования, согласно мировой тенденции, являются: развитие способностей извлекать информацию из первоисточника (музейного предмета), формирование понятийного аппарата через наблюдение и общение с предметами материального мира, организация процесса познания через радость [4].

Теоретический анализ совокупного опыта музейной работы свидетельствует о том, что любая эффективная деятельность музея в современных условиях предполагает педагогическую составляющую. Н.В. Нагорский, рассматривая музей как открытую педагогическую систему, выделяет следующие ее характеристики: усиление дифференцированного подхода к музейной аудитории с учетом ее половозрастных особенностей, общекультурного уровня, семейного положения, профессии и реально проявляемых интересов; использование интерактивных форм музейной работы, стимулирующих проявление инициативы и самостоятельности аудитории и ее преобразование из объекта идейно-эмоционального воздействия в субъект социально-культурного творчества [11, с. 31].

Музей, как фактор позитивной социализации, способствует реализации основных функций разви-

тия личности в обществе: нормативно-регулятивной, регулирующей жизнедеятельность человека в социуме посредством воздействия на него социокультурных институтов; личностно-преобразовательной, раскрывающей индивидуальные качества человека посредством формирования мотивационной сферы, идеалов и установок человека в системе социальных отношений; ценностно-ориентационной, определяющей систему ценностей человека и образ его жизни; коммуникативно-информационной, стимулирующей взаимодействие человека с другими людьми, группами, социальными институтами, насыщающей его информацией, необходимой для формирования образа жизни; творческой, способствующей активизации творческого потенциала личности; компенсаторной, восполняющей дефицит необходимых физических, психических и интеллектуальных свойств и качеств человека [1], [2].

Музейная работа позволяет решать целый комплекс задач, связанных с обеспечением условий, которые способствуют повышению эффективности процесса формирования личности:

- воспитательная задача подразумевает включение результатов (предметов) человеческой культуры в процесс формирования нравственных ценностей, эстетической культуры ребенка, уважительного отношения к истории, традициям и их носителям, то есть людям;

- учебная задача предполагает включение музейной работы в содержание учебного процесса;

- научно-исследовательская задача направлена на формирование навыков исследовательской, поисковой деятельности;

- творческо-досуговая задача направлена на использование музейной работы в качестве одного из направлений в организации культурного досуга детей;

- презентативная задача предполагает использование музейной работы для презентации достижений учащихся, педагогов и самого образовательного учреждения в целях формирования позитивного имиджа;

- эстетическая задача предполагает удовлетворение потребностей в приобщении к красоте, изяществу, что способствует созданию положительного эмоционального фона в образовательно-воспитательном процессе;

- коммуникативная задача рассматривает музейную работу как педагогическое средство формирования детского коллектива в совместной исследовательской, досуговой деятельности, обеспечения позитивного, толерантного общения между детьми, детьми и взрослыми [14, с. 45 – 47].

Содержание культурно-образовательной деятельности, характер контактов музея с детьми и подростками, мотивация их посещения определяются возрастными и психологическими особенностями младших, средних школьников, подростков.

Работа с дошкольниками и младшими школьниками актуальна и наиболее сложна: необходимо ввести музей в сферу жизненных интересов ребенка, научить пользоваться музеем и как источником для

пополнения знаний, и как местом для отдыха и увлечений, дать понимание роли музеев в мировой культуре, научить узнавать памятники истории и культуры. Дети в этом возрасте, не обладая способностью к абстрактному мышлению, восприимчивы к конкретике, проявляют большой интерес к детальному рассмотрению предмета. Поэтому необходимо развивать память, фантазию, ассоциативное мышление, формировать навыки наблюдательности, визуальной грамотности, понимания языка изобразительного искусства. Практика свидетельствует о том, что чем раньше начинается работа по приобщению детей к музею, тем ощутимее будет социально-педагогический эффект. Следует отметить, что осуществление работы музея с дошкольниками и младшими школьниками позволяет решать проблему подготовки будущих посетителей, для которых посещение музея будет неотъемлемой частью жизни.

Для учащихся средних и старших классов свойственна установка на приращение позитивного знания, развитие зрительского сотворчества, поэтому необходимо использовать методы музейной деятельности, побуждающие к общению, взаимодействию. Чем старше дети, тем больше проявляется стремление к самостоятельному освоению музейного пространства. У подростков формируется осознанная потребность в самообразовании, расширении кругозора, повышении своей компетентности. Кроме того, сознание подростков характеризуется определенной противоречивостью, восприимчивость к новому сочетается со стремлением критически осмыслить опыт старших, следствием чего является особая потребность в убедительной аргументации и широте информации [5, с. 20]. В музее таким весомым аргументом является подлинник – первоисточник познания.

Следует подчеркнуть, что одна из основных задач музея заключается в оказании помощи ребенку в осознании того, что культура – живой организм, живая форма, которая ориентирована на те же реалии, что и повседневное существование. Ребенку необходимо дать почувствовать естественность и закономерность культурных процессов, поэтому обучение, воспитание должны стать неотъемлемыми составляющими музейного урока, экскурсии, творческой мастерской, праздника.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в образовательно-воспитательной деятельности музеев заложен большой педагогический потенциал: они способны эффективно воздействовать на формирование патриотических качеств, нравственности личности, поликультурного сознания, воспитание личности, способной к самовоспитанию и саморазвитию. Одновременно это важный вклад в обогащение духовной жизни, рациональную организацию досуга и культурного отдыха, при этом задача музеев заключается не просто в пополнении исторических знаний, а в привитии навыков исторического мышления различным по уровню образования категориям посетителей, формирования чувства гордости за свою страну, край, город. Следовательно, музей является местом, где человек не только приобретает знания, но и воспринимает накопленный историче-

ский опыт, усваивает культурные, эстетические, нравственные ценности, то есть получает мировоззренческий и эмоциональный заряд.

Литература

1. Арнольдов, А.И. Живой мир социальной педагогики (в поддержку актуальной науки) / А.И. Арнольдов. – М., 1999.
2. Бочарова, В.Г. Педагогика социальной работы / В.Г. Бочарова. – М., 1994.
3. Ванслова, Е.Г. Музей и школа / Е.Г. Ванслова, А.К. Ломунова, Э.А. Павлюченко и др. – М., 1985.
4. Гнедовский, М.Б. Музей и образование: Материалы для обсуждения / М.Б. Гнедовский. – М., 1990.
5. Детский музей – пространство педагогического эксперимента // Музееведение. Ребенок в музее (Социологический и психолого-педагогический аспекты). – М., 1993.
6. Кершенштейнер, Г. О воспитании гражданственности / Г. Кершенштейнер. – Петроград, 1918.
7. Культурология. – Ростов н/Д, 1998.
8. Лихтварк, А. Музей как образовательное и воспитательное учреждение / А. Лихтварк // Образовательные и воспитательные задачи современного музея / под ред. Л.Г. Ольшанского. – М., 1914.
9. Музееведение. Воспитание подрастающего поколения в музее: теория, методика, практика. – М., 1989.
10. Музееведение: История и историография.– СПб., 1995.
11. Нагорский, Н.В. Музей как открытая педагогическая система / Н.В. Нагорский // Педагогика. – 2005. – № 5. – С. 27 – 34.
12. Научно-исследовательская работа музеев РСФСР: вопросы содержания, планирования и координации: методические рекомендации. – М., 1985.
13. Разгон, А.М. Некоторые направления научных исследований в деятельности школьных музеев / А.М. Разгон // Коммунистическое воспитание учащихся музейными средствами. – М., 1983.
14. Степанов, С.В. Задачи краеведческой и музейной работы в условиях совершенствования содержания образовательного процесса / С.В. Степанов // Краевая научно-исследовательская лаборатория по проблемам формирования личности в поликультурной среде / под ред. В. Н. Гурова. – Ставрополь, 2004. – Вып. 14.
15. Столяров, Б.А. Музейная педагогика. История, теория, практика / Б. А. Столяров. – М., 2004.
16. Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX – XXI веков // Труды ГИМ. Вып. 127. – М., 2001.
17. Шляхтина, Л.М. Основы музейного дела: теория и практика / Л.М. Шляхтина. – М., 2005.
18. Юхневич, М.Ю. Я поведу тебя в музей / М.Ю. Юхневич. – М., 2001.

УДК 159.947.1

Л.С. Подымова, Л.А. Дьякова

ВОСПИТАТЕЛЬ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В «ЗЕРКАЛЕ ИННОВАЦИЙ»

В статье излагаются вопросы отношения воспитателей к инновациям, субъективные и объективные трудности в процессе внедрения образовательных новшеств, раскрываются проблемы восприятия новых образовательных стандартов, способы самореализации воспитателей в инновационном процессе. Рассмотрены проблемы доверия к субъектам инновационного процесса и социальных сетей организации.

Инновационная деятельность, восприятие новшеств, воспитатель дошкольного образовательного учреждения, новый образовательный стандарт, самореализация.

The article considers the problems of teachers' attitude to innovation, subjective and objective difficulties in the process of introduction of educational innovations. The problems of acceptance of new educational standards and the ways of tutors' self-realization in the innovative process are considered in the paper. The problem of confidence to the subjects of innovative process and social networks of the organization is examined in the article.

Innovative activity, acceptance of innovation, the tutor of the preschool educational institution, the new educational standard, self-realization.

Кардинальные изменения социально-экономического уклада жизни россиян привели к смене приоритетов в образовании, мощной волне инноваций, охватившей все уровни и звенья системы образования. Реформы образования, направленные на переориентацию с одних искомых результатов на другие, более соответствующие новым потребностям государства, становятся непрерывным процессом [2].

Проблема личности педагога в инновационном образовательном процессе привлекает все больше внимания исследователей. Инновационная восприимчивость, отношение к нововведениям при измене-

нии статуса учебного заведения, сопротивление нововведениям, способы самореализации воспитателей и стратегии самоутверждения в инновационном процессе – эти и другие вопросы психологии личности учителя-новатора становятся особенно актуальными в связи с изменением парадигмы образования в России и востребованностью творческого потенциала педагога [5, с. 123].

Трудности, возникающие в процессе адаптации воспитателей к изменениям в новой ситуации, относятся к числу наиболее существенных источников развития профессиональных конфликтов. Это остро

ощущается при проведении системных преобразований в организационной структуре образовательных заведений в условиях внешней нестабильности, характерных для социально-экономической обстановки в нашей стране в течение последних десятилетий.

Сопrotивление нововведениям и усугубление негативных переживаний профессионального стресса, проявляющихся в снижении продуктивности деятельности, ухудшении состояния здоровья и развитии профессионально-личностных деформаций у воспитателей, включенных в инновационный процесс, могут существенно снижать эффективность проведения реформ в целом. Напротив, инновационная готовность воспитателей, их включенность и активное функционирование в ходе внедрения новшеств в значительной степени определяют силу их позитивного воздействия.

Необходимость специальных интеллектуальных усилий при актуализации «инновационной восприимчивости» при разработке инноваций и включенности в реализацию нововведений делает профессиональную работу педагогов в дошкольных образовательных учреждениях более трудной, чем в условиях ее традиционной регуляции.

Самореализация воспитателей в процессе инновационной деятельности обеспечивает переосмысление тех возможностей и ограничений для реализации своих стратегических жизненных целей, ценностей, идеалов, которые содержит образовательная среда. Это – самоутверждение в определенной социально-ролевой среде, связанное с получением определенного социального статуса и доступа к ресурсам социальной поддержки; самообразование через приобщение к информационному пространству профессиональной культуры, ее идеальных норм – содержания и значений, опосредствующих смыслы бытия, самовыражение в личностной истории посредством создания личностно-обусловленной внутренней и внешней среды своего существования – демонстрации своих оригинальных качеств, способностей, определения круга общения, структурирования личного времени и пр.

Целью нашего исследования явилось изучение отношения и самоотношения воспитателей к инновациям, субъективных и объективных трудностей в процессе внедрения образовательных новшеств. В исследовании принимали участие 35 воспитателей дошкольных образовательных учреждений г. Москвы и Московской области.

В процессе анализа результатов анкетирования педагогов дошкольных учреждений было выявлено в целом положительное отношение к новым стандартам образования как одному из последних новшеств в системе образования (76 %). 24 % воспитателей выразили свое недоверие, непонимание вводимых новшеств, отметив, что к ним они относятся с осторожностью.

Отмечая трудности при введении образовательных новшеств, большинство из них выразили желание освоить новые образовательные технологии и получить знания по актуальным направлениям педагогической инноватики (56 %). Среди образователь-

ных запросов воспитателей можно выделить следующие: Монтессори-педагогика, здоровьесберегающие технологии, проектная деятельность, художественно-эстетическая деятельность. Менее востребованными оказались технологии экологического воспитания, игровой деятельности, обучения чтению, письму и счету, что может быть показателем их освоенности или установкой, что в данные технологии невозможно привнести что-либо новое.

Основными причинами введения новшеств в дошкольные образовательные учреждения, по мнению воспитателей, являются: стремление «идти в ногу со временем» (28 %), обеспечение доступности обучения (24 %); интерес к новым знаниям и образовательным технологиям, включая интернет (28 %); воспитание человека «знающего и понимающего этот мир» (8 %); финансовая сторона (4 %); «чтобы не быть неудачником» (4 %); совершенствование профессионального уровня (8 %). 4 % воспитателей испытывали затруднение при ответе на данный вопрос.

Структура деятельности воспитателя и ее содержание не остается неизменной на всем протяжении профессионального пути, они изменяются с личностным ростом специалиста, который находит в ней все новые грани, все новый смысл, новые формы в рамках все той же профессии. В противном случае через определенный промежуток времени либо значимая деятельность будет находиться вне рамок профессиональной деятельности, либо произойдет регресс личности и деструкция деятельности, либо появятся различные формы психических и психосоматических расстройств и защитные механизмы.

Многие воспитатели отмечают, что им нравится участвовать в инновационной деятельности (40 %), так как повышается профессиональный уровень, обогащается педагогический опыт, появляется желание что-то менять в своей работе, интерес к новым технологиям, включается механизм самоактуализации и внутренних ресурсов развития. Однако 36 % воспитателей не хотят никаких изменений. 24 % актуализируют проблемы в понимании смысла новшеств, отрицают все новое, утверждая, «новое – это хорошо забытое старое».

При изучении идентичности воспитателей по методике «Кто Я» Мак Куна было выявлено, что наиболее значимыми социальными ролями оказались: женщина, мать, жена, воспитатель, человек, личность, педагог, организатор. Это свидетельствует о преобладании семейных и профессиональных ролей.

Среди личностных качеств наиболее предпочитаемыми у воспитателей явились: трудолюбие, доброта, красота, любовь к детям, требовательность, честность, артистизм, уступчивость, добросовестность, терпеливость, сдержанность, общительность, исполнительность, надежность, верность, эмпатичность, щедрость, ласковость, жизнерадостность, отзывчивость, ум. Таким образом, в сознании воспитателей преобладают нравственные качества личности, которые являются профессионально значимыми. Однако никто из них не актуализировал социальную роль и качества личности педагога-новатора.

Мы опираемся при решении задач становления

личности в профессии на движение от личности к деятельности, что позволяет не нивелировать личностные особенности, не подгонять их под параметры профессионально важных качеств, а, наоборот, использовать их для более полного развития личности в процессе освоения инновационной деятельности. При данном подходе идет ориентация не столько на наличные, актуальные, сколько на потенциальные возможности воспитателя.

В исследовании мы предлагали воспитателям оценить следующую ситуацию: «В образовательных учреждениях вводится новая инновационная программа. Участвовать в ней может только один человек. И этот человек Вы. Как Вы думаете, почему именно Вам предложили участвовать в разработке и внедрении инновационных программ?» Данная ситуация актуализировала потенциальные возможности и личностные качества воспитателей, таких как: доверие (16 %), новаторство (12 %), профессионализм (36 %), креативность (12 %), ответственность, добросовестность, позитивное отношение к коллегам и новшествам (4 %). Между тем, анализ данной ситуации показал, что 20 % испытуемых не осознают свои возможности, объясняя это нежеланием участвовать в инновационных программах, незнанием своих возможностей и переадресацией ответственности за принятие решений на администрацию («руководству виднее»).

Психологическая готовность к использованию инноваций зависит от личностных свойств воспитателей, от инновативности как установки на принятие нового, творческих способностей, уровня развития рефлексии, личностной активности. В профессиональной деятельности у воспитателей формируется определенный опыт создания и использования новшеств. Однако нельзя утверждать, что готовность к инновационной деятельности полностью сформирована у воспитателей, поскольку многие из них еще не являются «регулярными», активными ее участниками.

Некоторые из них, оценивая свои возможности участия в новых образовательных стандартах, отметили, что у них нет опыта, они не доверяют вводимым новшествам. Другие высказывали мнение о том, что родители настроенно относятся к вводимым новшествам. Больше половины воспитателей называли недостаток времени и перегрузки в работе. Настороженность воспитателей по отношению к новшествам выражается и в таких фразах: «категорически против», «не соглашусь участвовать в инновационной программе, потому что все новое – это хорошо забытое старое», «буду участвовать, если заставит администрация».

Важным показателем психологической готовности к инновациям является умение работать в команде. На вопрос о том, к кому бы обратились воспитатели за помощью при совместной разработке инновационного проекта, 28 % из них отметили методиста дошкольного образовательного учреждения, 20 % – коллег и администрацию, 12 % – более опытных воспитателей. Однако 40 % воспитателей предпочитают работать одни. Это связано не только с

неумением и нежеланием работать вместе с коллегами, но и с таким явлением как: закрытие своего опыта работы, нежелание делиться с другими своими методическими находками, инновационными технологиями, объясняя это интеллектуальной собственностью, которая приносит им дополнительную прибавку к заработной плате. Учитывая, что система аттестации педагогов основана на учете индивидуальных достижений, эта тенденция в образовании будет усиливаться, что приведет к сложностям формирования педагогического коллектива и проблемам создания команды проектировщиков инноваций.

В этой связи возникает вопрос о том, где будут искать воспитатели образовательные новшества, если ценность совместной деятельности с другими отрицается. Закономерно, что 60 % из них считают, что основным источником инноваций является интернет, а 40 % указывают на книги и педагогические журналы. Это определяет и специфику методической работы с воспитателями, ее ориентацию на дистанционные формы обучения.

Остановимся подробнее на выявленной тенденции – обращении к интернету как источнику педагогических новшеств. В концепции социального капитала Т.А. Нестик выделяет категорию просоциального поведения, которая характеризует готовность сотрудников делать нечто большее, чем требуют установленные нормы. Такая готовность предполагает действия, определяемые обществом как благоприятные для других людей. Просоциальное поведение выполняет важную функцию: оно позволяет членам организации осуществлять социальный обмен и формировать доверие даже в тех случаях, когда они незнакомы, т.е. там, где в социальной сети существуют так называемые «структурные пустоты» [4, с. 55].

Поиск необходимой информации в интернете для воспитателя – это не только получение новой информации о содержании и технологиях образовательного процесса, но и возможность преодолеть когнитивные и межличностные барьеры, связанные со страхом «быть некомпетентным» или «отстать от времени».

Одним из факторов просоциального поведения воспитателя является возможность добровольно принимать решение относительно участия или неучастия в инновационном образовательном процессе. Кроме того, обращение к интернету для поиска любой информации, связанной с новшествами, позволяет накапливать социальный капитал организации через индивидуальный вклад каждого субъекта инновационного процесса.

Показательны суждения педагогов о результатах внедрения новшеств в образовании. На вопрос о том, что изменится в вашей деятельности в ходе внедрения новшеств, 24 % отмечают изменения в результатах обучения детей. 32 % направлены на изменение себя как профессионала и как творца собственной деятельности. 12 % отмечают, что внедрение новшеств способствует увеличению заработной платы. Остальные респонденты дали разнообразные ответы, в том числе: «придется уйти, если будут какие-либо изменения», «ничего не изменится».

Учитывая, что 32 % воспитателей видят в новшествах источник саморазвития, в таком случае необходимо по-новому рассматривать сочетание индивидуального и социального опыта, внутригруппового доверия в структуре инновационного процесса. Если обратиться к предыдущим данным о том, что 40 % воспитателей предпочитают работать одни, тогда можно интерпретировать эти результаты в контексте внутригруппового и внешнегруппового доверия.

Непосредственным показателем успешности совместной инновационной деятельности воспитателей является формирование доверия и взаимопроникновения личного и социального опыта. Феномен доверия включает в себя межличностное и межгрупповое доверие в организации [1, с. 4].

Предпосылками внутригруппового доверия, возникающими в процессе выполнения совместных инновационных проектов, являются психологические, организационные и технологические факторы: совместный опыт до выполнения проекта, взаимопонимание, личные симпатии и привязанности, организационная совместимость, взаимная оценка компетентности и другое.

Процесс накопления внутригруппового доверия, по мнению Р. Левицкого и Б. Банкер, проходит три основных стадии: расчета, опыта, тождества [6]. На стадии расчета происходит оценка партнера, просчет выгоды договоренности. Доверие на этой стадии неустойчиво, развивается медленно и осторожно. Оно оценивается по степени согласия с такими суждениями, как: «поведение этого человека соответствует моим ожиданиям», «этот человек делает то, что он обещал», «я слышал от других людей о его хорошей репутации» и т.п.).

На стадии опыта осуществляется обмен знаниями о ситуации, развивается способность предсказывать поведение партнера, возрастает значение эмоциональных составляющих доверия – открытости, доброжелательности. Доверие, основанное на знании, оценивается опытом общения, близостью эмоциональных контактов, предсказуемостью поведения. На стадии тождества говорят о партнерах как группе единомышленников с общей социальной идентичностью. Оно оценивается через общность интересов, жизненных ценностей и принципов.

Рассматривая источники инноваций в деятельности воспитателей дошкольных образовательных учреждений, следует остановиться на таком понятии как социальные сети, под которыми понимают всю совокупность повторяющихся контактов, круг знакомств отдельного сотрудника, команды или подразделения как внутри, так и вне организации, посредством которых могут быть задействованы знания, связи и другие ресурсы для решения организационной задачи. Часто возникают связи между участниками инновационного процесса спонтанно («Узнали о технологии критического мышления через интер-

нет, завязалась переписка в «Контакте»). В этой связи возрастает роль внешних контактов воспитателей, значение неформальных сетей внутри учреждения и между разными образовательными заведениями, неформальными объединениями педагогов, последователями того или иного педагогического направления, концепции, идеи.

По мнению Т.А. Нестика, во многих организациях социальные сети создаются специально, так называемые «тематические группы» и «практические сообщества», формирующиеся для обсуждения той или иной темы и общей проблемы [4, с. 34]. В больших организациях социальные сети способствуют сбору информации о новшествах, новых направлениях в обучении и воспитании детей, быстрому принятию нестандартных решений, расширению каналов доступа к передовому педагогическому опыту, развитию навыков сотрудничества. Однако в дошкольных образовательных учреждениях данный ресурс развития инноваций используется недостаточно.

В заключение отметим несколько направлений исследования психологической готовности воспитателей к инновационной деятельности, которые представляются нам наиболее перспективными. Одним из них является изучение влияния межличностного доверия к участникам инноваций и организации социальных сетей с целью развития мобильности воспитателей в получении новых знаний.

Особенно важным в этой связи представляется изучение роли социальных сетей в формировании отношения к инновациям, их влияние на возникновение психологических барьеров при содержательных и структурных изменениях.

Литература

1. Антоненко, И.В. Доверие и конформность / И.В. Антоненко // Вестник университета. – 2006. – № 1 (17). – С. 4 – 9.
2. Зобнина, Т.В. Система психологической подготовки студентов – будущих педагогов в инновационной образовательной среде педагогического вуза: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Т.В. Зобнина. – Н. Новгород, 2012.
3. Нестик, Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Ч. II. / Т.А. Нестик // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 52 – 63.
4. Нестик, Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Ч. I. / Т.А. Нестик // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 2. – С. 29 – 42.
5. Яголковский, С.Р. Инновационность как предмет психологического исследования / С.Р. Яголковский // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4. – № 2. – С. 123 – 133.
6. Lewicki, R.J. Trust in relationships: A model of trust development and decline / R.J. Lewicki, B.B. Bunker // Conflict, Cooperation and justice / Eds. B.B. Bunker, J.S. Rubin. San Francisco, C.A. Jossey. – Bass, 1995.

УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ НРАВСТВЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

В статье показано, что одной из основных задач профессионального становления и развития личности будущего учителя как компетентного специалиста и человека культуры состоит в том, чтобы ввести студента в мир педагогических ценностей. Формирование нравственно-профессиональных ориентаций, как основы мотивационно-ценностного отношения к педагогической профессии, предопределяет формирование исполнительского компонента профессиональной готовности, выступающего производным от уровня их развития. В статье определено понятие нравственно-профессиональных ориентаций, рассмотрен механизм управления нравственно-профессиональной мотивацией, выявлены педагогические условия формирования нравственно-профессиональных ориентаций у будущих учителей.

Ценности, ценности педагогической деятельности, ценностные ориентации, нравственно-профессиональные ориентации.

The article shows that one of the most important tasks of a future teacher's professional development as a competent specialist and a cultural person is to acquaint the student with pedagogical values. Formation of moral-professional orientations as the basis of moral-professional attitude to the profession of a teacher determines the formation of the performing component of professional readiness as it is a part of the student's development level. The article gives the definition of moral-professional orientations; it also considers the mechanism of management of moral-professional motivation. Furthermore, pedagogical conditions of formation of moral-professional orientations of future teachers are presented in the paper.

Values, values of teaching activity, value orientations, moral-professional orientations.

В условиях затянувшегося экономического и нравственного кризиса в обществе возникла необходимость поисков внутренних механизмов регуляции человеческого поведения в сфере его субъективных личностных отношений к миру, другим людям и самому себе, разработки технологий управления формированием ценностных ориентаций личности. Современный социальный заказ общества в отношении учителя представлен совокупностью ориентиров, которые включают формирование целостной и научно обоснованной картины мира; самосознание гражданина, ответственного за судьбу Родины; приобщение к общечеловеческим ценностям и адекватного этим ценностям поведения; креативности как черты личности; потребности в самореализации и профессионального самосовершенствования. Эффективность реформирования образования, в свою очередь, существенно зависит от профессионализма каждого педагога, активности его жизненной позиции, проявления личностных идеалов и ценностных ориентаций, поскольку педагог осознанно и неосознанно воздействует на развитие личности своих учеников. Это воздействие напрямую зависит от нравственности, ценностных ориентиров самого педагога.

Анализ наблюдений показывает, что студенты первого года обучения на педагогическом факультете в той или иной мере понимают содержание предстоящей педагогической деятельности, но с трудом раскрывают ее нравственный, гуманный смысл. Стало ясно, что успешная социализация молодежи в значительной мере осложняется отсутствием четких духовно-нравственных ориентиров, предопределяющих социальную дезориентированность личности, ее спонтанность в выработке жизненного кредо, векторов социальной и профессиональной самореализа-

ции, способов достижения жизненных целей.

Ценностные ориентации будущих учителей в настоящее время развиваются во многом хаотично, находятся под противоречивым воздействием, с одной стороны, продолжающих по инерции работать традиций, сложившихся в системе педагогического образования, а с другой – под напористым влиянием стремительно меняющихся социальных смыслов и нормативов, внешних социокультурных условий, многочисленных искушений и соблазнов, порожденных ценностями «общества потребления». Так, А.В. Репрынцев, анализируя результаты опросов студентов, отмечает, что профессиональное воспитание будущих учителей дает основание для серьезных размышлений, поскольку педагогические учреждения (в рамках целенаправленной деятельности, специально созданных ситуаций) не обеспечивают эффективного формирования и закрепления в сознании будущих учителей любви к детям, представления о ребенке как о важнейшей профессиональной ценности, гражданской позиции. Более того, взаимодействие учителя с воспитанниками превращается в рутинную работу, «конвейерное производство» [4].

Одно из ведущих мест в системе ценностных ориентаций личности занимают ориентации на профессиональные ценности, формирование которых исследователи считают важнейшим условием не только профессионального самоопределения, но и становления личности молодого человека в целом.

Следует сразу отметить, что в настоящее время проблема ценностных ориентаций, их сущности, своеобразия как социально-психологической категории, их взаимосвязи с другими компонентами личности интенсивно разрабатывается многими специалистами. В научной литературе существуют разные

подходы к раскрытию сущности ценностных ориентаций. Сходство у большинства исследователей наблюдается только в том, что почти все связывают ценностные ориентации с ценностно-смысловой сферой личности. Важной составляющей исследований ценностно-смысловой сферы личности выступает профессиональная деятельность, так как, с одной стороны, она формирует ценностные ориентации и влияет на их формирование и развитие, а с другой, – ценностно-смысловая сфера определяет выбор и отношение к этой деятельности.

Обобщая разные точки зрения на понимание проблемы ценностных ориентаций, к которым относятся нравственно-профессиональные ориентации будущих учителей, следует отметить, что в теоретической науке сложилось несколько направлений.

1. Первое направление разрабатывается в контексте социальной опосредованности личностных отношений (А.Г. Асмолов, Г.М. Андреева, А.И. Донцов, Ф.Е. Василук и др.) и характеризуется тем, что системы ценностей имеют двойственный характер и обусловлены одновременно индивидуальным и социальным опытом, т.е. ориентации выступают в двух состояниях: как процессуальная характеристика (акт оценивания) и как устойчивое личностное образование, характеризующее личность как носителя определенных ценностей.

2. Второе направление определяет ценностные ориентации как отражение значимых объектов для личности. Ценностные ориентации придают личностный смысл поведению человека и его жизнедеятельности в целом, где личностный смысл – это реализуемое в деятельности отношение человека к действительности, имеющее для него субъективную ценность, при этом представление о формировании и функционировании ценностных ориентаций личности как о процессе, в основе которого лежит отражение, характеризуется как оценочная деятельность, направленная на осознание ценностного значения явлений (А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Н.И. Петрова, В. Франкл и др.). При этом выделяется особая роль ценностных ориентаций в процессе самоопределения личности, в переходе от внешней (социальные ценности) к внутренней (собственно личностной) регуляции поведения и деятельности.

3. Третье направление рассматривает ориентации как ее вектор, в том числе профессиональный. В гуманистической и экзистенциальной психологии (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс) выделяется значимость ценностей для самореализации (самоактуализации) личности. А в ряде исследований (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн) понятие «ценностные ориентации личности», по сути, совпадают с терминами, характеризующими мотивационно-потребностную сферу. Более того, как отмечает Н.Н. Никитина, проявляясь в убеждениях, оценках, интересах и потребностях личности, ценностные ориентации выступают важнейшим механизмом, обеспечивающим ее поведение и деятельность, самоопределение в окружающем мире [3].

4. Четвертое направление исследует системный, многоуровневый характер ценностно-смысловой

сферы личности, где ценностные ориентации представляют собой особые психологические новообразования, составляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности в качестве ее элементов. Важно, что принятие личностью ценностей автоматически предполагает построение индивидуальной ценностной иерархии (Н.А. Асташова, Н.А. Гущина, И.Ф. Исаев, В.Т. Кабуш, Г.В. Кравченко, В.Э. Чудновский, В.А. Ядов и др.).

Проблема ценностных ориентаций, как видим, имеет междисциплинарный характер, и изучение ценностных ориентаций в настоящее время идет на стыке различных отраслей знания о человеке – философии, социологии, психологии, педагогики. Ценностные ориентации выделены как ведущее звено в системе диспозиций личности (социология), важнейший элемент ценностных отношений и ценностного сознания (философия), содержательная сторона направленности личности, ее мотивов и потребностей (психология), один из показателей воспитанности и культуры (педагогика).

Поскольку в научной литературе нет определения нравственно-профессиональных ориентаций субъекта, то, обобщая точки зрения на понимание сущности ценностных ориентаций, нравственно-профессиональные ориентации интерпретируются нами, как: *отражение в сознании человека ценностей, признаваемых в качестве стратегических жизненных целей и ориентиров, придающих смысл и направленность профессиональной деятельности, способствующей удовлетворению потребностей личности на нравственно-ценностной основе.*

Для определения места нравственно-профессиональных ориентаций в системе других ориентаций личности необходимо обратиться к существующим классификациям педагогических ценностей, известных в науке. Упорядоченность педагогических ценностей позволит представить их положение и роль в общей системе профессиональной подготовки будущих учителей. Анализ источников показывает, что существуют различные классификации педагогических ценностей.

Так, Е.В. Бондаревская, представляя основные положения первой концепции общепедагогической подготовки учителя в условиях многоуровневого образования, уточняет, что одной из основных задач профессионального становления и развития личности будущего учителя как компетентного специалиста и человека культуры состоит в том, чтобы ввести студента в мир педагогических ценностей. В качестве основных педагогических ценностей, определяющих ориентации студентов в профессионально-педагогическом образовании, она выделяет: *человеческие* – ребенок как главная педагогическая ценность и педагог, способный к его развитию, сотрудничеству с ним, социальной защите его личности, помощи, поддержке его индивидуальности, творческого потенциала; *духовные* – совокупный педагогический опыт человечества, отраженный в педагогических теориях и способах педагогического мышления; *практические* – способы практической деятельности, проверенные практикой образовательно-

педагогической системы, педагогические технологии; *личностные* – педагогические способности, индивидуальные особенности личности педагога как субъекта педагогической культуры, педагогического процесса и собственного жизнетворчества [1].

В основе классификации педагогической деятельности, разработанной В.А. Слостениным и его учениками И.Ф. Исаевым, Г.И. Чижиковой, Е.Н. Шияновым, лежат характерные потребности личности, соотнесенные с профессией учителя, ее социальным смыслом [6]. В частности, Е.Н. Шиянов, взяв за основу классификации потребности личности и их соответствие профессии учителя, исходя из тех особенностей педагогической деятельности, которые позволяют учителю удовлетворять свои материальные, духовные потребности, а также являются ориентиром его социальной и профессиональной активности, распределил ценности педагогической деятельности на группы, связанные с: *утверждением в обществе, ближайшей социальной среде, удовлетворением потребности в общении, самосовершенствовании, самовыражении, утилитарно-прагматическими запросами*. Он также распределил ценности, выражающие гуманистический смысл деятельности учителя, на *целевые и инструментальные*. Как отмечает И.Ф. Исаев, классификация Е.Н. Шиянова помогает преподавателям и студентам осознать и оценить ценности педагогической деятельности, необходимость их формирования еще на этапе обучения будущего учителя, поэтому рассматриваемая классификация представляет интерес в плане организации учебно-воспитательного процесса в педагогическом учреждении.

В свою очередь, Г.И. Чижикова, исходя из того, что педагогические ценности являются образцами ориентации сознания и поведения личности, выделяет *доминантные, нормативные, стимулирующие и сопутствующие ценности* [6].

В экспериментальной работе по формированию нравственно-профессиональных ориентаций у будущих учителей мы делали ставку на внутреннюю нравственно-волевую мотивацию процесса подготовки будущего специалиста, на формирование духовных потребностей, способствующих формированию нравственно-профессиональных ориентаций.

Педагогический процесс как передачу личности и усвоение ею общественного опыта представлен в виде двух последовательных частей: внешней и внутренней. Внешняя часть являет собой собственно воспитательное воздействие, его педагогическую организацию. Вторая, внутренняя часть процесса – это уже психическая деятельность студента как субъекта деятельности; она происходит на внутриличностном уровне и представляет собой восприятие, определенную переработку и присвоение личностью внешних воздействий и превращение их в свои качества.

Механизм возникновения нравственно-профессиональной мотивации заключается в переживании вероятности удовлетворения всех основных и, прежде всего, духовных, потребностей личности будущего специалиста: потребности в безопасности, по-

требности в эмоциональном насыщении и новых впечатлениях, потребность в самоопределении, потребности в нравственно-профессиональном самоутверждении, потребности быть личностью, потребности в нравственно-профессиональном общении, в нравственно-профессиональном идеале, потребности в нравственно-профессиональных знаниях, потребности в нравственно-профессиональной деятельности и нравственно-профессиональной поведении, потребности в рефлексии, потребности в самовыражении, потребности в смысле жизни. Профессионально-нравственные потребности во взаимосвязи с ценностями представляют собой основополагающие системообразующие компоненты профессионально-нравственной культуры, и первоначально могут формироваться в виде образа. Будучи идеальными, они создают своеобразное поле напряжения, которое выступает условием для профессионально-нравственного роста. В процессе профессионализации будущего педагога эти потребности могут приобрести статус личностно значимых норм. Наполнение личностью нравственного потенциала всех имеющих у нее потребностей приближает ее к пониманию истинного предназначения педагога. Развитая система нравственно-профессиональных потребностей будущего специалиста как важнейший компонент его нравственной культуры во многом определяет уровень сформированности профессионально-нравственной позиции и ориентаций. Целостное нравственно-профессиональное саморазвитие характеризуется профессионально-нравственным сознанием, принятием себя как профессионала, реализующего свой нравственный потенциал; саморазвитием нравственных и профессиональных способностей, самопроектированием, построением собственной модели нравственно-профессионального роста, определением путей ее реализации.

Педагогический смысл исследования категории ценностей состоит в том, чтобы знать, при каких условиях будущий учитель принимает ценности общества, профессиональной группы, а при каких он может быть к ним невосприимчив или усваивать то, что обществом, группой не принимается. Таким образом, проблема педагогических ценностей как компонента общественного педагогического сознания связана с проблемой формирования индивидуального педагогического сознания, формирования нравственно-профессиональных ориентаций у будущего учителя. Поэтому содержание учебно-воспитательного процесса в педагогическом учреждении должно составлять постижение и совместное производство новых профессионально-нравственных идеалов, ценностей, развитие способности реализовывать нравственные нормы в конкретных ситуациях профессиональной деятельности, пробуждение стремлений к нравственному миру другого человека.

Обращаясь к практике воспитательной работы в педагогическом учреждении, важно отметить, что управление формированием нравственно-профессиональных ориентаций у будущих учителей успешно осуществляется, если созданы условия для реализации нравственно-профессиональных потребностей личности будущего учителя:

1. Создание благоприятного психологического микроклимата в педагогическом коллективе на основе принципов свободы, взаимоуважения, сотрудничества, толерантности и т.д., то есть создание нравственной среды взаимодействия субъектов. В выступлении Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на IX съезде Российского Союза ректоров отмечено, что учебное заведение должно стать местом особой духовно-нравственной интеллектуальной атмосферы, чтобы стены вуза поднимали человека, возвышали его личность [2].

2. Обеспечение в учебно-воспитательном процессе принятия нравственно-педагогических ценностей в профессиональной деятельности и идеала учителя через дисциплины психолого-педагогического цикла, встречи с лучшими педагогами города и района, участие в совместных общественно-полезных акциях.

3. Оказание своевременной методической помощи студентам-практикантам по вопросам формирования ценностных ориентаций воспитанников.

4. Для решения задач формирования нравственно-профессиональных ориентаций важную роль играет выбор типа обучения. Субъектно-ориентированные технологии обеспечивают более активное включение студентов в освоение нравственно-профессиональной деятельности.

5. Ознакомление студентов с нравственным содержанием учительской деятельности, моральной сущности профессии учителя. Воспитательные возможности разнообразных форм внеаудиторной работы достаточно большие и позволяют учесть индивидуальные интересы студентов, развивать и направлять их, формировать правильные представления о нормах поведения учителя.

6. Совершенствование существующих видов практической деятельности студентов через создание новых программ более раннего включения практикантов в процесс профессиональной подготовки будущего специалиста, поскольку одним из условий формирования нравственно-профессиональных ориентаций является педагогическая практика. В процессе практики студенты могут удовлетворить потребности в педагогической деятельности, самоопределении, педагогическом общении, самореализации и др. При высоком уровне мотивации на педагогическую деятельность она превращается в ценностное отношение, обеспечивая собственную профессиональную позицию как совокупность отношений учителя к учащимся, к себе, другим участникам педагогического процесса. При этом важна концентрация внимания студентов на базисных нравственно-педагогических ценностях, среди которых личность ребенка, его внутренний мир является одной из важнейших. Этого можно достичь путем формирования мотивационно-ценностного отношения к педагогической деятельности средствами, влияющими на актуализацию нравственно-профессиональной мотивации: введение в учебные ситуации нравственно-профессиональных задач, тренингов, перестройки форм учебного и внеучебного взаимодействия и сотрудничества педагогов и студентов. Повышение

степени осознанности будущими учителями нравственно-профессиональных потребностей влияет на саморегуляцию педагогической деятельности, появление мотивов самосовершенствования.

7. Организация учебно-профессиональной и других видов деятельности и включение в них студента как субъекта разрешения противоречий между своими желаниями, устремлениями, потребностями и объективными препятствиями на пути их удовлетворения с последующей рефлексией нового качества отношений – это одно из направлений работы по развитию потребности в рефлексии. Для этого направления характерны включенность студентов в процесс решения профессиональных нестандартных задач, формирование способностей к переосмыслению своих личностных и профессиональных стереотипов, адекватной самооценки, самоанализа профессионального роста.

8. Особую роль играют организация и проведение рефлексивных практикумов, в которых не только развивается и формируется потребность в нравственно-профессиональной рефлексии, что способствует, в свою очередь, формированию аналитических способностей будущего педагога. В процессе таких занятий важно выдержать следующие уровни рефлексивной деятельности студентов: по поводу собственного учения, когда он сам находится в позиции студента и рефлексия по поводу организации обучения и воспитания им самим других (когда он в позиции «учителя»), т.е. рефлексия учения и обучения, самовоспитания и нравственного воспитания и обучения других.

9. Практическая подготовка предполагает постоянное включение будущего учителя в ситуации профессионально-нравственного выбора, что требует развития способности моральной регуляции своего поведения, его нравственной рефлексии. В процессе этого может удовлетворяться и развиваться потребность в эмоционально-нравственном насыщении.

Выявленный комплекс педагогических условий предполагает, что нравственно-профессиональные ориентации могут быть сформированы только в разнообразной нравственно-профессиональной, общественно-полезной деятельности и такой совместной деятельности с другими участниками процесса, при которых каждый имеет возможность переживания успеха, вызывающего веру в свои собственные силы и способности.

Литература

1. *Бондаревская, Е.В.* Теория и практика личностно-ориентированной педагогики / Е.В. Бондаревская. – URL: <http://rspu.edu.ru/university/publish/schools/1/2.html>
2. Выступление Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на IX съезде Российского Союза ректоров // Вестник ВГУ. – 2009. – №1. – С. 10 – 13.
3. *Никитина, Н.Н.* Как сделать общественные ценности достоянием личности / Н.Н. Никитина // Классный руководитель. – 2004. – № 4. – С. 13 – 18.
4. *Репринцев, А.В.* Миссия учительства в диалоге времени и культур: от ценностей гуманизма – до вызовов глобализма / А.В. Репринцев // Социальное и профессиональное становление личности учителя: от ценностей челове-

ческой судьбы к миссии педагогического сообщества: Материалы Всероссийского научно-практической конференции. – Курск; Старый Оскол, 2010. – С. 96 – 107.

5. *Сластенин, В.А.* Переход от авторитарной к гуманистической парадигме как фактор становления и развития

педагогической аксиологии / В.А. Сластенин, Г.И. Чижикова // Хрестоматия по педагогической аксиологии. – М.; Воронеж, 2005. – С. 437 – 446.

УДК 378.147

Г.В. Титяева

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент Т.Р. Шаповалова

СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье рассматривается педагогика сетевых сообществ, в основе которой лежит технология обучения в сотрудничестве как основной компонент успешного функционирования сетевых сообществ, организованных в целях подготовки лингвистов-переводчиков.

Педагогика сетевых сообществ, технология обучения в сотрудничестве, профессиональные компетенции лингвистов-переводчиков, метод проектов, сервисы социального обеспечения Веб 2.0, платформы в обучении иностранному языку, гипертекст.

The article considers pedagogy of online communities based on collaborative learning technology as the main part of successful functioning of online communities aimed at teaching linguists-interpreters.

Pedagogy of online communities, collaborative learning technology, professional competence of linguists-interpreters, method of projects, social services Web 2.0, platforms for teaching foreign language, hypertext.

С развитием новой педагогической парадигмы в качестве одной из ведущих целей образования выдвигается переход от трансляции готовых знаний к самостоятельной познавательной деятельности обучаемых, развитию критического мышления, умению видеть возникающие в реальной действительности проблемы и искать пути рационального их решения, способности работать в команде и нести за свой вклад ответственность, умению использовать новые информационные технологии в своей профессиональной деятельности.

Особенности интеграции и глобализации в современном мире, увеличение информационных потоков, интенсивное развитие международного сотрудничества в разных областях деятельности вызвали необходимость подготовки специалистов, владеющих навыками профессионального переводчика, референта, решающего профессиональные задачи в определенных условиях, в определенных ситуациях, в определенной сфере профессионального общения.

В таких условиях одним из актуальных направлений реализации государственной образовательной политики является подготовка бакалавров по направлению подготовки 035700 «Лингвистика», которая включает лингвистическое образование, межкультурное общение, межкультурную коммуникацию, лингвистику и новые информационные технологии.

В Сахалинском государственном университете профессиональная подготовка будущих переводчиков базируется на Государственном образовательном стандарте третьего поколения и построена с учетом современного уровня требований, предъявляемых работодателями к специалистам и экспертам в об-

ласти перевода и межкультурной коммуникации.

Дисциплины, входящие в учебный план основной образовательной программы бакалавриата по профилю подготовки «Перевод и переводоведение», направлены на формирование компетенций, гарантирующих успех в дальнейшей профессиональной деятельности. В качестве одной из составляющих профессиональной компетенции переводчика, вслед за Н.Н. Гавриленко [1, с. 45 – 48], мы выделяем технологическую компетенцию, которая предполагает сформированность следующих умений:

- владение стандартными способами решения основных типов задач в области лингвистического обеспечения информационных и других прикладных систем;

- владение навыками работы с компьютером как средством получения, обработки и управления информацией;

- умение работать с традиционными носителями информации, распределенными базами данных и знаний;

- обладание способностью работать с информацией в глобальных компьютерных сетях;

- умение работать с электронными словарями и другими электронными ресурсами для решения лингвистических задач и другие виды [2].

Перед образованием, таким образом, стоят задачи формирования личности, конкурентоспособной и успешной в электронной информационной среде, что предъявляет определенные требования к методам и организационным формам обучения. Поэтому важно определиться с приоритетами в области педагогических технологий с учетом поставленных задач.

Среди разнообразных направлений новых педагогических технологий мы выделяем педагогику сетевых сообществ, как направление, наиболее адекватное поставленным целям.

Педагогика сетевых сообществ базируется на следующих ключевых положениях:

1. Учение определяется инструментами и объектами, которыми пользуется учащийся. Действие над объектами требует общения. Это общение по поводу действий и объектов имеет первостепенное значение для учения. О том, насколько важны средства, которыми мы пользуемся в своей деятельности, писал, прежде всего, Джон Дьюи, и это направление получило название *инструментализма*.

2. Учение определяется средой, в которой происходит освоение нового знания. Впервые модель педагогики местных сообществ, которая базировалась на местных информационных ресурсах, была сформулирована в работах Ивана Иллича. Он перечислил и подробно рассмотрел ресурсы и службы, необходимые для успешного функционирования учебного сетевого сообщества внутри города. С концепцией учебной паутины, как среды для совместного обучения, тесно связана и концепция дружественных средств. Для человека жизненно необходимо не просто воспринимать и потреблять информацию, но действовать активно, получая результат как вознаграждение за свои действия.

3. Учение происходит в сообществе обмена знаниями. Термин *community of practice* – «сообщество практики» или «сообщество обмена знаниями» впервые использовали Дж. Лав и Эю Венгер для того, чтобы обозначить группу людей, вовлеченных в совместную деятельность.

4. Учение происходит через построение сети. Дж. Сименс обозначил это направление как *коннективизм* [6]. Учение – процесс, который происходит постоянно в изменяющейся среде, где реорганизуются основополагающие узлы. Учебное сообщество состоит из людей, каждый из которых является отдельной сетью. Каждый обладает определенной автономией и своим поведением, на которое сеть оказывает ограниченное воздействие. Хотя структура сети и очень проста, на формирование соединений оказывает влияние множество факторов [4, с. 7 – 8]. Все перечисленные положения в основе своей содержат компонент совместного действия.

Педагогика сетевых сообществ развивается в тесной связи с сетью Интернет и напрямую зависит от состояния и концепций развития Всемирной паутины. Современная концепция развития паутины получила название Веб 2.0 [4, с. 9]. Новые сервисы социального обеспечения Веб 2.0 радикально упростили процесс создания материалов и публикации их в сети. Теперь предоставляется возможность не только получать доступ к базам данных, но и принять участие в формировании собственного или совместного контента.

К средствам коллективной деятельности, мы, прежде всего, относим платформу для создания совместного контента. Практика показывает, что в обучении иностранному языку могут успешно использоваться такие платформы, как: блог-, вики-,

фликр-, YouTube-, подкаст-платформы. Еще одним средством коллективной деятельности является гипертекст.

Гипертекстом называют любой текст, в котором обнаруживаются какие-либо ссылки на другие тексты или фрагменты текстов. С технической точки зрения гипертекстовая система – это информационная система, способная хранить информацию в виде электронного текста, позволяющая устанавливать электронные связи между любыми «информационными единицами», хранящимися в ее памяти [4, с. 17]. Все вышеперечисленные средства коллективной деятельности ориентируются на технологию обучения в сотрудничестве.

Цель технологии заключается в формировании у субъектов образовательного процесса умений эффективно работать во временных командах и группах и сообща добиваться качественных образовательных результатов.

Использование обучения в сотрудничестве меняет социальный контекст учебной среды, где главной силой, влияющей на учебный процесс, становится сообщество (коллектив), группа учащихся, что было практически невозможно при традиционной образовательной системе. Обучение в сотрудничестве базируется на конструктивистской теории, которая говорит о том, что знание социально обусловлено и производится сообществами людей, поэтому каждый человек может получить доступ к этому знанию, если только присоединится (войдет) в это сообщество [3, с. 188].

Основной метод взаимодействия в процессе сотрудничества – добровольный обмен мыслями, усилиями, информацией. Партнерские отношения возникают только при наличии единой цели, которую возможно достичь совместными усилиями при условии, что каждый участник владеет только частью информации, при эффективной форме поощрения. Данная технология позволяет обогатить опыт и приобрести через учебный труд те навыки совместной деятельности, которые затем могут стать необходимыми в будущей профессиональной и социальной деятельности в течение жизни.

Согласно ФГОС ВПО третьего поколения основной целью профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков является формирование умений эффективной межкультурной коммуникации, что, прежде всего, предполагает:

– умение работать в поликультурной команде, когда общение с другими участниками команды происходит с использованием различных средств телекоммуникации;

– умение правильно организовать переводческий процесс, который включает постановку цели перевода, составление необходимого списка терминов, консультации с заказчиком и специалистами, а при необходимости, консультации с представителем другой культуры, написание перевода и его редактирование.

Выбор методов обучения обусловлен необходимостью максимально приблизить процесс обучения к реальности, поэтому в процессе подготовки переводчиков используются различные методы проблемного

обучения, сочетание групповой и индивидуальной работы. С этой целью в своей работе мы широко используем дидактические возможности социальных сетей. В частности, для организации веб-проектов по созданию терминологических глоссариев мы опираемся на уникальные возможности онлайн-общения, которые предлагают инструменты *Google*, а именно:

1. <http://groups.google.ru> – *Google* группы предоставляют возможность организовать в сети сайт-представительство сообщества. При этом основатель группы может изменить интерфейс сайта, пригласить в группу пользователей, наделить их различными правами. Члены группы (в зависимости от предоставленных им прав) могут создавать новые страницы, загружать файлы любого типа (тексты, таблицы, презентации, изображения), участвовать в обсуждениях и т.д.

2. <http://docs.google.ru> – документы и таблицы (*Google* документы и таблицы) предоставляют возможность хранить в сети Интернет текстовые документы и электронные таблицы большинства известных форматов, редактировать их совместно несколькими пользователями (до десяти одновременно), публиковать их в открытом доступе с получением URL-адреса, просматривать все версии изменений документа, сохранять видоизмененный документ в любом из наиболее популярных текстовых форматов. При этом владелец документа, разместивший его на сервисе *Google Docs*, сам приглашает пользователей по электронной почте к просмотру или редактированию документа. Это очень удобный сервис при работе над групповым веб-проектом.

3. <http://www.google.com/talk/> – сервис позволяет обрабатывать почту на *Google*-аккаунте: почтовый ящик проверяется на наличие новых сообщений и в случае их получения информирует об этом пользователя. Комплексное решение предлагает реализацию сразу двух видов общения: асинхронного (с помощью электронной почты *Gmail*) и синхронного (посредством *Google Talk*). В учебном процессе этот сервис позволяет синхронно общаться как с группой студентов, так и индивидуально.

4. <http://www.google.com/calendar/> – календарь-планировщик событий, размещенный в Интернете, доступ к которому может быть открыт определенному кругу пользователей с правами доступа, которые определит владелец календаря. Планировщик событий помогает преподавателю эффективно организовать учебный процесс и является подспорьем в планировании деятельности группы людей, работающих совместно. Данный сервис может использоваться для создания учебной страницы группы, собственного учебного сайта, для работы над веб-проектами и их размещения.

Опыт работы с проектами убеждает нас в том, что сервисы социального обеспечения открывают новые перспективы для участников образовательного процесса, поскольку они позволяют создавать учебный контент совместно, посредством группового взаимодействия и при условии радикальной децентрализации в сочетании с безграничным довери-

ем, которое получают пользователи (в нашем случае участники процесса обучения).

Навыки, полученные при обучении в сотрудничестве, помогают студентам успешно справляться с поставленными задачами в период прохождения производственной практики, в частности, при выполнении переводов с помощью специализированных программных средств. К таким программным средствам, прежде всего, относятся системы, накапливающие в памяти фрагменты текстов и варианты их перевода, что является своего рода памятью выполненных переводов. В российском переводеведении их чаще всего называют ТМ-инструментами [5, с. 67].

ТМ-инструменты, инсталлированные в локальную сеть переводческих компаний, позволяют выполнять переводческую деятельность коллективно. База данных может создаваться и обновляться одновременно несколькими переводчиками. В таком случае использование общей базы приводит к выработке единого переводческого стиля всей компании и значительно повышает качество выпускаемых переводов, поскольку решение переводческих проблем становится коллективным делом.

Анализ показывает, что качество переводов значительно улучшается, так как переводческая база ТМ-инструмента находится в постоянной работе, т.е. постоянно пополняются в режиме редактирования, а режим редактирования, в свою очередь, дает возможность исправлять ошибки и не допускать их в последующих переводах. Таким образом, мы наблюдаем положительную динамику в процессе формирования профессиональных навыков и умений будущих переводчиков.

Вместе с тем необходимо отметить ряд трудностей, с которыми сталкиваются преподаватели, использующие сервисы Веб 2.0 в учебном процессе:

- отсутствие навыков сетевого общения, низкий уровень информационной компетенции студентов и преподавателей;
- неразработанность системы заданий и упражнений с использованием Веб 2.0, а также форм контроля и их оценивания;
- нарушение кодекса академического поведения (плагиат), неумение оформлять ссылки на найденный материал;
- неумение критически переосмысливать найденную информацию;
- затруднения психологического характера и др.

Кроме того, при выборе оптимальной модели обучения с помощью социальных сетей перед преподавателями встают задачи частнометодического характера, а именно:

- определение удельного веса использования Веб-технологий в учебном процессе;
- адекватность выбора форм презентации учебного материала формам контроля;
- определение параметров оценки качества обучения с использованием социальных сетей для всех компонентов системы управления – результат, деятельность, управление;
- организация мониторинга, анализа и оценки (внутренней и внешней) качества обучения посредством социальных сетей.

Учитывая перечисленные выше трудности, можно сформулировать следующие условия успешной интеграции социальных сетей в учебный процесс:

1. Сформированность информационной компетенции как у студентов, так и у преподавателя.
2. Разработанность правил сетевого этикета, касающихся использования языковых норм (запрет на использование неформального языка), недопущения плагиата, соблюдения кодекса академического поведения (оформление цитат и ссылок на источники), соблюдения авторских прав, установки на ответственное и внимательное ведение записей ввиду их открытости для всех желающих.
3. Выбор оптимальной модели обучения с помощью социальных сетей.
4. Привлечение к участию в работе в сотрудничестве иных лиц: студентов других групп, курса, другой специальности; носителей языка, коллег, друзей; специалистов, экспертов в данной области.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что сетевые сообщества могут служить платформой интерактивного взаимодействия со студентами, инструментом организации и администрирования учебного процесса, средством реализации методических и педагогических целей при обучении лингвистов-переводчиков.

Концепция Интернета второго поколения не только формирует новое поле информационной

культуры, но и позволяет пересмотреть организацию учебной деятельности. В отличие от Интернета первого поколения, который представлял собой среду для получения информации, Веб 2.0 представляет собой платформу для социального взаимодействия. Именно благодаря внедрению инноваций в области программного обеспечения становится возможным переносить акцент с компьютерных и медийных технологий на общение и сотрудничество.

Литература

1. *Гавриленко, Н.Н.* Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации / Н.И. Гавриленко. – М., 2009.
2. Госстандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки бакалавра 035700 – Лингвистика. – М., 2010.
3. *Моисеева, Е.С.* Интернет-обучение: технологии педагогических наук М.В. Моисеевой / М.В. Моисеева, Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.И. Нежурина. – М., 2004.
4. *Патаракин, Е.Д.* Социальные сервисы Веб 2.0 в помощь учителю / Е.Д. Патаракин. – М., 2007.
5. *Пушинов, И.А.* Информационные технологии в переводе / А.Л. Семенов, И.И. Убин // Перевод: проблемы и решения: Сб. ст. / под общ. ред. И.И. Убина. – М., 2009. – С. 61 – 72.
6. *Siemens G.* (2005), *Connectivism: A Learning Theory of the Digital Age.* – URL: http://www.itdl.org/Journal/Jan_05/article01.htm

УДК 378.046 (075.8)

Ю.В. Ушакова, И.А. Рудакова

ТЕХНОЛОГИЯ E-LEARNING КАК ДИДАКТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛУШАТЕЛЕЙ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

В условиях реализации идей Болонского процесса (в частности, принципа мобильности) развитие иноязычной коммуникативной компетенции иностранных студентов может быть осуществлено с использованием современной электронной технологии e-learning, выступающей своеобразной поддержкой дистанционной форме обучения средствами сети (Интернет, Интранет) и мультимедийными платформами. Дидактическое содержание технологии, непосредственно связанное с ее коммуникативным потенциалом, раскрывается в диалоговом взаимодействии преподавателя и студента в процессе обучения чешскому языку на этапе предвузовской подготовки.

Иноязычная коммуникативная компетенция, дистанционное обучение, электронное обучение, технология e-learning, коммуникативный ресурс технологии, подготовительные курсы чешского языка.

In conditions of realizing the ideas of the Bologna process, in particular, the principle of mobility, the development of students' communicative competence in foreign language can be realized using the modern electronic technology of e-learning, which serves as a kind of support for distance learning by means of network (Internet, Intranet) and multimedia platforms. Didactic content of the technology, related to its communicative potential, is disclosed in the dialogue between a teacher and a student in the process of teaching the Czech language on the stage of pre-university training.

Communicative competence in foreign language, distance learning, e-learning, technology of e-learning, the communicative resource of technology, preparatory courses of the Czech language.

Проблеме развития иноязычной коммуникативной компетенции посвящено достаточно много исследований в связи с рассмотрением компетенции базовой в системе языкового образования (М.Н. Вя-

тютнев, И.А. Зимняя, Н.И. Гез, Е.И. Пассов, И.Л. Бим, В.В. Сафонова, Дж. Савиньон, Г. Пифо, Д. Хаймс, Д. Равен и др.) [3], [7].

Интерес к проблеме усилился в контексте реали-

зации одной из главных идей Болонского процесса – принципа мобильности. В последнее время у российских студентов появилась возможность получить бесплатное зарубежное образование. К примеру, вузы Чехии готовы принять студентов из Ближнего зарубежья, включая Россию. Для получения высшего образования достаточно окончить языковые подготовительные курсы, гарантирующие уровни А и В знания чешского языка, соответствующие шкалам Общеввропейских компетенций владения иностранным языком [4].

Для обучения на курсах иностранные студенты могут воспользоваться информационными технологиями, которые активно используют преподаватели. Наибольшей популярностью в зарубежном образовании пользуется технология e-learning. Более 90 % студентов вовлечены в учебный процесс посредством данной технологии [2], [3], [8], [9]. Вместе с тем, в российском образовании, как отмечает А.С. Ильинский, у руководителей образовательных учреждений отсутствует осознание всей глубины, сложности и системности, необходимых для внедрения e-learning, изменений в организации образовательного процесса. Дидактические аспекты технологии e-learning пока не стали предметом серьезного научного исследования [1], [2]. Проблема очевидна и на этапе предвузовской подготовки иностранных студентов. Предвузовская подготовка рассматривается как самый важный этап в реализации принципа непрерывности российского образования. В условиях мобильности языковые подготовительные курсы являются связующим звеном между предвузовской и вузовской подготовкой российских студентов. Таким образом, актуальность темы исследования очевидна [6].

Цель исследования – раскрыть дидактическое содержание технологии e-learning на этапе предвузовского обучения иностранных студентов. Объектом выступает образовательный процесс предвузовской подготовки. Предмет – содержание технологии e-learning как дидактического средства развития иноязычной коммуникативной компетенции иностранных студентов. Для решения поставленной задачи определено место технологии e-learning в системе дистанционного, электронного обучения и выявим ее коммуникативный потенциал как необходимое содержание дидактического средства.

Обзор педагогической литературы по проблеме свидетельствует о том, что иноязычная коммуникативная компетенция исследуется в различных образовательных средах (Н.В. Баграмова, Н.В. Барышников, Б.В. Беляев, Н.Д. Гальскова, П.Б. Гурвич, Ж.Л. Витлин, Ю.В. Еремин, Р.П. Мильруд, А.А. Миролубов, В.В. Сафонова) с использованием коммуникативного ресурса разнообразных дидактических средств: проблемного, проектного обучения (И.А. Зимняя, Г.Л. Ильина, В.В. Капылова, С.П. Микитченко, О.М. Моисеева, Г.М. Нуриахметов, Е.Д. Пахмутова, Т.Е. Сахарова, Я.К. Тараскина, В.В. Черных и др).

Наибольший интерес представляют исследования, в которых описываются особенности процесса развития компетенции с использованием современ-

ных информационных технологий (Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, О.Е. Воронцов, Е.Ю. Глотова, С.Г. Гусева, Е.И. Дмитриева, В.Г. Домрачева, А.Я. Касюк, Т.И. Красикова, В.Е. Леончиков, Г.Л. Мальцева, Е.Д. Пахмутова, Р.К. Потапова В.В. Ситникова, И.А. Смольяникова, И.С. Сыромятникова и др.).

В этой связи было установлено, что технология e-learning зарождалась как система поддержки дистанционного образования. Глобальная сеть являлась тогда единственным коммуникативным средством между студентом и вузом, потому дистанционное обучение отождествлялось с электронным. Российские ученые (О.Ю. Ефремов, М.В. Буланова-Топоркова, А.В. Духавнева и др.) также подчеркивали, что начало внедрения e-learning было связано с использованием в процессе обучения электронной почты, ссылок на Интернет-сайты; созданием виртуальных классов (вебинаров), электронных курсов и т.д. [1], [5], [6]. Термин *e-learning* происходит от сокращения «Electronic Learning» и обозначает в буквальном переводе с английского «электронное обучение». Различают американско-европейское и российское значение термина. В американско-европейском значении *e-learning* трактуется как *технология, направленная на реализацию учебного процесса с применением информационных и коммуникационных технологий в любых формах*. Именно в такой трактовке существует определение e-learning, которое дали ему специалисты ЮНЕСКО: «Обучение с помощью Интернета и мультимедиа» [2]. В российском варианте содержание понятия e-learning конкретизируется, уточняется в части взаимодействия учащихся между собой и с преподавателем посредством электронных образовательных сред, ресурсов и сервисов, одна из основных задач которых – имитация аудиторного образовательного процесса, но распределенного в пространстве и времени [2].

Таким образом, место технологии определяется границами дистанционного и электронного обучения. Европейской комиссией дано комплексное определение термину «дистанционное образование (обучение)» в Меморандуме об открытом дистанционном образовании в Европейском обществе (1991): «Дистанционное образование (обучение) определено как любая форма обучения, при которой студент не находится под постоянным или немедленным контролем преподавателя, тем не менее использует преимущества планирования, проведения и консультаций образовательного учреждения или другой поддерживающей организации» [8], [9].

В Национальном центре дистанционного образования Чешской Республики дистанционное образование представляет собой мультимедийную форму спланированного самостоятельного обучения, которое координируется образовательными институтами, где обучающие (консультанты или тьюторы) в процессе образования постоянно физически отделены от обучающихся. Мультимедийность здесь означает использование всех доступных и полезных дидактических элементов и технических средств, которыми можно представить учебный план, коммуникацию с обучающимися, проведение периодической оценки

учебного прогресса, а также оценка итоговых результатов обучения [8], [9]. Актуальной и эффективной технологической поддержкой дистанционного образования является e-learning.

Из сказанного следует, что технология e-learning в системе дистанционного обучения принимает на себя его характеристики, т.е. представляет собой любую форму обучения, в том числе и самостоятельного обучения, координируемую образовательными институтами, но без постоянного или немедленного контроля преподавателя, поскольку субъекты образовательного процесса физически отделены друг от друга, а процесс обучения осуществляется на основе использования информационных и коммуникационных технологий.

В ходе анализа содержания термина e-learning возникает вопрос о специфике коммуникативной ситуации в условиях дистанционного взаимодействия участников процесса обучения. Коммуникативное пространство в технологии e-learning обладает специфическими характеристиками, раскрывающимися, преимущественно, отсутствием пространственных и временных границ обучения, что предоставляет участникам процесса обучения свободу выбора в осуществлении коммуникативного взаимодействия и способствует сближению их жизненных пространств. Возникают сетевые коммуникативные образования, способные образовывать многообразные коммуникативные пространственно-временные конфигурации, что позволяет потенциально обращаться ко всему коммуникативному сообществу и чувствовать себя причастным к каждой происходящей коммуникации.

Благодаря использованию технологии e-learning в учебном процессе формируется коммуникативное пространство, измеряемое количеством действий и времени, необходимых участникам сетевой коммуникации в процессе обучения, их активным отношением к изучаемому учебному содержанию. Количество времени и действия, степень активности студентов в технологии e-learning выступают критериями эффективности системы работы преподавателя по сопровождению развития иноязычной коммуникативной компетенции.

E-learning как дидактическое средство развития иноязычной компетенции также получает свое дальнейшее подтверждение в системе электронного образования, целью которого является предоставление возможности студентам полноценного и контролируемого самообучения выбранных учебных материалов с использованием многообразия электронных средств на основе коммуникативных возможностей сети интернет. Мареш под электронным обучением понимает «тип, обучение, при котором получение и использование знаний распространяется электронным оборудованием. Электронное обучение – это обучение, при котором взаимосвязаны внешние единицы управления с их процессом авторегулирования» [8, с. 42].

Поскольку основными средствами реализации технологии e-learning являются сети интернет и медиасредства, то дидактический ресурс технологии

аккумулирован их коммуникативными возможностями. Технология e-learning с использованием Интернет представляет собой многонаправленную коммуникативную модель «многие ко многим», что значительно расширяет возможности общения как для преподавателей, так и для студентов, участвующих в процессе коммуникации. Такая демократизация общения, освобождающая от всяческого контроля со стороны, предполагает новые правила игры и дает возможность вступить в нее новым участникам. Наличие контроля над поиском и получением информации позволяет студентам занимать активную позицию в коммуникативном процессе [5].

Таким образом, посредством использования мультимедиасредств в технологии e-learning связи между участниками коммуникации, несмотря на виртуальный характер, становятся полнокровными, наполненными богатством коммуникативных оттенков.

Дидактическое содержание e-learning раскрывается также при рассмотрении технологии «способом самообучения или обучения других, без учета временных границ и количества обучающихся», что свидетельствует о значительных преимуществах перед традиционными технологиями в плане обогащения отношений преподавателя и студента новыми ролями. Роли фасилитатора у преподавателя и конструктора собственного знания у студента придают диалоговый характер их коммуникативному взаимодействию в процессе обучения [3].

Сущность дидактического аспекта e-learning состоит в реализации особых педагогических подходов, рассматривающих обучающегося как субъекта собственной образовательной деятельности, имеющего свои цели изучения учебного содержания. При этом преподаватель предлагает образовательные услуги и оказывает поддержку обучающемуся, который имеет все необходимые средства для самообразования по собственной траектории и в удобном для него темпе [1]. Важнейшая функция личности состоит в обосновании своего отношения к определенной жизненной ситуации, в выявлении ее смысла. Именно в этом случае у педагога имеется тонкая возможность вмешаться в смыслопоисковый процесс, что можно сделать только через диалог. В процессе беседы он помогает студенту увидеть (иногда по-новому, с неожиданной для студента стороны) ту коллизийную ситуацию, в которой он оказался [3].

Диалоговое взаимодействие преподавателей и студентов в технологии e-learning представляет собой свободное взаимодействие между равноправными и равнозначными субъектами педагогического процесса в контексте совместной деятельности по освоению актуального для системы образования и лично значимого для каждого участника сетевого сообщества содержания. Его результатом является общность субъектов при сохранении неповторимой индивидуальности каждого, обусловленной его ментальностью и жизненным опытом.

Все сказанное подтверждает идею, что в технологии e-learning для самореализации студента и преподавателя гораздо больше возможностей, чем в существующем сегодня учебном процессе.

Эффективность диалогового взаимодействия участников образовательного процесса в технологии e-learning обусловлена также применением очно-заочных форм коммуникации. Традиционно основной организационной формой обучения в структуре классно-урочной системы выступал урок. Структурно урок (учебное занятие) включает: наличие обучающихся примерно одного возрастного состава, физического и психического развития; обучение происходит, как правило, в одном помещении и в определенном временном диапазоне; обучение осуществляет, как правило, один преподаватель; коммуникативное взаимодействие осуществляется преимущественно в очной или заочной формах. Дистанционное обучение с применением технологии E-learning существенно обогащает коммуникацию введением понятия «виртуальная реальность». Виртуальные классы, виртуальные сетевые сообщества как новые дидактические единицы удваивают, утраивают каналы коммуникации личностным отношением многих к обсуждаемому содержанию обучения. Личностное отношение участников коммуникации в то же время активизируется благодаря возможности обучаться в соответствии с выбранным индивидуальным образовательным маршрутом, который, в свою очередь, возможен применением электронных средств обучения. Такая последовательная цепь коммуникативных потоков не замыкается на преподавателе, поскольку в сетевом пространстве преподавателем может выступать не одно виртуальное лицо и не один информационный предмет типа CD-дисков, а множество субъектов и информации, приобретаемой за пределами узкого пространства учебной аудитории. Полифония (многоголосие) – характерная черта коммуникативного взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Многоканальность взаимодействия приобретает следующую особенность: возникает потребность в учете всех мнений и точек зрения, которые могут быть аккумулированы в едином – проблемном центре, подлежащим обсуждению. Проблемность как форма представления информации и ее изложения диктует необходимость использования интеграционной формы обучения – очно-заочной, в рамках которой и происходит процесс прислушивания и удвоения информации, что и придает коммуникации действительно много-диалоговый, полифоничный характер.

По внешней дидактической форме диалог напоминает проблемную ситуацию, имеет ее необходимые атрибуты: противоречие, дефицит ориентировочных основ действия, информации, целостного представления о ситуации, но, с другой стороны, личностно-смысловой диалог не ставит целью «снятие» этой проблемности. Для личности важно уяснение коллизии и того, что возникшая перед ней проблема «достойна» быть жизненной человеческой проблемой. Таким образом, диалогическая ситуация характеризуется не только объективной проблемностью, но и значимостью самого факта обнаружения этой проблемности для субъекта. Вести диалог – значит, приобщать другого к своей проблеме. От-

клик педагога на проблему обучаемого служит для последнего подтверждением ее значимости, стимулом для образования нового смысла. Потребность в диалоге – духовная потребность человека и, как все потребности такого рода, она является ненасыщаемой [3], [5].

Таким образом, использование в учебном процессе технологии e-learning, сочетающей в себе очную и заочную форму обучения, позволяет обсуждать наиболее проблемные темы в диалоге с преподавателем, а практические навыки в виде коммуникативных заданий отрабатывать дистанционно, на расстоянии, в общем с другими участниками коммуникативного взаимодействия.

Технология e-learning как дидактическое средство развития иноязычной коммуникативной компетенции иностранных студентов апробирована нами в образовательном процессе в рамках Международного лингвистического центра «ELVIEL» (г. Прага, Чехия). Авторская программа дистанционного курса «Czech grammar for foreigners», разработанная на основе учебника чешского языка для иностранцев «Communicative Elementary Czech», включает серию взаимосвязанных друг с другом блоков: инструктивный, информационный, контрольный (тестирования и оценки), коммуникативный (система интерактивного преподавания) и управляющую систему, объединяющую выше перечисленные блока. Учет культурного контекста и специально организованное обучение предоставляют возможность обучающему осуществить выбор программ речевого поведения, что, собственно, и позволяет решать задачи развития иноязычной коммуникативной компетенции.

Из сказанного, по нашему мнению, следуют главный вывод: использование e-learning как дидактического средства предполагает создание новых путей развития методик и форм обучения, в частности, – обогащение традиционных форм обучения, реализацию смешанных моделей обучения, различные комбинации обучения на рабочем месте с другими формами получения образования. В этом смысле e-learning позволяет преобразовывать контекст образования, повышать мобильность и креативность учебных планов и программ, открывает возможности проектирования и конструирования разнообразных инструментов развития коммуникативной компетенции» [6, с. 36].

В ходе исследования была уточнена научная новизна и теоретическая значимость исследования:

1. Определено место технологии e-learning как дидактического средства развития иноязычной коммуникативной компетенции иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки в системе дистанционного, электронного обучения в плане коммуникации (своеобразии пространства и времени в коммуникативной ситуации дистанционного обучения, особенности коммуникации через интернет).

2. Описана специфика технологии e-learning как дидактического средства: богатство связей в сетевом коммуникативном пространстве, интеграция очно-

заочной форм обучения, возможность личностного саморазвития в коммуникативном взаимодействии.

3. Категориальный аппарат дидактики обогащен новым содержанием понятия «технология e-learning», что позволяет обеспечивать условия для развития коммуникативной составляющей иноязычной компетенции слушателей курсов чешского языка.

Литература

1. *Калашникова, С.Б.* Интенсификация предвузовской подготовки иностранных студентов на основе личностной ориентации обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук / С.Б. Калашникова. – Ростов н/Д, 2002.

2. *Калмыков, А.А.* E-learning как инструмент медиаобразования / А.А. Калмыков // Высшее образование в России. – 2009. – №10. – С. 29 – 32.

3. *Копылова, Н.В.* Психолого-акмеологические закономерности и механизмы становления иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов в не-

языковых вузах: дис. ... д-ра психол. наук / Н.В. Копылова. – М., 2005.

4. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка* / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы / под общ. ред. проф. К.М. Ирисхановой. – М., 2003.

5. *Полякова, В.А.* Модель формирования готовности учителя к диалоговому взаимодействию в сетевых педагогических сообществах / В.А. Полякова // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 6. – С. 100 – 106.

6. *Рубин, Ю.* E-learning: от экстремального обучения к упорядоченной системе / Ю. Рубин // Высшее образование в России. – 2007. – № 11. – С. 36.

7. *Соловова, Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс / Е.Н. Соловова. – М., 2008.

8. *Eger, L.* Technologie vzdělávání dospělých / L. Eger. – Plzeň, 2005.

9. *Průcha, J.* Moderní pedagogika / J. Průcha. – Praha, 2006.

УДК 377.01

Л.Ф. Харисова

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор И.И. Валеев

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы формирования патриотического сознания у учащихся. Определяются основные цели, задачи и принципы формирования патриотического сознания у старшеклассников в школьной системе патриотического воспитания. Особое внимание уделяется объектным направлениям деятельности школьной воспитательной системы.

Патриотическое сознание, патриотическое воспитание, школьная система, воспитательная работа, педагог.

The article deals with the problems of forming patriotic consciousness of schoolchildren. The author determines the main goals and objectives and principles of formation of patriotic consciousness of senior pupils in the school system of patriotic education. The special attention is paid to the object directions of activity in school educational system.

Patriotic consciousness, patriotic education, school system, educational work, teacher.

Сложнейшие проблемы встают в наши дни перед педагогической наукой. Одни из них издавна волновали умы ученых и были предметом дискуссий и у нас, и за рубежом, другие порождены противоречием современности. Переход от господства одной официальной методологии, одного мировоззрения к философскому, педагогическому, историческому плюрализму, исчезновение десятилетиями складывавшихся обществоведческих дисциплин, замена их новыми, привели к растерянности среди части ученых и практиков [1, с. 62 – 63]. Это касается и современных задач патриотического воспитания, а также процесса формирования патриотического сознания учащихся. Анализ ситуации показывает: проблема формирования патриотического мироощущения и миропонимания сегодня осложнена прежде всего тем, что:

– дескридирован в глазах учащихся образ Родины;

– подвергнуты сомнению дела и свершения старшего поколения;

– объявлены неэффективными приемы и формы работы со школьниками, возникшие в советское время;

– изменены в сознании подрастающего поколения нравственные ориентиры;

– признаны недействительными прошлые достижения и успехи педагогической науки;

– ограничены самореализационные возможности молодежи (безработица, трудности при поступлении в высшие и среднеспециальные учебные заведения, отсутствие бесплатных спортивных секций для детей).

Процесс формирования патриотического сознания учащихся будет эффективным только при условии комплексного воздействия на все структурные компоненты воспитания школьников. Данный процесс будет эффективным благодаря использованию традиционных форм и методов патриотического воспитания, эмоциональной насыщенности учебной

и внеучебной деятельности, взаимодействию с семьей, общественными организациями, средствами массовой информации. Основой, системообразующим фактором воспитательной системы является цель воспитания, которая и определяет выбор форм, методов, средств и содержания воспитания.

Целью патриотического воспитания школьников и, следовательно, функционирования школьной системы патриотического воспитания определим формирование у старшеклассников патриотического сознания.

Цель конкретизируется в определенных задачах и вместе с ними задает выбор содержания и методики воспитательной работы. Главная задача педагогов в этом контексте – способствовать достижению понимания, что патриотизм – это механизм самосохранения общества и, следовательно, самосохранения каждого его члена. Осознание и принятие данного положения должно определять патриотическую ориентацию поведения и деятельности школьников при формировании у них патриотического сознания [3, с. 4 – 6].

Содержание патриотического сознания основывается на множестве ценностных ориентаций. Они разделены на две группы: ценности, связанные с понятием и восприятием Родины, и ценности, связанные с понятием патриотизма. К первой группе относятся:

– общечеловеческие ценности, связанные с духовно-нравственной сферой жизни народов России, представленные такими понятиями, как: любовь к Родине, любовь к своему народу, свобода слова, личная, общественная и государственная безопасность, моральная ответственность и т.п.;

– национально-государственные ценности, отражающие положительные тенденции становления и развития Российского государства: история Родины, традиции народов России, культура.

Вторая группа включает так называемые личные ценности: осознание человеком своего места в жизни, патриотического долга, любви к своей Родине и выполнения разнообразных обязанностей по отношению к ней, готовность выступить на защиту интересов России.

Основу патриотического сознания составляет воспитание любви к Родине, к своему народу, готовности к достойному служению Отечеству. Поэтому развитие эмоционально-чувственной сферы личности учащихся также входит в круг задач, решаемых школьной системой патриотического воспитания. При формировании патриотического сознания у старшеклассников в школьной системе патриотического воспитания должны решаться обусловленные основной целью задачи:

1. Развитие патриотических чувств.
2. Развитие у воспитанников мотивации патриотического поведения и деятельности.
3. Организация деятельности по освоению и реализации школьниками норм, правил, способов патриотического поведения и деятельности.

Исходя из цели, задач и сущности патриотического воспитания, сущности патриотизма и патриотиче-

ского сознания, основываясь на государственные концептуальные положения, мы считаем, что в основу функционирования школьной системы формирования патриотического сознания должны быть положены следующие принципы:

– принцип системности, преемственности и непрерывности патриотического воспитания;

– принцип практической направленности и социальной обусловленности патриотического воспитания школьников;

– принцип историзма в патриотическом воспитании;

– принцип учета возрастных особенностей школьников [3, с. 15 – 17].

Универсальным средством в процессе формирования патриотического сознания выступает социально значимый труд, участие в котором обеспечивает учащимся определение необходимой жизненной позиции. Психологически это обосновано тем, что такой труд ставит школьника в позицию равноправного члена общества, принося ему удовлетворение от создания реального продукта, воспитывая желание трудиться. Чувство патриотизма неотделимо от готовности добросовестно трудиться во имя Родины. Не всем юношам и девушкам придется защищать свою страну от врагов. Но все они должны готовить себя к труду во имя ее процветания. Наряду с другими формами работы по трудовому воспитанию учащихся широкие возможности имеет использование трудовых традиций старшего поколения, яркие примеры беззаветного служения Родине за станками, за штурвалами комбайнов, в шахтах, на нефтяных вышках [2, с. 12].

В содержании патриотического сознания школьников можно выделить три блока:

1. Учебный. Представлен тематической наполненностью большинства учебных дисциплин, в системе которых главная роль принадлежит истории. Знания, которые получают учащиеся при изучении этого предмета, составляют когнитивную основу формирования патриотического сознания.

2. Социально-педагогический. Характеризуется широкой морально-этической направленностью и основывается на таких элементах, как: позитивные мировоззренческие взгляды и позиции по основным социальным, историческим, нравственным и другим проблемам, важнейшие духовно-нравственные, патриотические нравственные нормы и ценности общества.

3. Практический. Включает те виды учебно-познавательной, творческой, общественно-полезной и т.п. деятельности, в процессе которых осуществляется формирование патриотического сознания у школьников.

Особенность современной ситуации в том, что наблюдается повышенная неопределенность ценностных ориентации в обществе, все более явной становится в нем социальная дифференциация, что, несомненно, приводит к смене социальных установок относительно истории и культуры российского общества. При организации работы по формированию патриотического сознания у учащихся в настоящее время необходимо учитывать эти особенности.

Перед педагогом встают задачи предъявления достаточно широкого спектра позитивных героев и расширения числа детских, подростковых общественных организаций и разнообразия форм их воспитательной работы. Современная педагогика рассматривает патриотическое воспитание в контексте нравственного воспитания. В связи с этим будет целесообразно обратиться к точке зрения на содержание нравственного воспитания Л.Д. Столяренко и С.И. Самыгина, которой будем руководствоваться в работе по формированию патриотического сознания:

- моральное воспитание (формирование сознания, нравственных чувств);
- этическое воспитание (формирование правил хорошего тона, культуры поведения и отношений);
- патриотическое воспитание (формирование чувства любви и ответственности за свою Родину, формирование готовности встать на защиту Родины и своего народа);
- гражданское воспитание (формирование чувства собственного национального достоинства и уважения к другим нациям и народам);
- политическое воспитание (формирование политического сознания) [3, с. 10 – 12].

Особенно ценным в этой классификации является обоснование неизменяемого содержания каждого из перечисленных компонентов, демонстрирующее их единство в целостном процессе нравственного воспитания и позволяющее нам обосновать основные направления воспитательной деятельности школы по формированию патриотического сознания. Итак, каждое из направлений нравственного воспитания включает:

- формирование духовных начал в человеке, стремления к самопознанию;
- нравственное просвещение;
- воспитание чувства личной ответственности за свои поступки и деятельность;
- формирование взглядов, отношений и убеждений, требующих реализации в поведении и поступках человека.

Реализация всех этих направлений в системе школьного патриотического воспитания позволит в полной мере сформировать у учащихся патриотическое сознание, которое включает знания, моральные нормы, чувства и убеждения.

Таким образом, в соответствии со структурой патриотического сознания и с описанными в педагогической литературе направлениями нравственного воспитания выделены следующие направления в формировании патриотического сознания: интеллектуальное, мотивационное, эмоциональное и поведенческое. В качестве объектных направлений деятельности школьной воспитательной системы мы выделяем: работу с учащимися, работу с семьей, взаимодействие с детскими и молодежными общественными организациями, взаимодействие со средствами массовой информации.

Охарактеризуем объектные направления деятельности школьной системы формирования патриотического сознания.

Семья. Решающим уровнем педагогического

воздействия является семья. Одной из ее главных социальных функций выступает передача жизненного опыта родителей своим детям. Семья всесторонне формирует человека, определяя, вырабатывая и закрепляя в его сознании поведенческие модели, применимые к любой стороне жизнедеятельности. Патриотическое воспитание невозможно без тесного сотрудничества учителей и родителей. Работа с родителями является неотъемлемой частью деятельности педагога, в том числе и классного руководителя, который должен акцентировать внимание на специфических воспитательных задачах, так как патриотизм должен воспитываться изначально в семье. В патриотическом воспитании родители могут влиять на сознание детей, корректировать его через адекватные оценки событий, происходящих в общественной жизни и отраженных в материалах СМИ.

Чтобы семья в полной мере реализовывала воспитательные функции, классный руководитель должен вести работу по изучению семьи, жизненного уклада, взаимоотношений в ней, способствовать установлению и поддержанию общих воспитательных требований, привлекать родителей к внеклассной воспитательной работе, к тем социально полезным делам, в которых участвуют дети.

СМИ. Социальным аспектом патриотизма является то, что формирует человека, прежде всего, среда. Для формирования патриотического сознания, проявления патриотизма необходимы идейные мотивы, определенные духовные ценности и соответствующая вдохновляющая психологическая атмосфера в стране, уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Многие в этом аспекте могут сделать средства массовой информации. В настоящее время в СМИ должна проводиться систематическая работа по формированию социально активной личности гражданина и патриота, обладающей чувством национальной гордости, гражданского достоинства, любви к Отечеству, своему народу.

Общественные организации. Огромную роль в формировании патриотического сознания старшекласников играют общественные организации. На региональном и местном уровнях активно действуют краеведческие и поисковые организации, кружки, группы, исторические клубы. Набирает силу молодежное политическое движение, вновь появляются детские скаутские отряды, этнически ориентированные отряды (например, казачьи детские и молодежные организации). Все они становятся опорой при организации работы по формированию патриотического сознания молодежи в целом, школьников – в частности. В связи с этим задача школы заключается во взаимодействии с ними при организации работы по формированию патриотического сознания.

Учащиеся. Осуществление процесса формирования патриотического сознания предполагает использование системы учебно-воспитательных средств, форм и методов. Одним из важнейших направлений воспитательной работы с учащимися является формирование детского коллектива, в котором ребята в нем будут связаны общим, социально значимым делом, будут отличаться общими интересами, общо-

стью средств деятельности, норм и правил поведения, единством воли.

В формировании такого коллектива в школьном классе, в его сплочении ведущая роль принадлежит классному руководителю, а основным средством является организация общепривлекательной, социально значимой совместной деятельности учащихся. Основным содержанием деятельности классного руководителя являются не столько учебные, сколько жизненные проблемы. Классный руководитель вводит школьников в современную социокультурную среду. В его профессиональные задачи входит обустройство школьной и общественной жизнедеятельности детского коллектива, организация различной предметной деятельности, содействие постоянному духовному осмыслению детьми общечеловеческой, социальной и личной жизни. При этом духовная активность детей по осмыслению жизненных проблем – его главная забота. Эта активность может протекать в процессе планирования совместной работы, при обсуждении и оценивании происходящих событий, разрешении конфликтов как в контексте всей школьной жизни, так и в форме специально организованных воспитательных мероприятий (дискуссий, бесед, собраний и т.п.).

Наиболее интенсивно развивается коллектив, если деятельность носит проблемно-творческий характер, предполагающий решение увлекательных задач. Важным для формирования коллектива являются коллективные традиции, установлению которых также должен способствовать классный руководитель. Эти традиции могут устанавливаться в соответствии с содержанием того дела, которое и сплотило коллектив.

Формирование патриотического сознания будет успешным, если патриотическое воспитание учащихся будет строиться на конкретной исторической

основе, ориентироваться на взаимодействие со всеми значимыми факторами внешней среды. Эффективное формирование патриотического сознания личности возможно только на основе глубокой интеграции воспитательной системы образовательного учреждения с условиями и факторами социальной среды. Несомненно, базовым звеном государственной системы патриотического воспитания граждан должна стать школьная система патриотического воспитания, цель которой – формирование патриотического сознания у учащихся. Процесс формирования патриотического сознания у учащихся будет более эффективным, если определить содержание и структуру процесса формирования патриотического сознания школьников с позиций нравственного, патриотического и гражданского воспитания с учетом конкретной исторической основы и патриотических традиций многонационального состава Российской Федерации и связанное с ним многообразие национально-этнических культур.

Литература

1. *Валеев, И.И.* Народность и патриотизм / И.И. Валеев. – Уфа, 2000.
2. *Еремин, И.А.* Патриотическое воспитание молодого поколения России / И.А. Еремин // Проблемы и пути повышения эффективности воспитания студенческой и учащейся молодежи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2005. – С. 12 – 14.
3. *Котруца, Л.Н.* Формирование патриотического сознания у старшеклассников в школьной системе воспитания: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л.Н. Котруца. – Майкоп, 2009.
4. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 гг.»: постановление Правительства Российской Федерации от 11 июля 2005 г. № 422, Москва // Воспитание школьников. – 2006. – Вып. 2.

УДК 376.433

А.Н. Шалкина

Научный руководитель: кандидат психологических наук, доцент В.Н. Поникарова

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ, В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРА ПМСС

В статье представлена актуальная проблема педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ, показаны различные подходы к пониманию педагогического сопровождения. Автор раскрывает особенности педагогического сопровождения семей с детьми с СДВГ в условиях центра ПМСС.

The article considers the problem of pedagogical support of families having children with limited possibilities of health and presents the different approaches to understanding the pedagogical support. The author presents the features of pedagogical support of families with children with limited possibilities of health in the centers of PMSS.

Педагогическое сопровождение, педагогическая поддержка, дети с ограниченными возможностями здоровья, центры психолого-медико-социального сопровождения.

Educational support, children with limited possibilities of health, centers of psychological, medical and social support.

Понятие «педагогическое сопровождение» неразрывно связано с понятием «педагогическая поддержка», которое многие исследователи рассматривают как стратегию и тактику образования XXI в. Само понятие «педагогическая поддержка» и появившееся вслед за ним «педагогическое сопровождение» были введены в педагогический оборот в связи с проблемами воспитания детей школьного возраста [1].

В разных странах для обозначения педагогической поддержки используются различные понятия. Более известен и широко употребляется в образовательных системах различных стран термин «school-counselling and guidance». В отечественной педагогической литературе чаще используется – «guidance» («помощь в любых затруднительных ситуациях выбора, принятия решения или адаптации к новым условиям», а также «процесс оказания помощи личности в самопознании и познании ею окружающего мира с целью применения для успешной учебы, выбора профессии и развития своих способностей») [13], [14].

Для обозначения педагогической поддержки в США употребляют термин «classroom environment», что непосредственно связано с созданием благоприятной атмосферы в классе. В Англии педагогическая поддержка представлена понятиями «pastoral care» (пасторская забота), «tutoring» (опекунство) и «personal and social education» (личностное и социальное образование). Многообразие терминов не снимает всей сущности моделей педагогической поддержки, которая заключается в оказании превентивной и оперативной помощи детям (подросткам) в решении их индивидуальных проблем, связанных с физическим и психическим здоровьем, деловой и межличностной коммуникацией, с успешным продвижением в обучении, с жизненным и профессиональным самоопределением [13], [14].

Положения, касающиеся вопросов педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, нашли отражение в работах зарубежных авторов, среди которых З. Александер, С. Берtrand, И. Виль, Ж-Ф. Раво, Ж. Савари, К. Хамоне и др. [1], [2], [5].

В нашей стране в научно-педагогической литературе по проблемам объединения усилий образовательного учреждения и семьи в вопросах воспитания нормально развивающихся детей и детей с ограниченными возможностями здоровья (О.С. Бажанова, Л.Я. Олиференко, И.Ф. Дементьева, О.М. Потаповская) используется следующий синонимический ряд наименований педагогической поддержки как процесса: «работа с семьей», «совместная работа», «сотрудничество», «совместная деятельность», «педагогическая поддержка», «педагогическое сопровождение», «психолого-педагогическое сопровождение» «социально-педагогическая поддержка семьи» [2], [5].

Идеи педагогики поддержки разрабатывались в нашей стране со второй половины 80-х гг. XX в. и оформились в целостную концепцию «педагогической поддержки», созданную к середине 1990-х гг. О.С. Газманом и группой его коллег – Н.Н. Михай-

ловой, С.М. Юсфиним, Т.В.Анохиной. Область педагогической работы с семьями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья, направленная на разработку коррекционных мер, рассматривалась в исследованиях А.В. Батовой, Н.Л. Белополюской, Т.Г. Богдановой, О.И. Витвар, О.И. Волжиной, М.С. Певзнер, Н.С. Моровой, М.М. Семанго, В.В. Ткачевой, Н.Б. Шабалиной [2], [5], [9].

Наиболее полно процесс взаимного влияния образовательного учреждения и семьи друг на друга, способствующий более успешной реализации их воспитательных возможностей, отражают категории «взаимодействие» и «педагогическое сопровождение». В качестве одного из видов педагогического сопровождения субъектов образования исследователи выделяют педагогическое сопровождение семьи. Под понятием «педагогическое сопровождение семьи» понимается «система деятельности государства и общества по оказанию опережающей, профилактической и оперативной помощи семье (осуществляемой через профессиональных педагогов, психологов и других специалистов) в вопросах воспитания детей, решения общих и индивидуальных педагогических проблем, возникающих на разных стадиях развития семьи и ребенка» (О.М. Потаповская).

В основе всей работы по педагогическому сопровождению семьи лежит системный подход. В логике системного подхода процесс сопровождения семьи может быть осуществлен на различных уровнях взаимодействия государства и общества с семьей, в частности, на уровне общеобразовательного учреждения. Это позволяет выделить ряд направлений, структурирующих деятельность по решению этой проблемы: содержательное, социально-педагогическое, программно-структурное, направление кадрового обеспечения системы, организационно-политическое, экономическое, управленческое направление [2].

На сегодняшний день в специальной литературе освещены различные модели педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. В России это – педагогическая модель, диагностическая модель, социальная модель, медицинская модель, психологическая модель [1], [2], [9].

Существующие в нашей стране центры психолого-медико-социального сопровождения (центры ПМСС) занимают важное место в системе сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья. Специалисты центров ПМСС (учителя-логопеды, учителя-дефектологи, педагоги-психологи, врачи-психиатры) решают проблемы детей на межведомственном уровне, объединяя усилия специалистов различных сфер: здравоохранения, образования, социальной защиты населения. Специалисты подобных центров оказывают квалифицированную помощь населению, дошкольным и школьным учреждениям в решении вопросов своевременного учета, комплексной психолого-медико-педагогической диагностики, обучения, социально-трудовой адаптации и интеграции в общество детей с ограниченными возможностями здоровья.

В условиях центра ПМСС педагогическому сопровождению семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, придается особое значение. Как правило, помощь семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья, в центре ПМСС осуществляется по следующим направлениям: диагностико-консультативное, коррекционно-развивающее, психолого-педагогическое просвещение, организационно-методическое. В настоящее время серьезной проблемой является отсутствие у родителей знаний о способах коррекционно-развивающей работы с детьми с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью.

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (далее СДВГ) – психическое расстройство, начинающееся в детском возрасте, которое проявляется такими симптомами, как: гиперактивность, забывчивость, плохо управляемая импульсивность и отвлекаемость [6]. Анализ литературы выявил широкую вариабельность данных по распространенности СДВГ. Так, например, в США, гиперактивных детей – 4 – 20 %, в Великобритании – 1 – 3 %, в Италии – 3 – 10 %, в Китае 1 – 13 %, в России – 4 – 18 %. По статистике, синдром дефицита внимания с гиперактивностью встречается в пять раз чаще у мальчиков, чем у девочек. Синдрому дефицита внимания с гиперактивностью сопутствуют запаздывание процессов созревания высших психических функций и, как следствие, специфические трудности обучения. У детей с СДВГ проявляются трудности планирования и организации сложных видов деятельности. Большинству из них присуща слабая психоэмоциональная устойчивость при неудачах, низкая самооценка, упрямство, лживость [4].

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью – одна из наиболее частых причин обращения за психолого-педагогической помощью в дошкольном возрасте. Проявление данного синдрома определяется тремя основными симптомокомплексами. Это невнимательность, гиперактивность, импульсивность. Проявления СДВГ с возрастом могут меняться. В раннем детстве отмечается незрелость двигательных и психических функций, старшие дошкольники с СДВГ демонстрируют снижение произвольности собственной активности как одной из составляющих развития ребенка, обуславливающей снижение и незрелость формирования в развитии следующих функций: внимания, праксиса, ориентации. Изучением детей с указанным синдромом занимались такие исследователи, как: Б.А. Архипова, Т.В. Ахутина, Е.Ю. Балашова, Г.В. Болотковский, И.П. Брызгунова, П. Деннисон, О.И. Политика. Вопросам построения и проведения коррекционных, развивающих и терапевтических мероприятий уделяли внимание Т.В. Ахутина, Я.Л. Обухов, Н.М. Пылаева, Н.Я. Семаго, А.В. Семенович, А.Л. Сиротюк, Л.С. Чутко. [3], [4], [6].

Избежать множества проблем у детей с СДВГ в детском саду, а в последующем и в начальной школе, поможет своевременная медико-психолого-педагогическая коррекция, охватывающая мультиморбидность проблем у данной категории детей, способст-

вующая их дальнейшей социальной адаптации в обществе. На сегодняшний день проблема оказания педагогической помощи семьям, воспитывающим детей с СДВГ, особенно актуальна. Однако проблема педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с СДВГ, освещена недостаточно полно. Практически отсутствуют программы, рассматривающие мультиморбидность проблем развития ребенка с СДВГ в комплексе с проблемами в семье, коллективе сверстников и сопровождающих развитие ребенка, на основе мультимодального подхода [3], [6], [8].

В условиях Череповецкого центра ПМСС (БОУ ВО «Череповецкий центр психолого-медико-социального сопровождения» г. Череповца Вологодской области) педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с СДВГ, осуществляется многими специалистами – дефектологами, психологами, логопедами, врачом-психиатром. В рамках педагогического сопровождения семей для родителей проводятся индивидуальные, групповые консультации, лекции, беседы, дискуссии, родительские собрания, интерактивная работа с использованием компьютера, показ открытых занятий. Организуются обучающие семинары с показом методов и приемов работы (психогимнастики, кинезиологических упражнений, комплекса пальчиковых упражнений с ученической ручкой, карандашом и катушкой из-под ниток, комплекса дыхательных упражнений, игровой терапии, библиотерапии), презентации, игры-консультации, деловые игры, консультации-презентации, семейный клуб «Учимся понимать друг друга», анализ видеозаписей, родительский уголок, индивидуальное консультирование (в том числе и дистанционное, через функционирующую в учреждении «почту доверия»), активно ведутся тетради домашних заданий, дневники наблюдений. Специалисты применяют в своей работе современные методы, приемы и технологии [2], [9], [10], [11], [12].

Таким образом, особенности педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе детей с СДВГ, в условиях центров ПМСС заключаются в максимально возможном использовании традиционных и нетрадиционных технологий, в том числе современных здоровьесберегающих и дистантных технологий. Проводимая коррекционно-развивающая работа строится по индивидуальному образовательному маршруту, отличается гибкостью и мобильностью, не исключает возможности изменения указанных направлений работы с учетом социальных запросов родителей. Особое внимание уделяется раннему началу диагностической и коррекционной работы, сотрудничеству педагогов и медицинских работников на всех этапах оказания помощи детям и их семьям.

Литература

1. Анохина, Т.В. Педагогическая поддержка как реальность / Т.В. Анохина // Новые ценности образования: забота – поддержка – консультирование. – М., 1996. – С. 5 – 7.

2. *Бажанова, О.С.* Системный подход к организации педагогической поддержки семьи нетипичного ребенка: дис. ... канд. пед. наук / О.С. Бажанова. – Саратов, 2003.

3. *Болотковский, Г.В.* Гиперактивный ребенок: развитие, воспитание, обучение / Г.В. Болотковский, Л.С. Чутко. – СПб., 2009.

4. *Кучма, В.Р.* Дефицит внимания с гиперактивностью у детей России: распространенность, факторы риска и профилактика / В.Р. Кучма, А.Г. Платонова. – М., 1997.

5. *Малофеев, Н.Н.* Специальное образование в России и за рубежом / Н.Н. Малофеев. – М., 1996.

6. *Политика, О.И.* Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью / О.И. Политика. – СПб., 2008.

7. *Потаповская, О.М.* Педагогическое сопровождение семьи в вопросах духовно-нравственного воспитания детей / О.М. Потаповская. – М., 2002.

8. *Специальная семейная педагогика. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии.* – М., 2011.

9. *Ткачева, В.В.* Технологии психологической помощи семьям детей с отклонениями в развитии / В.В. Ткачева. – М., 2007.

10. *Шалкина, А.Н.* Образовательная кинесиология и возможности использования в коррекционно-развивающей работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья / А.Н. Шалкина // Актуальные проблемы обучения и

воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья: Материалы Международной практической конференции Москва, 21 – 23 июня 2011 г. / под ред. И.В. Евтушенко, В.В. Ткачева. – М., 2011 – С. 313 – 315.

11. *Шалкина, А.Н.* Образовательная кинесиология в работе учителя-дефектолога / А.Н. Шалкина // Актуальные проблемы сохранения социального здоровья подрастающего поколения: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции (г. Череповец, 19 – 20 мая 2011 г.) / под ред. Н.В. Ивановой. – Череповец, 2011. – С. 40 – 42.

12. *Шалкина, А.Н.* Сопровождение семей, воспитывающих детей дошкольного возраста с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, в условиях центра ПМСС / А.Н. Шалкина // Психология и жизнь. Традиции культурно-исторической психологии и современная психология детства / под ред. Л.А. Пергаменщик. – Минск, 2010. – С. 306 – 307.

13. *Bagnato, S.J.* Integrated day care as special education: Profiles of programs and children / S.J. Bagnato, S. Kontos, J. Neisworth // Topics in Early Childhood Special Education. – 1987. – № 7 (1). – P. 28 – 47.

14. *Worley, M.* Current practices with young children who have disabilities: Issues of placement, assessment and instruction / M. Worley, M.G. Werts, A. Holcombe // Focus on Exceptional Children. – 1994. – № 26 (6). – P. 1 – 12, 157.

УДК 75.035(474.5)7

Я.Л. Жемойтель

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Ю.В. Линник

К.М. ЧЮРЛЕНИС И РУССКАЯ ИКОНОПИСЬ

В статье анализируются параллели в творчестве литовского художника М.К. Чюрлениса и русской иконописи на примере сопоставления последней работы Чюрлениса «Рех» и иконы «Всех скорбящих радость» (XVII в.).

М.К. Чюрленис, «Рех», Е. Блаватская, икона «Всех скорбящих радость».

The article analyses the parallels in the works of Lithuanian composer and artist M.K. Chiurlionis and Russian icon painting on the example of Chiurlionis' latest work «Rex» and the icon «All grieving pleasure» (XVII-th century).

M.K. Chiurlionis, «Rex», E. Blavatskaya, the icon «All grieving pleasure».

Последней работой литовского художника М.К. Чюрлениса стал загадочный «Рех» (1909) (см. рис. 1), выставившийся в Петербурге и вызвавший диаметрально противоположные оценки критиков. Споры об этой работе ведутся до сих пор. В центре картины, можно сказать, – человек, а можно сказать, что и сам образ мира. Точнее – растворение в человеке самого собственно человеческого начала. Это геоцентрическая модель Вселенной, похожая на средневековую карту, когда человек ощущал себя в центре мироздания.

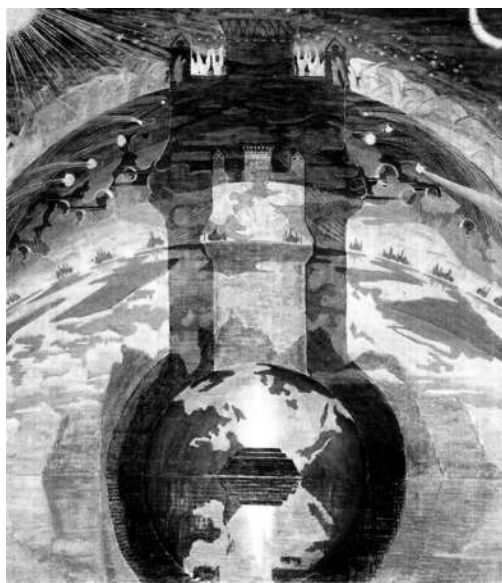

Рис. 1. М.К. Чюрленис. Рех

Землю, вернее, ее материальное ядро Чюрленис удваивает на тонком плане в виде полупрозрачной сферы с контурами материков, перемежающихся облаками. Следующий уровень – область падающих звезд, комет, прилетевших из дальнего космоса – сферы, плотно населенной ангелами, которые образуют защитную оболочку вокруг Земли. В центре

этого великолепия на троне восседает Царь, существующий также в двойном измерении: в виде гигантской тени, простирающейся до самого Солнца, и более плотном сгущении у самого ядра Земли.

Чюрленису удалось в художественном пространстве прорваться на тонкий план бытия, выйти в духовный космос. В творчестве его интересовала космогония: рождение миров из пустоты, из одних мыслей Бога и возникновение образов также из одного замысла художника, то есть из ничего. Когда философия заговорила о бессознательном, внутренний мир человека стал рассматриваться как источник образов, воспринимаемых в космическом контексте, поскольку внутри человека вдруг открылась черная бездна, подобная разверзшемуся небу. Внутренний мир человека сделался изоморфен космосу и столь же бесконечен.

В творчестве Чюрлениса получили интересное преломление космические устремления русской философии. На космизацию художественного сознания рубежа XIX – XX вв. большое влияние оказала Елена Блаватская, с трудами которой был знаком Чюрленис. Собственную эстетическую концепцию он строил не без влияния принципов теософии, которая в начале XX в. буквально пропитывала российский воздух. «Тайная доктрина» Е.П. Блаватской выявляет некоторые геометрические архетипы мироздания, созвучные с эстетикой, которую вскоре будет пропагандировать авангард.

В «Тайной доктрине» Елены Блаватской эзотерические символы иероглифичны, т.е. плотно связаны с миром. В картине «Рех» символ человека-космоса накладывается на «Вездесущий, Вечный, Беспредельный и Непреложный ПРИНЦИП» Блаватской, «о котором никакие рассуждения невозможны, ибо он превышает мощь человеческого понимания и может быть лишь умален человеческими выражениями и уподоблениями. Он вне уровня и достижения мысли и, согласно словам Мандукья, – «Немыслим и Несказуем» [1, с. 48]. Но еще у Дионисия Ареопаги-

та мы находим такие выражения, как: «изображение неизобразимого», «виды безвидного» и «формы бесформенного» [3, с. 55 – 56], которые могут переданы иными, нежели вербальными, способами. Это и осуществил Чюрленис.

Густонаселенное космическое пространство «Рех» соприкасается с эзотерическим пространством Елены Блаватской, которое «не есть «беспредельная пустота», ни «условная полнота», но вмещает в себя оба понятия. Будучи на плане абсолютной отвлеченности вечннепознаваемым Божеством, являющимся пустотой только для ограниченных умов на плане иллюзорного умозрения, или же Пленумом, абсолютным Вместилищем всего Сущего, проявленного или непроявленного, оно есть потому то Абсолютное ВСЕ» [1, с. 42]. Это пространство в эзотерическом символизме называется «Семижды облаченная Вечная Матерь – Отец», ибо от недифференцированной до его дифференцированной поверхности оно состоит из семи слоев» [1, с. 43]. Два последних, по Блаватской, «пока абсолютно вне человеческого познания» [1, с. 47]. Действительно, пространство «Рех» Чюрлениса состоит только из пяти слоев. В сборнике пословиц русского народа В.И. Даля отмечается: «На семи поясах бог поставил звездное течение. На первом поясе небесные ангелы, на втором – архангелы, на третьем – начала, на четвертом – власти, на пятом – силы, на шестом – господства, на седьмом – херувимы, серафимы и многочисества» [2, с. 290]. В народном сознании в Царствии небесном восседает, естественно, Царь со всеми атрибутами царской власти – скипетром и державой, в ожерелье небесных тел, украшенный звездами, аки смарагдами. Земной царь, или же бледное подобие Царя небесного, на русской почве получил соответственное ласковое прозвище «батюшка», поскольку Царь небесный – это еще и Отец. Отождествление Бога и Царя наиболее полно, зримо осуществилось в традиции русских апокрифов, сказок и преданий, но ведь и самого Христа издевательски называли «Царь иудейский».

«Рех» – «Царь» Чюрлениса передает иерархическую структуру невидимого пространства бытия, которое строится по принципу матрешки, но при этом слои взаимопроницают, пронизывают друг друга. По тому же принципу в восточной традиции строится и тело человека, когда физический план достраивается астральным и ментальным слоями.

Можно также сопоставить композицию «Рех» с русской иконой XVII в. «Богородица всех скорбящих радость» (рис. 2), на которой земля приобретает не библейскую – четырехугольную – форму, а шарообразную. Л.С. Ретковская пишет, что «о шаровидной форме земли было известно на Руси еще в XVI веке по «Луцидариусу», жестоко осмеянному Максимом Греком и на время как будто забытому. В XVII веке взгляды, высказанные в этой книге по вопросам мироздания, снова стали встречаться в новых сочинениях переводной литературы» [5, с. 20]. Вселенная представлялась в соответствии с описаниями Аристотеля и Птолемея, в результате на некоторых иконах земля стала изображаться в виде сферы. Итак, на

иконе «Всех скорбящих радость» каждое светило размещается на отдельном «небе» и снабжается надписью. Всего «небес» двенадцать. Последнее – «Небо эмпирейское престолу божию», а на восьмом царствуют знаки Зодиака. Л.С. Ретковская полагает, что икона «Всех скорбящих радость» – произведение скорее светской, нежели церковной живописи, своеобразный планетарий XVII в., привлекающий внимание зрителя необычным «астрономическим фоном».

Рис. 2. Икона «Всех скорбящих радость». XVII в.

В начале XX в. гелиоцентрическая система Коперника, естественно, уже никого не удивляла (хотя о. Павел Флоренский и придерживался иной точки зрения, см. «Мнимости в геометрии»), и все же «Рех» М.К.Чюрлениса – пространство явно земного мира, писанное в иконописной традиции, представляющей многоуровневую Вселенную, в центре которой – Земля, а вместе с ней и человек, пусть даже ничтожный по сравнению с Господом. (Стоит упомянуть, что, как русская иконопись, так и «Тайная доктрина», – суть попытки описания «немыслимого» и «несказуемого»). А ведь сам Чюрленис настаивал, что он создает картины не земного – иных миров, его эсхатологические видения размещаются не на Земле и не в дальнем космосе. Но тогда где? На этот вопрос ответил Николай Кузанский: «...человек есть бог, только не абсолютно, раз он человек; он – человеческий бог (humanus duos). Человек есть также мир, но не конкретно все вещи, раз он человек; он – микрокосм, или человеческий мир. Область человечности охватывает, таким образом, своей человеческой потенцией бога и весь мир. <...> Человечность есть человечески определенным образом единство,

оно же и бесконечность, и если свойство единства – разворачивать из себя сущее, поскольку единство есть бытие, свертывающее в своей простоте все сущее, то человек обладает силой разворачивать из себя все в круге своей области, все производить из потенции своего центра» [4, т. 1, с. 261]. Цель творческой деятельности человека – достижение границ самого себя. Но поскольку в человеке свернут целый мир, он сам в творчестве бесконечен. Внутренний мир человека – животворящая бездна, извергающая из себя новые миры.

Николай Кузанский заметил, что человек – малое царство внутри большого царства универсума и что человек непосредственно подвластен собственному царю, правящему в нем, то есть душе, и лишь после этого опосредованно подвластен царству этого мира. «Отблеск всего универсума есть на каждой его части, потому что все стоит в своем отношении и в своей пропорции к целому; но только в той его части, которая зовется человеком, его отблеск больше, чем в какой бы то ни было. Поскольку совершенная цельность универсума больше просвечивает в человеке, человек оказывается совершенным миром, хоть

и малым, оставаясь в то же время частью большого» [4, т. 2, с. 271]. Человек Николая Кузанского есть Вселенная и вместе с тем Бог, но ограниченные временем и пространством.

Принцип совпадения человека, мира и Бога у него связан с учением о свертывании мира в Боге и разворачивании мира из Бога, которое является вариантом неоплатоновской концепции эманации: мир истекает из Бога как бесконечного абсолютного единства посредством его самоизлучения, истечения в мир конечных вещей.

Литература

1. *Блаватская, Е.И.* Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии / Е.И. Блаватская. – Л., 1991.
2. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 1957.
3. *Дионисий, Ареопагит.* Сочинения / Ареопагит Дионисий. – СПб., 2002.
4. *Кузанский, Н.* Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский. – М., 1979.
5. *Ретковская Л.С.* Вселенная в искусстве Древней Руси / Л.С. Ретковская. – М., 1961.

РОЛЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РАЗВИТИИ ПРОФИДЕНТИЧНОСТИ

Явление нравственных ценностей рассматривается как важный аспект современного обучения и воспитания подрастающего поколения. Система ценностей определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений, жизненной концепции и смысла жизни. Идентичность субъекта зависит от того, как он сам себя интерпретирует, что для него является ценностью. Определены основные ценностные ориентации учащихся техникума.

Ценности, нравственные ценности, ценностные ориентации, жизненные ориентиры, идентичность.

Phenomenon of moral values is considered as a prominent aspect of modern education and upbringing of the younger generation. The system of values defines a substantial aspect of a person and is the basis of her relations, the vital concept and the meaning of life. The identity of a person depends on how he interprets himself, what is valuable for him. The college students' value orientations are defined in the paper.

Values, moral values, value orientations, vital principles, identity.

В современном российском обществе происходят сложные социально-экономические и социально-политические изменения [7, с. 3]. В изменившейся социальной ситуации человек стремится выработать в себе и принять такие ценности, жизненные ориентиры, которые бы позволили ему найти свое место в различных системах взаимодействия и самоопределяться [9, с. 156].

Изучение ценностного отношения человека к окружающему его миру имеет давнюю историю. Вопрос о ценном, нужном, значимом для человека нашел отражение в многочисленных памятниках литературы, в философских, религиозных, правовых и политических трактатах.

Завершающийся XX в. вывел проблему осмысления ценностей человеческого бытия на первый план научного познания, ознаменовав тем самым современный, аксиологический, этап развития науки. Однако ценности и ценностные ориентации человека всегда являлись одним из наиболее важных объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания [3, с. 50].

Актуальность проблемы формирования нравственных ценностей учащихся обусловлена необходимостью гуманизации современного образования, сутью которого должно стать не только приобретение знаний, умений и навыков, но и приобщение учащихся к духовно-нравственным ценностям [5, с. 3].

Развитие аксиологии начинается в недрах неокантианства – Фрейбургская школа, представители которой (В. Виндельбанд и Г. Риккерт) объявили понятие «ценность» главным предметом философии. Вслед за ними представители феноменологического направления М. Шелер и Н. Гартман абсолютизировали понятие «ценность» как философскую категорию и обосновали теологическое учение о ценностях. Ценности – это обобщенные представления о

благах и приемлемых способах их получения, на основе которых субъект осуществляет сознательный выбор целей и средств деятельности [2, с. 21].

Обращаясь к ценностным ориентациям, необходимо уточнить, что они являются производными от ценностей личности (Б.Г. Ананьев, Д.А. Леонтьев). При этом ценностные ориентации являются не просто добровольным принятием неких социальных норм, а внутренним побуждением, которое выступает в форме переживания смысла всей жизни [7].

Философское познание роли ценностей и смыслов в жизни человека осуществляли Л.Б. Буева, М.С. Каган, В.А. Лекторский, Н.О. Лосский, Е.Н. Трубецкой и др. Проблема формирования нравственных ценностей как ядра личности является центральной в воспитательной системе. Значимый фактор формирования нравственных ценностей – создание благоприятного эмоционального фона. На особую роль эмоций в формировании нравственных ценностей указывал еще К.Д. Ушинский: «Ничто – ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования; в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя» [1, с. 21]. Мир чувств и эмоций пронизывает все стороны нашей жизни. Нравственные чувства выражают отношение человека к другим людям, к семье, к самому себе.

Предпосылки для начала реального выполнения системой ценностных ориентаций всех своих регулятивных функций окончательно складываются лишь в юношеском возрасте. Как обоснованно пишет Л.И. Божович, «только в юношеском возрасте моральное мировоззрение начинает представлять собой такую устойчивую систему нравственных идеалов и принципов, которая становится постоянно действующим побудителем, опосредствующем все их поведение,

деятельность, отношение к окружающей действительности и к самому себе» [3, с. 321]. В основе приобретения ценностной системой реально действующего характера лежит осознание человеком личностного смысла жизни. Именно в юношеском возрасте вопросы о смысле жизни наиболее часты и особенно насущны. Появление потребности в определении своих жизненных целей, нахождении своего места в жизни становится отличительной особенностью именно этого периода взросления. Как отмечает И.С. Кон, характерной чертой юношеского возраста является формирование жизненных планов, возникающих в результате обобщения личностных целей, иерархии мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций. Появление жизненных планов, выступающих, по его мнению, как явления одновременно социального и этического порядка, характеризуется различием вопросов «Кем быть?» и «Каким быть?», т.е. обособлением процессов профессионального и морального самоопределения [6, с. 136]. В юношеском возрасте складывается собственное мировоззрение человека, создающее возможность формирования внутренней, автономной системы ценностей. Юношеский возраст, таким образом, является решающим в плане формирования ценностной системы личности.

Следует отметить, что ценностные ориентации выступают в качестве регулятора социального поведения личности, в значительной степени определяя выбор деятельности и строение мотивационной сферы личности. Они формируются в процессе социализации личности, т.е. в процессе усвоения социального опыта, и обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других проявлениях личности [1, с. 22].

Создание собственной системы ценностной системы сопровождается обращением подростков к вечным философским проблемам, идеальным представлениям о нравственности. По мнению Е.Ф. Рыбалко, усложнение комплекса личностных свойств подростка происходит за счет включения в систему его ценностных ориентаций различного рода нравственных качеств [8]. Каждый человек должен определить цель своей жизни и свои ценностные ориентации. В современном мире трудно выжить, а еще труднее жить достойно. И чтобы не стать расходным материалом в «машине» социальных преобразований, нужно найти свое место в жизни и обществе, определив смысл своей жизни. Отсутствие этого смысла или его потеря равносильна гибели.

В современной ситуации социализации молодежи, когда происходит глобальная трансформация общественного порядка, очень важно оберегать юное поколение от состояния социальной фрустрации и всячески оказывать содействие его прогрессивному росту [9, с. 157]. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самому, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и «философии жизни». Ценности можно рассматривать как

совокупность представлений о желаемом, используемых при оценивании объектов, событий, определяющих цели и средства поведения, создающих идентичность одного человека или группы. Индивидуальные ценности интегрируют поведение и переживания отдельного человека, придают им целостность. Групповые ценности функционируют как правила социального взаимодействия. Идентичность субъекта зависит от того, как он сам себя интерпретирует, что для него является ценностью [11, с. 16].

Теоретическая и эмпирическая разработка проблемы идентичности началась сравнительно недавно, в 60 – 70-е гг. XX в., хотя само понятие идентичности имеет довольно длительную историю. В отечественной психологии представления об идентичности традиционно развивались в рамках исследования самосознания и самоотношения (Л.С. Выготский, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина).

Одним из условий развития профессиональной идентичности является профессиональное обучение. В процессе обучения в техникуме происходит качественный скачок в профессиональном развитии студентов. Именно в студенческом возрасте начинают формироваться основные идентификационные характеристики, выражающие принадлежность человека к определенной профессии. Для того, чтобы данные идентификационные характеристики развивались интенсивнее, необходимо создание специальных психолого-педагогических условий.

Формирование ценностных ориентаций определяет общий подход человека к себе лично и окружающей действительности, стимулирует его активность, определяет поведение и выбор деятельности. Выступая в роли системообразующего свойства личности, профессиональная идентичность обеспечивает высокий уровень принятия себя как профессионала, быструю адаптацию к новым условиям деятельности.

В данной работе мы рассматриваем особенности ценностных ориентаций студентов железнодорожного техникума как составляющего элемента профессиональной идентичности. В основу эмпирического исследования была положена гипотеза о том, что профессиональная идентичность определяется спецификой ценностных ориентаций и особенностями учебно-профессиональной деятельности. В процессе исследования было рассмотрено формирование ценностно-ориентационного портрета среднего учащегося железнодорожного техникума в процессе обучения. В ходе эксперимента была использована методика С.С. Бубнова «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

В диагностике С.С. Бубнова определялась выраженность каждой из ценностей, а именно:

- 1) приятное времяпровождение, отдых;
- 2) высокое материальное благосостояние;
- 3) поиск и наслаждение прекрасным;
- 4) помощь и милосердие к другим людям;
- 5) любовь;
- 6) познание нового в мире, природе, человеке;
- 7) высокий социальный статус и управление людьми;

8) признание и уважение людей и влияние на окружающих;

9) социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе;

10) общение;

11) здоровье.

Результаты обработки данных позволили сформулировать следующие результаты.

На первом курсе наиболее популярными среди ценностей являются такие, как: приятное времяпровождение, отдых, помощь и милосердие к другим людям, любовь. На втором курсе сюда относятся: высокое материальное благосостояние, отдых, признание и уважение людей, любовь. На третьем курсе – отдых, приятное времяпровождение, помощь и милосердие к другим людям, признание и уважение людей и влияние на окружающих, любовь. На четвертом курсе – отдых и приятное времяпровождение, признание и уважение людей и влияние на окружающих, здоровье.

Центральное положение среди ценностей на первом курсе занимают такие ценности, как: любовь, признание и уважение людей. На втором – помощь и милосердие к другим людям, любовь, высокий социальный статус и управление людьми, здоровье. На третьем – высокое материальное благосостояние, поиск и наслаждение прекрасным, познание нового в мире, природе и человеке. На четвертом – высокое материальное благосостояние, поиск и наслаждение прекрасным, познание нового в мире, природе, человеке.

Среди ценностей, которые оказались на последних местах на первом курсе – это высокое материальное благосостояние, социальная активность, общение и здоровье. На втором – познание нового в мире, природе и человеке, социальная активность, общение. На третьем – поиск и наслаждение прекрасным, социальная активность, общение и здоровье. На четвертом – общение, социальная активность.

При сравнении групп юношей и девушек были получены следующие результаты. Для девушек важнее такие ценности, как: отдых, приятное времяпровождение, помощь и милосердие к другим людям, любовь, признание и уважение людей. У юношей наиболее популярными стали: высокое материальное благосостояние, признание и уважение людей и влияние на окружающих. Далее – помощь и милосердие к другим людям, любовь, здоровье.

Для исследования была использована также методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей. По результатам проведенного нами исследования получены следующие результаты. В группе девушек среди терминальных ценностей на первом месте: здоровье, наличие хороших и верных друзей, любовь, а среди инструментальных ценностей – аккуратность, воспитанность, образованность, жизнерадостность. В группе юношей среди терминальных ценностей – развитие, уверенность в себе, среди инструментальных – воспитанность, аккуратность, исполнительность.

Анализ данных позволил выявить иерархию терминальных ценностей у учащихся техникума. Доминирующими являются: активная деятельность жизни (2,6 %), здоровье (4,3 %), любовь, наличие хороших и верных друзей, уверенность в себе (6 %). Завершают иерархию терминальных ценностей – развлечения, счастье других, творчество.

В иерархии инструментальных ценностей доминируют: воспитанность (4,3 %), аккуратность (5,2 %), образованность и жизнерадостность (6 %), исполнительность и независимость (6,9 %). Менее значимыми для учащихся являются: твердая воля, непримиримость к недостаткам в себе и других, эффективность в делах, чуткость.

Если на основе полученных данных попытаться создать условный ценностно-ориентационный портрет учащихся, то он может выглядеть так. Главное в жизни – приятное времяпровождение и отдых, признание и уважение других людей, высокое материальное благосостояние и любовь, наличие хороших и верных друзей. Конечно, нужно быть жизнерадостным, воспитанным, уверенным в себе, проявлять самостоятельность, занимать активную жизненную позицию. Желательно также иметь возможности для творчества, способность ощущать и переживать красоту природы, искусства.

Такой условный ценностно-ориентационный портрет прослеживается на всех этапах обучения. Важно отметить, что ценность – явное или неявное представление о желательном, которое влияет на выбор из возможных вариантов, типов, средств и целей действий. Ценности связаны со смыслом жизни человека. Их выбор у учащихся, по нашему мнению, связан с их профессиональным становлением. От курса к курсу, по мере взросления, ценности носят все более осознанный характер. Так, выбор ценности «высокое материальное благосостояние» показывает стремление учащихся к возможно более высокому уровню жизни, желание иметь такой уровень образования и профессию, которые гарантируют высокую зарплату и другие виды материальных услуг (учащиеся 2, 3 и 4 курсов). Отличает учащихся старших курсов и то, что они чаще выбирают такие ценности, как: «познание нового в мире, природе, человеке», «поиск и наслаждение прекрасным», «образованность». Учащиеся уже более заинтересованы в получении глубоких знаний, стремятся повысить уровень своей образованности, расширить кругозор. В данном возрасте значимы такие ценности, как: «любовь», «поиск и милосердие к другим людям», «уважение и признание людей», «приятное времяпровождение и отдых». Результаты исследования показывают, что ценности «общение», «здоровье», «социальная активность» не являются самыми популярными. Хотя все же некоторые учащиеся старших курсов начинают задумываться о них.

Следует отметить, что развитие профессиональной идентичности направлено на формирование профессиональной самооценки студентов, удовлетворенности выбранной профессией, принятием ценностей профессионального сообщества. Безусловно, профессии, связанные с железной дорогой,

имеют свою специфику. Среди всех качеств, обеспечивающих успешность выполнения данной профессиональной деятельности, можно выделить такие, как: хорошее здоровье и физическая устойчивость, высокая концентрация и объем внимания, ответственность, внимательность, добросовестность, аккуратность, эмоциональная устойчивость.

Полученные данные свидетельствуют, что учащиеся отмечают те ценности, которые важны и в их дальнейшей профессиональной деятельности – здоровье, исполнительность, аккуратность, образованность, уверенность в себе. Принятие ценностей профессионального сообщества характеризуется тем, что для всех обучающихся наиболее значимыми качествами являются: квалифицированность, образованность, активность и ответственность. Современные юноши и девушки задумываются о материальных ценностях и ценностях индивидуальной самореализации. Малозначимо для них то, что отражает отношение к другим людям, а также моральные нормы (на это хотелось бы обратить внимание и родителей, и педагогов).

Не следует забывать, что ценности носят социальный характер и прививаются обществом. Таким образом, в развитии профидентичности существенную роль играют ценности, способствующие формированию ценностных ориентаций. В дальнейшем ценностные ориентиры оформляются в определенную систему ценностей, и человек начинает руководствоваться этой системой для построения своего поведения.

Актуальность изучения ценностей не утрачивается, потому что мы живем в период сложных социальных перемен, когда становление подрастающего человека протекает в ситуации ценностно-нормативной неопределенности. Наличие определенной системы ценностей личности представляется необходимым психологическим условием формирования

такого важного личностного новообразования как возникновение зрелых жизненных планов, личного и профессионального самоопределения учащихся.

Литература

1. Акутина, С.П. Формирование нравственных ценностных ориентаций учащихся / С.П. Акутина // Классный руководитель. – 2007. – № 3. – С. 5 – 24.
2. Батаршев, А.В. Учебно-профессиональная мотивация молодежи / А.В. Батаршев. – М., 2009.
3. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М., 1968.
4. Гарбузова, Г.В. Студенческое самоуправление как средство формирования профессиональной идентичности будущих специалистов: автореф. ... канд. психол. наук / Г.В. Гарбузова. – Ярославль, 2009.
5. Канаева, Н.А. Ценностные ориентации как сложный социально-психологический феномен / Н.А. Канаева // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2010. – № 6. – С. 50 – 51.
6. Коковина, Л.Н. Формирование ценностно-смысловых ориентаций старшеклассника во внеурочной деятельности: автореф. дис. ... канд. псих. наук / Л.Н. Коковина. – Кострома, 2009.
7. Кон, И.С. Психология старшеклассника / И.С. Кон. – М., 1980.
8. Рамазанов, И.Р. Активизация функций ценностных ориентаций как фактор развития учебной мотивации старших школьников: автореф. дис. ... канд. псих. наук / И.Р. Рамазанов. – Самара, 2006.
9. Рыбалко, Е.А. Становление личности / Е.А. Рыбалко // Социальная психология личности. – Л., 1974. – С. 20 – 31.
10. Трифонова, Е.А. Ценностные ориентации молодежи в условиях современного общества / Е.А. Трифонова // Актуальные проблемы психологии активности личности / отв. ред. С.Б. Малых. – Краснодар, 2010. – С. 156.
11. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность / Л.Б. Шнейдер. – М., 2004.

УДК 159.923

В.Г. Маралов, Е.Ю. Малышева О.В. Нифонтова, Е.Л. Перченко, И.А. Табунов

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ СЕНЗИТИВНОСТИ К УГРОЗАМ И ПОТРЕБНОСТЕЙ В БЕЗОПАСНОСТИ У СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

*Публикация выполнена в ходе проведения поисковой научно-исследовательской работы
в рамках реализации госзадания Министерства образования и науки РФ (заявка № 6.1156.2011)*

Статья посвящена эмпирическому исследованию взаимосвязи сензитивности к угрозам и потребностей в безопасности у старших школьников и студентов. Показывается, что с возрастом повышается уровень сензитивности к угрозам и снижается потенциал потребностей в безопасности. Делается вывод о том, что первоначально (у школьников) высокий уровень потребностей в безопасности стимулирует развитие сензитивности. Сформировавшаяся сензитивность к угрозам выступает в качестве одного из средств удовлетворения потребностей в безопасности (у студентов).

Сензитивность к угрозам, потребности в обеспечении будущего, в упрочнении своего положения, в избегании неприятностей, старшие школьники, студенты.

The article deals with empirical study of relationship of sensitivity to threats and need for safety of senior pupil and students. It is shown that the level of sensitivity to threats increases with ages, but the level of need for safety reduces. The conclusion is made that

the high level of need for safety stimulates the development of sensitivity at school age. Sensitivity to threats is considered to be one of the means of satisfaction of needs for safety of students.

Sensitivity to threats, need for ensuring the future, need for strengthening one's position, need for avoiding troubles, senior pupils, students.

Каждый из нас, наверное, в своем жизненном опыте сталкивался с людьми, которые обладают высокой чувствительностью к опасностям, «нюхом на опасности», особой интуицией, позволяющей избегать неприятностей и выходить невредимым, казалось бы, из безнадежных угрожающих ситуаций. Такая способность в психологии получила название *сензитивности* к угрозам. Ее возникновение и развитие во многом обусловлено, с одной стороны, индивидуальными и личностными особенностями человека, с другой – опытом встречи с опасностями, ошибками и достижениями в сфере обеспечения безопасности своей жизнедеятельности и жизнедеятельности других людей. Несомненным является тот факт, что сензитивность к опасностям является социально желаемым качеством личности, которое необходимо формировать у человека, начиная с детства.

Термин «сензитивность» достаточно широко используется в современной психологии. В психофизиологии – это свойство ощущения, характеризующееся снижением порогов чувствительности к различным раздражителям. Сензитивность как свойство темперамента определяется наименьшей силой внешних воздействий, необходимой для возникновения какой-либо психологической реакции. В психологии личности сензитивность описывается как особенность человека, проявляющаяся в повышенной чувствительности к происходящим с ним событиям и сопровождается обычно повышенной тревожностью, боязнью новых ситуаций, людей, всякого рода испытаний и т.п. При доминировании данной черты личности может возникнуть и закрепиться соответствующий тип акцентуации характера.

Для людей этого типа акцентуации свойственна чрезмерная чувствительность и впечатлительность, сочетающаяся с высокими моральными требованиями к себе, с «этической скрупулезностью». В возрастной психологии часто говорят о сензитивности того или иного возраста к определенным внешним факторам воздействия, имея в виду, что он (возраст) является наиболее благоприятным для возникновения или развития того или иного психического процесса или личностных особенностей. В социальной психологии под сензитивностью понимается качество личности, характеризующее чувствительность человека к другим людям, нередко связанное с такими характеристиками, как эмпатия, симпатия, терпимость и др.

В психологии безопасности личности термин «сензитивность к опасностям» или «сензитивность к угрозам» (угроза – вероятная опасность), хотя и является достаточно распространенным, однако специальным систематическим исследованиям практически не подвергался. Имеется лишь небольшое число работ, где предпринимается попытка раскрыть содержательные стороны понятия «сензитивность», а

также механизмы ее возникновения и функционирования. В частности, В.В. Соломин с соавторами выделяет чувствительность к опасностям в качестве особой характеристики человека. Под ней понимается способность индивида к обнаружению сигналов опасности, которая зависит от индивидуальнотипических особенностей личности [5].

В содержательном плане наиболее полно суть сензитивности к опасностям описал М.А. Котик [2]. Характеризуя особенности переживаний и поведения человека в опасной ситуации, он опирается на понятие значимости. В своих работах он выделяет два ее вида: значимость-ценность – показатель переживаний, вызванных ожидаемым или достигнутым успехом в деятельности, и значимость-тревожность – показатель переживаний, порождаемых трудностями, а также опасностями этой деятельности и ее последствиями. Делается предположение, что переживания, вызванные опасной ситуацией, то есть ее значимость-тревожность, определяются, с одной стороны, тяжестью вытекающих из нее последствий и, с другой, – вероятностью (возможностью) реализации этих последствий. В итоге было установлено, что восприятие события как угрожающего определяется его отрицательной валентностью (значимостью для личности) и оценкой вероятности его наступления. Например, человек будет испытывать тревогу по поводу небольшой царапины лишь при 45 % вероятности наступления события, возможность же получения смертельной травмы вызовет тревогу уже при 2 % вероятности.

Таким образом, чтобы жизненное событие воспринималось как угрожающее и обращало на себя внимание человека, оно должно обладать высокой отрицательной валентностью. Индивидуальные же варианты проявления этого закона очень вариативны. Для одного человека получение небольшой царапины даже при невысокой вероятности наступления события воспринимается как угроза жизни. Для другого – возможность серьезной травмы при высокой вероятности наступления события – факт не стоящий того, чтобы на него обращалось особое внимание.

Опираясь на имеющиеся исследования, под *сензитивностью к опасностям* мы понимаем способность человека из множества воздействующих на него внешних (или внутренних) факторов выделять такие, которые являются угрожающими для его жизни, здоровья, психологического или социального благополучия или наносят ущерб его окружению. Идентификация того или иного фактора, как угрожающего, определяется его негативной валентностью и вероятностью наступления. Чем выше негативная значимость фактора и ниже вероятность наступления события, при которой возникает тревога, тем сензитивнее человек.

Наблюдения и опыт показывают, что люди значительно отличаются друг от друга по уровню выраженности сензитивности к опасностям. У одних она развита на высоком уровне, у других – проявляется только при определенных условиях, третьи вообще не замечают признаков опасности, в результате чего попадают в неприятные ситуации. В соответствии с этим возникает вопрос: какие факторы обуславливают тот или иной уровень сензитивности к опасностям? Очевидно, что таких факторов существует множество. Это и индивидуальные, личностные особенности человека, это и его сформировавшийся опыт встречи с опасностями и сам факт проживания в опасной или безопасной материальной и социальной среде. Однако если следовать логике анализа источников активности личности, в том числе и в сфере обеспечения безопасности, то мы приходим к выводу о необходимости исследования соответствующих потребностей, то есть потребностей в безопасности. Именно они выступают источником активности личности, в том числе и в сфере обеспечения своей безопасности и безопасности ближайшего окружения, а следовательно, могут стимулировать развитие сензитивности к угрозам. С другой стороны, не лишена здравого смысла и мысль о том, что высокая сензитивность к опасностям дает возможность личности вовремя обнаружить сигналы угроз и принять соответствующие меры, снижая тем самым напряженность потребностей в безопасности. Другими словами, возникает проблема выявления взаимосвязи и взаимозависимости сензитивности к угрозам и потребностей в безопасности, что и стало предметом нашего исследования.

Прежде чем обратиться к его замыслу и практическому воплощению, коротко охарактеризуем понятие «потребность в безопасности». Потребность в безопасности относится к категории базовых потребностей человека. В современной науке данная потребность и ее проявления изучены достаточно хорошо. Одной из первых эту потребность выделила К. Хорни [6]. По ее мнению, человеком управляют две тенденции: стремление к безопасности и стремление к удовлетворению своих желаний. Нередко они вступают в противоречие, что и порождает внутренний конфликт. Человек пытается подавить этот конфликт, вырабатывая определенные способы поведения. Разные люди делают это специфическим образом, в итоге формируются своеобразные невротические типы личности. В иерархии потребностей А. Маслоу [3] потребность в безопасности и защите составляет второй уровень, надстраиваясь непосредственно над физиологическими потребностями, выступая, в свою очередь, основой для возникновения потребностей более высокого порядка: в признании, любви, самоактуализации. В современных типологиях потребностей потребность в безопасности относят к группе биогенных потребностей, наряду с потребностью в эмоциональном контакте, ориентировочной потребностью и потребностью в двигательной активности (С.Б. Каверин [1]).

Таким образом, потребность в безопасности у человека – это социализированная биогенная потребность, причем у каждого конкретного индивида ее

проявления очень вариативны и тесно взаимосвязаны с другими потребностями, личностными качествами, характером, стилем жизни и способами построения своего жизненного пути. Она претерпевает самые различные метаморфозы, но именно наличие данной потребности однозначно обуславливает всю деятельность человека по обеспечению своей личной, общественной, экономической, производственной и многих других видов безопасности.

Итак, цель настоящего исследования состояла в выявлении особенностей взаимосвязи сензитивности к угрозам и потребностей в безопасности. Учитывая значимость юношеского возраста в становлении зрелой личности, формирования ее способностей к встрече с жизненными трудностями и опасностями, объектом исследования мы избрали старшеклассников и студентов вуза. Всего было обследовано 155 человек: 70 старшеклассников ряда школ г. Череповца и 85 студентов Череповецкого государственного университета.

Нами было сделано предположение о том, что сензитивность к опасностям, с одной стороны, определяется уровнем напряженности потребностей в безопасности, а с другой стороны, формирующаяся способность к обнаружению угроз приводит к удовлетворению потребностей и снижению их напряженности.

С целью диагностики сензитивности к опасностям нами был разработан специальный опросник. Каждое задание включало в себя формулировку некоторого утверждения и четыре варианта ответов. Испытуемому нужно было выбрать только один вариант, который в наибольшей степени соответствовал его мнению. При последующей обработке варианту, который характеризует сензитивную реакцию, приписывался балл «2», частично сензитивную – балл «1», и несензитивную – «0». Задания были ориентированы на выявление способности к обнаружению возможных угроз, а также способности к контролю ситуации. Одни из них были направлены на диагностику уровня сензитивности к угрозам жизни и здоровью, другие – к угрозам психологическому благополучию. Например: «Общаясь с незнакомым человеком, мне трудно определить, представляет ли он для меня угрозу или нет». Варианты ответов: 1. Да, чужой человек для меня загадка. 2. Чаще всего я точно знаю, представляет ли он для меня угрозу или нет. 3. Иногда я ошибаюсь, иногда нет. 4. Не задумывался.

В данном случае, за выбор варианта 2 ставится два балла, вариант 3 оценивается в один балл, за варианты ответов 1 и 4 ставится 0 баллов. Первоначальный вариант опросника включал в себя 22 вопроса.

Оценка валидности опросника осуществлялась с помощью метода экспертных оценок. И школьникам, и студентам давалось следующее задание: «Назовите фамилии учеников из вашего класса (студенческой группы), которые способны чувствовать опасность, обладают «нюхом» на опасные ситуации. Это не значит, что они их обязательно избегают, но для них справедлива фраза: «Предупрежден – значит вооружен». А теперь назовите фамилии тех, кто, по вашей

му мнению, такой способностью не обладает или обладает в гораздо меньшей степени». В итоге выделялись группы испытуемых, которые получили наибольшее число голосов отдельно по первой и второй позициям. После чего сравнивались ответы на каждый вопрос опросника в той и другой группах. Если различия не обнаруживались, то данный вопрос исключался из списка. В конечном результате из 22 вопросов осталось 12, которые достоверно выявляют уровень сензитивности к угрозам.

Для проверки надежности каждого пункта методики мы использовали метод ретеста. Для этого испытуемые нашей выборки были повторно опрошены с интервалом в один месяц. В результате было установлено, что применяемая процедура исследования обладает удовлетворительной надежностью ($r = 0,51$, при $p \leq 0,01$).

Потребность в безопасности выявлялась с помощью методики парных сравнений В.В. Скворцова [4]. Суть методики состоит в том, чтобы испытуемый попарно сравнивал 15 утверждений, отдавая предпочтение из пары какому-либо одному утверждению. Опросник позволяет выявить выраженность материальных, социальных потребностей, а также потребностей в признании и в безопасности. Каждый блок составляют три потребности. Блок потребностей в безопасности включает в себя следующие из них: обеспечить себе будущее, упрочить свое положение, избегать неприятностей. По каждой группе высчитывается суммарный балл, затем потребности ранжируются по количеству баллов.

Обратимся непосредственно к результатам исследования. Сравнительная характеристика сензитивности к угрозам и потребностей в безопасности приведены в табл. 1, 2. Проинтерпретируем кратко полученные результаты. Как видно из табл. 1, наблюдается тенденция к повышению сензитивности к угрозам у студентов, по сравнению со старшеклассниками. И

хотя такую тенденцию даже без специальной математической оценки нельзя признать статистически значимой, однако она вполне объяснима даже с точки зрения здравого смысла. Студенты от школьников отличаются как возрастом, так и опытом жизни, поэтому вполне понятен тот факт, что они с течением времени приобретают более высокую чувствительность к угрозам своему здоровью, психологическому и социальному благополучию. Выявленная закономерность дает возможность сделать важный в педагогическом плане вывод. Сензитивность к опасностям не только и не столько обусловлена какими-то индивидуальными и характерологическими свойствами, сколько определяется реальным опытом взаимодействия с окружающим миром, встреч с трудностями и опасностями. Следовательно, на развитие данной способности можно воздействовать целенаправленно, то есть формировать ее с использованием специфических психолого-педагогических средств.

Что касается особенностей проявления потребностей в безопасности, то здесь наблюдается обратная тенденция (см. табл. 2), то есть некоторое снижение напряженности потребностей в безопасности. В целом общим моментом является тот факт, что и у школьников и у студентов доминирующее положение занимает потребность «обеспечить будущее», которая слабо выражена всего у 8 % старшеклассников и у 2 % студентов. При этом у студентов наблюдается ее возрастание. Данный факт вполне объясним и не столько возрастными особенностями, сколько теми сложностями, с которыми сталкиваются молодые люди при планировании своего будущего в современной России. Потребность «упрочить свое положение» не претерпевает существенных изменений. Она ярко выражена примерно у четверти школьников и студентов. Особую динамику претерпевает потребность «избегать неприятностей».

Таблица 1

Сравнительная характеристика сензитивности к опасностям у школьников и студентов (%)

Уровень сензитивности к угрозам	Школьники	Студенты
Высокий уровень сензитивности	34	45
Средний уровень сензитивности	30	35
Низкий уровень сензитивности	36	20
Итого:	100	100

Таблица 2

Сравнительная характеристика потребностей в безопасности у школьников и студентов (%)

Потребности	Обеспечить будущее		Упрочить свое положение		Избегать неприятностей		Суммарный индекс потребностей	
	Школьники	Студенты	Школьники	Студенты	Школьники	Студенты	Школьники	Студенты
Ярко выражены	46	59	27	26	28	18	37	33
Умеренно выражены	46	39	48	47	40	18	37	29
Слабо выражены	8	2	25	27	32	64	26	36
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100

У студентов ее потенциал значительно снижается. Если у старших школьников 28 % она ярко выражена и у 40 % выражена умеренно, то у студентов в 64 % она практически отсутствует, то есть многие из них уже научились избегать неприятностей. Возможно, и за счет развития сензитивности к угрозам.

Далее была предпринята попытка сопоставить уровень выраженности сензитивности к угрозам с потребностями в безопасности. Проведенный нами предварительный анализ показал, что здесь не существует линейной зависимости. Было бы неправомерно выстроить гипотезу о прямой взаимосвязи какой-либо потребности с сензитивностью. Кроме того, потребность «обеспечить будущее» является достаточно абстрактной потребностью, которая не связана с конкретной жизнью индивида в данный момент. Высокий уровень ее напряженности свидетельствует о той общей непростой ситуации, с которой сталкиваются молодые люди в наше время, поэтому она долгое время вплоть до полного социально и профессионального самоопределения остается высокой и не влияет напрямую на сензитивность к опасностям в отличие от потребностей «упрочить свое положение» и «избегать неприятностей». Они тесно связаны с той реальностью, которой живет молодой человек сегодня. Поэтому мы предположили, что их различное сочетание и будет оказывать существенное влияние на формирование способности к обнаружению сигналов угроз благополучию школьников и студентов.

В результате анализа данных нами были выделены четыре типа, различающиеся по уровню выраженности названных потребностей. Это испытуемые с относительно высоким уровнем потребностей упрочить свое положение и одновременно избегать неприятностей, испытуемые, у которых либо та, либо другая потребность доминируют, и испытуемые, у которых обе потребности не актуализированы. Количественная их представленность отражена в табл. 3. Знаком (+) обозначен относительно высокий уровень потребности, знаком (-) – относительно низкий уровень потребности.

Таблица 3

Типы старшеклассников и студентов по соотношению потребностей «упрочить свое положение» и «избегать неприятностей» (%)

№ п/п	«Упрочить свое положение»	«Избегать неприятностей»	Школьники	Студенты
1	+	+	16	11
2	+	-	33	40
3	-	+	28	19
4	-	-	23	31
Итого:			100	100

Статистических различий здесь не выявлено. Процентная представленность каждого типа не претерпевает существенных изменений с возрастом. У студентов лишь наблюдается тенденция к снижению 1 и 3 типов и к повышению 2 и 4 типов.

Сопоставим теперь типы испытуемых по соотношению потребностей «упрочить свое положение» и «избегать неприятностей» с сензитивностью к угрозам. В качестве показателя сензитивности возьмем только тех испытуемых, у которых она ярко выражена. Результаты отражены на рис. 1.

Рис. 1. Сензитивность к угрозам у испытуемых с различным соотношением потребностей «упрочить свое положение» и «избегать неприятностей»

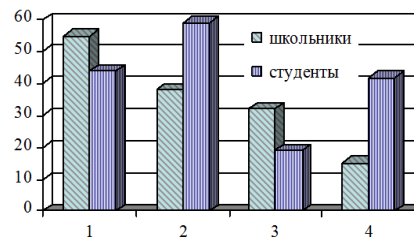

Рис. 1. Сензитивность к угрозам у испытуемых с различным соотношением потребностей «упрочить свое положение» и «избегать неприятностей»

Как видно из рис. 1, у школьников наблюдается значимое снижение сензитивности от 1 к 4 типу. То есть наибольшую сензитивность проявляют учащиеся, у которых и потребность «упрочить положение» и «избегание неприятностей» находятся на высоком уровне (55 %), а наименьшую те, у кого данные потребности слабо выражены (15 %). Совсем иная картина наблюдается у студентов. Здесь наибольшую сензитивность проявляют те испытуемые, у которых выражена потребность «упрочить положение» и не актуализирована потребность «избегать неприятностей» (59 %). Близки к этому испытуемые 1 и 4 типов. Наименьшую сензитивность проявляют студенты противоположного второму типу, то есть испытуемые, у которых не актуализирована потребность «упрочить положение», зато ярко выражена потребность в избегании неприятностей.

Попытаемся проанализировать полученные результаты. У старших школьников объяснение вполне укладывается в некоторую понятную схему. Выраженность названных потребностей стимулирует развитие сензитивности к угрозам. Слабая же выраженность указанных потребностей в упрочнении положения и стремления избегать неприятностей тормозит развитие способности к обнаружению признаков опасности. Сложнее объяснить данные, полученные на студенческом контингенте. Самый высокий уровень сензитивности демонстрируют студенты с выраженной потребностью в упрочнении своего положения, причем пика названный показатель достигает у студентов младших курсов (89 %) при условии удовлетворенности потребности в избегании неприятностей. У старшекурсников этот показатель снижается до 40 %, зато возрастает количество сензитивных к опасностям студентов, у которых названные две потребности удовлетворены. В то же время на всех курсах высокая потребность в избегании неприятностей при отсутствии стремления к самоутверждению тормозит развитие сензитивности. На втором и третьем курсе вообще не обнаружено студентов с высокой сензитивностью к угрозам, на 4 – 5 таких оказалось 27 %.

На основе полученных данных можно выдвинуть гипотезу о неоднозначной связи потребностей в безопасности с сензитивностью к угрозам. В старшем школьном возрасте неудовлетворенность потребностей в упрочнении положения (фактически потребности в самоутверждении) и избегания неприятностей стимулирует чувствительность личности к угрозам. В студенческом возрасте у некоторых студентов (особенно младших курсов) сохраняются тенденции, характерные для старших школьников. У других – сформировавшаяся способность к обнаружению признаков опасности способствует ускорению процесса удовлетворения потребностей, о чем свидетельствует повышение процента испытуемых с высокой сензитивностью в группе студентов, где названные две потребности удовлетворены. Опосредующим факторам прямой или обратной связи сензитивности и потребностей в безопасности будет выступать, на наш взгляд, выбор адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности. Проверке этой гипотезы будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Итак, сделаем некоторые выводы.

1. Сензитивность к опасностям – это способность человека из множества воздействующих на него внешних (или внутренних) факторов, выделять такие, которые являются угрожающими для его жизни, здоровья, психологического или социального благополучия или наносят ущерб его окружению.

2. Выявлена тенденция к повышению уровня сензитивности к опасностям в юношеском возрасте. Студенты более сензитивны к угрозам жизни, здоровью, психологическому и социальному благополучию, чем учащиеся старших классов.

3. Важнейшим фактором, детерминирующим развитие сензитивности к угрозам, является уровень выраженности потребностей в безопасности. Установлено, что для современной молодежи наиболее неудовлетворенной является потребность в обеспечении безопасности своего будущего, причем напряженность этой потребности возрастает от старшего школьного возраста к периоду получения высшего образования. В то же время общая напряженность потребностей в безопасности несколько ослабевает с возрастом. В основном это обусловлено

снижением уровня выраженности потребности в избегании неприятностей.

4. На основе эмпирического исследования обнаружена взаимосвязь потребностей в безопасности и уровня сензитивности к угрозам, которая имеет свою специфику у старших школьников и студентов. У учащихся старших классов неудовлетворенность потребностей в «упрочить свое положение» и «избегать неприятностей» стимулирует повышение сензитивности к угрозам, тогда как их слабая выраженность блокирует ее актуализацию. У студентов (особенно младших курсов) сензитивность к угрозам детерминирована стремлением к самоутверждению (удовлетворение потребности «упрочить свое положение») при значительном снижении потенциала потребности в избегании неприятностей. Те же, у кого потребность в самоутверждении не выражена, однако актуализирована потребность в избегании неприятностей, не способны к адекватному отражению существующей реальности, то есть сензитивность к угрозам не развита.

5. Постепенно, как можно предположить, сензитивность к угрозам, наряду с формированием умения выбирать адекватные способы реагирования на опасные ситуации, будет способствовать снижению напряженности потребностей в безопасности. В то же время, это предположение нуждается в дальнейшем экспериментальной проверке.

Литература

1. *Каверин, С.Б.* О психологической классификации потребностей / С.Б. Каверин // Вопросы психологии. – 1987. – № 5. – С. 88 – 97.
2. *Котик, М.А.* Новый метод экспериментальной оценки отношения людей к волнующим их событиям / М.А. Котик // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 97 – 104.
3. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб., 1999.
4. *Скворцов, В.В.* Способы разрешения конфликтов. Методическая разработка / В.В. Скворцов. – М., 1986.
5. *Соломин, В.П.* Психологическая безопасность / В.П. Соломин, О.В. Шатровой, Л.А. Михайлов, Т.В. Маликова. – М., 2008.
6. *Хорни, К.* Невритическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. – М., 1993.

Сведения об авторах

АБРАМОВА Оксана Геннадьевна / ABRAMOVA Oksana Gennadievna	Соискатель, старший преподаватель кафедры скандинавских языков, Петрозаводский государственный университет / Postgraduate student, senior lecturer, department of Scandinavian languages, Petrozavodsk state university. E-mail: oksana.abramova@yahoo.com
АНАНЬИНА Марина Александровна / ANANYINA Marina Alexandrovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of Germanic Philology, Russian state vocational pedagogical university. E-mail: AnaninaMA@yandex.ru
АНТОНОВА Юлия Валерьевна / ANTONOVA Julia Valerievna	Старший преподаватель кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Senior lecturer, department of heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: pte@chsu.ru
АРКАДЬЕВА Татьяна Григорьевна / ARKADIEVA Tatyana Grigorievna	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, РГПУ им. А.И. Герцена / Doctor of Science (Philology), professor, head of the department of the Russian language as a foreign one, Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. E-mail: kafarki@mail.ru
БЕЛЕЦКАЯ Елена Александровна / BELETSKAYA Elena Alexandrovna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Белгородский государственный институт культуры и искусств / Candidate of Science (Psychology), associate professor, department of socio-cultural activity, Belgorod state institute of culture and arts. E-mail: 280177@inbox.ru
ВЕТРОВ Филипп Алексеевич / VETROV Philip Alekseevich	Аспирант кафедры отечественной истории, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of history, Cherepovets state university. E-mail: vetrov_fillip@mail.ru
ВОРОНЦОВА Татьяна Владимировна / VORONTSOVA Tatyana Vladimirovna	Аспирант, инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий РАН / Postgraduate student, engineer - researcher, Institute of Socio-Economic development of territories Russian Academy of Science. E-mail: s.t.v.-@mail.ru
ГРИГОРЬЕВА Елена Феофановна / GRIGORIEVA Elena Feofanovna	Соискатель кафедры русской классической литературы и славистики, Литературный институт им. А.М. Горького / Postgraduate student, department of Russian classical literature and Slavic studies, Literary institute named after A.M. Gorkiy. E-mail: mmsanna26@gmail.com
ДЬЯКОВА Людмила Александровна / DYAKOVA Ludmila Alexandrovna	Ассистент профессора кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Московский государственный педагогический университет / Assistant of the professor, department of Pedagogy and Psychology of professional education, Moscow state pedagogical university. E-mail: m1lo4ka@mail.ru
ЕРОХИНА Елена Геннадьевна / EROKHINA Elena Gennadievna	Аспирант кафедры русского языка и методики, Московский гуманитарный педагогический институт / Postgraduate student, department of the Russian language and teaching methods, Moscow humanitarian pedagogical institute. E-mail: corcordium@mail.ru
ЕРШОВА Евгения Олеговна / ERSHOVA Evgenia Olegovna	Соискатель кафедры делового иностранного языка, Сибирский Федеральный Университет / Postgraduate student, department of business foreign language, Siberian Federal university. E-mail: genja7777@yandex.ru
ЖАРКАЯ Галина Федоровна / ZHARKAYA Galina Fedorovna	Аспирант, ассистент кафедры «Управление инвестициями и недвижимостью», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления / Postgraduate student, assistant, department of Management of investment and real estate, East-Siberian state university of technology and management. E-mail: galina5122@mail.ru
ЖЕМОЙТЕЛЬ Яна Леонардовна / ZHEMOYTEL Yana Leonardovna	Аспирант кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Карельская государственная педагогическая академия / Postgraduate student,

	department of Philosophy and Socio-Economic disciplines, Karelian state pedagogical Academy. E-mail: hemoitelite@mail.ru
ЖИНДЕЕВА Елена Александровна / ZHINDEEVA Elena Alexandrovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева / Doctor of Science (Philology), professor, department of literature and methodology of teaching literature, Mordovia state pedagogical institute named after M.E. Evseviev. E-mail: jindeeva@mail.ru
ЗАЙЦЕВ Юрий Сергеевич / ZAITSEV Yuri Sergeevich	Аспирант кафедры национальной экономики, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет / Postgraduate student, Department of National Economics, Saint Petersburg state polytechnic university (Saint Petersburg). E-mail: zaitsev_yuri@hotmail.com
ИВАНОВ Константин Владимирович / IVANOV Konstantin Vladimirovich	Аспирант кафедры информационной безопасности, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of information security, Cherepovets state university. E-mail: ikv@stcbit.ru
ИВАНОВА Лариса Радимовна / IVANOVA Larisa Radimovna	Соискатель, ассистент кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет / Postgraduate student, assistant, department of foreign languages, Bashkir state agrarian university. E-mail: larisa280879@yandex.ru
ИВАШОВА Елена Станиславовна / IVASHOVA Elena Stanislavovna	Старший преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО (У) МИД России / Senior lecturer, department of the English language № 1, Moscow state institute of international relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia. E-mail: e.ivashova@yahoo.com
КАЛЁНОВА Наталья Алексеевна / KALYONOVA Natalia Alekseevna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры компьютерного инжиниринга и международных образовательных программ, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолгГАСУ) / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of computer engineering and international educational programs, Volgograd state architectural and civil engineering university (VSACEU). E-mail: nakalyon@rambler.ru
КАНАЕВА Надежда Анатольевна / KANAEVA Nadezhda Anatolievna	Аспирант кафедры социально-гуманитарных наук, Вологодский государственный педагогический университет / Postgraduate student, department of Socio-Humanitarian sciences, Vologda state pedagogical university. E-mail: kannad10@mail.ru
КАСТОРНОВА Василина Анатольевна / KASTORNOVA Vasilina Anatolievna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of computer science, Cherepovets state university. E-mail: kastornova_vasya@mail.ru
КОМКОВ Александр Алексеевич / KOMKOV Alexander Alekseevich	Кандидат технических наук, доцент, технический директор ООО «Крейд плюс» / Candidate of Science (Technology), associate professor, technical director of SLL «Crade plus».
КУЛЕШОВА Тамилла Адалятовна / KULESHOVA Tamilla Adalyatovna	Аспирант кафедры английского языка, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы / Postgraduate student, department of the English language, Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla. E-mail: tamka2004@mail.ru
ЛЕТАВИН Михаил Иванович / LETAVIN Michail Ivanovich	Доктор физико-математических наук, профессор кафедры информационной безопасности, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Physics and Mathematics), professor, department of Information Security, Cherepovets state university. E-mail: mil@hotmail.ru
ЛУКИН Сергей Владимирович / LUKIN Sergey Vladimirovich	Кандидат технических наук, профессор кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), professor, department of heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: s.v.luk@yandex.ru

МАГРУПОВА Зульфия Мазгаровна / MAGRUPOVA Zulfiya Mazgarovna	Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Economics), professor, head of the department of Economics, Cherepovets state university. E-mail: economica@chsu.ru
МАКЕЕВА Ирина Александровна / MAKEEVA Irina Alexandrovna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной педагогики, Вологодский государственный педагогический университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of social work and social Pedagogy, Vologda state pedagogical university. E-mail: irinadarina4@yandex.ru
МАЛЫШЕВА Евгения Юрьевна / MALYSHEVA Eugenia Yurievna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Psychology), associate professor, department of Psychology, Cherepovets state university. E-mail: psychology@chsu.ru
МАЛЫШЕВА Екатерина Валерьевна / MALYSHEVA Ekaterina Valerievna	Аспирант кафедры теоретической лингвистики, рекламы и коммуникативных технологий, Тверской государственный университет / Postgraduate student, department of theoretical linguistics, advertising and communicative technology, Tver state university. E-mail: ekkmal@bk.ru
МАЛЫЦЕВА Елена Сергеевна / MALTSEVA Elena Sergeevna	Кандидат экономических наук, доцент кафедры теории хозяйства и управление человеческими ресурсами, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орловский филиал / Candidate of Science (Economics), associate professor, department of theory of economy and human resource management, Russian Presidential Academy of National Economy and Government Service (Orel region). E-mail: Maltsevsl@mail.ru
МАРАЛОВ Владимир Георгиевич / MARALOV Vladimir Georgievich	Доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Psychology), professor, department of Psychology, director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Cherepovets state university. E-mail: maralovvg@chsu.ru
МОЛОДОВ Олег Борисович / MOLODOV Oleg Borisovich	Кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Вологодский филиал) / Candidate of Science (History), associate professor, department of social sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Government Service (Vologda branch). E-mail: o_young8172@mail.ru
НИЗОВЦЕВА Мария Борисовна / NIZOVTSEVA Maria Borisovna	Аспирант кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Russian philology and applied communications, Cherepovets state university. E-mail: mariosel@rambler.ru
НИФОНТОВА Ольга Валерьевна / NIFONTOVA Olga Valerievna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Psychology), associate professor, department of Psychology, Cherepovets state university. E-mail: novale@inbox.ru
ОСИПОВ Сергей Юрьевич / OSIPOV Sergey Yurievich	Кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента, Тверской государственный технический университет, докторант Череповецкого государственного университета / Candidate of Sciences (Technology), associate professor, department of Management, Tver state technical university, Doctoral Candidate, Cherepovets state university. E-mail: osipov-seregejj@rambler.ru
ОСИПОВ Юрий Романович / OSIPOV Yuriy Romanovich	Доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры теории и проектирования машин и механизмов, Вологодский государственный технический университет (г. Вологда) / Doctor of Science (Technology), Honoured Scientist of the Russian Federation, Professor, department of theory and design of machines and mechanisms, Vologda state technical university (Vologda). E-mail: iur.osipov2012@yandex.ru
ПЕРМЯКОВА Ольга Сергеевна / PERMYAKOVA Olga Sergeevna	Аспирант кафедры иностранных языков, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, преподаватель кафедры иностранных

	языков, Марийский государственный технический университет / Postgraduate student, department of foreign languages, Chuvash state university named after I.N. Ulyanov, lecturer of the department of foreign languages, Mari state technical university. E-mail: sahara2007@bk.ru
ПЕРЧЕНКО Елена Леонидовна / PERCHENKO Elena Leonidovna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Psychology), associate professor, department of Psychology, Cherepovets state university. E-mail: psychology@chsu.ru
ПОДЫМОВА Людмила Степановна / PODYMOVA Ludmila Stepanovna	Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Московский государственный педагогический университет / Doctor of Science (Pedagogy), professor, department of pedagogy and psychology of professional education, Moscow state pedagogical university. E-mail: pod_ls@mail.ru
ПОТАПОВ Николай Васильевич / POTAPOV Nikolay Vasilievich	Аспирант кафедры теории и проектирования машин и механизмов, Вологодский государственный технический университет / Postgraduate student, department of theory and design of machines and mechanisms, Vologda state technical university. E-mail: potapov_nv@mail.ru
РУДАКОВА Ирина Алексеевна / RUDAKOVA Irina Alekseevna	Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Кубанский государственный университет / Doctor of Science (Pedagogy), professor, department of Pedagogy and Psychology, Kuban state university.
СИДОРЕНКО Константин Павлович / SIDORENKO Konstantin Pavlovich	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена / Doctor of Science (Philology), professor, department of the Russian language, Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. E-mail: sidorenko274@yandex.ru
СКОРОБОГАТОВА Анна Юрьевна / SKOROBOGATOVA Anna Yurievna	Аспирант кафедры АСУ, Тверской государственный технический университет / Postgraduate student, department of Automation Control Systems, Tver state technical university. E-mail: skorobogatova-annay@yandex.ru
СОКОЛОВ Юрий Алексеевич / SOKOLOV Yury Alekseevich	Аспирант кафедры отечественной истории, Вологодский государственный педагогический университет / Postgraduate student, department of Russian history, Vologda state pedagogical university. E-mail: sokol-85@yandex.ru
СОРОКИНА Ирина Васильевна / SOROKINA Irina Vasilievna	Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Вологодский государственный технический университет / Candidate of Science (Economics), associate professor, department of Economics and Management, Vologda state technical university. E-mail: 306stroj@mail.ru
СПИРИДОНОВА Ирина Александровна / SPIRIDONOVA Irina Alexandrovna	Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет / Doctor of Science (Philology), professor, department of Russian literature and journalism, Petrozavodsk state university. E-mail: kafrl@psu.karelia.ru
ТАБУНОВ Иван Александрович / TABUNOV Ivan Alexandrovich	Аспирант кафедры психологии, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, Department of Psychology, Cherepovets state university. E-mail: tabunovivan@gmail.com
ТАЛЫХ Татьяна Николаевна / TALYKH Tatyana Nikolaevna	Аспирант кафедры педагогики, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина / Postgraduate student, department of Pedagogy, Elets state university named after I.A. Bunin. E-mail: talyh@yandex.ru
ТИТЯЕВА Гелена Вячеславовна / TITYAEVA Gelena Vyacheslavovna	Аспирант, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Сахалинский государственный университет / Postgraduate student, senior lecturer, department of theory and practice of translation, institute of Philology, Sakhalin state university. E-mail: ms.tityaeva@mail.ru

УШАКОВА Юлия Владимировна / USHAKOVA Julia Vladimirovna	Руководитель проекта «Международный лингвистический центр «ELVIEL»»/ Project leader, «International linguistic centre «ELVIEL»». E-mail: yuliy-ushakova@yandex.ru
ФЕДОТОВА Надежда Сергеевна / FEDOTOVA Nadezhda Sergeevna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of the Russian language as foreign one, Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. E-mail: nadja_f78@mail.ru
ХАРИСОВА Лилия Фанисовна / KHARISOVA Lilia Phanisovna	Соискатель, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет / Postgraduate student, senior lecturer, department of foreign languages, Bashkir state agrarian university. E-mail: liliya_harisova@mail.ru
ШАЛКИНА Анна Николаевна / SHALKINA Anna Nikolaevna	Аспирант кафедры дефектологического образования, Череповецкий государственный университет, педагог-дефектолог, Череповецкий центр психолого-медико-социального сопровождения г. Череповца Вологодской области / Postgraduate student, department of Defectology, Cherepovets state university, teacher and speech pathologist, Cherepovets center of psychological, medical and social support, Cherepovets, Vologda region. E-mail: Eisbrecher-13@yandex.ru
ШАРРИ Татьяна Германовна / SHARRI Tatyana Germanovna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of the Russian language as foreign one, Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. E-mail: sharry_t@mail.ru
ШЕСТАКОВ Николай Иванович / SHESTAKOV Nikolay Ivanovich	Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor, head of the department of heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: shestakovni@chsu.ru
ЩИПИЦИНА Лариса Юрьевна / SCHIPITSINA Larisa Yurievna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of the German Language, Northern (Arctic) Federal university named after M. V. Lomonosov. E-mail: l.shchipitsina@narfu.ru
ЯКОВЛЕВА Людмила Викторовна / YAKOVLEVA Lyudmila Victorovna	Аспирант, старший преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры, Белгородский государственный институт культуры и искусств / Postgraduate student, senior lecturer, department of theory and history of folk art culture, Belgorod state institute of culture and arts. E-mail: lyudmilayako@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском языке по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. Научные статьи принимаются в течение года и при условии положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@yandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О._научное направление статьи** (при наличии двух и более авторов указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

4. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение трех дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

5. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

6. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

7. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную его подписью и печатью организации, и справку из отдела аспирантуры, подтверждающую обучение, с указанием срока его окончания.

8. Корректур авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

9. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

10. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

162600 Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., 8, к. 302, Веселова Валентина Александровна, тел. 8(8202) 51-72-40, e-mail: vestnik-chsu@yandex.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формат страницы – А4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 5. Междустрочный интервал – полуторный. 6. Номер страницы располагается внизу справа.
<i>Объем статьи</i>	7 – 8 страниц
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	<p>Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 3. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на русском языке. 4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора пишется: <i>Научный руководитель: степень, звание, И.О. Фамилия.</i> 5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке. 6. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на английском языке. 7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке. 8. Аннотация (до 6 строк) и ключевые слова (5 – 10 слов) обычным шрифтом на русском языке. 9. Аннотация и ключевые слова обычным шрифтом на английском языке. 10. Текст статьи. 11. Список литературы – по центру обычным шрифтом. <p>Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.</p>
<i>Библиографический список</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. <p>Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: если идет указание на работу без прямого цитирования – [2], если идет отсылка к работе для сопоставления (обычно в работах историков) – [см.: 2], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на одной странице – [7, с. 22] или [5, л. 22 об.], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на двух страницах [5, с. 53–54]. Если цитата не прямая (цитируется по другому изданию) – [Цит. по: 8, с. 22].</p>

	<p>2. Для раздела «Исторические науки»: Источники и литература указываются с общей нумерацией в алфавитном порядке по первому слову или фамилии автора. Если в перечне источников и литературы указаны архивы, то далее должна следовать расшифровка. Например: ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 575. Оп. 2. Д. 7. Л. 9 об.</p> <p>Образец оформления:</p> <p style="text-align: center;">Литература (для историков – Источники и литература)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 7. 2. ГАРФ. – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 5. 3. <i>Каваками, К.</i> Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии / К. Каваками // Черные металлы. – 1988. - № 13. – С. 3 – 12. 4. <i>Масловский, М.В.</i> Современная западная теоретическая социология / М.В. Масловский. – Н. Новгород, 2005. – URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html 5. <i>Платова, Е.</i> Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты / Е. Платова // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. – М., 2003. – С. 39 – 53. 6. <i>Пропт, В.Я.</i> Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропт. – Л., 1986. 7. <i>Салахетдинов, Э.Р.</i> Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Э.Р. Салахетдинов. – М., 2008. 8. <i>Волков, Н.Д.</i> Труды и дни нашего края / Н.Д. Волков // Северное эхо. – Вологда. – 1917. – 17 января. 9. <i>Третьяков, А.В.</i> Расчет и исследование прокатных валков / А.В. Третьяков, Э.А. Гарбер, Г.Г. Давлетбаев. – М., 1976. 10. <i>Чиршева, Г.Н.</i> Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Чиршева. – Л., 1986. 11. <i>Weber, M.</i> The Rationalization of Education and Training / M. Weber // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. – N.Y., 1946. 12. <i>Cross, A.G.</i> An Anglo-Russian Medley / A.G. Cross // The Slavonic and East European Review. – 1992. – Vol. 70. – P. 708 – 721.
<p><i>Примечания и комментарии</i></p>	<p>Нумерация сносок постраничная.</p>
<p><i>Иллюстрации (схемы, диаграммы, фотографии и т.д.)</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0 или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
<p><i>Таблицы</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Таблицы (не более трех) должны быть выполнены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
<p><i>Единицы физических величин</i></p>	<p>Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.</p>
<p><i>Формулы</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Набор формул осуществляется в редакторе Math Type версии 5.2. или в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007). 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами справа в конце строки в круглых скобках. 3. Номер ставится посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 4. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста: $\begin{cases} \tau_{xy}^t(\tau) = \tau_{xz}^t(\tau) = \tau_{yz}^t(\tau) = \sigma_x^t(\tau) = 0, \\ \sigma_y^t(\tau) = \sigma_z^t(\tau) = \sigma^t(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$

<i>Сведения об авторе (авторах)</i>	<p>После статьи в таблице приводятся сведения об авторе (авторах). В 1-м столбце указывается Ф.И.О. полностью. Во 2-м столбце указывается:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ученая степень (при наличии) полностью. 2. Ученое звание (при наличии) полностью. 3. Место работы (организация, структурное подразделение, должность). 4. АСПИРАНТАМ: место работы (организация, структурное подразделение, должность) научного руководителя. 5. Контактная информация для переписки по одному из авторов: полный почтовый адрес с указанием индекса, телефон, e-mail. <p>Все сведения, кроме п. 4, приводятся на русском и английском языках.</p>
-------------------------------------	--

Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 27.06.12. Зак. 724.
Тир. 300 (1 з-д - 70). Уч.-изд. л. 23,3. Усл. п. л. 18,6.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.